

Государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»

На правах рукописи

Казаченко Оксана Васильевна

**СТРУКТУРА И СОДЕРЖАНИЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ
РУССКОГО ОБРАЗА МИРА В XXI ВЕКЕ**

Специальность 10.02.19 – Теория языка

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора филологических наук

Научный консультант –
доктор филологических наук,
профессор И. А. Бубнова

Москва 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1 ОБРАЗ МИРА КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ	17
1.1 Понятие образа мира и основные направления его исследования в гуманитарных науках	17
1.2. Образ мира и языковое сознание в психолингвистическом аспекте.....	28
1.3 Значение как основная единица образа мира	38
1.4 Индивидуальное значение и индивидуальный образ мира: специфика формирования.....	56
ГЛАВА 2 АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБРАЗА МИРА И СПЕЦИФИКА ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ ..	71
2.1 Понятие ценностей и основные направления их исследования в гуманитарных науках.....	71
2.2 Ценности в структуре образа мира.....	88
2.2.1 Ценности как константы культуры и их отражение в языковой картине мира.....	88
2.2.2 Ценности как система смысложизненных ориентаций личности	94
2.2.3 Аксиологическая сфера в структуре образа мира	99
2.3 Специфика формирования аксиологической сферы в структуре индивидуального образа мира на современном этапе	103
2.3.1 Трансформация аксиологической сферы в индивидуальном образе мира на современном этапе...	103
2.3.2 Основные факторы, опосредующие формирование аксиологической сферы как подсистемы образа мира	108
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	124
ГЛАВА 3 КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ РУССКОГО ОБРАЗА МИРА	127
3.1 Теоретическая база, методика и процедура проводимого комплексного анализа.....	127
3.1.1 Методологическая основа и понятийный аппарат.....	127
3.1.2 Методика и процедура комплексного анализа ценностей.....	130
3.2 Комплексный анализ ядра ценностей.....	153
3.2.1 Комплексный анализ имени ценности СЕМЬЯ.....	153
3.2.2 Комплексный анализ имени ценности ЛЮБОВЬ	168
3.2.3 Комплексный анализ имени ценности ДРУЖБА.....	184
3.2.4 Комплексный анализ имени ценности ДОБРОТА	199

3.2.5 Комплексный анализ имени ценности СВОБОДА	211
3.3 Комплексный анализ ближней периферии ценностей.....	227
3.3.1 Комплексный анализ имени ценности УВАЖЕНИЕ.....	227
3.3.2. Комплексный анализ имени ценности ВОЛЯ	236
3.3.3 Комплексный анализ имени ценности УСПЕХ.....	250
3.3.4 Комплексный анализ имени ценности ДЕНЬГИ.....	263
3.4. Структура и содержание аксиологической сферы как подсистемы образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке	277
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	291
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	294
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	298
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ	339
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	344
ПРИЛОЖЕНИЕ 2	Ошибка! Закладка не определена.
ПРИЛОЖЕНИЕ 3	354

ВВЕДЕНИЕ

Современная лингвистика уже давно шагнула за пределы изучения значения только как единицы языка и речи, касаясь проблем восприятия, хранения, значимости, обработки, связей слов и их смыслов в сознании отдельного индивида и лингвокультурной общности носителей языка. Это значит, что современные лингвистические исследования, используя данные, накопленные другими областями знания, вышли на новый – междисциплинарный – уровень осмысления действительности. Ценности много веков являлись объектом изучения различных научных дисциплин, не только традиционно гуманитарных, но и некоторых точных наук. Только выходя за пределы порой слишком узких рамок отдельных наук, используя достижения всей научной мысли, возможно полное познание этого сложного феномена.

Существует несколько дисциплин, ставящих задачу осмысления ценностей: философия и ее отдельный раздел аксиология, культурология, психология, литературоведение, лингвистика, – однако все они по отдельности не способны дать целостного анализа сущности ценностей и их роли в жизнедеятельности человека. Изучение этого сложнейшего феномена с позиций психолингвистики – науки, изначально имеющей интегративный характер и в силу этого использующей методы различных наук, позволяет, как нам представляется, построить модель аксиологической сферы как подсистемы образа мира, возникающей и развивающейся в различных видах деятельности человека.

Ценности настолько важны для человека, что люди будут сражаться и даже умирать за них, вне зависимости от того, насколько это представляется рациональным. Даже постановка вопроса о том, существуют ли ценности и где их следует искать, в основе своей является вопросом ценности. Важно подчеркнуть, что они существуют на разных уровнях: человека, общества, этноса и всего человечества.

При этом многие современные ученые говорят о нынешней эпохе как об эпохе переоценки ценностей, поскольку человечество после смены индустриальной и постиндустриальной парадигм, вместе с изобретением интернета, стоит перед нелегким выбором дальнейших перспектив развития, которые не только обеспечат существование, но и дадут фундаментальные основания для стабильного прогресса.

С целью борьбы с глобальными кризисами и устранения угроз человечеству придется выработать новую систему этических императивов, выражающихся в ценностях, что позволит преодолеть цивилизационный коллапс и выйти на следующий

уровень, а возможно, и на новый тип цивилизационного развития. А поскольку этот шаг потребует не только пересмотра потребительско-ресурсного отношения к природе и социуму, но и иных духовных основ, то понятно, что такой переход априори не может быть легким и безболезненным. В этой связи неслучайным представляется частое обращение к идеям ноосферы и неогенеза В. И. Вернадского и Т. де Шардена. По мнению многих современных ученых, «кризис открывает “второе дыхание” социальной истории человечества, меняет общую картину мира и по своим результатам превзойдет все предшествующие разломы, сдвиги и перемены прошлого, включая ушедший XX век» [Толстых 2009: 27].

Антропологическая парадигма, которая ознаменовала развитие фундаментальной науки в XXI веке, основывается на человеке как субъекте и объекте исследования, так как он – «великая, вечная и универсальная проблема» [Ананьев 2001: 17]. Человек выступает объектом, так как является носителем сознания, представителем определенного лингвокультурного сообщества, вбирающим и присваивающим его культуру и язык. При этом он остается также и субъектом, «сплетающим внутри себя» и «вплетающим себя» (по В. фон Гумбольдту) в язык и культуру, поскольку постоянно находится в процессе общения. Из положения о «конститутивном характере языка для человека следуют два принципиальных методологических требования: 1) познание человека неполно и даже невозможно без изучения языка; 2) понять природу языка и объяснить ее можно, лишь исходя из человека и его мира» [Постовалова 1988: 8]. Таким образом, изучение различных феноменов, связанных с человеком, возможно в том числе посредством языка и образа мира.

Ценности помогают людям упорядочивать, понимать и объяснять реальность. Они существуют как на сознательном, так и на бессознательном уровне человеческого познания, вследствие чего сущность человека лучше всего улавливается через понимание его ценностей.

Новые направления и подходы современной лингвистики акцентируют внимание на одном из многочисленных видов деятельности человека, на наш взгляд, особенно важном – речевой деятельности. Homo Loquens – человек говорящий – предстаёт как объект и субъект «языка, культуры, лингвокультуры, сообщества, коммуникации» [(Нео)психоллингвистика 2017: 15].

В обыденном сознании под ценностями обычно понимаются предметы, обладающие полезностью для человека, а в лингвистике и философии этот феномен

отличается большей абстрактностью и близок по своей семантике к понятиям «значение» и «смысл».

Важно подчеркнуть, что в форме идеальной сущности ценности недоступны ни непосредственному восприятию, ни объективному отражению, однако лингвистика располагает инструментом в форме слова, обладающего значением, за которым обнаруживается смысл. Таким образом, изучая значения слов и закрепленные за ними смыслы, возможно «заглянуть» в сознание человека и выявить представления, стоящие за словами, обозначающими ценности.

Слова, номинирующие абстрактные, но значимые для человека сущности, входящие в аксиологическую сферу как подсистему индивидуального образа мира, обозначаются в работе как *имена ценностей*, по аналогии с терминами Р. М. Фрумкиной «имена цвета» [Фрумкина 1983: 47] и Л. О. Чернейко «абстрактные имена» [Чернейко 1997]. Введение термина «имена ценностей» обусловлено необходимостью зафиксировать особый статус аксиологической сферы в образе мира.

Ценности относятся к сложным явлениям, задающим вектор развития отдельного человека, конкретного этноса и всего человечества, поэтому систему ценностей можно рассматривать и как необходимое условие формирования образа мира, и как его ядерный компонент, детерминирующий деятельность личности. Через всестороннее изучение человека, его картины и образа мира обнажаются «фундаментальные основы бытия, принципы его познания и основополагающие ценности, которыми руководствуются человек и человечество» [Современные философские проблемы 2007: 10]. При этом формирование определенного образа мира, языкового сознания и языковой личности, как нам представляется, активно конструируется средствами языка, обладающими силой прагматического воздействия на его носителей. Таким образом, изучение имен ценностей и фиксация их значений на современном этапе важны для дальнейшего развития общества и этноса в целом, позволяют прогнозировать направление их развития.

Использование психолингвистического подхода к исследованию ценностей определяется и целым рядом внешних факторов, влияющих в настоящий момент на систему смысложизненных мотивов и, соответственно, на становление и развитие системы ценностей отдельного человека как члена современного российского социума. Среди указанных факторов важнейшими являются следующие:

– смена социального строя, или так называемый «цивилизационный слом» (по В. С. Степину, В. И. Толстых), непосредственно связанный с распадом СССР и вовлечением страны во всеобщий процесс глобализации;

– нестабильность политической, социокультурной, экономической областей, обусловленная структурными изменениями, произошедшими в мировом масштабе;

– идущая переоценка роли человека и его жизнедеятельности как на микро-, так и на макроуровне, поиск новых траекторий развития, наиболее ярко отражающийся, с одной стороны, в набирающем силу течении трансгуманизма, а с другой – в утрате некоторых ценностных императивов и норм, обуславливающих гармоничное существование этноса. Именно этими процессами объясняются изменения смыслового содержания понятия «гуманизм» как основополагающей характеристики цивилизованного мира, исчезновение из списка ценных качеств человека таких его характеристик, как порядочность, совесть, честь и некоторые другие;

– набирающая силу цифровизация всех сфер жизни, изменяющая баланс естественного и искусственного миров, в ходе которой человек становится частью виртуального пространства, заменяющего ему окружающую действительность.

В совокупности все эти факторы опосредованно определяют содержание образа мира личности, формирующегося под воздействием ее ведущих мотивов в процессе жизнедеятельности. При этом важно подчеркнуть, что не только главным, но единственным средством, позволяющим человеку отражать в сознании и осознавать окружающую его реальность и свою самость, является язык, высокий манипуляционный потенциал которого активно используется различными социальными институтами в разных типах дискурсивных практик.

Теоретическую основу исследования составили культурно-историческая концепция Л. С. Выготского, теория деятельности А. Н. Леонтьева, интерфейсная теория значения слова А. А. Залевской, а также основные положения (нео)психолингвистики и (психо)лингвокультурологии (И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева).

Таким образом, **актуальность** исследования определяется:

1) повышенным интересом к ценностям как созидательным ориентирам, не только влияющим на образ мира человека, но и детерминирующим его миропонимание, поведение и жизненные цели;

2) необходимостью разработки интегративного подхода к исследованию аксиологической сферы личности как компонента ее образа мира, принципов моделирования ее структуры и исследования ее содержания;

3) высокой общественной значимостью проблемы ценностей как фундамента, определяющего дальнейшие пути развития страны.

Политическая, экономическая и социокультурная модернизация, происходящая в новом тысячелетии, стала отправной точкой переоценки всей жизнедеятельности человека как на микро-, так и на макроуровне. Эти процессы, а также их последствия и значимость пока научно не исследованы. Кроме того, наблюдается заметный недостаток комплексного анализа имен ценностей.

В качестве **объекта исследования** выступает структура аксиологической сферы как подсистемы образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке.

Предметом исследования в диссертации является специфика структуры и динамика содержания аксиологической сферы современного носителя русского языка и культуры.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что аксиологическая сфера представляет собой нежесткую структуру, элементы которой, находясь между собой в сложных связях пересечения и соподчинения, под воздействием внутренних и внешних факторов изменяют содержание и саму структуру ценностного пространства, что обуславливает динамику образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке в целом.

Данная гипотеза предопределяет **цель исследования**, которая состоит в *моделировании* структуры аксиологической сферы и выявлении содержания входящих в нее ценностей, составляющих аксиологическую сферу как подсистему образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке в динамике.

Поставленная цель предполагает решение следующих конкретных **задач**:

1) определить содержание понятия образа мира в ряду смежных лингвистических понятий, выделить отличия в подходах к его исследованию в психолингвистической парадигме и сформировать теоретико-методологическую базу и понятийный аппарат исследования;

2) на основе психолингвистического подхода обосновать сущность аксиологической сферы;

3) выявить характеристики и специфику формирования аксиологической сферы;

4) экспериментально установить структуру аксиологической сферы образа мира носителей русского языка и культуры в XXI веке;

5) провести комплексный анализ содержания ядра и ближней периферии структуры аксиологической сферы образа мира носителей русского языка и культуры в XXI веке, выявить динамику содержания ее компонентов;

6) представить модель структуры аксиологической сферы как подсистемы образа мира носителей русского языка и культуры в XXI веке.

Научная новизна полученных результатов определяется интегративным подходом к изучению аксиологической сферы и заключается в:

- представленной в работе многомерной модели аксиологической сферы как важнейшей подсистемы образа мира современного носителя русского языка и культуры, состоящей из ядра и периферии. Ядро устойчиво и сформировано жизненно важными для человека ценностями; его элементы тесно связаны между собой. Периферия представлена менее значимыми ценностями, обладающими диффузной структурой;

- экспериментально подтвержденном положении о взаимозависимости содержания имен ценностей как элементов аксиологической сферы, где стабильное ядро представлено четырьмя элементами, ассоциативно определяющими друг друга; по мере движения от ближней к дальней периферии связи между элементами аксиологической сферы ослабевают и не играют значительной роли в формировании моделей поведения;

- предложенной комплексной методике анализа аксиологической сферы носителя языка и культуры, включающей методики гуманитарных дисциплин: лингвистики, психолингвистики, психологии и лингвосоциопсихологии;

- выделении функций, которые выполняет образа мира в сознании человека;

- применении автоматизированной системы обработки текстовых данных при помощи программного обеспечения *Statistica*, позволившего не только выявлять количественные данные, но и учитывать в процессе обработки качественные данные;

- построении нежесткой иерархии ценностей, присущей носителям русского языка и культуры в XXI веке.

Теоретическая значимость проведённого исследования определяется вкладом в развитие психолингвистической теории значения слова: выявлены основные факторы, определяющие сдвиги в смысловом содержании слов, обозначающих ценности, в индивидуальном сознании; установлена степень влияния изменений в структуре аксиологической сферы на содержание образа мира личности в целом; выявлена иерархия системы ценностей и смысловое содержание ее компонентов в сознании

представителей разных поколений носителей русского языка и культуры; определены основные тенденции развития компонентов иерархии ценностей в обобщенном образе мира российского общества в современных условиях.

Практическая ценность исследования связана с возможностью использования полученных результатов в воспитательных целях, так как применение знаний о факторах, определяющих сдвиги в содержании слов-ценностей и, таким образом, отражающих изменения образа мира носителя культуры, позволяет предотвратить исчезновение национально-культурной специфики мировосприятия.

Полученные результаты могут использоваться в практике вузовского преподавания родного и иностранных языков, при разработке таких теоретических дисциплин, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, теория и практика перевода, межкультурная коммуникация. Результаты работы могут быть применены при составлении словарей, фиксирующих семантические сдвиги в значениях слов, выражающих ценности русской культуры. Материалы исследования могут использоваться при разработке различных типов учебных пособий и справочников по межкультурной коммуникации, аксиологической лингвистике, этно- и психолингвистике, лингвистике дискурса и лингвокультурологии. Выводы исследования могут быть применены в научно-исследовательской работе студентов, магистрантов и аспирантов при написании курсовых, выпускных квалификационных и диссертационных работ.

Положения диссертации могут быть использованы как дополнительные средства при определении национальной политики в вопросах ценностной ориентации общества.

Методология и методика проведенного исследования

Теоретико-методологической основой исследования послужили:

1) подход к сознанию как высшему уровню отражения действительности, развитый в философии, психологии и психолингвистике (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Ю. А. Сорокин, А. Г. Спиркин, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов);

2) сложившиеся в рамках разных наук теории ценности: в философии (Н. А. Бердяев, О. Г. Дробницкий, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, В. П. Тугаринов), в психологии (Ф. Клакхон, Д. А. Леонтьев, М. Рокич, Ф. Стробек, Ш. Шварц, Э. Шпрангер), в лингвистике (Л. Г. Викулова, В. И. Карасик, Е. Ф. Серебрянникова);

3) теоретические подходы к пониманию феномена культуры как набора и иерархии ценностей этноса (Г. Д. Гачев, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев);

4) основные положения теории деятельности:

- о сознании как высшей форме психического отражения, обладающей сложной структурой и системным строением, включающим чувственную ткань, значение и личностный смысл;

- о примате деятельности над сознанием, свидетельствующем о том, что сознание функционирует и развивается только в деятельности, то есть образ мира опосредован языком и речевой деятельностью человека;

- о слове как основной единице отражения реального мира в сознании, репрезентированной в языке и речи;

- о поведении как неотъемлемой части сознания (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн);

5) развитые в психолингвистике представления:

- о связи «личность – язык – образ мира», где личность соотносится со структурой и функциями речевой деятельности, а также с языком как главной составляющей образа мира человека (Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, А. А. Залевская, В. В. Колесов, В. И. Постовалова, Б. А. Серебренников);

- об образе мира как целостном образовании, отражающем и определяющем взаимосвязи человека с миром и другими людьми, номинированные в значениях родного языка (А. Н. Леонтьев, Б. Я. Ломов, С. Д. Смирнов).

Теоретической основой работы стали также исследования, выполненные в рамках:

- лексической семантики (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин);

- психологии (Б. Г. Ананьев, Е. Ю. Артемьева, Л. С. Выготский, Т. М. Дридзе, И. А. Зимняя, В. П. Зинченко, Н. И. Жинкин, А. Н. Леонтьев, Д. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, В. Ф. Петренко, А. В. Серый, С. Д. Смирнов);

- психолингвистики (Е. В. Бабаева, И. А. Бубнова, Т. А. Гридина, И. Н. Горелов, А. А. Залевская, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, А. П. Клименко, В. В. Красных, А. А. Леонтьев, Е. Ю. Мягкова, А. И. Новиков, З. Д. Попова, В. П. Серкин, Ю. А. Сорокин, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, Т. Н. Ушакова, Н. В. Уфимцева).

В работе мы также опирались на положение о связи культуры и ценностей (Г. Д. Гачев, В. фон Гумбольдт, М. С. Каган, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, П. А. Сорокин, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, А. Д. Шмелев, С. Kluckhohn, V. Grulich, R. Inglehart, T. Parsons, M. Rokeach, Sh. Schwartz, R. M. Williams).

Для реализации задач исследования и достижения поставленной цели потребовалась разработка комплексной методики, включающей следующие методы:

- 1) **опрос** респондентов, предполагающий составление человеком личного списка ценностей, которые являются наиболее значимыми в его жизни, в результате чего была определена номенклатура наиболее часто упоминаемых ценностей;
- 2) **ранжирование ценностей** респондентами с целью составления иерархии ценностей современных носителей русского языка и культуры;
- 3) **метод семного анализа** словарных определений *с авторской модификацией* с целью нахождения лексикографического (кодифицированного) значения слова в толковых и энциклопедических словарях;
- 4) **сопоставительный метод** анализа реакций, представленных в словарях, для определения ядра и периферии ассоциативного значения имен ценностей;
- 5) **свободный ассоциативный эксперимент**, основной задачей которого является определение ядра и периферии психологически реального значения слов в образе мира человека;
- 6) **метод интенционального анализа литературных произведений** (по Т. М. Дридзе), направленный на выделение предикаций разных порядков для того, чтобы выявить те языковые средства, которые формируют представление о ценности.

Материал исследования составили данные опроса респондентов, целью которого было определение номенклатуры ценностей носителей русского языка и культуры. В опросе участвовали 84 респондента. В результате получено 677 ответов, что позволило сформировать список из 20 слов. Далее изучались определения имен ценностей в 22 толковых и 9 ассоциативных словарях. К сравнению привлекались экспериментальные данные, полученные в ходе трех серий свободных ассоциативных экспериментов, в которых приняли участие 444 испытуемых. Общее количество проанализированных реакций составило 33080. При ранжировании было получено 8877 оценок респондентов. Общее число опрошенных – 408. На заключительном этапе исследования проводился опрос с целью выявления специфики формирования имен ценностей с использованием литературных произведений, которые иллюстрируют какую-либо ценность. Далее на основании опроса осуществлялся интенциональный анализ наиболее частотных литературных произведений. Общее количество полученных ответов на 20 имен ценностей составило 7116 (в диссертацию вошел 3661 ответ). Гендерный фактор в процессе исследования не учитывался.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту:

В качестве психолингвистического феномена образ мира представляет собой глубинный уровень отражения объективной действительности, формирующийся не только на когнитивных, но и на аффективно-аксиологических основаниях, что определяет как его этническое своеобразие, так и вариативность в содержании образа мира на индивидуальном либо групповом уровнях. Языковое сознание находится в соподчинительной связи с образом мира.

С позиции психолингвистики аксиологическая сфера является подсистемой образа мира и представляет собой нежесткую структуру, элементы которой имеют понятийно-образное содержание и находятся в сложных взаимосвязях между собой и с другими сферами образа мира. Составляющими аксиологическую сферу элементами являются имена ценностей, которые в сознании каждой личности отражают познанную ею реальность во всем многообразии аффективных, когнитивных и деятельностных связей.

Специфика формирования аксиологической сферы определяется такими факторами, как возрастной, социокультурный, воспитательно-образовательный, экономико-политический, информационно-идеологический, гендерный, историко-цивилизационный, которые в совокупности обуславливают национально-специфический характер образа мира и способны трансформировать содержание и структуру ценностей изначально на групповом, а затем и на этническом уровне.

Аксиологическая сфера как подсистема русского образа мира на современном этапе представлена системой имен ценностей, иерархически связанных друг с другом. Совпадения наблюдаются преимущественно в ядре ценностей, которое формирует аксиологическую сферу русского образа мира в XXI веке, остальные зоны подвержены флуктуациям. Плотное ядро сформировано из следующих компонентов: *семья, любовь, дружба, доброта и свобода*. Зону ближней периферии составили десять ценностей: *честность, уважение, мир, справедливость, воля, труд, успех, деньги, культура и равенство*. К зоне дальней периферии относятся такие элементы иерархии, как *родина, толерантность, патриотизм, коллективизм и религиозность*.

Объединяясь в триады или диады, имена ценностей взаимообуславливают смысловое содержание друг друга. Ядро аксиологической сферы стабильно, включает в себя диаду *семья – любовь* и близкую ей диаду *дружба – доброта*, причем содержание входящих в него элементов пересекается между собой.

В ближней периферии выделяются следующие взаимосвязанные диады имен ценностей: *свобода – воля* и *честность – справедливость*. Наиболее значимые изменения

происходят в ближней периферии в триаде *труд – успех – деньги*, где *труд* и *успех* ассоциативно определяются посредством друг друга. В структуре имени ценности *деньги* наиболее значимыми элементами оказываются *свобода* и *успех*, а связь *денег* и *труда* утрачивается. Таким образом, наблюдаются сдвиги в смысловом наполнении сопряженных имен ценностей, затрагивающих всю аксиологическую сферу образа мира. Этот процесс ярко проявляется на периферии структуры аксиологической сферы, составляющей 60–70% от общего объема исследованных имен ценностей, где входящие в нее элементы практически не связаны между собой.

Аксиологическая сфера русского образа мира представляет собой совокупность элементов, достаточно жестко объединенных в диады в ее ядре и в триады – в ближайшей периферии. Пограничным элементом, маркирующим переход от компактного ядра и тесно связанной с ним ближайшей периферии, является ценность *свобода*. В дальней периферии связи резко ослабевают, а наполняющие ее имена ценностей структурированы неоднородными элементами и практически не представлены в структурах других имен.

Выявленная динамика содержания ближней периферии аксиологической сферы показывает, что изменения в одном из элементов ее структуры, выражающиеся в перемещении компонентов, составляющих смысловое содержание данной ценности, влечет за собой перестройку компонентов в сопряженном с ним элементе. Нарастание таких процессов под воздействием внутренних и внешних факторов ведет к изменению содержания и самой структуры ценностного пространства, что в итоге обуславливает динамику образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке в целом. В языке эти процессы проявляются в изменении компонентов значений и их связей в словах, обозначающих ценности.

Достоверность результатов обеспечивается фундаментальной основой исследования, репрезентативностью и объемом проанализированного материала (677 ответов в опросе респондентов на определение списка лично значимых ценностей, определения 20 лексем в 22 толковых и 9 ассоциативных словарях, 33080 реакций респондентов разного возраста (от 15 до 80 лет) в ассоциативном эксперименте, 7116 литературных произведений, репрезентирующих ценности, отобранных по результатам предварительно проведенного опроса), комплексным анализом аксиологической сферы образа мира в XXI веке, проведенным по разработанной авторской методике.

Апробация результатов диссертационного исследования проходила в форме докладов на научных и научно-практических конференциях различных уровней, включая: XIII международную научную конференцию «Виноградовские чтения»

(Москва, 2014), X международную научную конференцию «Общество – Язык – Культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке» (Москва, 2014), X Республиканскую научно-практическую конференцию «Профессиональное иноязычное образование: проблемы и перспективы» (Брест, 2015), Международную научную конференцию «Диалог языков, культур, литератур в профессионально-ориентированном и филологических аспектах» (Москва, 2015), I международную научную конференцию «Межкультурное общение: контакты и конфликты» (Москва, 2015), XVI международную научную конференцию «Виноградовские чтения» (Москва, 2015), XI Республиканскую научно-практическую конференцию «Профессиональное иноязычное образование: проблемы и перспективы» (Брест, 2016), XVIII международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации «Теория речевой деятельности: практики и эксперимент» (Москва, 2016), международную научно-практическую конференцию «Финансово-аналитические и технологические аспекты развития экономики» (Ставрополь, 2016), международный научный семинар «Языковые процессы в эпоху глобализации» (Москва, 2016), VI международную научную конференцию «Жизнь языка в культуре и социуме» (Москва, 2017), V международную конференцию «Фараби элемі» (Алматы, 2017), международную научную конференцию «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления» (Екатеринбург, 2018), XV международную научную конференцию «Виноградовские чтения» (Москва, 2018), международную научную конференцию «Учимся понимать Россию: политическая и массмедийная коммуникация» (Екатеринбург, 2018), международную научно-практическую конференцию «Новая культура коммуникаций в условиях цифровой и социокультурной глобализации: право, медиа и национальная идентичность» (Москва, 2018), Всероссийскую научную конференцию «Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности» (Екатеринбург, 2018), международную научно-практическую конференцию «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2019), IV международную научно-практическую конференцию «Фирсовские чтения: Язык в современных дискурсивных практиках» (Москва, 2019), V Всероссийскую научную конференцию «Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка» (Воронеж, 2019), международную научную конференцию «Лингвистика креатива: тенденции и перспективы развития нового научного направления» (Екатеринбург, 2020), международную научно-практическую конференцию «Феномен патриотизма в трансструктурном коммуникационном поле»

(Нижний Новгород, 2020), VIII Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием «Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика» (Москва, 2021), V международный научно-образовательный форум «Языковая политика и лингвистическая безопасность» (Москва, 2021).

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры зарубежной филологии Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (2021 г.).

Ход работы над диссертационным исследованием, его материалы и результаты отражены в 47 опубликованных автором работах, в числе которых одна монография, 2 статьи в изданиях, индексируемых в международных наукометрических базах Web of Science и Scopus, и 16 статей в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем опубликованного материала составляет 33,45 п.л.

Структура и объем диссертации. Структура работы определяется целью и поставленными задачами, а также спецификой объекта и предмета исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, списка использованных словарей, списка сокращений словарей, списка художественной литературы и трех приложений. Общий объем работы – 399 страниц.

В *первой главе* работы рассмотрены специфика изучения образа мира в гуманитарных науках, его содержательное пространство, описаны смежные понятия, определена основная единица изучаемого феномена – значение – и выявлены особенности формирования индивидуального значения в индивидуальном образе мира.

Во *второй главе* описаны основные направления изучения ценностей в разных областях науки, рассмотрены связи ценностей и констант культуры в их отражении в языковой картине мира, проанализированы личностные ценности как смысложизненные императивы, выявлена специфика аксиологической сферы как подсистемы образа мира, показаны тенденции трансформации, а также факторы, влияющие на модификацию и изменение ценностной среды.

Третья глава работы посвящена обоснованию комплексной методики изучения аксиологической сферы, определён список ценностей носителей русского языка и культуры на современном этапе, составлена иерархия ценностей, описаны психологически реальные значения в языковом сознании, выявлены средства формирования значения имен ценностей.

ГЛАВА 1

ОБРАЗ МИРА КАК ОБЪЕКТ

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

1.1 Понятие образа мира и основные направления его исследования в гуманитарных науках

Понятие «образ мира» (далее – ОМ) часто встречается в научных исследованиях разных направлений гуманитаристики. Оно используется исследователями в области философии, педагогики, культурологии, психолингвистики, но его содержание, структура и специфика зачастую зависят не только от отрасли знания, но и от конкретных концепций ученых, занимающихся данной проблематикой. При этом современная научная парадигма отказалась от жестких рамок построения понятий-конструктов в пределах одной дисциплины, что, безусловно, расширило возможности ученых рассматривать объекты исследования в меж- и трансдисциплинарном ракурсах.

В разное время ОМ описывался как определенное «видение» окружающей действительности, и синонимично с ним употреблялись другие понятия, такие как *картина мира* [Гуревич 1984; Даниленко 2017; Зимняя 2008; Иванов 2004; Раджабов 2011; Ромащенко 2000; Постовалова 1988; Красиков 2014], *модель мира* [Гуревич 1984; Иванов, Топоров 1965; Цивьян 2006], *видение мира* [Гуревич 1984], *жизненный мир* [Василюк 1984], *образ мироздания* [Леонтьев 2003], *схема реальности, модель универсума, когнитивная карта, языковое сознание, мировидение, представление мира* [Петухов 1984], *представление о мире* [Высочина 1983], *реконструкция мира* [Клевцова 2012], *репрезентация мира* [Дейк 2015] и некоторые другие. Многие понятия из приведенного списка, на наш взгляд, гораздо уже понятия *образ мира*.

Поскольку ОМ представляет собой обобщенное отражение знаний, опыта человека и его поведения во взаимодействии с окружающей средой, то для номинации единиц отражения в разных концепциях использовались также другие термины: *когнитивные карты пространства* [Özesmi Özesmi 2004; Tolman 1948], *когнитивная схема* [Найсер 1981], *ментальная репрезентация* [Johnson-Laird 2004], *метафора* [Plantinga 1987], *ориентировочная основа действия* [Гальперин 1966], *ментальная модель* [Craik 1943; Jones et al. 2011; Дорохов, Гусев 2019], *отраженный мир* (a projected world) [Jackendoff 1983].

Изучение ОМ, по существу, связано с проблемами категорий сознания, восходящих к трудам И. Канта, суть которых состоит в том, каким образом и где происходит упорядочение опыта взаимодействия субъекта с миром. Эту систему накопленных знаний ученые продолжают исследовать и в XXI веке, причем не только в лингвистике, философии и психологии, но также и в других гуманитарных и естественных науках, однако как феномен она существовала с древнейших времен.

ОМ в самом общем определении есть отражение объективного мира со всей сложностью его связей в сознании человека, служащий ему для категоризации и структурирования действительности, поскольку в ином случае разрозненные фрагменты реальности не складывались бы в систему человеческого опыта.

ОМ зачастую связывают с «картиной мира», описанной впервые в физике Г. Герцем при трактовке физической картины мира (далее – КМ), при этом исследования ученого были посвящены изучению скорее «модели мира», поскольку научную теоретическую направленность того времени составляло кибернетическое представление о строении действительности. Несколько позже структурная лингвистика стремилась описывать язык в «системном и операциональном аспекте» [Цивьян 2006: 5], сравнивая человека (наряду с автоматом и животным) – с устройством, мир – со средой, а восприятие и отражение – с дешифровкой [Иванов, Топоров 1965]. Предпринимались попытки составить типологию мира на основе бинарных оппозиций (Н. Бор, В. Гейзенберг, Ю. М. Лотман, К. Леви-Стросс, В. П. Руднев), таких как *правый – левый, верх – низ, близкий – далёкий* (категории времени и пространства), *счастье – несчастье, жизнь – смерть* и так далее. С конца 90-х годов XX века акцент сместился на ненаучные КМ, к числу которых относятся художественная, церковно-религиозная, наивная, мифологическая, эстетическая, нравственная, этическая, эпическая КМ, изучаемые в синхронии. В рамках Московской семантической школы при составлении толковых словарей большая роль отводилась наивной КМ, поскольку именно наивная, а не научная КМ позволяет давать определения лексикографических статей наиболее понятным метаязыком, учитывая при этом национальную специфику описываемых единиц (Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, А. В. Санников). В дальнейшем стали появляться исследования КМ, основанные на диахроническом принципе (А. Я. Гуревич, К. В. Ярцева, Н. Г. Ипатова, Е. В. Урысон). Идеи В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни дали начало антропологической лингвистике, которая зиждилась на двух принципах: если познание человека осуществляется на основе его языка, то понять сущность языка возможно, только принимая во внимание

человека и его мир. С введением антропологического принципа в науке стали изучаться КМ и ОМ отдельной личности в их многообразии и системности.

Вопрос о множественности типов ОМ и КМ, в зависимости от их субъекта, также неоднократно поднимался в лингвистической науке. Количество таких типов признается равным количеству наблюдателей, взаимодействующих с миром, поэтому субъектом ОМ и КМ может выступать отдельный человек, группа людей, отдельный народ и человечество в целом [Роль человеческого фактора 1988: 32]. Таким образом, соотношение личностного и общественного становится важным аспектом рассмотрения человеческого сознания, поскольку индивид обладает как специфическими (национальными) представлениями, объединяющими его с другими представителями этноса, так и индивидуальными образами, оставаясь при этом личностью [Тарасов 1993, 1996].

В связи с рассмотрением ОМ и КМ нелишним будет указать на разный их объем. Изначально А. Н. Леонтьев, который ввел термин «образ мира», синонимизирует данные понятия в своих работах, однако впоследствии приходит к выводу об их содержательном различии, поясняя, что «становление образа мира у человека есть его переход за пределы “непосредственно чувственной картинки”. Образ не картинка» [Леонтьев 1983: 261]. КМ рассматривается во многих концепциях через призму национального языка. Было проведено множество научных исследований, касающихся особенностей языковых КМ, зачастую отражающих наивные представления носителей языка о реальной действительности; профессиональных КМ, показывающих профессиональную специфику научных КМ; также было выделено множество других видов и типов, раскрывающих своеобразие жизнедеятельности человека в форме метафорических, фразеологических, политических, аксиологических КМ.

Концептуальная КМ, получившая широкое рассмотрение в последнее время в когнитивных науках, на наш взгляд, вполне соотносима с ОМ. Языковая КМ понимается как «план содержания словаря и грамматики», то есть языковая система [Касевич 1990: 12] в противопоставлении с концептуальной КМ, рассматриваемой как «план содержания некоторого множества текстов энциклопедического характера» [Там же]. В целом современные исследования выявили, что основными единицами, репрезентирующими языковые КМ, являются значения, варьирующиеся от языка к языку и потому имеющие национальную окраску. Свообразие языковой КМ проявляется в различных семантических категориях и лексико-семантических полях, имеющих особенную структуризацию в каждом отдельном языке. Концептуальная КМ

реализуется через концепты, функционирующие в качестве «ментальных единиц», и не зависит от конкретной реализации в языке. Концепты, в отличие от значений, не обязательно вербализованы. Следовательно, концептуальная КМ – образование более высокого уровня, чем языковая КМ, однако следует учитывать, что они неразрывно связаны.

Таким образом, ОМ представляется глубинным уровнем отображения объективной реальности в психике человека, который обусловлен значениями и опосредует всю деятельность и поведение человека, а языковая КМ предстает как «мир в зеркале языка» [Леонтьев 1993: 18]. Это дает основание утверждать, что языковая КМ строится на логических и когнитивных основаниях, поскольку все объекты реального мира категоризируются в сознании индивида на рациональной основе, структурируясь и означиваясь в языке, а ОМ – на когнитивно-аксиологических основаниях, вследствие важности оценки происходящего и выбора наиболее ценных аспектов познаваемого мира, принимая во внимание эмоциональный компонент.

Большой вклад в разработку рассматриваемых вопросов был сделан А. Н. Леонтьевым: теоретически переосмысливая психологию восприятия середины XX века, в 1975 году он вводит и обосновывает понятие «образ мира», которое с тех пор традиционно используется в психологии, а в дальнейшем было принято и другими научными направлениями. Основу теории А. Н. Леонтьева составляют положения о том, что мир дан человеку в четырех измерениях – длине, высоте, ширине (трехмерное пространство), времени (движении) и одном «квазиизмерении» – системе значений (смысловом поле) [Леонтьев 1983].

Важно отметить, что объективный мир, методы и способы его познания давно рассматривались разными учеными, однако данные исследования отличала фрагментарность и односторонность, то есть отсутствие изучения ОМ как *целостной* сущности. Эту позицию гештальтпсихологии и других ассоциативных теорий восприятия и критикует А. Н. Леонтьев, настаивая на том, что человек строит в своем сознании не Мир, а его Образ – через значения, которые лежат «за обликом вещей» [Леонтьев 1983: 254], выделяемых из реальности. При этом следует подчеркнуть, что ОМ есть не сумма образов отдельных явлений, он с самого начала рождается, развивается и функционирует как целое [Смирнов 1985: 144].

За время изучения феномена ОМ появилось множество определений, подчеркивающих различные его свойства и характеристики. ОМ в структурном и функциональном аспектах выступает в качестве: интегральной системы значений

человека, интегрального идеального продукта процесса сознания, плана внутренней деятельности человека, индивидуализированной культурно-исторической основы восприятия, субъективной прогностической модели будущего [Серкин 2005], «единиц общения», составляющих национально-культурную память носителей языка [Денисова 2003], системы взаимодействующих устойчивых элементов [Кофман 1997], отражения реального предметного мира человека, поддающегося его сознательной рефлексии [Дашиева 1999], универсальной формы организации знаний, управляющей познанием и поведением [Смирнов 1983]. Несмотря на обилие формулировок, исследователи сходятся в том, что ОМ социально и культурно обусловлен тем этносом, который говорит на определенном языке, то есть употребляет его систему значений и через эту призму видит мир.

Полностью разделяя мнение А. Н. Леонтьева, под ОМ мы понимаем *упорядоченную совокупность или систему знаний человека о себе, мире, других людях, которая опосредует и модифицирует любое внешнее воздействие.*

Все приведенные характеристики только подчеркивают сложность ОМ, его неоднозначность и зачастую по-разному интерпретируются в различных областях науки. Как уже упоминалось, понятие «образ мира» впервые вошло в научный обиход в психологии, и здесь оно наиболее разработано, поэтому начнем аналитический обзор подходов к ОМ в гуманитаристике именно с этой науки.

Необходимо отметить, что образ рассматривается в связи с действием, «живым движением» (по Н. А. Бернштейну), и тогда говорят о перцептивном образе, связанном с модальностью – цветом, формой, тактильностью, воспринимаемыми одним или несколькими органами чувств (В. П. Зинченко). Второе понимание связано с идеальной стороной образа (Э. В. Ильенков, Гегель, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев).

Для данного исследования подчеркнем, что изначально ОМ представляет собой не эклектику предметов и объектов, а е д и н у ю , ц е л о с т н у ю с и с т е м у (здесь и далее разрядка наша. – О. К.), то есть любой отдельный образ есть компонент целостного ОМ, и его сущность проявляется не только в выполняемой функции, но также во в з а и м о с в я з я х и в з а и м о з а в и с и м о с т я х в с е х э л е м е н т о в [Смирнов 1985]. Однако ни отдельный образ, ни тем более чувственное впечатление воспринятого явления действительности не способны направлять какое-либо законченное действие. Ориентирует не образ, а измененный под воздействием новых данных, обобщенный ОМ. Ввиду этого образ любого предмета и явления является лишь частичкой целостного феномена.

Взятый отдельно образ в обобщенном ОМ может быть рассмотрен как изолированный с большой долей абстракции, поскольку все образы связаны как с огромным количеством других объектов, так и между собой. Сами связи могут существенно различаться по своей важности / релевантности / полезности, однако именно характер связей, их взаимодействие и взаимопроникновение могут дать возможность предсказать что-либо на основе контекста, в котором отдельный образ отображен в восприятии или мышлении (что ярко проявляется в прогностической функции ОМ). Достоверность его может быть различной: от высокой (неверифицируемой и формирующей стереотипы) до низкой (перепроверяемой, а значит, осознанной, воспринимаемой сознанием).

Полагаем, что ОМ, являясь субъективной моделью объективного мира, при выполнении какой-либо задачи «высвечивает» необходимые для ее решения элементы – образы – на основании их функциональных характеристик, а не в соответствии с заданной априори жесткой структурой. Именно эта особенность легла в основание определения ОМ, данного С. Д. Смирновым, утверждающим, что ОМ представляет собой систему ожиданий человека, в которой рождается предположение о поведении объектов реального мира, позволяющее структурировать и идентифицировать отдельные чувственные впечатления [Смирнов 1981]. Эта прогностическая функция не является факультативной, а составляет неотъемлемую характеристику ОМ, то есть ОМ представляет собой, по сути, не отражение прошлого или настоящего, а прогнозирование будущего, и часто употребляющийся в психологии термин «опережающее отражение» подчеркивает именно эту черту феномена. Считается, что прогноз или предвосхищение восприятия строится с опорой на прошлый опыт человека, который влечет за собой семантическую категоризацию бывших событий. При этом восприятие запускается, находясь где-то между двумя уровнями стимуляции чувственных данных: физическим (низшим, но наиболее объективным) и семантическим (смысловым) [Асмолов 2010].

В результате какой-либо деятельности не единичный образ добавляется к целостному ОМ, а ОМ, модифицированный стимулом, обогащается новым элементом. При этом само построение ОМ есть объективация существующего у человека ОМ (или его части), и дальше происходит процесс уточнения, коррекции, встраивания новых данных в уже имеющуюся систему, который, по сути, вторичен. Мы не строим образ заново на основе наличной стимуляции и не вводим его затем в наш ОМ, не вырабатываем далее отношения к нему и не строим в соответствии с этим свою

деятельность; все обстоит как раз наоборот. Важным является утверждение о динамичности ОМ, который задает постоянный контекст для любого актуального восприятия реальности [Столин 1976: 194].

А. Н. Леонтьев, создавая концепцию ОМ, настаивал, что мир в его отдалении от субъекта амодален, а модальности появляются только в субъективных связях и взаимодействии субъекта и объекта. В связи с этим психологи признают постоянное изменение пропорций известного (ноэтического), неизвестного (аноэтического) и личностного (автоноэтического) параметров [Марцинковская и др. 2019] в ОМ. Амодальность образа проявляется в том, что по способу своего возникновения он соотносим не со стимулом, а с действием индивида в мире предметов, то есть отражение предметного мира зависит от образа действия, осуществляемого живым существом (в том числе и животным) в отношении событий среды [Ухтомский 1954]. Отметим, что в индивидуальном ОМ после первичных амодальных образов появляются эмоционально окрашенные модальные, в том числе иконические (картинные) свойства, которые А. Н. Леонтьев считал «чувственной тканью» образа. В результате этого в обобщенной системе появляются персонифицированные схемы и стратегии, что объясняет разницу траекторий действий различных людей при выполнении одинаковой задачи.

Стоит отметить, что человек замечает далеко не все, что предоставляют ему каналы ввода информации. Для того чтобы быть осознанными, то есть выйти в так называемое «светлое» поле сознания, объекты и свойства действительности должны быть не просто номинированы, но и личностно восприняты (или поняты).

«Образ мира» реализуется в двух формах существования. В качестве единого универсума в сознании человека функционирует *обобщенный ОМ*. За ним стоят значения слов в языке со смыслами, присущими членам определенного лингвокультурного сообщества. *Индивидуальный ОМ* включает коннотации и личностные смыслы значений слов, усвоенные человеком в процессе его жизнедеятельности, развития и приобретения опыта. Это деление важно в контексте нашей работы, так как оно показывает наличие в ОМ человека общепринятых значений наряду с субъективными компонентами. А. А. Леонтьев называл индивидуальный ОМ вариантом ОМ, определяя его как «индивидуально-личностное “видение” мира конкретным человеком через призму личностных смыслов (разрядка наша. – О. К.), установок и других компонентов структуры личности» [Леонтьев 1988: 105].

Отечественные психологи выделяли важные, с их точки зрения, стороны и элементы ОМ, такие как субъективизм с преобладанием эмоционального компонента

(типология жизненных миров Ф. Е. Василюка), субъективный опыт (Е. Ю. Артемьева), совокупность реализуемых субъектом деятельностей и его связь с образом жизни субъекта (В. П. Серкин), иерархичность системы смысловых образований (В. А. Болдышева), гендерная вариативность (Д. Ю. Правник), содержание человеческой психики (Н. В. Уфимцева). Общей идеей описанных теорий является признание ОМ интегральной характеристикой субъекта, в которой особое место отводится смысловому ядру личности как механизму согласования внутреннего и внешнего миров. Зарубежные концепции [Брунер 1977; Купер 2001] в основном схожи в том, что стремятся найти способы и причины структуризации перцептивных впечатлений в единый образ, их зависимость от контекста в индивидуальном ментальном опыте и мотивации личности.

Таким образом, ОМ объединяет следующие переходящие друг в друга проблемы: *психологию образа* (включавшую все виды когнитивных процессов), *психологию деятельности* (деятельность рассматривалась как системное понятие и включала все виды и типы, а также теорию сознания) и *психологию личности* (индивид-личность) [Леонтьев, Смирнов 1986]. Иными словами, в ОМ в качестве обязательных элементов входят *личность* как предмет исследования и ее *деятельность* как неотъемлемая характеристика. В контексте данного исследования важно подчеркнуть, что перцептивный образ, связанный со значением, реализуется в процессе речевой деятельности человека, поэтому образ, деятельность и личность неразрывно связаны между собой.

Умозаключения А. Н. Леонтьева предопределили дальнейшие психологические исследования, касающиеся как ОМ, так и деятельностного подхода в изучении сознания. При этом деятельность человека, у которого уже сформирован определенный объективный ОМ, меняет внешнюю действительность и ведет к развитию субъективного начала деятельности. Так С. Д. Смирнов, основывая свои выводы на общепсихологической теории деятельности, резюмирует, что «не мир образов, а образ мира регулирует и направляет деятельность человека» [Смирнов 1981: 17]. В понятии ОМ воплощена идея цельности и преемственности в зарождении, развитии и функционировании познавательной сферы личности.

Являясь принадлежностью субъекта, ОМ позволяет ему находиться во взаимосвязи с окружающим его миром. При этом мир не объективен, а субъективно преобразован. Придавая объектам значимость и формируя особый субъективный мир предметов, ОМ дает возможность нарушить гомогенность воспринимаемого мира [Артемьева 1999]. Этот выход из монотонной равнозначной среды в значимое организованное

пространство дает человеку больше возможностей ее использования, что подтверждается многочисленными математико-кибернетическими примерами.

Аналитический обзор работ, касающихся исследования ОМ в психологии (К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, Е. Ю. Артемьева, А. Г. Асмолов, Ф. Е. Василюк, В. П. Зинченко, Г. В. Колшанский, А. Н. Леонтьев, В. Ф. Петренко, В. В. Петухов, С. Л. Рубинштейн, В. П. Серкин, С. Д. Смирнов, Ю. К. Стрелков), позволяет заключить, что в данной области науки ОМ рассматривается как сложная система, обладающая рядом общих и частных характеристик. К общим, на основании определения системы А. Г. Асмолова, можно отнести целостность, структурность, взаимосвязь со средой, иерархичность, саморазвитие [Асмолов 2002], а к специфичным – амодальность, эмоционально-личностный смысл и вторичность.

Особо подчеркнем, что рассмотрение ОМ в психологии имеет ряд специфических особенностей, главными из которых являются:

- связь ОМ со стимулами (стимуляцией) и вызываемыми ими чувственными впечатлениями; изучается вклад стимулов в формирование образа объективного мира [Найсер 1981; Gibson 1966];

- связь ОМ с познанием, восприятием, воображением и мышлением [Запорожец 1966];

- деятельностная природа ОМ, поскольку сам ОМ предшествует деятельности, он инициирует, направляет и дополняет ее [Гальперин 1966; Леонтьев 1977; Зинченко 1966; Рубинштейн 2003; Эльконин 1962];

- социальная природа ОМ: в онтогенезе ОМ формируется преимущественно на основании собственной познавательной деятельности ребенка под влиянием деятельности матери, а в последствии других людей [Лисина 1966];

- глубинные структуры ОМ формируют значения.

ОМ в философии исследовался с разных ракурсов, начиная с древнейших времен. Специфика построения целостного ОМ как системы знаний (Гераклит, Демокрит, Аристотель), проблема человека и его места в мире (Кант), всестороннее развитие личности (Вольтер, Ж.-Ж. Руссо), проявление сущности человека в различных видах деятельности (Платон), познание мира (Сократ, Ф. Бэкон, Декарт), соотношение знания и мнения – вот тот общий, далеко не полный перечень тем, имеющих отношение к исследуемому нами феномену.

В целом ОМ в философии рассматривается как *мировоззрение* [Додонов 1985; Спиркин 1972; Шахов 2000], *картина мира* [Забавников 2000; Мосунов 2007; Степанова

2005], *пространство понимания* [Флоренский 1993], *миропонимание* [Волченко 2007; Горчаков 2003], *миропознание* [Свиридкина 1997].

В рамках современных социологии и литературоведения возникло новое направление – имагология, предметом которого являются образы, имиджи, стереотипы восприятия окружающего мира. Несмотря на то, что данная наука нечасто использует в своем методологическом аппарате термин «образ мира», однако именно данный феномен имеется в виду, когда изучаются обобщенные этнические представления, взаимовосприятие народов и культур, то есть разные ОМ рассматриваются в точке соприкосновения «своего» и «чужого», взаимоотношений, субъективных мнений и суждений. Наука исследует «имиджи» в качестве ментальных образований и образов, существующих в человеческом сознании, а также включенные в них представления, ориентирующие поведение.

Взяв истоки в философии, педагогика начала разрабатывать свой собственный понятийный аппарат, относящийся к понятию ОМ, с создания народных школ и классических гимназий, освобожденных в период Реформации от церковных догматов. Именно здесь поднимается вопрос об отборе и систематизации знаний для решения педагогических задач.

Включение в обучение фактов живой и неживой природы, повышенное внимание к устройству семейной и общественной сфер, а также к роли чувственных восприятий [Коменский 1982] позволили первым педагогам создать систему энциклопедических знаний о мире, с возможностью обучения и контроля.

Основываясь на идеях немецкой классической философии о творческой деятельности человека, связанной с его представлением об идеальном, и развитии сознания, начинающегося с чувственных форм и завершающегося словесными образами, педагоги пытались доказать, что обобщенные идеи находят свое воплощение в простых, и посредством познания общего через частное и наоборот происходит знакомство детей в миром, его познание и принятие ими [Фребель 1913]. Эти идеи предвосхитили деятельностный подход, который предполагает познание мира и обучение ребенка в активной деятельности.

Современная педагогика стремится дать обучаемому не только конкретные знания, но и целостное понимание мира, потому что любая образовательная деятельность должна учитывать свою роль в воздействии на сознание больших групп людей и способствовать формированию ОМ детей в соответствии с их возрастной спецификой.

Рассматриваемое в педагогических работах мировосприятие, включающее «нормы и ценности, установки, стереотипы сознания и поведения, а также социокультурно обусловленное содержание понятий (восприятие и раскрытие смыслов)» [Тарасов 1996: 7], и ментальность как предрасположенность и готовность индивида (социальной группы) «действовать, мыслить, чувствовать и воспринимать мир определенным образом» [Современная западная философия 1991: 176] представляются вполне соотносимыми с ОМ. Совокупность всех вышеперечисленных категорий образует актуальный ОМ, имеющий определенные акценты и доминанты в зависимости от возраста ребенка.

Как можно заметить, на основе жизненных наблюдений, философских, педагогических и психологических теорий наука выработала представление об ОМ как о некоей совокупности опытных знаний, базирующейся изначально на эмоциональной сфере, и знаний, которые передаются новым поколениям от их предшественников. В разные времена содержание этих знаний о мире, о человеке, об окружающей действительности было, безусловно, различно, однако большинство исследователей говорили о некой модели, картине или образе мира, которые формируются при познании объективной реальности в сознании активно действующего человека.

Следует отметить и еще одно направление, в котором изучается ОМ – литературоведение, где понятие ОМ имеет свои особенности, а именно подражание действительности, ее образное отображение и миромоделирование [Янушкевич 2014], позволяющие пересоздавать мир в форме литературного текста. В итоге создается имитация реальной жизни человека в форме литературной КМ. При этом создание образного постижения мира всегда связано не только с формой, но и с идеей времени.

В данном случае особый интерес представляют работы Г. Д. Гачева, который на основе текстов и смыслов национальной литературы воссоздал «национальный образ мира» и «национальный Космо-Психо-Логос», определяемые им как национальная целостность, имеющая триединство «местной природы (космос), характера народа (Психея), склада мышления (логос)» [Гачев 1998: 33]. Национальную образность литературы составляет соотношение следующих параметров: верх-низ, даль-ширь, земля-небо, мужское-женское, зенит-надир, Пространство-Время, иерархия четырех стихий, времен года, органов чувств, животная-растительная символика и так далее [Гачев 1999]. Параметры в большинстве своем универсальны во всех культурах, однако их соотношение и акценты составляют национальную специфику.

Таким образом, проведенный анализ научной литературы, связанной с изучением ОМ в гуманитарной парадигме, показывает, что ОМ как сложное явление привлекает внимание исследователей, работающих в самых разных сферах научного знания. Следует подчеркнуть, что в современных гуманитарных науках ОМ предстает как сложный процесс познания, презентация реальности в сознании, феномен отражения в психике, сущность, содержание и способ организации субъективной реальности и так далее.

Выявляемые различия в подходах к трактовке ОМ вполне объяснимы, так как каждая отрасль науки изучает данный феномен исходя из собственного материала исследования: психология – высших психических функций, познавательных процессов, философия – познания, сознания, личности, педагогика – знания о мире, литературоведение – образного отображения жизни в текстах.

Подчеркнем, что во всех областях знания, несмотря на различия в подходах к ОМ, упоминаются теория деятельности и наличие опыта как основы ОМ.

Основными характеристиками ОМ являются его целостность, структурность, взаимосвязь со средой, иерархичность уровней, саморазвитие, амодальность, эмоционально-личностный смысл и вторичность по отношению к объективному миру. Для диссертационного исследования существенным свойством ОМ является его системность, наличие связей и зависимости между элементами.

1.2. Образ мира и языковое сознание в психолингвистическом аспекте

Понятия «образ мира» и «языковое сознание» (далее – ЯС) на сегодняшний день являются весьма широкоупотребительными в науке о языке. Этот факт неудивителен в условиях полипарадигмальности и трансдисциплинарности современной лингвистики, которая стремится не просто описать факты языка, но и выявить сложные механизмы порождения, выбора и передачи речевых высказываний, а также изучить языковой материал на разных уровнях иерархии парадигмы лингвистического знания.

В психолингвистике предпосылками возникновения и дальнейшей разработки анализируемых феноменов стали:

1) концепция культурно-исторической (или речемыслительной) деятельности Л. С. Выготского, главной идеей которой являлось обоснование связи внутренних психических процессов человека с его социальной средой в процессе деятельности в условиях речевого общения [Выготский 2005]. Л. С. Выготский и его учитель

П. П. Блонский настаивали на том, что развитие психических функций необходимо изучать системно, выделяя их целостную единицу, при помощи которой можно измерять все изменения в психике, сопутствующие интериоризации знаний человека в процессе освоения им культуры. При этом данная единица в основном рассматривается самим Л. С. Выготским и его последователями как орудийная, а не как ценностная, коей она выступает в концепции его учителя;

2) теория деятельности А. Н. Леонтьева, в которой он утверждал, что мир предметов, накопленных обществом за многие тысячелетия своего существования, не дан индивиду изначально – иными словами, не заложен в нем биологически [Леонтьев 1977]. Для того чтобы этот мир открылся человеку, последний должен осуществлять активную деятельность по отношению не только к миру, но и ко всем явлениям, сотворенным человеком: к языку, понятиям, идеям и формам искусства. Кроме того, важным условием процесса освоения и усвоения мира является общение (как в форме совместной деятельности, так и в форме речевого взаимодействия) для «присвоения» ребенком накопленного человечеством опыта;

3) четыре аспекта языковых явлений: речевая деятельность, языковая система, языковой материал, речевая организация человека, обозначенные Л. В. Щербой [Щерба 2004];

4) изучение сознания в качестве высшего уровня отражения действительности, развитого изначально в философии. Сознание выступает отражением предметов реального мира в идеальном плане и связующим элементом между миром и языком, рассматриваемом в его триединстве (язык – речь – речевая деятельность) в процессе познания окружающего мира;

5) рассмотрение языка в двух перспективах: как процесса (Язык₁) и как продукта (Язык₂), изучаемых детально А. А. Залевской на основании идей Л. В. Щербы о языковых явлениях и В. фон Гумбольдта – о языке в форме деятельности (Energeia), а не в форме готового продукта (Ergon). Оба ракурса постоянно взаимодействуют друг с другом, что позволяет говорить об организации человеческого языка как о динамичной функциональной системе (термин П. К. Анохина), где происходит постоянный обмен между процессом переработки и упорядочивания опыта с его продуктом. Такие взаимодействия лежат в основе самоорганизующейся системы речевой организации [Залевская 2005: 32–35].

Приведенный список, безусловно, может быть продолжен, однако данные основания представляются нам базовыми.

В первом разделе главы мы рассмотрели специфику ОМ в гуманитарных дисциплинах, не касаясь филологических направлений. Психолингвистика как наука о связи языка, мышления и сознания несколько иначе рассматривает проблему отражения объективного мира в психике. В отличие от традиционной лингвистики, она сосредоточивает свое внимание не просто на обобщенной языковой КМ, а ставит во главу угла индивидуальный ОМ личности и ее ЯС. Надо отметить, что А. Н. Леонтьевым, разрабатывавшим данную проблему, было выделено два плана сознания [Леонтьев 1977]: первый понимается как внутренняя деятельность человека, а второй соотносится с отражением действительности в виде образов. Именно в последнем значении нами будет рассмотрен феномен ЯС. Данный термин был введен конце 90-х годов XX века, имеет десятки дефиниций, но до сих пор остается не вполне определенным вследствие многообразия форм проявления самого сознания.

Разные ученые под ЯС понимали различные феномены, называя его «языковым представлением» (И. А. Бодуэн де Куртенэ), «лингвистическим инстинктом» и «языковым чутьем» (Л. В. Щерба), «языковым мышлением» (А. М. Шахнарович, А. Н. Портнов, И. А. Стернин) «языковой компетентностью» (Л. В. Кирпикова, Э. М. Уленбек), «языковой интуицией», «чувством языка» (Р. Е. Левина, Е. М. Кубарева), «языковой сознательностью» (Е. В. Ухмылина), «показаниями языкового сознания» (О. И. Блинова, А. Н. Ростова), «лингвистическим сознанием» (Г. М. Костюшкина, Trevisе), «речевым сознанием» (Ю. В. Косицина, М. М. Чумакин), «языковой психикой» (Л. И. Аувяэрт), «оценкой речи» (Б. С. Шварцкопф), «языковым самосознанием» (С. Е. Никитина), «языковым подсознанием» (Е. С. Яковлева) и так далее. Однако большинство ученых использует именно термин «языковое сознание» (А. А. Белобородов, О. И. Блинова, И. А. Бубнова, Н. Д. Голев, Г. В. Ейгер, Ю. Н. Караулов, В. В. Красных, Е. С. Кубрякова, А. Н. Портнов, В. Ф. Петренко, А. Н. Ростова, Л. В. Сахарный, Ю. А. Сорокин, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, Е. Б. Трофимова, Т. Н. Ушакова, Н. В. Уфимцева).

ЯС часто ставят в один ряд с ОМ и КМ, синонимизируя его то с первым, то со вторым. ЯС приравнивается к «образу» или «модели» мира (З. Т. Бурнацева, Л. Д. Гусалова, А. А. Леонтьев, Ю. В. Красиков, Е. С. Кубрякова, А. П. Стеценко, З. А. Тотрова, Н. В. Уфимцева, Е. С. Яковлева), причем важным аспектом для многих исследователей является возможность «овнешнения», или вербализации образов сознания (Ю. И. Алферова, И. А. Бубнова, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева). Для А. А. Леонтьева язык является средоточием общения и обобщения, то есть такой

системой значений, которая опосредует ЯС и в этом отношении аналогична пониманию «образа мира» [Леонтьев 2003: 125]. Главным объектом анализа предстает лексикализованное, то есть овнешненное, содержание (Т. М. Дридзе, Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин).

В зарубежной лингвистике ЯС как отдельный феномен не выделяется, там отдается предпочтение общему термину «сознание», которое включает ЯС в качестве одного из своих элементов. Следует отметить, что такой подход не противоречит и позиции российских ученых, которые подчеркивают, что все исследования в итоге направлены на описание единого феномена – человеческого сознания. Можно предположить, что выделение ЯС в отечественной науке связано именно со спецификой развития психологической науки в нашей стране, с общепсихологической теорией деятельности, явившейся основой для создания отечественного варианта психолингвистики.

Многие авторы подчеркивают размытость смыслового содержания ЯС. Проведенный анализ определений данного феномена в научных работах позволил выделить несколько наиболее общих направлений, к которым тяготеет то или иное понимание ЯС.

Первое направление изучения ЯС связано с московской психолингвистической школой и именами Е. Ф. Тарасова и Н. В. Уфимцевой, определяющими данный феномен как сумму перцептивных и концептуальных *знаний*, выявляемых в процессе ассоциирования, при лексикализации (овнешнении) образов сознания. Они существуют в форме первичных (формируемых в процессе восприятия реальной действительности знаний личности, преимущественно в ходе речевого общения) и вторичных образов (служащих перцептивным эталоном в результате переработки перцептивных данных в предметной деятельности) [Тарасов, Уфимцева 2010; Уфимцева 2003, 2011].

Второе определение принадлежит Воронежской психолингвистической школе. Ее представители подчеркивают связь ЯС с *механизмами речевой деятельности*: порождения речи, восприятия при общении и хранения языка [Попова, Стернин 2007].

Третья точка зрения рассматривает ЯС как *форму* существования *индивидуального сознания человека*, выполняющего различные роли: социального существа, человека говорящего и обучающегося, личности [Зимняя 1993: 51].

Вслед за Е. Ф. Тарасовым, Н. В. Уфимцевой, И. А. Бубновой, В. В. Красных мы склонны считать ЯС особым компонентом сознания, вербализуемым вовне языковыми средствами в различных формах.

Некоторые ученые полагают, что сводить объект ЯС только лишь к языку не вполне правомерно, поскольку оно находит свое выражение и в других формах общественного сознания: нравственности, правовом сознании и так далее. С этим можно согласиться только в одном случае – если рассматривать сознание как категорию, то есть как целостное образование. ЯС представляется нам частью сознания, поэтому именно репрезентируемость в форме лексических единиц, наделенных в сознании индивидуальным, личностным смыслом для человека, отличает данный феномен от других, близких ему по содержанию.

Вопрос о роли языка в работе сознания решается каждым исследователем, изучающим данное проблемное поле, с точки зрения той научной парадигмы, к которой он принадлежит. Для психологов и психолингвистов, основавших теорию ЯС, была очевидна неразрывная связь этих феноменов. Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн полагали, что сознание без слова немó, а язык является необходимым условием функционирования сознания. Само сознание формируется под воздействием знаковой системы в общении и деятельности. Язык становится инструментом, обобщающим опыт взаимодействия человека со средой. При этом язык понимается не как застывшее хранилище необходимых форм для общения, а как живая динамичная система, в соответствии с опытом накапливающая различное содержание и объем усвоенных единиц. Сам язык формируется только в общении и обобщении (Л. С. Выготский), в системе значений, выводящей ЯС в мир знаков и их смыслов.

Вопрос о роли языка в языковом сознании является до сих пор дискуссионным. Так, по Л. С. Выготскому, сознание имеет языковую, речевую природу. Сознание проявляет себя вовне вербально, причем этот процесс является взаимонаправленным, то есть в принципе любое состояние нашего сознания стремится к овнешнению, так мы передаем мысль, чувство. Иметь сознание – значит обладать значениями, но не изолированными, представляющими некую абстракцию, а именно с и с т е м о й з н а ч е н и й (разрядка наша. – О. К.) [Леонтьев 1983]. Поскольку «язык овеществляет ментальное» [Гийом 1992: 71], то универсальным способом овнешнения ЯС является живое слово, имеющее идеальное содержание.

Начавшееся еще в античности обсуждение соотношения и взаимообусловленности языка и сознания / мышления рассматривалось «по оси от

полного отождествления до полного их различия» [Выготский 1956: 44] и автономности. В современной науке фокус сместился на специфику связей между обсуждаемыми феноменами, поскольку факт наличия этой связи ни у кого не вызывает сомнения. Отметим здесь, что верность направления дальнейшего изучения дихотомии «язык – сознание» была подтверждена работами А. Дамазио, который обосновал с позиции нейропсихологии разграничение двух форм сознания, названных им *ядерным* и *расширенным*. В случае с ядерным сознанием в клинических случаях мыслительные процессы сохраняются при утрате способности перевести мысль в языковую форму. Расширенное сознание, представляющее собой высший уровень, без языка невозможно [Damasio 1999].

Национально-культурная специфика ЯС подчеркивается многими исследователями на основании результатов ассоциативных экспериментов, выявляющих реальные связи в сознании носителей языка, а также при сопоставлении сходств и отличий в паремиологическом, идиоматическом фондах языков, исследовании цветообозначений, прецедентных имен, гендерной, возрастной, профессиональной специфики различных ЯС, изучении различных семантических полей и тематических групп, а также особенностей ЯС моно-, би- и полилингвов. Таким образом, исследования выявляют отличия ассоциативно-вербальных тезаурусов, отдельных образов, понятий и слов или их морфем, которые в свою очередь влияют на формирование грамматических и логических категорий языков.

Исследования ЯС в Московской психолингвистической школе основываются на трудах Е. Ф. Тарасова, который утверждал, что ЯС представляет собой «образы сознания, овнешняемые языковыми знаками» [Тарасов 1996: 10]. Ученый предпочитает термин «образы сознания» термину «значение», поскольку «образы сознания» позволяют учитывать не только осознаваемые, но и неосознаваемые знания. В сущности ЯС подчеркиваются следующие аспекты: *психологический* (В. М. Мейзерский, И. А. Стернин), *нормативно-ценностный* (В. Д. Лютикова, С. А. Ромашко), *социальный* (Ю. В. Попов), *структурный* (М. М. Гохлернер, И. А. Рапопорт, А. Н. Ростова) *философский* (Ю. А. Сорокин), *этнический* (Н. В. Уфимцева) и некоторые другие.

В целом разнообразие подходов и определений к рассматриваемому вопросу проявляется в функционировании феномена ЯС в трех относительно независимых сферах, которые создают условия для успешного взаимодействия человека в обществе: *когнитивной, коммуникативной и языковой* [Овчинникова 2010]. *Когнитивная* сфера выделяет в ЯС ментальные репрезентации в форме знаний, позволяющих человеку

ориентироваться в мире. *Коммуникативная* сфера связана с потребностью в общении как социальном взаимодействии, а также учитывает культурные и цивилизационные факторы. И, наконец, *языковая* сфера – язык этноса, в широком смысле обеспечивает преемственность поколений. Таким образом, ЯС обусловлено культурно-историческим контекстом жизнедеятельности человека.

В ЯС обобщены все слова, предложения в их идеальных значениях и смыслах, прошедших долгий исторический путь своего развития и совершенствования. Оно организовано в систему, являясь результатом накопленного прошлого опыта. Следовательно, система значений формирует ЯС, что полностью коррелирует с известным утверждением В. фон Гумбольдта: «...словесное единство в языке имеет двоякий источник: оно коренится во внутреннем, соотнесенном с потребностями мыслительного развития, языковом сознании и в звуке» [Гумбольдт 2001: 127]. Система значений, этнические константы, ценности и регулятивы поведения и действий через ЯС формируют еще более широкий ОМ.

Как уже указывалось выше, ЯС и ОМ являются сложными по своей структуре образованиями. Количество элементов, уровней и их перечень, однако, остается дискуссионным вопросом. Главным сходством, по нашему мнению, является то, что как ЯС, так и ОМ базируются в сознании.

Для работы важно, что в структуре ОМ выделяются: *бытийный* уровень, включающий чувственную ткань как первооснову образа [Леонтьев 1977] и биодинамическую ткань деятельности и действия [Зинченко 1991], *рефлексивный* уровень, объединяющий смысл и значение [Леонтьев 1977; Зинченко 1991, 2010; Стернин 2008] и *духовный* уровень [Зинченко 2010].

При исследовании структуры ОМ как особого ядерного слоя выделяется ценностно-мотивационная, или аксиологическая сфера. Она может входить в одну из подсистем (механизмы осмысления Д. А. Леонтьева [Леонтьев 2007]) или формировать особый – ценностно-нравственный – компонент [Корнилов 1999; Сорокин 1994].

Не менее важной представляется связь ОМ с субъективным опытом, имеющим три слоя, которые выделяются на основе особенностей формы фиксации деятельности: «перцептивный мир», включающий четыре координаты пространства и времени, значения и смыслы; «картина мира», или семантический слой, характеризующийся множеством многомерных отношений к объектам, и «образ мира» как ядерный слой структуры субъективного опыта [Артемьева 1999: 17–22]. Подчеркнем, что в обсуждаемых моделях сознания и ОМ неизменно присутствуют чувственная (телесно-

перцептивная), семантическая (знаковая) и смысловая (логико-понятийная) составляющие.

Как уже указывалось ранее, в исследованиях ЯС интерес ученых в основном сконцентрирован на определении самого понятия, отграничении его от ряда смежных и выявлении связи феномена с языком. Гораздо меньше внимания уделяется функциональности этого сложного образования, а ведь ответ на вопрос *для чего?* отнюдь не менее важен, чем на ответ вопрос *что?* Поскольку ЯС признается психолингвистическим феноменом, то считается, что исследование его функций связано с вопросами как общей психологии, так и психологии сознания через изучение онтогенеза его смысловой структуры, репрезентации смыслов и их форм в мире личности и межличностного общения [Торопова 2017].

Анализ работ, посвященных функциям ОМ [Серкин 2005; Тарасов 2008], позволяет на их основе выделить основные для данного исследования функции ОМ и сопоставить их с функциями ЯС.

Исследователи часто не выделяют отдельно *отражательную* функцию, однако во многих определениях ОМ идея отображения реального мира в сознании человека присутствует. Поскольку ОМ выражен не только эксплицитно в форме языковых значений, но также имплицитно содержит представления, образы, интенции и тому подобное, то отражательная функция будет охватывать феномены лингвистического и психического порядков.

Кроме того, ОМ строится из личностно значимых элементов, поэтому считаем, что он выполняет также *оценочную* и *ориентировочно-селективную* функции. Эти функции в психологии соотносятся с ориентировочной, объединяющей несколько элементов: 1) иерархизацию деятельностей, включающую побуждение, подкрепление, произвольность, оценку; 2) хранение форм значений как интегральной системы (опознание, сличение, актуализация); 3) предварительную генерацию и комбинаторику предметных гипотез на основе предыдущего опыта и мотивации, включающих целеполагание, направление, ориентировочную основу деятельности и прогноз; 4) оперативную генерацию предметных гипотез на основе предварительной генерации и актуальной информации: познание, корректировка, порождение («сборка») новых форм значений; 5) функционирование форм значений в деятельности; 6) саморазвитие ОМ как плана внутренней деятельности субъекта на основе интериоризации новых форм значений; 7) рефлексия, выражающуюся в регуляции и контроле [Серкин 2005]. Кроме того, как уже отмечалось, сам ОМ строится на когнитивно-аксиологических основаниях,

поэтому *оценочная* функция нам представляется не менее значимой, чем *отражательная*.

С нашей точки зрения, ОМ выполняет еще и *интерпретативную* функцию, которая выражается в разном осознании и видении одной и той же ситуации людьми с различными ОМ. Вероятно, эта специфика будет еще более наглядной, если сравнивать не просто индивидуальные / групповые, а национальные ОМ.

Регулятивно-управляющая функция ЯС может быть частично соотнесена, на наш взгляд, с *регулирующей* функцией ОМ, основная цель которой состоит в регулировании поведения человека и его жизнедеятельности вообще, поскольку человек не только волен выбирать те языковые средства, которые ему кажутся наиболее подходящими в ситуациях общения, но в соответствии со своим ОМ регулирует свои мотивы, поведение и, собственно, свою жизнедеятельность.

Последнюю функцию, присущую ОМ, назовем *прогностической*. Это роль «путеводителя» в жизни человека, поскольку обобщенный ОМ ориентирует и направляет деятельность, а значит, служит прогнозом ее успешности или неудачи. Как уже указывалось, прогноз базируется на прошлом опыте человека, включающем и семантическую категоризацию бывших событий. Следовательно, ОМ – это не только отражение прошлого или настоящего, но и прогнозирование будущего.

Следует отметить, что функции ОМ не всегда можно четко отграничить друг от друга, зачастую наблюдается перекрестность и взаимодополнение одной функции другой. Так, например, в определении А. А. Леонтьева о том, что ОМ_представляет собой «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Леонтьев 1988: 105], представлены сразу три функции: отражательная, оценочная и ориентировочно-селективная.

Ученые, исследующие проблематику ЯС и ОМ, старались разграничить данные понятия на разных основаниях:

– различия в позиции исследователя (А. А. Залевская): если в основу кладется принцип языковой системности, то речь идет о КМ, если культура – то об ОМ и ЯС [Залевская 1999: 40];

– стабильность / нестабильность феномена (И. А. Бубнова): КМ как обобщенный конструкт стабильна, поскольку знания национального языка зафиксированы в словарях и предназначены для передачи последующим поколениям, а ОМ динамичен, так как,

будучи индивидуальной принадлежностью личности, конструируется в процессе познания реальности носителем языка [Бубнова 2008], а значит, и культуры;

– форма овнешнения (Е. Ф. Тарасов): ЯС есть одна из форм выявления сознания как различных видов знания о предметах объективного мира, а ОМ определенной культуры обусловлен ЯС [Тарасов 1996, 2000].

Следовательно, можно заключить, что в психолингвистике на современном этапе уже накоплены и теоретические, и экспериментальные данные для изучения ОМ как целостного образования через:

- 1) культуру как систему сознания;
- 2) язык как отображение социокультурной реальности и, следовательно, системы значений, составляющей предмет исследования;
- 3) психолингвистическое понятие ЯС, синонимичное психологическому понятию ОМ;
- 4) свободный ассоциативный эксперимент как метод исследования, который выявляет весь прошлый опыт (речевой и неречевой) носителя языка;
- 5) моделирование ОМ при помощи построения ассоциативно-вербальной сети;
- 6) понятие значимости / ценности (*valeur* – в терминологии Ф. де Соссюра), пронизывающее все фрагменты и ЯС в целом;
- 7) представление о наличии в ЯС ядра и периферии [Уфимцева 2017: 92];
- 8) язык как означающее, в роли означаемого выступают феномены иной природы (образ мира, образы сознания, культураносные смыслы, сама культура, ее семантика) [Красных 2013: 125].

ОМ личности является основным объектом нового направления психолингвистики, называемого авторами (нео)психолингвистикой [Бубнова, Красных 2014] или психолингвистикой личности, где акцентируется индивидуальный внутренний ОМ, соединяющий в единое целое все ракурсы его рассмотрения – как «индивида, личности, субъекта или индивидуальности» [Бубнова, Красных 2014: 134]. Такое целостное единство разных уровней по определению не может быть величиной постоянной. С течением времени, накапливая опыт в деятельности, человек проходит свою собственную эволюцию, причем как сами стадии, так и время их прохождения также варьируются. Концепция ученых-психолингвистов базируется на теории Б. Г. Ананьева, выявившего прямую зависимость психики индивида от всей истории развития психического у человечества, повторяющейся в собственном развитии индивида и отражающейся в его социализации [Ананьев 2001]. Основой

индивидуальности, по мнению И. А. Бубновой, является «я человека, его внутренний образ мира» [Бубнова 2017: 108]. ОМ является своеобразным психологическим барьером или фильтром, опосредующим всю поступающую информацию и обеспечивающим ее критический отбор. Иными словами, внутренний целостный ОМ дает возможность человеку быть не только объектом, но и субъектом, не поддаваясь манипуляции, и «вести себя в соответствии с собственной системой смысложизненных ориентаций в различных ситуациях» [Там же].

В итоге изучения двух сложных, взаимосвязанных, взаимозависимых феноменов – ОМ и ЯС, возможно сделать вывод о том, что, зародившись на основании концепции культурно-исторической деятельности Л. С. Выготского, теории деятельности А. Н. Леонтьева, рассматриваемые в триединстве языка – речи – речевой деятельности, они представляют собой формы сознания, отвечающие за отражение и восприятие реального мира. ЯС осуществляет данный процесс через призму языковых значений, ОМ – через образы сознания, формирующие понятия, дополняемые языковыми значениями. Следует подчеркнуть национально-культурную специфику изучаемых феноменов, отличия в их структуре и выполняемых функциях. При этом современные исследования направлены более на индивидуальный ОМ, изучаемый в рамках нового направления – (нео)психолингвистики.

1.3 Значение как основная единица образа мира

Интерес к *значению* как главному объекту исследования – его определению, сущности, компонентам, типологии и функционированию – существовал в языкознании со времени его возникновения. Однако в разные периоды решение упомянутых вопросов реализовывалось посредством соответствующих тому или иному периоду развития науки методов изучения и описания. Несмотря на обширный накопленный теоретический и экспериментальный материал, трактовка значения слова до сих пор в большинстве случаев зависит от области исследования или направления, по-разному определяющих предмет своего изучения. Свои собственные концепции значения существуют в самостоятельных течениях лингвистики, а также в психологии, философии, семиотике. При этом ученые вообще признают тщетность попыток установления единого понимания, определения значения во всей его полноте [Дашининаева 2011; Пищальникова 2018; Ячная 2016], заменяя само значение его

параметрами. Таким образом, для настоящего исследования важной задачей становится определение границ значения как основной единицы ОМ.

Понятие и термин *значение* появились изначально в языкознании и, в предельно обобщенном виде, существует два подхода к его трактовке: узкий и широкий. Сообразно первому, значение представляет собой вербализованную форму знака. Это традиционное понимание понятия. Современная лингвистика, все больше выходящая за пределы своего прямого объекта исследования – языка, становясь междисциплинарной или даже трансдисциплинарной отраслью научного знания, исходит из положения, что значение представляет собой сложную многокомпонентную структуру, формирующую систему языка, отражающую реальность во всем многообразии аффективных, когнитивных и деятельностных связей (широкий подход). Такая направленность характерна для психолингвистического ракурса изучения значения.

Начало исследованиям значения положили работы в области лексикографии (Л. В. Щерба; Э. Сепир; В. В. Виноградов) и лексической семантики (Ю. Д. Апресян; Н. Д. Арутюнова; В. Г. Гак; Л. Ельмслев; Ю. Н. Караулов, В. В. Морковкин). Огромное влияние оказали на подходы к значению идеи Ф. де Соссюра о выделении двух аспектов высказывания: плана выражения, связанного со знаками языка, и плана содержания, соотносимого с языковым значением, понятием, семой («атомом смысла»), а также знаковая теория Ч. Морриса, дополнившая знак дополнительными параметрами: синтагматикой и парадигматикой.

Основным проблемным полем теории значения было его определение, анализ его понятия, описание использования в языке и родственных ему понятий (Г. Райл; Дж. Паркинсон). К таким теориям значения в традиционном понимании относятся:

- теория референции (Г. Фреге; Р. Карнап; Х. Патнэм), согласно которой значение есть форма, отражающая название объекта;
- семантические бихевиористские теории (Л. Блумфилд; Б. Ф. Скиннер, Ч. Л. Стивенсон; П. Грайс), определяющие значение слова или высказывания ситуацией или «стимулом / реакцией» (значение призвано вызывать у человека определенную психологическую реакцию);
- теория семантики истинности (А. Тарский; Д. Дэвидсон), согласно которой значение высказывания определяется методом установления его истинности;
- прагматические теории (Л. Витгенштейн; Р. Келлер), полагающие, что значение определяется правилами использования, вводимыми различными способами;

- теория речевых актов, развивавшаяся под влиянием работ Дж. Остина и Дж. Серля, которые объясняют значение выражения, рассматривая лингвистические акты, совершаемые посредством их произнесения;
- теория коммуникативных намерений (П. Грайс), согласно которой значение может быть сведено к намерениям говорящих вызвать определенные реакции у слушающих.

Процесс порождения высказывания, выбор языковых средств, выражающих определенный смысл, влияние внутри- и внешелингвистических факторов на производство речи, национально-культурная вариативность, включение моделирования языкового поведения и инкорпорирование антропологического принципа стали ключевыми моментами современных исследований теорий значения, сформулированных в таких областях знания, как психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокультурология, психосемантика, когнитивная лингвистика, социолингвистика и лингвосинергетика.

Как было указано выше, в традиционной лингвистике *значение* рассматривается как отражение в сознании человека (названного Н. Ф. Алефиренко отражательной семиологической доктриной) отношения объекта действительности (реляционная доктрина) и знака в процессе семиозиса, в котором устанавливается отношение обозначения [Колшанский 1976; Потенбня 1976; Солнцев 1991; Жоль 1990]. Изначально эта номинативная парадигма связывала прямыми связями предмет с его референцией, однако не объясняла, например, отсутствие референта у абстрактного слова или значения у имени собственного. Впоследствии эта задача была решена немецким логиком, основателем формальной семантики Г. Фреге, изучавшим передачу значимости языковыми средствами и выделившим проблему *значения* и *обозначения* (в логике смысла и значения), которые легли в основу «семантического (семиотического) треугольника», или «треугольника отнесенности» Огдена-Ричардса [Ogden, Richards 1927]. Вершины лексического (знакового) треугольника венчают в концепциях разные обозначения (называемые В. А. Звегинцевым «мирами»), однако, несмотря на различающиеся названия углов, «треугольник» показывает, что есть некая реалья, существующая объективно во внешнем мире, которая соотносится с набором графических символов, обладающих в сознании говорящего лексическим значением.

Впоследствии «треугольник» критиковали за неоднозначность составляющих его вершин [Коровина 2010], доказывая необходимость введения научной дефиниции в качестве еще одного угла, что сделало бы треугольник объемной фигурой или

четыреугольником (что особенно значимо для терминологии [Т. Trippel 2009 (цит. по: Яншина 2018); Лейчик 2005]) либо трапецией [Лендвай 1998], а также за отсутствие посреднической роли сознания [Лесохин 1982], игнорирование личности человека и «стерильность» значения [Залевская 1999] и так далее. Однако, несмотря на отмечаемые недостатки, главным из которых, на наш взгляд, является отсутствие учета психологических факторов и зависимости значения от контекста высказывания, следует подчеркнуть важность и продуктивность рассматриваемой модели для лингвистики.

Подчеркнем, что изначально *значение* рассматривалось в логико-рационалистическом свете, что проявилось во множественных определениях, выделяющих один или совокупность признаков значения: как сложная система, состоящая из объема (денотата) и смысла [Арбатский 1972], факт или явление действительности, обозначенные словом [Булаховский 1954], предметно-вещественное содержание, включенное в грамматику и семантическую систему языка [Виноградов 1995], общественно закрепленное за звучанием постоянное содержание [Левковская 1962], соотношение содержания слова с его звуковым комплексом и явлением действительности [Ахманова 2007]. Таким образом, в традиционных определениях лексическое значение представало как предмет и представление о нем, понятие (субстанциональная / референциональная трактовка значения), отношение между знаком – предметом, знаком – понятием, знаком – деятельностью (реляционная трактовка значения), функция (функциональная трактовка значения), инвариант информации и тому подобное, то есть как нечто, не зависящее от человека, объединяющее знаковое воплощение со смысловым содержанием при отражении предметов или явлений объективного мира. Кроме того, важную роль в теории значения сыграли знаковая теория (В. фон Гумбольдт; Ф. де Соссюр; И. А. Бодуэн де Куртенэ; А. А. Потебня, Ф. Ф. Фортунатов), теория системности языка (Ф. де Соссюр), а также теория знакового семиозиса (Ч. Моррис; Ч. Пирс), которые внесли определенный вклад в понимание неразрывной связи между знаком и обозначаемым им явлением. Редуцированность только к вербальным формам выражения значения без учета психологической реальности, характерная для классической лингвистики, отличается от современного понимания рассматриваемого феномена.

Существует ряд работ, в которых высказывается мнение о том, что лексическая система системна лишь потому, что действительность, отображаемая ею, также представляет собой систему. С данным утверждением нельзя не согласиться, однако следует отметить, что, во-первых, связи, отношения и взаимодействия реальности

номинаруются в языках по-разному; во-вторых, в значениях языка отражены только те свойства, признаки и отношения предметного мира, которые являются значимыми для этноса на определенном этапе его развития; а в-третьих, самая распространенная точка зрения на природу значения как простого отражения свойств и отношений предметов и явлений в знаке на сегодняшний день не вполне состоятельна, поскольку в свете антропологической парадигмы фокус смещен на *реконструкцию* мира при посредстве процесса познания.

Для реализации задач и достижения цели работы представляется необходимым проследить эволюцию взглядов на *значение* в различные периоды развития науки. Итак, исследования в рамках классической науки предполагали рассмотрение значения как объекта, обладающего определенной структурой; в рамках неклассической – как сети взаимосвязей компонентов значения при непосредственной роли субъекта. В период постнеклассического периода развития науки ученые приходят к осознанию целостности значения в единстве его взаимосвязей и взаимозависимостей при реконструкции ОМ субъекта познания. Такой ракурс рассмотрения феномена значения требует выхода за рамки чисто лингвистического анализа и привлечения достижений психологии, философии и других гуманитарных наук.

В психологии основные направления изучения значения опирались на концепции С. Л. Рубинштейна, Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и А. Р. Лурии, обосновавших необходимость изучения значения как единицы отражения действительности в сознании, находящейся в непрекращающемся процессе (а значит, впитывающей весь предыдущий опыт предшествующих поколений) культурно-исторического развития в деятельности. Значения опосредуют, но не определяют восприятие мира человеком. Психологи считают, что за значением стоят многочисленные *связи*, общественно-выработанные и апробированные *операции* и *отношения*, при помощи которых происходит *познавательная деятельность* человека. При этом посредством семантических особенностей речи постигаются общие механизмы психики и поведения человека.

Анализ рассмотрения проблемы значения позволил выявить ряд взаимосвязанных, но не тождественных категорий, связанных с сущностью *значения*, включающих объективное содержание знака (система связей и отношений между предметами и явлениями действительности), субъективное содержание (социальный опыт в форме знакового образа) и идеальное содержание [Леонтьев 1976; Маланов URL].

В психолингвистике, опирающейся на достижения классической лингвистики и психологии, исследуются особенности функционирования языка как *психического феномена* при обязательном учете активно-познающего индивида, включенного в социум и культуру [Залевская 1999]. Психолингвисты, осознавая необходимость пересмотра теории значения в свете антропологического принципа, добавили в семантический треугольник Огдена-Ричардса активного, познающего субъекта [Уфимцева 1974] и, придавая значению когнитивный статус и деятельностьную природу, по сути, обозначили новый ракурс понимания сущности языка. Для нашей работы важен тот факт, что, помещая *значение* в сознание мыслящего субъекта, психолингвистика подчеркнула его тесную связь с ОМ человека.

Значение с психолингвистической точки зрения есть «ставшее достоянием моего сознания... обобщенное отражение действительности, выработанное человечеством и зафиксированное в форме понятия, знания или даже умения» [Леонтьев 1983: 225]. Значения несут в себе совокупность познанных связей реального мира и отображения их в идеальном пространстве сознания человека в разных системах. Такое понимание подчеркивает специфику слова как достояния индивида, «активного и пристрастного, не только мыслящего, но всегда чувствующего и переживающего (разрядка автора. – О. К.)» [Залевская 2003], основы такого подхода были заложены еще Л. С. Выготским.

В настоящее время интегративный подход к значению как достоянию индивида разрабатывается в Тверской психолингвистической школе [Залевская 1991, 1997, 2013; Мелихова 2005; Зайцева 2005; Сазонова 2000]. В ее рамках на основании многих лет экспериментальной работы была сформулирована концепция специфики индивидуального («живого») знания в ОМ, доказывающая взаимозависимость и взаимообусловленность биологических и личностных характеристик: «...тела и разума, осознаваемого и неосознаваемого, известного и эмоционально-оценочно переживаемого» [Залевская 2013: 9]. Это проявилось в определении языка как достояния индивида, который понимается как «живая динамическая самоорганизующаяся система, адаптирующаяся к естественной и социальной среде через познание и общение в условиях взаимодействия биосферы, психосферы, социосферы и ноосферы» [Залевская 2013: 19].

Мы полностью разделяем мнение А. А. Залевской о взаимодействиях различных сфер, главным субъектом которых является личность человека, без которой упомянутые сферы состояться не могут. При этом полагаем, что в данный перечень сфер необходимо

добавить философское понятие «смыслосфера». Будучи связанными с многоуровневой реальностью, эволюцией и человеческой деятельностью, смыслосфера в совокупности с ноосферой дают возможность выявления онтологических и аксиологических оснований культуры. По мнению М. Ю. Шишина, ноосфера представлена плотноматериальными структурами, созданными человеком, включающими технологическую сферу, ландшафты, культурно-символические артефакты (язык, музыкальные и литературные произведения), и тонкоматериальными структурами, объединяющими витасферу (техно- и социо-), сферу научного познания и аксиосферу, как основополагающими жизненными ориентирами [Шишин 2003].

В зарубежной лингвистике исследования значения также развивались по линии включения психологической составляющей в состав значения слов. Именно такой подход, как предполагалось многими исследователями, должен позволить построить общую семантику исходя не из слов как лексических единиц, замещающих предмет в нашем сознании, а из выражаемых ими идей [Вандриес 2004]. Зарубежными учеными значение исследуется как ментальное и физическое по своей природе, а не строго абстрактное, оторванное от индивида и его жизненного опыта [Hardy 1997; Johnson 1987]. В своем предисловии к книге К. Харди говорит: «...the mind <...> a system – both a semantic-neural network and a living, constantly changing, dynamical system, interacting with its social and physical environment» [Hardy 1998: 8] – «...сознание как система – семантически-нейронная сеть, живая, постоянно меняющаяся, динамичная система, взаимодействующая с социальной и физической средой» (перевод наш. – О. К.). Такое понимание коррелирует с исследованиями значения как достояния индивида в Тверской школе, что проявилось в признании множественности трактовок и репрезентаций слова у различных индивидов, использования несхожих стратегий категоризации и концептуализации объектов реального мира [Залевская URL]. Трактовка сознания как живой нейронной сети дает возможность утверждать, что в сознании личности существует как *индивидуальный ОМ*, который позволяет видеть реальность, преломленную через значения, так и его *национальный инвариант*, позволяющий понимать друг друга людям, говорящих на одном языке.

Таким образом, психологические воззрения на природу отражения реального мира психикой заключаются в том, что лексическое значение слова не отличается качественно от знания человека о мире. Советские психологи говорили о том, что в словах родного языка заключен в свернутом виде объективный мир в его идеальной форме, что слова выполняют не только основную номинативную функцию, но также

«самую сложную функцию *анализа предмета* (выделено автором. – *А. Л.*)» [Лурия 1998: 50], при этом обобщается весь опыт предшествующих поколений. Отсюда следует вывод, что понятия, а следовательно, и лексические значения являются «психологическим продуктом» [Леонтьев 1977: 141], то есть совокупностью ассоциаций и обобщения чувственных впечатлений в сознании субъекта, закрепляемых в слове.

Сегодня эти взгляды развиваются в различных отечественных школах. Так, воронежскими учеными активно проводятся исследования, направленные на выделение психологически реальных значений слов, существенно отличающихся от лексикографических, сходных, как нам представляется, с исследуемым нами индивидуальным значением слова [Стернин 1981; Стернин, Рудакова 2011, 2015, 2015а; Фридман 2006, 2007]. На базе развития положения А. А. Леонтьева об узком (лингвистическом) и широком (психосемантическом, психолингвистическом) понимании значения в этих научных работах доказывается, что количество и объем значений при широком понимании больше, чем при анализе словарных статей.

Также важно отметить достижения омских психолингвистов в акцентировании возрастной и региональной специфики формирования ЯС языковой личности [Бутова 2010, 2012; Гуц 2004, 2005; Орлова 2010], Уральского психолингвистического общества в реализации психолингвистических методов диагностики и развития вербальной креативности, психолингвистических аспектов изучения детской речи [Гридина 2015, 2015а; Коновалова 2015; Гридина, Коновалова 2017], Курской группы психолингвистики, продолжающей традиции Тверской психолингвистической школы и разрабатывающей проблематику теории значения [Мягкова 2000; Федосюткина 2005], двуязычия и многоязычия [Девецкая 2003; Толмачева 2012], с выходом в разработку понимания текста и функциональной неграмотности [Мягкова 2016, 2016а; Кружилина 2016].

Суммируя подходы к *значению* в отечественной и зарубежной психолингвистике, подчеркнем, что все современные исследования еще раз подтверждают классический взгляд на значение, изложенный изначально в работах Л. С. Выготского и его последователей: значение является «общением и обобщением» действительности [Выготский 2001], идеальной формой существования общественного опыта [Леонтьев 1981], системой различных отношений слов в действительной речевой практике [Леонтьев 2014]; «живым знанием» [Залевская 2012, 2013], психологически реальным феноменом, представляющим собой систему семантических компонентов, существующих в сознании человека [Стернин 2006], нестабильной психологической

единицей, функционирующей только в реальной речемыслительной деятельности человека [Пищальникова 2017], этнокультурной составляющей ОМ [Уфимцева 2017], образом сознания – знанием, ассоциируемым со словом [Тарасов 2004].

С психолингвистическим направлением теории значения, пожалуй, соотносится несколько направлений в психологии, а именно психосемиотика и психосемантика, связанные с психологическим подходом к речевой деятельности. С нашей точки зрения, данные науки имеют следующие общие основания:

– **теоретическая база:** основоположниками родственных дисциплин является плеяда ученых-психологов: Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и А. А. Леонтьев;

– **методы:** общими методами для проблемных полей дисциплин являются ассоциативные эксперименты (прямой и обратный), метод семантического дифференциала (Ч. Осгуд), метод репертуарных решеток (Дж. Келли), метод субъективного шкалирования, интент-анализ текстов и некоторые другие;

– **объект исследования** (тексты): психосемантика и психосемиотика изучают тексты, а вернее, дискурсы, объединяющие вербальные и невербальные средства общения людей; психолингвистика – тексты, выступающие в качестве речемыслительной единицы, включающей помимо самого текста еще и человека, порождающего и воспринимающего их [Новиков 2007, 1983; Сорокин 1985; Пищальникова 1992];

– **изучение сознания:** в психосемантике изучается индивидуальное сознание, в психолингвистике – ЯС, включающее в том числе ЯС индивида;

– **отношение к личности:** психосемантика исследует поиск соответствующих знаков и значений для ценностно-мотивационных и индивидуальных свойств личности в ОМ, генезис, строение и функционирование индивидуальных систем значений, при помощи которых индивид воспринимает, познает и понимает действительность [Петренко 1988, 2010, 2017]. Новое направление неопсихолингвистика изучает ОМ индивида в совокупности его составляющих, объединяющей индивида, личность, субъект или индивидуальность [Бубнова, Красных 2014] человека в единое неделимое целое;

– **определение значения:** значения с точки зрения психосемантики – «идеальные конструкции, модели, в которых представлены формы обобщений совокупного общественного опыта» [Петренко 2010: 58], зафиксированные в слове. Значение в психолингвистике исследуется в двух видах семантики: в системе значений языка,

представляющей собой вербально зафиксированный опыт номинации предметов и явлений реальной жизни (объективная семантика), и ассоциативной системе индивида в его ЯС (субъективная семантика).

Поскольку объектом настоящего исследования является современная личность и ее система индивидуальных или психологически реальных значений аксиологической сферы ОМ, то считаем нужным подчеркнуть важность субъективного аспекта *значения*, исследуемого в основном в психосемантических работах [Петренко 1997; Артемьева 1999; Лисина 1997; Грекова 2001]. При формировании субъективного значения важную роль играет интериоризация, то есть присвоение *значения* индивидуальным сознанием в процессе деятельности. Именно этот аспект значения, по мысли Л. С. Выготского, представляет собой психологическую проблему. «Путь от мысли к слову» является сложным процессом поиска смысла в определенной коммуникативной ситуации, поскольку при использовании слов ребенок не извлекает из памяти готовые формы, а восстанавливает их из составных признаков [Выготский 2001]. Эти положения отечественной психологии подтверждаются исследованиями Дж. Циня [Tsien 2008], согласно которым основные значения слова оформлены в памяти человека в виде комплекса нейронных клик, реагирующих на восприятие предмета. Таким образом, являясь образующими сознания, формируя систему «отношений, действий, операций, <...> психологических взаимосвязей слов» [Королева 2005: 102], значения избираются исходя из наличной ситуации, активизируя только определенные семантические компоненты.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что семантические системы (в терминах когнитивной лингвистики – пространства, сети, тезаурусы, фреймы) выступают не как неподвижные формы представления знаний. Как уже указывалось, индивид не «извлекает» их из постоянных статичных хранилищ, где они «складированы» в первозданном виде. Многие научные исследования подтверждают, что «семантические пространства <...> производны от того содержания, которое актуализируется в контексте стоящей перед субъектом задачи, от его мотивов и эмоциональных состояний» [Петренко 2010а: 75]. Значения слова, принадлежа индивиду, также включают эмоционально-чувственный компонент, включающий комплекс переживаний, функционирующих на разных уровнях осознания, поэтому в язык входят лишь устоявшиеся, нормативные, культурно-обусловленные эмоции [Шаховский 2009].

Говоря о проблеме *значения*, нельзя обойти вопрос о соотношении понятия и значения слова. Эта дихотомия составляет основу исследований в психосемантике и психолингвистике. Вопрос об их связи и зависимости, несмотря на многолетние обсуждения, пока далек от решения [Ахманова 1963; Мальцев 1963].

Приведем основания, на которых разграничиваются анализируемые феномены:

а) универсальность / специфичность: значение национально окрашено, понятие – универсально [Клименко 1980];

б) эмоциональность: значение, в отличие от понятия, эмоционально заряжено [Клименко 1980; Мягкова 2000];

в) множественность: одно понятие может быть выражено различными языковыми средствами (словом, словосочетанием, фразеологизмом и так далее), значения полисемантического слова относятся к разным понятиям;

д) системность: значение связано с грамматическим строем языка, у понятия жестко детерминированная связь с формализацией отсутствует;

е) отношение к знаку: содержательно языковые значения не отличаются от понятий, но отношение к знаку у них разное.

Таким образом, сложность данной проблемы заключена по крайней мере в двух моментах. Во-первых, понятия и значения связаны между собой. Во-вторых, понятия «отлиты» в определенной звуковой форме, то есть в форме значения слова в речи. При этом «мышление, возникая через отражение действительности, видоизменяется в зависимости от той системы внешних (звуковых и проч.) различий, с которыми в данном языке связываются данные понятия» [Ахманова 1963: 9]. И, в-третьих, понятия, будучи связанными с другими понятиями в системе, также меняются в силу их взаимозависимости друг от друга. Следует отметить, что Л. С. Выготским понятие рассматривается как «система суждений, приведенных в известную закономерную связь: когда мы оперируем каждым отдельным понятием, вся суть в том, что мы оперируем системой в целом» [Выготский 1982: 121] – иными словами, системой, конституирующей ОМ.

Вместе с тем понятийное, или категориальное (термин А. Р. Лурия) значение выходит за пределы простого соответствия предмета слову, оно есть «способность слова не только замещать или представлять предметы, не только возбуждать близкие ассоциации, но и *анализировать предметы*, вникать глубже в свойства предметов, *абстрагировать и обобщать их признаки*. Слово не только замещает вещь, но и

анализирует вещь, *вводит эту вещь в систему сложных связей и отношений* (курсив автора. – О. К.)» [Лурия1998: 42].

Проблема соотношения значения и понятия изучается учеными давно. Значение слова иногда оказывается шире, а иногда уже понятия. Известно, что любое понятие обладает двумя характеристиками: объемом и содержанием (экстенционалом и импликационалом [Никитин 2001]). Обычно в жизни человек сталкивается с каким-либо предметом или явлением реального мира, и его представление об этом предмете через понятие, ассоциирующееся с лексемой, отражается в сознании. Таким образом, включение этой реалии в объем понятия представляет собой узнавание, а связывание его с лексемой – номинацию. Однако при обратном порядке формирования понятия оказывается, что лексема, актуализирующая понятие, включает не все, а только некоторые характеристики из целого объема понятия. При отсутствии основных характеристик можно говорить, что понятие не сформировано, даже если информанты «узнают» слова. В психологии описанное явление известно как «локальная ассоциация», когда в понятии отражается только часть существенных сторон предметов и явлений. Это может свидетельствовать о начальном этапе формирования понятия (этапе синкрет, по Л. С. Выготскому). Иногда понятие и вовсе не формируется, оставаясь в пределах узнавания слова и некоего обобщенного образа, формирующегося контекстами окружения слова или готовыми зрительными образами, формируемыми на современном этапе СМИ и интернетом.

Специфика семантической системы определенного языка связана со способами отражения действительности, в которых существенную роль играют «экологические, культурно-исторические, психологические и социальные факторы» [Телия 1987: 66], формируя ОМ в индивидуальном сознании. Важную роль при этом выполняет «лингвокреативное» мышление (термин Б. А. Серебренникова), которое имеет двойную направленность, отражая окружающую человека действительность и в то же самое время облекая ее в семантическую форму языка [Серебренников 1983]. Членя в каждом конкретном языке действительность по-своему, именно этот тип мышления при обозначении новых понятий задействует не новые формы или сочетания фонем, а наполняет «старые» на основе ассоциаций, уже закрепленных в значениях в данном языке. Таким образом, лингвокреативное мышление конструирует ОМ, являясь инструментом познания мира, позволяющим выйти за пределы опыта человека, основываясь на системе значений и его связи с системой смыслов (концептов) в форме ассоциаций.

Лингвокреативное мышление проявляется не только на языковом, то есть коллективном уровне сознания, но и на речевом уровне (уровне личности), выражаясь в форме языковой игры (термин Л. Витгенштейна). Данный вид мышления опирается на «ассоциативные механизмы, позволяющие создавать нечто новое на базе уже познанного» [Гридина 2011: 47]. Основными факторами лингвокреативности языковой личности являются: «оригинальность» (способность управлять отдаленными ассоциациями и давать необычные ответы), «семантическая гибкость» (способность наделяния функции новым содержанием и функционированием), «образная адаптивная гибкость» (способность увидеть новые ассоциативные возможности при изменении стимула) и «семантическая спонтанная гибкость» (способность изобретать новые идеи в сравнительно неограниченной ситуации) [Guilford 1963, цит. по: Трик 1981]. Принцип языковой игры заключается в использовании многовалентных связей знака при переключении восприятия ассоциативного стереотипа, отступление от закрепленных в узусе тенденций употребления и строения языковых единиц [Гридина 1996].

Лингвокреативность изучается в некоторых областях лингвистики, таких как креативная грамматика (Е. Н. Ремчукова, Б. Ю. Норман) и креативная стилистика (Н. А. Купина, Н. А. Фатеева). Новое направление – лингвистика креатива – уделяет большое внимание проблемам лингвокреативности в прагматике, сленге, дискурсах и языковой личности, что послужило поводом для создания серии одноименных монографий (2009, 2012, 2014, 2018, 2020). Выделяется также фразеологическая креативность, возникающая вследствие необходимости адаптации языковых средств к постоянно меняющимся социальным и культурным контекстам [Зыкова 2015, 2016]. При этом данный феномен проявляется в глубинных структурах сознания и эксплицируется в форме концептуально-метафорических репрезентаций, изучаемых когнитивистикой, затрагивая интегральное понятие ОМ человека, позволяющее раскрыть специфику его мировосприятия и своеобразие его культурного опыта.

Говоря о *значении* как составляющей ОМ человека, нельзя не упомянуть достижения когнитивной лингвистики, которая является одним из направлений когнитивной науки. Наряду с множеством других областей знания (когнитивной психологией, когнитивной антропологией, когнитивной социологией, когнитивным литературоведением, теорией когниции в философии, логическим анализом языка, теорией искусственного интеллекта, нейрофизиологией), откуда изначально брался терминологический аппарат дисциплины, когнитивная наука основывается либо на теориях, либо на некоторых их положениях.

Методологической базой когнитивной лингвистики является понимание языковой способности в качестве когнитивного механизма. В этом проявляется близкая связь с когнитивной психологией, откуда были заимствованы модели памяти, восприятия, внимания и категоризации. Психологические модели памяти явились основанием для выделения лингвистических моделей и организации лингвистического знания в фреймы, а грамматических знаний – в сети, связанные различными отношениями. Психологические модели внимания и восприятия, особенно в русле гештальтпсихологии, привели к экспликации многих процессов концептуализации в семантике. Наконец, психологические модели категоризации, в частности прототипы и градация центральности, а также более поздние модели категориальной структуры оказали, пожалуй, наибольшее влияние на семантический и грамматический анализ категорий в когнитивной лингвистике [Lakoff 1987; Taylor 1995].

Когнитивная семантика полагает, что значение языковых единиц нельзя определить только структурным анализом языковых знаков (например, их синтагматической и парадигматической дистрибуцией), не принимая во внимание общество, которое их использует. Она также не рассматривает язык, а значит, и значение, как автономную врожденную когнитивную способность человека, как утверждал Н. Хомский и его последователи. Основное предположение когнитивной семантики, которое подкрепляется существенными эмпирическими данными, заключается в том, что «cognitive processes that govern language use, in particular the construction and communication of meaning by language, are in principle the same as other cognitive abilities» – «когнитивные процессы, управляющие использованием языка, в частности формирование и передача значений языком, в принципе такие же, как и другие когнитивные способности» (перевод наш. – О. К.) [Croft, Cruse 2004: 2]. Лексические единицы языка (наряду с грамматическими и синтаксическими конструкциями) представляются набором концептуальных категорий, отражающих способ, которым общество категоризирует и концептуализирует окружающий его мир. Д. Гиразертс и Р. Гронделарс описывают эти категории как хранилище мировых знаний, структурированную коллекцию значимых категорий, которые помогают человеку справляться с новым опытом и хранить информацию о старом [Geeraerts, Grondelaers 2010].

В когнитивной семантике значение изучается в форме *концепта*. Согласно утверждению когнитивистов, базовые концепты появляются у ребенка задолго до момента усвоения им слов, или лингвистических процедур [Rosch 1976; Фитч 2013].

Современная интерпретация концепта отражена в многочисленных направлениях когнитивной лингвистики, таких как *лингвокультурное*, включающее специфику этнического, этнолингвистического, этнокультурного подходов, и *лингвокогнитивное* с различными ракурсами рассмотрения: психологическим, философским, логическим, культурологическим, лингвокультурологическим, семантико-когнитивным, философско-семиотическим [Балашова 2004; Попова, Стернин 2007а; Шарикова, Бауэр 2003], что говорит как о сложности и неоднородности исследуемого объекта, так и о «применимости» к разным аспектам научного знания.

Так же, как и значение, концепт принадлежит сознанию и концептуальной КМ, являясь абстрактным обобщением накопленного опыта, что отражается в определениях концепта: «структурная единица опыта / памяти» [Кравченко 2001: 206], «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик 2005: 61].

Обобщая опыт взаимодействия человека с реальностью в форме ментальных представлений, концепты, с одной стороны, участвуют в формировании образований высшего порядка: *схем*, представляющих собой способ представления и упорядочения информации; *сценариев* или *скриптов* с типовой структурой развертывания событий или понятий и *фреймов* при использовании зрительного канала для получения конструкции знания на основе стереотипной ситуации или текста (М. Минский). С другой стороны, как объекты вторичной номинации они сами формируют типы, такие как *представление* (концепт, основывающийся на перцептивном восприятии окружающей среды), *гештальт* (целостный концепт, объединяющий чувственное и рациональное познаваемого объекта), *фрейм* (сложная структура, предназначенная для формирования стереотипа языкового сознания), *сценарий* или *скрипт* (как модификация фрейма, представляющая собой стереотипную ситуацию в определенном месте / времени) [Алефиренко 2002: 235–243]. Все приведенные формы категоризации и концептуализации мира говорят о сложности и многогранности воспринимаемой реальности и сложной работе человеческого сознания в отражении воспринимаемой информации в целях успешной коммуникации.

В значении как теоретическом конструкте во все периоды развития лингвистики, старались выделить конституирующие элементы. Изначально в составе значения выделяли ядро и периферию [Греймас 2004], архисему и дифференциальные семы [Pottier 1965], ассоциативные и потенциальные признаки [Гак 1971; Шмелев 1973], концептуальный, чувственно-наглядный и экспрессивный [Резников 1964],

эмоциональный, экспрессивный, стилистический [Гинзбург 1952] компоненты, прототип (образ, форма) и семантическое ядро (функция) [Кошелев 2015].

В связи с признанием *значения* сложным образованием, включающим в себя несколько компонентов, проводятся исследования, направленные на анализ отдельных компонентов (денотативного [Аквазба 2004; Комлев 2007], коннотативного [Телия 1986; Горохова 2008; Лежнева 2002], контекстуального [Новичкова 1992; Степанская 1989], эмоционального [Мягкова 2000; Корлыханова 2000], оценочного [Вольф 2009; Сергеева 2004], экспрессивного [Колпакова 1985], стилистического [Завьялова 1977; Прошин 2010] или их сочетаний [Моран 1988; Нечай 1999]), отводя меньше места психологическому образу (представлению) и логико-философскому понятию. Поскольку анализ традиционно выделяемых компонентов значения не входит в задачи данной работы, остановимся только на упоминании некоторых относительно недавно разрабатываемых составляющих значения. Отметим только, что основным типом значения, отражающим способность слова замещать в сознании предметы, явления, их действия и свойства, считается денотативное («ближайшее» у А. А. Потебни) значение. Такой тип значения конвенционален в том смысле, что человек усваивает его как данность, что обеспечивает преемственность поколений.

Ассоциативный подход к *значению* опирается на ассоциативное значение слова. Основы такого ракурса рассмотрения были заложены Дж. Дизом, который утверждал, что ассоциативное и категориальное значения связаны с психологической структурой слова и представляют собой ряд реакций на слово-стимул с последующим объединением их в семантически связанные группы [Deese 1965]. Важным для теории значения было то, что стимульное слово оказывалось связанным с множеством других индивидуальных представлений испытуемых, при этом виды связей тоже различались. На основании реакций индивидов строились доказательства о разнице национальных, профессиональных, гендерных, быденных, научных и других КМ, выявлялась специфика культурно-маркированных элементов и ситуаций, метафорические переосмысления, национальные оценки и тому подобное. На базе данных исследований были составлены ассоциативные словари как одного языка (Словарь ассоциативных норм русского языка [САНРЯ 1977]; Русский ассоциативный словарь [РАС 2011]; Ассоциативный словарь подростка [Гуц 2004]; Французский ассоциативный словарь [Дебрэнн 2010]), так и дву- и многоязычные (Славянский ассоциативный словарь [САС 2004]; Казахско-русский ассоциативный словарь [Дмитрюк 1998]; Киргизско-русский ассоциативный словарь [Титова 1975]), данные которых до сих пор широко

используются современными учеными. Стремясь нейтрализовать контекст, достаточно часто исследователи использовали только односложные единицы. При этом они учитывали только частотные реакции, составляющие ядро и периферию, а весьма информативные единичные случаи оставались неизученными.

Мир для человека преломлен в значениях, которые представляют собой основные компоненты (или составляющие) сознания. Психолингвистическое понимание значения слова подразумевает под термином «значение» динамичную, изменяющуюся под давлением внешних и внутренних факторов систему эквивалентов психологических взаимосвязей слов [Бубнова 2017: 101]. Эта система рассматривается как психологическая структура значения, включающая ряд дифференциальных признаков и семантических компонентов, находящихся в различных взаимосвязях в процессе коммуникации, «во всей полноте лингвистической, психологической, социальной обусловленности употребления слова» [Леонтьев 1971: 11].

Таким образом, *значение* представляется как идеально существующая кристаллизация общественного опыта и как индивидуальная принадлежность сознания индивида, применяемая им на практике в речи. Как общество не свободно от влияния индивидуальных значений, поскольку они присутствуют в сознании тысяч (миллионов) носителей языка, так и человек зависит от установленных социумом значений, присваиваемых им в процессе социализации и персоногенеза. Западные ученые говорят о существовании «социального значения» [Kirkham, Moore 2016; Coupland 2016], определяемого как «the stances, personal characteristics, and personas indexed through the deployment of linguistic forms in interaction» – «установки, личностные характеристики и образы, проявляемые через развертывание языковых форм во взаимодействии» (перевод наш. – О. К.) [Podesva 2011: 234]. Положение о том, что «значения ведут двойную жизнь» [Леонтьев 1983], позволило А. А. Леонтьеву сделать вывод, что у них есть «двойная онтология» [Леонтьев 2001: 317], то есть значение не может полностью находиться ни в индивидуальной, ни в общественной форме сознания.

Важно отметить, что образы, впечатления и представления в практической деятельности человека формируют чувственную ткань ОМ. Человек «может мыслить также восприятиями и обобщенными образами» [Серебренников 1983: 75], а не только понятиями. Существуют первичные образы, возникающие при восприятии, и вторичные образы – представления, образующие специфический уровень мышления при сопряжении первосигнальных психических с второсигнальными речемыслительными процессами [Веккер 1974]. Однако «во всякое понятийное обобщение, как правило,

включена чувственная генерализация» [Рубинштейн 1959: 71], проявляющаяся в форме чувств, схем, интуитивных решений, отвлеченных проблем, которые являются предвосхищением неразвернутой формы мысли.

Значения, в форме смысловых связей и отношений, выстраиваются в процессе жизнедеятельности человека и существуют в его ОМ уже объективно. Ребенок, впервые беря ложку в руки, имеет только ее чувственные характеристики. Учась оперировать предметом, познавая связи между ложкой и, предположим, другими столовыми предметами, явлениями и событиями, например посудой, культурой приема пищи, национальной кухней, ребенок формирует признаки данного предмета, которые будут «наполнять» формирующееся значение. Таким образом, психологи подчеркивают не только чувственную составляющую в формировании значений, но и большую роль их функциональности. Собственно, началом процесса формирования понятия считается применение слова (знака) в качестве функциональной единицы.

Образование понятия проходит несколько ступеней, каждая из которых включает несколько фаз: синкреты, комплексы, предпонятия, понятия [Выготский 2001]. Данная классификация имеет важное значение в работе, поскольку позволяет объяснить наличие понятий, находящихся на разных уровнях формирования. Их содержание и объем, реализующиеся посредством «богатства» значений, зависят в том числе и от интеллекта человека, что было убедительно показано серией психолингвистических экспериментов И. А. Бубновой [Бубнова 2008], доказавшей на большом эмпирическом материале, что не только объем и содержание, но и связи значения обусловлены развитостью интеллекта человека.

Определение различных подходов к значению как основной единице ОМ, а также результаты проведенного теоретического анализа лингвистической и психолингвистической литературы позволяют сделать следующие выводы:

– Значения языка являются психическим феноменом, обязательно учитывающим активно-познающего индивида, включенного в социум и культуру, совмещающего все модусы своей жизнедеятельности: биосферу, психосферу, социосферу, ноосферу и смысловую сферу, из которых формируется ОМ человека.

– За значением стоят многочисленные сложные связи, общественно-выработанные и апробированные операции и отношения, при помощи которых происходит познавательная деятельность человека, осуществляется накопление опыта, его категоризация и концептуализация.

– Значение не только выступает как способ отражения предметов в сознании, но и позволяет анализировать, постигать свойства и обобщать их признаки.

– Посредством семантических особенностей речи постигаются общие механизмы психики и поведения человека.

1.4 Индивидуальное значение и индивидуальный образ мира: специфика формирования

Мир предметов, накопленных обществом за многие тысячелетия своего существования, не дан индивиду изначально, то есть не заложен в нем биологически. Для того чтобы этот мир открылся человеку, последний должен осуществлять активную деятельность по отношению к нему. Это касается и всех явлений, сотворенных человеком: языка, понятий, идей, форм искусства. Кроме того, важным условием процесса усвоения является общение (как в форме совместной деятельности, так и в форме речевого взаимодействия) для «присвоения» ребенком накопленного человечеством опыта. В отличие от Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьев подчеркивает, что не взаимодействие сознаний ребенка и взрослого («зона ближайшего развития»), а принципиально только деятельность ребенка направляет развитие и течение психических процессов и психики в целом.

Суть культурно-исторической, или инструментальной концепции Л. С. Выготского заключается в поиске инструментов (орудий или знаков), при помощи которых психические процессы трансформируются в культурные, а внешние операции «уходят внутрь», то есть интериоризируются. Теория основывается на положении о том, что причины психического развития человека находятся в культуре, берущей свое начало в историческом развитии, то есть в опыте предыдущих поколений.

Культура является продуктом социальной жизни и общественной деятельности человека, утверждал Л. С. Выготский, поэтому постановка проблемы культурного развития поведения находится в области социального плана развития [Выготский 1983: 145–146].

Психологи и психолингвисты, работающие в рамках деятельностного подхода, рассматривают деятельность как систему (а не как простую реакцию), имеющую свою собственную структуру, особенности, виды, формы, а также динамику развития. Кроме того, деятельность входит в систему отношений людей.

Таким образом, разработка теорий предметной деятельности, сознания и личности, которая в отечественной психологии велась в рамках деятельностного подхода психологической школы Л. С. Выготского в 30-е годы XX века, имела большое значение для изучения ОМ. Введение деятельностного подхода в категорию ОМ позволило высветить его социальную сущность и рассматривать деятельность как универсальный объяснительный принцип или схему. В ней реальный объект располагается внутри структуры деятельности, будучи связанным с элементами всей структуры. Следовательно, ОМ человека оказывается включенным в «общее движение деятельности, осуществляющей реальную (разрядка автора. – О. К.) жизнь индивида в обществе» [Леонтьев 1972: 140]. О посреднической роли деятельности говорил Ю. А. Шерковин [Шерковин 1972], который считал ее третьей реальностью, объединяющей в процессе коммуникации человеческий мозг и общество. В жизни человека типы и виды деятельности сменяют друг друга, находясь в отношениях комплиментарности или противопоставления, а сознание представляется неким «миротворцем», обеспечивающим «воспроизведение, варьирование, развитие, их иерархию» [Леонтьев 1977: 5]. Таким образом, нам представляется более обоснованной трактовка анализируемого понятия А. Н. Леонтьевым, видящего значимость иерархии деятельностей, «образующих» личность и ее ОМ.

Некоторые ученые, рассматривая сущность деятельности, приходят к выводу, что все homo, включая sapiens, faber, loquens, ludens, sociologicus и psychologicus, можно свести к одному понятию – agens – человека-деятеля [Каган 1974]. То есть деятельность представляется не просто актом физической активности, а актом активной мысли в процессе познания, следовательно, ОМ является результатом активности человека как в физической, так и в духовной сфере, то есть результатом внутренних и внешних процессов.

Речевая деятельность, наряду с другими видами деятельности, представляет собой форму *активного* отношения человека к окружающей его среде, в данном случае к языку как знаковой системе. А. А. Леонтьев подчеркивает, что речевая деятельность «может быть определена как деятельность, опосредованная системой языковых знаков» [Леонтьев 2014: 20], то есть опредмечивается в специфической языковой форме.

С. Л. Рубинштейн особо подчеркивал важность возникновения вслед за трудом и совместной трудовой деятельностью феномена речи, благодаря которому «*индивидуальное* (здесь и далее курсив автора. – С. Р.) сознание каждого человека, не ограничиваясь личным опытом, собственными наблюдениями, питается и обогащается

результатами *общественного* опыта: наблюдения и знания всех людей становятся или могут благодаря речи стать достоянием каждого» [Рубинштейн 2009: 135]. Таким образом, исследователи подчеркивали общественный характер речевой деятельности как части совокупной деятельности человека.

Однако выделение и изолирование речевой деятельности из общей системы деятельности нецелесообразно, на что указывал еще А. А. Леонтьев: «Речевая деятельность <...> есть такой же вид деятельности, как... продуктивная и познавательная деятельность, она и в психологическом отношении имеет ту же принципиальную организацию» [Леонтьев 2005: 27]. Имеется в виду, что эти две разновидности деятельности *интенциональны*, то есть имеют определенную цель, *результативны*, в смысле достижения результата намеченной цели, и *нормативны*, так как процесс и результат контролируется социумом.

Психолингвистами подчеркивается, что в речевой деятельности – при производстве и восприятии речи – можно выделить две стороны: письменное и устное производство языковых знаков и их восприятие разными каналами (зрительным, слуховым). Это позволяет манипулировать знаниями как образами сознания разных психических модальностей [Тарасов 2000: 24]. Данная позиция близка концепции М. С. Шехтера, различающего «первичные» и «вторичные» образы (отображения) сознания [Шехтер 1959]. В случае с «первичными» образами человек выполняет определенные операции с языковыми знаками, не принимая во внимание специфического значения каждого из используемых им знаков. В случае с «вторичными» образами представляется необходимым отойти от абстрактной символики и сфокусировать внимание на образах обозначаемых объектов или предметов.

Образы сознания проявляются в форме языковых значений. На их особую роль указывали психолингвисты [Леонтьев 1988; Лурия 1998], называя значение пятым квазиизмерением, в котором «видится» человеку объективный мир, то есть значение слова, определяемое как «единство обобщения и общения, коммуникации и мышления» [Выготский 2001: 15], не только номинирует предмет, но выделяет и обобщает его важнейшие признаки или функции, что может происходить только в процессе жизнедеятельности человека, объединяющей внешний и внутренний планы деятельности.

Деятельностный подход к значению разделял и А. А. Леонтьев [Леонтьев 1971], заостря внимание на *процессуальности* значения, то есть несводимости к сумме

составляющих компонентов, а также его *конструировании* и *формировании* непосредственно в речи. Процесс, а не результат подчеркивается в определении значения слова индивидуального лексикона [Залевская 1981; Мягкова 2000], соединяющего форму слова с суммой результатов переработки предшествующего опыта человека в форме чувственного и рационального, индивидуального и социального [Залевская 1981: 31]. На это можно было бы возразить, что значение зафиксировано в словаре, а потому весьма статично. Однако значение как единица индивидуального сознания и значение словарное – это два совершенно разных по своей принадлежности феномена. Индивидуальное значение представляет, по А. А. Леонтьеву, личностный смысл, а в словаре мы имеем дело с обобщенным инвариантом – конвенциональным, кодифицированным значением или значением слов в естественном языке.

Данное противоречие разрешается смещением фокуса с *осуществления* деятельности на *контроль* над этим осуществлением. В этом случае значение слова формулируется и уточняется в процессе речи, выбирается только одно из множества потенциально возможных. Иными словами, «психологическая структура значения определяется системой соотнесенности и противопоставления (здесь и далее разрядка наша. – О. К.) слов в процессе их употребления в деятельности, а не в процессе их с о п о с т а в л е н и я как единиц лексикона» [Леонтьев 1971: 11], это то, что присутствует в сознании и выявляется в ассоциативном эксперименте. Похожей точки зрения придерживаются как психологи, связывающие психологическую структуру слова с его семантическим строением [Лурия 1998], так и философы [Горбатова 1964; Нарский 1963].

Понимание значения как превращенной формы деятельности стало отправной точкой многих современных психолингвистических исследований. Речь идет о том, что содержание индивидуального значения слова, то есть смысл слова для личности, определяется той системой деятельностей, в которую включен человек.

Кроме того, деятельность человека всегда субъективна в том смысле, что предметы, с которыми он сталкивается в своей жизни, становятся частью его опыта практической или иной деятельности, связывая их с другими предметами и явлениями. Как утверждает В. П. Серкин, опыт и специфичность деятельности человека задают «индивидуальный деятельностный контекст значения» [Серкин 2005: 164].

Считаем важным упомянуть в связи с этим генетический закон, сформулированный Л. С. Выготским, который гласит, что «всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва –

социальном, потом – психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая <...>. Переход извне внутрь трансформирует сам процесс, изменяет его структуру и функции. За всеми высшими функциями, их отношениями генетически стоят социальные отношения, реальные отношения людей» [Выготский 1983: 145]. Этот довод позволяет утверждать, что социум играет особенно важную роль в формировании психических функций ребенка и его овладении языком. Иными словами, социум обуславливает содержание индивидуального значения, а значит, и индивидуального ОМ ребенка.

С теорией деятельности тесно связана проблема социальной ситуации развития (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, Д. Б. Эльконин, А. В. Запорожец), порождающая триаду «ребенок – окружение – деятельность», при посредстве которой он приобретает новые свойства личности, преобразовывая социальное в индивидуальное. Практическая деятельность меняет внутреннюю психическую деятельность человека в процессе онтогенеза, затрагивая форму отражения действительности, то есть форму сознания. Не ставя своей целью детальное изучение соотношения психических процессов и сознания, тем не менее отметим, что сознание индивида немислимо без общественного сознания, иными словами, «сознание порождается обществом, оно *производится*» [Леонтьев 1983: 151]. Само сознание не локализуется в предзаданном «внутреннем плане», а представляет собой процесс формирования этого плана.

Было экспериментально доказано, что в разные периоды психического развития ребенка ведущая роль принадлежит определенному типу деятельности: в младенчестве – общению со взрослым, в дошкольном возрасте – предметной деятельности и игре, в школьном – учебной деятельности и сотрудничеству, в подростковом – общению со сверстниками, в юношестве – учебно-профессиональной и трудовой деятельности. Известная триада «игра – учение – труд» в современности дополнена еще одним компонентом – «интернет». При этом сама социальная ситуация развития не является константной, а определяется отношением к жизненному пространству, которое формируется значимым окружением. Таким отношением у Л. С. Выготского выступает особенность сознания ребенка, которое характеризуется особым типом общения и обобщения, у А. Н. Леонтьева – ведущая деятельность, а у Э. Эриксона – жизненная задача.

Образы предметов и вещей начинают формироваться еще в довербальном периоде в онтогенезе, позже начинают формироваться значения слов, основанные на этих образах. Становление значений, выражающих понятия, как уж отмечалось, имеет

стадиальный характер [Выготский 2001]. Сначала формируются конкретные по своему содержанию понятия, далее в речи ребенка появляются абстрактные понятия, являющиеся необходимой составляющей логического мышления, знаменующие переход на новый уровень развития личности. Важно отметить, что процесс уточнения образов и расширение объема значения слова продолжается всю жизнь.

В связи с этим нам представляется важным отметить существование «образного обобщения» [Никифорова 1972]. Оно ярко проявляется в случае образно-словесного процесса, происходящего при ассоциации, представляющего собой обобщение и анализ таких особенностей предмета, которые несущественны для соответствующего ему понятия. Человек в процессе познания мира обобщает не только понятия, но и их образы, поэтому в процессе восприятия однородных предметов их чувственные и эмоциональные характеристики, значимые для индивида, объединяются. При образном обобщении наблюдается тесная связь с личностью человека (такое обобщение личностно более значимо, чем понятие), и отраженная в нем реальность рисуется ярче и детальнее, чем в логическом понятии. Это утверждение подкрепляется тем, что мир современного человека познается часто не эмпирически и рационально, а посредством различных источников (телевидения, интернета), предлагающих уже готовые представления (образы). Ввиду этого, даже узнавая слово в речи (опознавая его как знакомое), индивид имеет некий (часто заданный) образ, но понятие у него сформировано не полностью, поскольку оно реализуется разными значениями слов, порой далеких друг от друга.

По сути, практически на этот же феномен указывает А. Пайвио [Paivio 1971] в своей концепции двойного кодирования. По мнению автора, существует два типа кодирования значения слова: вербальный и образный. Последний появляется раньше в онтогенезе, предшествуя вербальному, формирующемуся на основе системных связей [Выготский 2001; Лурия 2007, 1998]. Иными словами, в сознании функционируют две когнитивные подсистемы, одна из которых специализируется на представлении и обработке невербальных объектов / событий (то есть образов), а другая – на работе с языком. Для этих систем А. Пайвио также постулирует два различных типа репрезентативных единиц: имагены для ментальных образов и логогены для вербальных сущностей, сходные с «входами» Дж. Миллера [Миллер 1964]. Логогены организованы в форме ассоциаций и иерархий, а образы находятся в отношениях «часть – целое». Несмотря на их независимость друг от друга, обе системы способны создавать ассоциативные связи между собой, поэтому участвуют в формировании связанных пар

слов и образов. Образы тесную связь, процесс кодирования обогащается. Он оставляет двойной след в памяти, а значит, имеется двойная возможность восстановления либо вербальными, либо визуальными средствами.

Следовательно, познание – это изменяющаяся модель взаимодействия двух систем в зависимости от степени их развития: в детском возрасте ведущей является образная система, далее присоединяется вербальная. Поскольку мы планируем анализировать ценности, вербализованные в форме абстрактных понятий, то здесь еще раз необходимо подчеркнуть, что абстрактные имена, как правило, трудны для визуализации и изображения, а следовательно, их двойное кодирование менее вероятно.

Рассмотрим далее факторы, вносящие весомый вклад в формирование и развитие индивидуального значения, и их роль в индивидуальном ОМ человека на разных этапах его развития.

Рассуждение о ведущем виде деятельности в разные периоды развития человека следует начать с цитаты С. Л. Рубинштейна о том, что «психические функции формируются в самом процессе их функционирования и существенно зависят от того объективного содержания, на котором они формируются» [Рубинштейн 2009: 150]. Иными словами, индивид в своем онтогенетическом развитии впитывает особенности культуры того общества, где проходит его взросление, основываясь на межличностных взаимоотношениях, принятых в социуме. Значимыми также являются как содержание обучения и воспитания, так и форма общения, в которой проходят эти два неразрывно связанных процесса развития личности. Тот же самый закон действует и в отношении понятий: они усваиваются ребенком в процессе умственной деятельности и связаны как с содержанием материала, так и с общением на разных уровнях. Индивидуальное значение слова как «строительный элемент» ОМ ребенка-дошкольника практически целиком определяется его ближайшим окружением и значимыми взрослыми.

Психология на ранних этапах своего развития показала, каким образом происходит развитие значений в онтогенезе, что было важным шагом не только для общей теории значения, но и для исследования проблемы психологического компонента значения в психолингвистике. В процессе развития ребенка значение изменяется качественно (динамика изменения называлась Л. С. Выготским «принципом метаморфоз»), превращаясь из набора компонентов в систему языка именно в процессе общения (и никак иначе), что подтверждается важным выводом Л. С. Выготского о том, что «значение слова неконстантно. Оно изменяется в ходе развития ребенка. Оно изменяется и при различных способах функционирования мысли» [Выготский 2001:

287]. Для А. Н. Леонтьева развитие значений осуществляется также в процессе психологического развития и операций с ними (физических, семиотических), то есть через деятельность (в том числе и речевую), которая, меняясь и усложняясь сама, изменяет качественно и само значение слова.

ОМ ребенка опосредован и формируется на основе деятельности, в то же время и сам ОМ влияет на выполняемую ребенком деятельность. Этот двунаправленный процесс позволяет развиваться и усложняться обоим элементам.

Ведущим типом деятельности в детском и дошкольном возрасте выступает игра, представляющая собой особый вид осмысленной деятельности, имеющей единый мотив. Исследователи подчеркивали тот факт, что игра существует не просто для высвобождения накопившейся у ребенка энергии и практического воздействия на предмет, – она представляет собой *отношение* личности к окружающей действительности, являясь *средством* развития других видов деятельности, например речевой. Следовательно, ОМ формируется при помощи двух основных общих форм деятельности – познания и общения. Стоит отметить, что с культурологической точки зрения целью игры на ранних этапах взросления является ознакомление с ценностями и нормами этнической культуры, которые посредством мифов войдут в подсознание ребенка в качестве моделей должного и запретного. При помощи игры индивид может модифицировать и изменять мир. Именно в детском возрасте в процессе игры возникает потребность воздействовать на мир, что является главным предназначением игры [Рубинштейн 2009]. В игровой форме развивается речь детей: пополняется количественно и качественно словарь, формируется фонетика родного языка, совершенствуется связная речь и умение правильно выражать свои мысли.

Важно отметить, что жизнь, а значит, и развитие ребенка, зависят не от простой суммы деятельностей на определенном этапе его развития, а от специфики его ведущей деятельности. Навыки, приобретенные им в игровой деятельности, развивают наглядно-действенное мышление, которое позже будет являться основанием для наглядно-образного мышления, оперирующего словами родного языка. Они, по сути, выступают первым обобщением и началом структурирования познанного, воспринятого мира. В итоге «развитие мышления ребенка совершается <...> в двух планах – непосредственно в действенном плане и в плане речевом» [Рубинштейн 2009: 344], когда ребенок не только накапливает свой собственный опыт, но и усваивает заложенные обществом смыслы и значения слов. Тем не менее развитие мысли в действии намного опережает мышление в слове. Ребенок может найти эффективные способы решения задачи, но при

этом описать свои действия зачастую до определенного возраста для него затруднительно.

Изучая психическое развитие ребенка, Л. С. Выготский выделил два уровня: *актуальный*, определяемый при самостоятельном решении задач, и *потенциальный*, уровень решения задач в совместной деятельности со взрослым, в основном при помощи подражания ему. Разница этих уровней была названа «зоной ближайшего развития», которая определяет развитие созревающей (но не созревшей!) функции [Выготский 1934: 42]. Понятие функции объединяет в себе множество элементов, таких как высшие психические функции (мышление, воображение, память), состояния (интеллект, осознанность, произвольность действия), навыки (грамотность, чтение), приближаясь к совокупному понятию «психической системы» [Выготский 1982]. Процессы обучения и развития образуют единство, но не тождество.

Л. С. Выготский опирался на идеи, которые уже были разработаны его предшественниками в так называемом «психологическом» направлении лингвистики. В этой связи особенно интересными представляются работы А. А. Потебни и его учеников, которые акцентировали внимание на языке как деятельности: «Язык – есть средство не выразить готовую мысль, а создавать ее, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня 1976: 171], – в процессе которой происходит развитие языка. А. А. Потебня распространял деятельностный подход на все аспекты функционирования языка, а также на происхождение и существование слова.

В более взрослом – подростковом – возрасте восприятие окружающей реальности, а значит и ОМ, существенно меняется. Подросток реализует все большее число социальных ролей, некоторые – на уровне взрослого. Кроме того, на его ОМ влияет окружение уже не только в лице родителей и учителей, а все чаще – друзей и сверстников. Таким образом, динамика развития ОМ и его единицы – значения – состоит в определенном расширении их объема и содержания.

Значение с психолингвистической точки зрения на разных этапах развития личности обладает неодинаковым объемом и является динамичным по своей сути. Еще Л. С. Выготский подчеркивал, что ребенок, усвоив новое слово, находится не в конце пути, а только в начале, потому как формирование значения слова есть процесс, а не результат. При этом два описываемых явления не противостоят друг другу, а образуют единство когнитивной деятельности [Лурия 2007; Щерба 2004]. В этом долгом процессе слово может наполняться несущественными, но личностно значимыми элементами,

которые иногда появляются в качестве единичных ассоциаций при свободном ассоциативном эксперименте.

Понятие формируется у человека и в человеке, поскольку существуют условия, которые необходимы, чтобы личность осознала и поняла (или приняла) некое явление как данность:

- если нет номинации, то нет и вещи (события, явления), поскольку они не вычленены (не «вычерпаны», по А. Н. Леонтьеву) из реальности этносом;
- слово или имя есть, но оно пусто, так как отсутствует его содержание, что говорит о том, что вне личности человека данный фрагмент в общественном сознании существует;
- слово знакомо, однако имеет слишком смутное, неясное содержание, индивид не может отделить понятие от близких ему по смыслу, тем не менее может присутствовать чувственный образ предмета;
- понятие становится совершенно полным и осознанным тогда, когда усвоена его понятийная схема, то есть определено место данного предмета или явления в личном тезаурусе [Чернейко 1997] – иными словами, в индивидуальном ОМ.

Какие же факторы влияют на формирование индивидуального значения? В разном возрасте они, конечно же, свои. Как мы уже указывали, в детском и дошкольном возрасте это игра, замещающая реальную деятельность с предметами, а также значимые взрослые. В школьном и подростковом периоде бóльшую роль играют обучение и воспитание, значимые сверстники и СМИ, включая интернет.

Образование, как общий термин для обучения и воспитания, является основным условием социализации личности, ведь именно в коллективе человек познает новые для него понятия, знакомится с неизвестными ему ранее значениями слов. Образовательная среда, таким образом, играет важную роль в развитии отдельных понятий, формирующих понятийную систему личности, а также в воспитании, поскольку через среду человек взаимодействует с окружающим миром. Среда крайне значима в формировании характера человека [Выготский 2005: 12] и представляет собой совокупность прошлого культурно-исторического наследственного опыта предыдущих поколений, который включает также и предметы, наделенные индивидом значением, и условные связи личного опыта человека, сходные по своей структуре и происхождению. Иными словами, в индивиде заключена «социальность в квадрате» [Выготский 1982: 191].

В советской педагогической традиции воспитание и обучение представляли собой неразрывное диалектическое единство, целью которого являлось формирование

«человеческого в человеке» [Волкова 2019: 18]. Педагогика нового времени, нацеленная на западные стандарты, не просто разделила данные понятия, но возвела дидактическую составляющую образования в ранг единственно значимой в процессе развития индивида. О разнице содержания свидетельствует также сама семантика слов *обучение*, *воспитание* и *education*. Так, русские лексемы обладают более широким содержанием, включающим морально-этические, социальные, поведенческие аспекты, в то время как английская лексема указывает на приоритет интеллектуального развития над нравственным [Трунова 2017].

Образование в советский период развития нашей страны часто ассоциировалось с более широким просвещением, однако в современном мире частотность употребления этого слова сильно упала. Данный факт представляется нам показательным, потому что развитие личности в обществе перестало быть целью российского образования XXI века, акценты сместились на «квалифицированного потребителя», обладающего не знаниями, умениями и навыками профессиональной деятельности, а узконаправленными компетенциями, предоставляемыми образованием. В настоящее время образование служит не важнейшим социальным институтом, призванным формировать будущее, а рассматривается как сфера услуг в рамках рыночных отношений.

Подчеркнем, что образование «является тем уникальным социокультурным феноменом, который органично актуализирует масштабность процесса социализации, качественно обновляет возможности социальной сферы и фокусирует глубину сферы культуры» [Сухоруких 2020: 44]. А культура, безусловно, включает национальные ценностные смыслы и обуславливает нормы поведения, постигаемые в процессе обучения. Ориентация на западные стандарты образования, нацеленные на прагматический эффект, подчеркивающие информационную доминанту и при этом обесценивающие когнитивную составляющую, приводит к неожиданным результатам: индивид усваивает в готовом виде словоформы, не имея полного понятия об их содержательном наполнении. Формируемые таким образом симулякры (по Ж. Бодрийяру) не переживаются личностно, а принимаются в качестве догматов, не требующих проверки и осмысления. Об опасности не просто непонимания, незнания значений, а отсутствия у человека *отношения* к изучаемому материалу говорил А. Н. Леонтьев, подчеркивая, что «только при этом условии приобретаемые им знания будут для него живыми знаниями, станут подлинными “органами его индивидуальности” и, в свою очередь, определяют его отношение к миру» [Леонтьев

URL], то есть основа ОМ человека будет складываться из этих личностно значимых, «живых» знаний.

Образование с точки зрения философии представляет собой развитие смыслового универсума, или смыслового мышления [Волкова 2002, 2019]. С позиции психолингвистики в этом случае оно формирует индивидуальные смыслы, которые в языке функционируют как значения. Именно занятия в образовательных учреждениях, таким образом, расширяют кругозор и развивают ОМ конкретного ученика, поскольку в ходе образовательного процесса изучаются феномены, выходящие за пределы привычного мира, опыта и обыденной жизни ребенка. Здесь учащийся открывает новые смыслы, узнает значения, создает закономерные и опосредованные связи между предметами и явлениями, открывая мир для себя заново. Интерпретируя полученные учителем знания, то есть находясь в постоянном процессе деятельности, ребенок приобщается к производству своих знаний, где *самоличный* интерес и сознательность являются основными двигателями процесса познания. При этом необходимо отметить, что «обучение, приобретаемые знания воспитывают, и этого нельзя недооценивать. Но для того, чтобы знания воспитывали, нужно воспитывать отношения к самим знаниям. В этом суть сознательности учения» [Леонтьев URL], что еще раз доказывает неразрывную связь между воспитанием и обучением.

Однако современный человек получает информацию, облеченную в значения слов, несущих явные и скрытые смыслы, при помощи средств массовой коммуникации (СМК), включая интернет.

СМК служат не просто источником информации, они представляют собой особый социальный институт, который транслирует идеи и смыслы. При этом источник информации становится самой информацией (по М. Маклюэну), что свидетельствует в пользу того, что информация, исходящая из достоверного для индивида источника, зачастую не оценивается критически. Кроме того, в последнее время потенциал манипулятивных методик, используемых в СМИ, на телевидении и в интернете, значительно возрос [Бутахина, Филиппова 2016; Кихтан, Мамиева 2018]. Поскольку эти каналы занимают значительную часть жизни современного человека (в работе, учебе, досуге), то изменение, пополнение, уточнение содержания значений слов происходит в большей или меньшей степени благодаря вышеназванным ресурсам.

Важно обратить внимание еще на один факт. При объяснении новой темы в школе учитель, как правило, основывается на уже изученном материале, что дает педагогу ясную картину того, как и в какой степени ребенок воспримет предлагаемое

ему знание или понятие. В доказательство данного тезиса приведем цитату выдающегося нейропсихолога А. Р. Лурия, который указывал на то, что долгий путь познания и присвоения знаний человеком, «наряду с активной деятельностью органов чувств, включает и активные действия человека, и его прежний опыт, и решающе важное участие языка, хранящего опыт поколений и позволяющего выходить за пределы непосредственно получаемой информации» [Лурия 1977: 5]. При однонаправленном взаимодействии с экраном такая проверка невозможна, поэтому уточнение значения или толкование нового слова происходит спонтанно: значение слова может вообще пропускаться или обрастать несвойственными ему смыслами. Ярким примером тому могут служить усвоенные в компьютерных играх слова с пустым денотатом и / или сигнификатом, в данном случае отягощенные еще тем, что являются заимствованиями, часто лишенными внутренней формы [Казаченко 2016]. Необходимо отметить, что в психологии и в психолингвистике важно не то, каким материалом или набором оттенков значений оперирует человек, а то, как он **структурирует** материал, иерархически (не линейно!!!) выстраивая ядро и периферию индивидуального значения. Таким образом, следует подчеркнуть особую роль СМИ в процессе возникновения и усвоения новых смыслов.

Подводя краткий итог вышесказанному, необходимо отметить, что усиленное внимание к вопросам индивидуального ОМ и его основной единицы – индивидуального значения – связано в первую очередь с реальной практической, а также внутренней духовной жизнью индивида, то есть личность выступает сознательным деятельным существом. Индивидуальное значение не просто номинирует предмет, а выделяет и обобщает его важнейшие для субъекта признаки или функции в процессе жизнедеятельности человека, объединяющей внешний и внутренний планы деятельности. Индивидуальный ОМ строится поэтапно. Определяющими факторами в детском и дошкольном возрасте являются игра, замещающая реальную деятельность с предметами, а также значимые взрослые; в школьном и подростковом периоде большую роль играют обучение и воспитание, значимые сверстники и СМИ, включая интернет.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

Проведенный теоретический анализ существующих концепций ОМ российских и зарубежных ученых позволяет сделать следующие выводы.

1. ОМ в современных гуманитарных науках предстает как сложный процесс познания, презентация реальности в сознании, феномен отражения в психике, сущность, содержание и способ организации субъективной реальности и так далее. Выявляемые различия в подходах к ОМ вполне объяснимы, так как каждая отрасль науки изучает данный феномен на основании собственного материала исследования: психология – высших психических функций, познавательных процессов; философия – познания, сознания, личности; педагогика – знания; литературоведение – образного отображения жизни в текстах. Основными характеристиками ОМ являются его целостность, структурность, взаимосвязь со средой, иерархичность уровней, саморазвитие, амодальность, эмоционально-личностный смысл и вторичность по отношению к объективному миру. Важно также отметить наличие разнообразных форм, элементов и уровней в ОМ, однако подчеркнуть несводимость суммы входящих в него компонентов к целостному ОМ.

2. ОМ оказывается тесно связанным с ЯС, поскольку оба феномена представляют собой формы сознания, отвечающие за отражение и восприятие реального мира, а также основываются на концепции культурно-исторической деятельности Л. С. Выготского, теории деятельности А. Н. Леонтьева. Важно подчеркнуть, что и ОМ, и ЯС рассматриваются в триединстве «язык – речь – речевая деятельность».

ЯС осуществляет отражение предметов, свойств и характеристик объективной реальности посредством языковых значений, а ОМ использует для этого образы сознания, формирующие понятия, дополняемые языковыми значениями. Следует подчеркнуть национально-культурную обусловленность и вариативность изучаемых феноменов, выявляемые на основании наличия реальных связей между стимулами и реакциями в сознании носителей языка в ассоциативном эксперименте, а также сходств и различий в паремиологическом, идиоматическом фондах языков, исследуемые в цветообозначениях, прецедентных именах, гендерной, возрастной, профессиональной специфики и так далее.

Проблема компонентов, уровней и подсистем ОМ до настоящего времени является дискуссионной.

Важно подчеркнуть различия между ЯС и ОМ в выполняемых функциях. ЯС реализует следующие функции: отражательную, оценочную, ориентировочно-селективную, интерпретационную и регулятивно-управляющую. ОМ также выполняет, на наш взгляд, отражательную, ориентировочно-селективную, оценочную, интерпретационную и регулируемую функции, однако, считая ОМ более широким понятием, чем ЯС, к вышеперечисленным считаем необходимым добавить прогностическую функцию, нацеленную на ориентацию деятельности человека, что в итоге является показателем его успеха или неудачи. Современные исследования направлены более на индивидуальный ОМ, изучаемый в рамках нового направления, называемого (нео)психолингвистикой.

3. В предельно обобщенном виде существует два подхода к трактовке значения: узкий и широкий. Узкий подход, реализуемый в традиционной лингвистике, рассматривает значение как вербализованную форму знака. Широкий подход исходит из принципа, что значение представляет собой сложную многокомпонентную структуру, которая формирует систему языка, отражающую реальность во всем многообразии аффективных, когнитивных и деятельностных связей. Такая направленность характерна для психолингвистического ракурса изучения значения.

4. Языковые значения представляют психический феномен, предусматривающий активно-познающего индивида, который является членом коллектива и представителем культуры, совмещающим все модусы своей жизнедеятельности: биосферу, психосферу, социосферу, ноосферу и смысловую сферу, из которых формируется ОМ человека.

За значением стоят многочисленные сложные связи, общественно-выработанные и апробированные операции и отношения, при помощи которых происходит познавательная деятельность человека, осуществляется накопление опыта, его категоризация и концептуализация.

Значение не только выступает как способ отражения предметов в сознании, но и позволяет анализировать, постигать свойства и обобщать их признаки. Посредством установления семантических особенностей речи выявляются общие механизмы психики и поведения человека.

5. Существует ряд факторов, вносящих весомый вклад в формирование и развитие индивидуального значения, а именно: образование, включающее обучение и воспитание, окружение (семья, школа, значимые сверстники), а также СМК, где особая роль отведена интернету.

ГЛАВА 2

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СФЕРА ОБРАЗА МИРА И СПЕЦИФИКА ЕЕ ФОРМИРОВАНИЯ

2.1 Понятие ценностей и основные направления их исследования в гуманитарных науках

Описание понятия, сущности, специфики, динамики и функционирования ценностей начнем с общеизвестной цитаты Ф. М. Достоевского, утверждавшего, что «мерило народа не то, каков он есть, а то, что считает прекрасным и истинным, по чем вздыхает» [Достоевский 1876: 143]. Критерием, определяющим глубинную сущность народа, а значит, и обуславливающим его коллективное сознание, писатель называет ценности, говоря об их роли в жизни не только отдельного человека, но и общества, народа, нации.

Осмысление ценностей бытия в настоящее время является основной проблемой, решаемой во многих областях гуманитарного знания, что ознаменовало собой новый аксиологический подход, сменивший онтологический и гносеологический форматы научного знания. Обращение к ценностям не случайно, поскольку они вместе с экономической деятельностью и государством являются интеграторами общества, в сумме обеспечивают целостность той или иной цивилизации [Шемякин 2001]. Если один из этих компонентов перестает действовать, то вся сложная система цивилизации ставится под угрозу.

Ценности представляют собой социальную категорию, поскольку с их помощью измеряются все общественные и природные предметы и явления.

В изучении ценностей существует как минимум четыре препятствия: (а) ценности не наблюдаемы, (б) современные теории не дают достаточной степени понимания того, как ценности связаны с поведением, (в) поведенческие объяснения неубедительны, когда сам процесс, порождающий ценности, неизвестен, (г) возникают сложности с измерением самих ценностей [Nechter 1993]. Хотя последние теоретические и эмпирические исследования удовлетворительно справляются с некоторыми из этих проблем, мы, тем не менее, добавим еще два пункта: (д) ценности часто связаны с другими социальными, культурными, психологическими и психолингвистическими

явлениями, (е) ценности имеют историческую, культурную и языковую вариативность в своем содержании.

Ценностью называют как положительную или отрицательную значимость объектов, явлений, феноменов для человека или социума, так и сам социальный стандарт, который используется для определения данного отношения (Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, И. Кант). На этом основании иногда проводят различие между «предметными ценностями» и «ценностями сознания».

Происхождение ценностного сознания изучается в науке по-разному, на основании того, что предлагается в качестве его атомарных единиц. При условии признания таковыми высших нравственных границ, ценностное сознание представляется единоличным человеческим приобретением. Однако многие философы связывают данный феномен с эмоциональной сферой человека, о чем говорил еще Ч. Дарвин. Он пришел к заключению, что минимальной единицей ценностного сознания являются чувства человека, образующие, уже на уровне высших животных, пристрастные эмоциональные реакции.

Будучи одной из основных категорий, так или иначе затрагиваемой практически в любой отрасли гуманитарного знания, ценности реализовывали разное содержание в зависимости от исторических обстоятельств, формации общества, социально-политических условий и так далее. При этом необходимо отметить диффузность границ гуманитарных наук, поэтому не случайно совпадение не только объекта, но часто и предмета изучения этой сложной категории.

Существующие определения ценности сводят ее к *значимости* (О. Г. Дробницкий, В. А. Василенко, Г. Риккерт, В. Виндельбанд, О. М. Вовченко, В. А. Гордилов), *идеалу* или *должному* (В. П. Бранский, О. М. Бакурадзе, И. С. Барский, Р. Menzer, И. С. Кон, Э. Дюркгейм), *пользе* или *полезности* (Сократ), *удовлетворению потребностей* (А. Маслоу, В. П. Тугаринов, С. Ф. Анисимов, Е. В. Субботский), *Благу* (Платон, Аристотель), *убеждению* (M. Rokeach, E. Güngör 1998), *интересу* (Р. Перри, Т. Парсонс, Т. Шибутани), *отношению* (А. Мейнонг, И. Гейде), *цели* (Н. З. Чавчавадзе, А. Г. Здравомыслов), *представлению* (Е. Р. Южанинова), *продуктам реализации идеала* (В. П. Бранский), *мотивационным предпочтениям* (К. Х. Момджян). Некоторые антропологи определяют ценности как «концепции желательного» (С. Kluckhohn), субъективное ощущение о правильном / неправильном поведении (R. H. Crepo) или даже как набор ориентаций на отношения, время, деятельность, окружающую среду и человеческую природу (С. Kluckhohn, F. Strodtbeck). Из многообразия определений

можно заключить, что мы имеем дело с весьма сложным феноменом, включающим сущности разного порядка, сложно структурированным и представляющим собой целую систему взаимосвязанных элементов.

Ценности являются ориентиром при формировании целостной аксиологической системы отдельных лиц и обществ и классифицируются в основном в соответствии с содержанием, характеристиками и функциональностью, поскольку, как утверждал Н. А. Бердяев, «определение ценностей и установка их иерархии есть трансцендентальная функция сознания» [Бердяев 1990: 271].

Наиболее распространенными и общепринятыми за рубежом являются классификации Э. Шпрангера [Spranger 1928], М. Рокича [Rokeach 1973] и Ш. Шварца [Schwartz 1994]. В соответствии с ними, большинство объектов и процессов, с которыми сталкивается человек в своей реальной жизни, подвергается оценке в форме материальных и духовных ценностей. Кроме того, во многих классификациях отдельно выделяются экономические, эстетические, политические, религиозные, интеллектуальные и другие ценности [Parks, Guay 2009; Ryckman, Houston 2003; Дюркгейм 1991]. Материальные ценности связаны с полезностью вещей, предметов в жизнедеятельности человека и реализованы в форме экономических и политических ценностей. К духовным ценностям относят государственно-конституционные, нравственно-гуманистические, народно-патриотические, социально-профессиональные, культурно-национальные [Ремизов 2000: 11–42], когнитивные (познавательные), мировоззренческие, эстетические, этические, теологические [Неганов и др. 2004: 6], этические, эстетические и мировоззренческие [Бранский 1999: 489] ценности.

Сегодня к сложноструктурированным иерархиям ценностей добавляются совершенно новые – виртуальные, объединяющие глобальную сеть, виртуальный мир, киберпространство, информацию и возможность свободного доступа к ней, информационные и интеллектуальные технологии, интеллектуальный капитал [Котова 2014], что делает структуру постиндустриальных ценностей полиморфной.

Ценности связаны не только с мировоззрением отдельного индивида, но также с мировоззрением общества, к которому он принадлежит. Бытийность человека на мировоззренческой ступени позволяет ему отвлечься от самого себя и воспринимать весь мир вокруг себя. Этот мир органически духовно входит в человека, обогащая его личность. Именно поэтому, несмотря на абстрактность мировоззрения, оно всегда сконцентрировано в реальном человеке. Иначе говоря, проблема ценностей

представляется неразрывно связанной с отношением человека к чему-либо в окружающем мире, она является проблемой *человеческих* ценностей.

Ценности с мировоззренческой точки зрения лучше анализировать с позиции их иерархии, поскольку именно иерархия обладает большей фундаментальностью, по сравнению с приоритетами. Несмотря на то, что в обыденном сознании эти две категории совпадают, в обеих есть приоритетность компонентов, но иерархия жестче структурирована и не подвержена сиюминутным колебаниям в настроении. Вершину иерархии венчают мировоззренческие ценности, лежащие в основе общества, которые сохраняют его целостность и жизнеспособность. Мировоззрение включает не только знания о мире как основу интеллектуального знания, но также эмоционально-ценностное отношение человека к миру.

Ценностно-мировоззренческая среда (термин В. А. Ремизова), тесно связанная с культурой, складывается из совокупности социально-экономических, природных, идеологических факторов, а также верований, традиций, функционирующих в данный исторический период на определенной территории, что неизбежно отражается в ОМ человека. Она представляет собой культурно-историческую среду, где формируются и усваиваются духовные ценности. Таким образом, иерархия ценностей всегда зависит от системы мировоззрения.

В европейской традиции выделяются следующие ценностные отношения: теоцентризм, натурализм, гуманизм, социоцентризм, культуроцентризм [Мирошников 2003: 69–72], где каждый полюс выражен антиномиями. Например, в концепциях теоцентризма крайними точками будут Бог и дьявол, а человек находится посередине. Человек венчает пирамиду природы в натурализме и гуманизме. Социоцентричные и культуроцентричные концепции помещают человека на иерархической лестнице в зависимости от уровня развития общества и связи культурного развития с духовной жизнью.

Итак, системы, структуры и иерархии ценностей строятся учеными на разных основаниях. В большинстве из них выделяются уровни: например, высший уровень, или уровень латентных, бытийных ценностей, средний, объединяющий конкретно-исторические ценности, и низший – уровень личностных ценностей. К *бытийным* ценностям относятся абсолютная полнота бытия (термин Н. О. Лосского), любовь, свобода, творчество, причем наличие любой из них требует присутствия остальных. *Конкретно-исторические* ценности, отражающие ценностное ядро определенной эпохи и общества, интегрируют в своем составе многообразие культурных, социетальных,

политических и экономических ценностей. *Личностные* ценности могут осознаваться, и тогда они становятся рефлекслируемыми, а могут находиться в тени сознания, формируя нереллекслируемые группы. Реллекслированные представлены ценностями-идеалами (универсальными представлениями), терминальными ценностями (значимыми для жизни индивида) и инструментальными (направленными на достижение целей) [Огородников 2013: 119–133]. Бытийные и конкретно-исторические ценности формируются этносом, и по мере восхождения к высшим слоям изменяется их подверженность трансформациям. У индивида в его ОМ все эти ценности, но в своеобразном сочетании, находят выражение в индивидуальных значениях слов, выступающих именами ценностей.

В зависимости от значимости ценности делят на следующие группы: *первичные*, особенно важные в культуре, за которые и «жизнь отдать не жалко»; *вторичные*, менее значимые; *третичные*, малозначимые; *несущественные* [Ситорам, Когделл 1992]. Изучив речи политиков (У. Черчилля и М. Ганди), ученые предложили классификацию исходя из ценностей разных культур, упоминая западные, восточные культуры, черные культуры Америки, американские, а также мусульманские культуры. В список ценностей вошли такие понятия, как *материнство, мужественность, спасение, уважение к старшим, сохранение среды, святость пахотной земли, образование* и некоторые другие. Так, ценность *индивидуальность*, согласно данным исследователей, оказалась первично значимой для западных культур, в то время как для афроамериканских и восточных культур она имеет вторичную или даже третичную важность и совершенно незначима для мусульманских культур. Ценность *деньги* ожидаемо более релевантна для западной и американской культур, тогда как в мусульманской культуре не считается жизненно необходимой. Таким образом, оценка ценностей, их иерархия, а также значимость существенно зависят от типа культуры, о чем речь пойдет позже.

В самом обобщенном виде существует два подхода к интерпретации ценностей: ценность как свойство и ценность как совокупность когнитивных процессов. Для формализации этих характеристик был представлен список семи аксиом ценности. Они могут рассматриваться как общие правила, описывающие ценность в контексте любой науки, потому что передают фундаментальные характеристики феномена. Итак, ценность: связана с людьми (Аксиома 1); является результатом работы когнитивных процессов (Аксиома 2); обуславливает суждения (Аксиома 3); возникает в конкретной ситуации, основанной на ее знании и понимании (Аксиома 4); определяется пониманием

ее сущности субъектом (Аксиома 5); сама относится как к сущностям (Аксиома 6), так и к критериям (Аксиома 7) [Reber et al. 2019: 2162–2165]. Иными словами, ценность определяется и характеризуется как результат когнитивных процессов, имеющих место в сознании человека, в зависимости от ситуации и интерпретации, и относится к сущностям и критериям.

На наш взгляд, для лингвистики и психолингвистики данные аксиомы применимы не полностью. Ценности рассматриваются в теории речевой деятельности в качестве значений слов, выражающих искомые понятия в речи носителей языка, поэтому связь с человеком и его когнитивными процессами, порождающими речь, очевидна, что подтверждает Аксиому 1 и Аксиому 2. Способность лингвистики доказать Аксиому 3 о том, что ценности влияют на наши суждения, весьма сомнительна. С Аксиомой 4 можно согласиться на основании того, что ценности являются абстрактными понятиями и, соответственно, не имеют предметных аналогов в действительности, поэтому их усвоение происходит при анализе ситуаций (в реальной жизни, литературе), которые потом осознаются, номинируются и систематизируются в форме значений слов. Эти слова имеют индивидуальные коннотации, то есть психически реальные значения слов, что также подтверждает релевантность для психолингвистики Аксиомы 5. Аксиома 6 и Аксиома 7 малоприменимы к лингвистике, потому что совершенно не уточняют статус ценности как единицы языка и речи. Нам представляется, что в ряде гуманитарных наук данный список тоже выдерживается не полностью либо с существенными поправками.

Важно отметить, что практически в любой отрасли знания исследователи подчеркивают использование различных концептуальных подходов к объяснению онтологии, структуры и закономерностей ценностей и методик, что приводит к плачевному результату несопоставимости данных. Это обстоятельство еще больше затрудняет изучение категории ценности, однако мы постараемся обозначить различие и сходство подходов в гуманитарных науках, понимая при этом сложность решения этой сложной задачи.

Категория ценности в философии

Основой для изучения аксиологической сферы в разных гуманитарных науках традиционно выступала философия. Философия ценностей, или аксиология, является одним из новых направлений данной науки, изучающим положительную, нейтральную и отрицательную значимость любого объекта, не принимая в расчет его экзистенциальные и качественные характеристики [Ивин 2006: 3]. Важным принципом

аксиологии является определение и раскрытие ценности вне зависимости от ее узкой трактовки в различных науках, религии и повседневной жизни. Важно отметить, что ценности интересовали не только философов-аксиологов. А. Маслоу предостерегал от нравственно нейтральной философии, то есть «свободной от ценностей», так как она, по мнению ученого, не «только ошибочна, но и чрезвычайно опасна» [Маслоу1999: 31], поскольку именно осознание роли ценностей побуждает ученых строить стратегии их будущих исследований.

Ценности в разное время связывались с различными категориями. В античности они соотносились с Истиной (Аристотель, Платон, Сократ), Добром (Августин, Ф. Аквинский), Совершенством (Спиноза). Философия Нового времени XVII–XVIII вв. (Р. Декарт, Б. Спиноза, Дж. Локк) закладывает предпосылки обобщающего представления о ценности как социальном феномене, рассматривая закономерности ее проявлений и развития. Важной проблемой было определение объективности или субъективности ценностей. Ценность начинает рассматриваться как *значимость*, в отличие от *существования* объекта или его качественных характеристик.

Разработкой теории ценностей занимались русские ученые, развивавшие в основном два направления: *религиозное* в дореволюционной России (объективно-идеалистическое направление аксиологии Н. О. Лосского, идея «всеединого сущего» В. С. Соловьева, «религия жизни» В. В. Розанова, эсхатология Н. А. Бердяева) и *социальное* в советское время (В. П. Тугаринов, О. Г. Дробницкий, В. А. Василенко), – подчеркивавшие общественную природу ценностей, их тесную связь с деятельностью. Эти и другие философские исследования ценностей легли в основу социологического, культурологического, правового и лингвистического понимания данного феномена, что проявляется в широком цитировании работ философов в изысканиях исследователей большинства гуманитарных наук.

Важно отметить, что любая философская система серьезного ученого-философа имеет три обязательные составляющие: реальность, истина, ценность. Именно они реализуют «три минимальных требования общечеловеческого здравого смысла – принцип объективности мира, принцип его познаваемости и принцип осмысленности человеческого существования» [Бранский 1999: 240]. Социология также основывает свои изыскания на базе трех составляющих: ценности, истины и факта [Миллс 2001]. Эти основания представляются нам вполне справедливыми, потому что ценности, входящие в идеальную сферу человека, базируются на реальности и без нее не существуют.

По утверждению Н. А. Бердяева, «человек есть существо оценивающее» [Бердяев 1990: 271], поэтому философия рассматривает широкий круг онтологических и гносеологических проблем, включающих следующие задачи: проследить эволюцию ценностей в обществе; выявить ядерные ценности и особенности аксиологического познания; спрогнозировать направление развития ценностей в будущем; исследовать мыслительные операции (например, понимания), которые непосредственно связаны с ценностями; выяснить соотношение истины и идеала, лежащих в основе критериев ценностей, и так далее.

Категория ценности в психологии

Для психологии ценности как объект изучения выступают в трех взаимозависимых формах: *общественных идеалов*, относящихся к категории «социальных представлений», их предметного *воплощения* в деятельности или продуктах и *мотивационных структур личности* в качестве «модели должного», реализующихся в личностных ценностях [Леонтьев 1996].

Поскольку исследований, направленных на изучение ценностей, психологическая наука накопила достаточно много, то в данной работе ограничимся только упоминанием общих подходов. При этом подчеркнем, что несмотря на большое количество собранного эмпирического материала, его теоретическое осмысление отстает.

Поскольку современная психология и психолингвистика ориентируются на изучение личности, то неудивительно, что они стремятся познать закономерности и специфику аксиологической КМ и ценностного ОМ человека. Личные ценности отражают принципы, используемые в определении поведения человека, и представляют собой измерение индивидуальных различий [Parks, Guay 2009; Rokeach 1973; Schwartz 1992]. Для индивидов ценности выступают как внутренний моральный ориентир и представляют собой оценочные убеждения, объединяющие аффективные и когнитивные элементы для ориентации людей в мире [Marini 2000; Hitlin, Piliavin 2004]. Ценности демонстрируют устойчивую связь с другими индивидуальными различиями, такими как личностные черты [Fischer, Voer 2015; Roccas et al. 2002], которые обычно сгруппированы в сводные категории (например, круговая таксономия Ш. Шварца). В дополнение к многочисленным исследованиям, изучающим ценности с помощью переменного-центрированного подхода (как в случае с кругом ценностей Ш. Шварца), в последнее время внимание было сосредоточено на изучении типологии ценностей с учетом личностного подхода [Borg et al. 2015; Gollan, Witte 2013; Magun et al. 2016], где

был сделан акцент на личностно-центрированный подход, поскольку сам феномен ценности необходимо исследовать только при условии учета индивидуальной психики и сознания, а также их структурных элементов. Эти исследования дополнительно подтверждают существующие таксономические различия, предложенные в теории базовых общечеловеческих ценностей Ш. Шварца [Шварц 1992].

В психологии выделяют две концепции личностных ценностей: ценности как предпочтения и ценности как принципы [Ravlin, Meglino 1987]. Сосредоточимся на последних. Личные ценности концептуализируются в соответствии с шестью принципами, описанными Ш. Шварцем: (1) ценности есть убеждения, связанные с аффектом, которые в процессе человеческой деятельности, как правило, объединяются с чувствами; (2) ценности ориентированы на желательные цели, которые помогают мотивировать действия; (3) ценности выходят за рамки конкретных ситуаций и действий; (4) ценности служат критериями или стандартами; (5) ценности упорядочены по важности относительно других ценностей; (6) относительная важность совокупности ценностей управляет действиями человека [Shwartz 1992].

В процессе развития личности личностные ценности, при условии успешного присвоения, согласуются с конкретно-историческими и бытийными, не противореча друг другу. В противном случае при поверхностной интериоризации возрастает вероятность быстрой смены ценностей. Важно отметить, что та ценность, которая маркируется индивидом в качестве особенно значимой, «определяет ведущую направленность личности» [Яницкий 2000а: 36], венчая иерархию ценностей.

В работах психологов отмечается, что ценности не тождественны поступкам, хотя при определенных условиях они могут выступать одним из катализаторов действий. Подчеркивается, что ценности воздействуют на выбор языковых средств в процессе речевой деятельности, и это влияет на действия (практические или речевые) собеседников [Магун, Руднев 2008]. Таким образом, ценности, выступая в качестве императивов и идеалов, способны направлять человеческую деятельность, в том числе и речевую, определяя поступки, взгляды и мировоззрение личности. Частично это выражается в объеме и содержании индивидуального значения в форме коннотаций.

Несмотря на то, что ценности не поддаются непосредственному наблюдению и часто смешиваются с другими явлениями, такими как нормы или установки, западные ученые убеждены, что в последние десятилетия был достигнут значительный прогресс в измерении систем ценностей на национальных уровнях. Наиболее значимыми являются лонгитюдные исследования в рамках социологического проекта «Исследование

мировых ценностей» (www.worldvaluessurvey.org). Полученная в результате этого культурная карта Инглхарта-Вельцеля выстраивает страны в соответствии с двумя основным векторами: традиционные / светские ценности и выживание / самовыражение. Авторы проекта настаивают, что убеждения людей играют ключевую роль в экономическом развитии, появлении и процветании демократических институтов, росте гендерного равенства и степени, в которой общества имеют эффективное правительство [Выводы и идеи URL]. В соответствии с этой картой русский ОМ занимает промежуточное место между традиционными и светскими ценностями, тяготея более к последним, при этом страна находится в зоне стойкого выживания и далека от ценностей самовыражения. Конечно, здесь существует проблема унифицированного анализа. Необходимы инновационные подходы, чтобы показать, как, когда и какие ценности имеют первостепенное значение в данную историческую эпоху, а также изучить динамику этих изменений.

Категория ценности в социологии

Ценность в социологии представляет собой идеал, складывающийся под воздействием общественного сознания и культуры, который выполняет по отношению к личности нормативные функции (К. А. Таланова, Л. В. Русских; О. Б. Хлебодарова). Иными словами, «ценности являются основанием для познания и конструирования целостного образа социального мира (разрядка наша. – О. К.)» [Винокурова 2005], что, по сути, выступает аналогом ОМ в психолингвистике.

Социология, изучая сложившиеся системы ценностей общества или индивида, имеет возможность судить не только о состоянии, функционировании и динамике общества и индивида, но также делать прогнозы относительно путей их дальнейшего развития. Поэтому структурный и функциональный анализ ценностей проводится как на макро- или социокультурном уровне, так и на микро- или индивидуально-психическом уровне. В силу междисциплинарного характера и двойственной сущности ценности рассматриваются в контексте различных категориальных систем. Социологическая точка зрения относит к социальным ценностям эволюцию от сообщества к обществу [Tönnies 2001], доминирующий тип объединения в определенный социум, коллективное сознание, разделение труда [Дюркгейм 1991а], современность [Inkeles 1969; Inkeles, Smith 1974; Inglehart, Baker 2000], структуру и функционирование социальной системы, социальное действие [Parsons 1951, 1954; Parsons, Shils 1951], протестантскую этику [Вебер 2013], стандарты или критерии поведения личности [Williams 1968, 1979].

Ученые-социологи связывали ценности с установками личности посредством деятельности, а также с принятыми стандартами, через которые выбираются цели действия или поведения (М. Вебер, У. Томас, Ф. Знанецкий, У. Л. Колб, Т. Парсонс). Социология изначально стремилась к объективным оценкам верований, убеждений, потребностей людей, исходя как бы извне, пытаясь минимизировать субъективное в исследователе.

Большое внимание уделяется динамике ценностей и роли человека и общества в этом процессе, отразившиеся в исследованиях Ленинградской социологической школы во главе с В. А. Ядовым. При этом возникают трудности как личного характера, связанные с внешней средой, так и общественного характера, зависящие от социальной структуры. Последние сопрягаются с отношениями, выходящими далеко за пределы близкого круга человека, вплоть до широкой структуры социально-исторической общности. Выделяется несколько состояний личности и общества в процессе динамики ценностей: благополучие, кризис, паника и индифферентность [Миллс 2001]. Характеристиками современного состояния общества выступают тревога и безразличие.

Исследования, проведенные в рамках социологического подхода, важны и для лингвистического анализа ценностей, поскольку позволяют расширить его рамки, например, добавляя информацию в виде социальных ценностей, выраженных в речи билингвов, расовых различий, отраженных не только в коннотативных значениях слов, но также в денотативном компоненте, а также взаимозависимости языка и социального статуса.

Категория ценности в педагогике

Ценности в педагогике изучаются в основном в рамках педагогической аксиологии, предметом которой выступает «формирование ценностного сознания, ценностного отношения, ценностного поведения личности» [Педагогическая аксиология 2008: 9]. Изучение сознания, отношения и поведения, вне всякого сомнения, сближает данную науку с психологией.

Причинами, обусловившими интерес к аксиологии в образовании, считаются следующие: необходимость воспитания у обучающихся ценностных представлений в школах и университетах по всему миру; деструктивное развитие современного образования и его глубокий кризис; потребность в выяснении новых ценностных императивов, способных улучшить создающуюся ситуацию; переход к гуманистическому и этическому направлению в образовании.

Ценностями педагогической деятельности являются особенности и духовные потребности учителя и ученика, выступающие ориентирами профессиональной и социальной деятельности, направленные на достижение гуманистических целей.

Для педагогической аксиологии значимо соотношение образования и обучения. В качестве критериев их дифференциации выступают ценность и осмысленность. Образовательный процесс становится не простой передачей знаний, но значимых знаний, то есть знаний, обладающих определенной ценностью. Осмысленность представляет собой, по сути, понимание тех тесных связей, которые существуют между поведением и целостным ОМ человека. Именно осмысленность отличает образование от внушения.

Учет данных, полученных в ходе лингвистических исследований ценностей, дает определенный материал для прогнозирования и возможной коррекции программ нравственного воспитания в рамках школьного или вузовского обучения, поскольку динамика вербальных репрезентаций понятий будет представлять ценный материал для педагогов с целью выяснения того, какой смысл вкладывают представители разных возрастных групп в определение конкретной ценности.

Категория ценности в юриспруденции и праве

Изучение ценностей в юриспруденции и праве проводится в течение последних 30 лет и находится в начале своего пути, однако многие юристы отмечают необходимость исследования правовых ценностей, ценностей права и правовых норм, то есть реализуют ценностно-нормативный подход к праву.

Ценности определяются в аксиологии права в качестве «особых отношений (здесь и далее разрядка наша. – О. К.), определенных связей субъекта, а точнее его потребностей и желаний со свойствами и предметами объективной действительности» [Бабенко 2002: 47]. Данное определение подчеркивает материалистическую сторону ценностей.

Считается, что ценности права отражают значимость определенных правил поведения, зафиксированных в нормах права государством [Мороз 2013]. Таким образом, аксиосфера права включает многообразие индивидуальных ценностей в сознании субъектов, направляющее не только правовое поведение индивида, но и внешнее правовое регулирование, а также рефлексию норм права в правовых ценностях индивида.

Развитие самих правовых ценностей связано с развитием личности и ее отношений с государством. Это обстоятельство определило два противоположных типа ценностей – ценности личности и ценности государства [Бабенко 2002: 4–5], что, вне всякого сомнения, породило двунаправленность аксиологии права.

Важным аспектом рассмотрения ценностей в юридической науке является разграничение ценностей права и ценностей в праве. Ценности в праве объединяют различные элементы социальной культуры, в то время как ценности права связаны с границами и структурой свободы личности [Алексеев 1981; Рашева 2006].

Аксиологический анализ правовых норм показал не только связь права, морали и нравственности, но и их роль в культурном и общественном развитии. Подчеркивается, что аксиология права невозможна вне конкретной культуры, что, безусловно, сближает позиции юриспруденции и других гуманитарных наук. Считаем немаловажным отметить, что современные правовые науки в своей практике постепенно начинают учитывать не только систему контроля в виде законов и кодексов, но также и иные системы контроля, включающие цели, ценности, обычаи и моральные правила этноса.

Важно отметить, что, поскольку «право одновременно представляет собой идею и текст» [Ромашов URL], то на ценности, зафиксированные в форме понятий права, также влияют и индивидуальные значения слов, выражающие эти понятия в обыденной жизни. Кроме того, следует упомянуть лингвоконфликтологию и юридическую лингвистику, которые объединяют свои усилия в исследовании ценностей с позиции права и языка.

Категория ценности в лингвистических направлениях

Категория «ценность» в последнее время все чаще появляется в лингвистических исследованиях, хотя ранее в лингвистике широко разрабатывалась проблематика оценочности. Повышенный интерес связан с тем, что язык не только представляет собой средство общения, передачи информации, некий структурированный рефлексивный образ, отражающий реальность в форме КМ, но также неизменно присутствует в опосредовании человеком реальной действительности.

Существует ряд направлений, осуществляющих теоретический и практический анализ ценностей в рамках лингвистики. Это этнолингвистика, эколингвистика, критический анализ дискурса, анализ социального дискурса, политическая лингвистика, психоллингвистика и аксиологическая лингвистика.

Лингвистика ставит перед собой весьма сложные задачи: исследование эволюции ценностных смыслов в исторической перспективе на основе антропологического

принципа; изучение ценностей в различных типах дискурсов (политического, житейного, туристического); функционирование фразеологизмов в аксиологическом аспекте; изучение характеристик национальных аксиологических картин мира; функционирование аксиологических концептов; анализ оценочной лексики и многие другие.

Ценность рассматривается в лингвистике в фундаментальной онтологической парадигме «Человек – Язык – Общество – Культура – Мир (миры)», подразумевающей пересечение множества форм бытия человека: биологической, психологической, социокультурной, трансцендентной, экзистенциальной [Серебренникова 2008: 8]. Уникально человеческий истинный мир – это мир ценностный, реализуемый в точке соединения реального и желаемого, сущего и должного, наличного и потребного, рационального и иррационального, ретроспективного и проспективного [Барышков 2005; Серебренникова 2008]. Первые элементы дихотомий соотносятся с актуальным, а вторые – с потенциальным существованием человека.

Ценности существуют в ОМ в форме осознанных и неосознанных компонентов. Будучи осознанным фрагментом действительности, содержание ценностей отражается в индивидуальных значениях слов. Широко распространенным в лингвистике становится мнение о том, что речемыслительная деятельность представляет собой способ переживания опыта и его оформления через языковые или дискурсивные (текстовые) единицы. В этом случае человек позиционирует себя как субъект через язык, осмысливая себя в мире своих ценностей и задавая дальнейшее направление действий и состояний. Так человек формирует свой индивидуальный ОМ, связанный с его ценностной направленностью в окружающем мире. Для познания объекта действительности человеку нужно сделать его «своим», то есть интериоризировать (по Л. С. Выготскому), поскольку именно так процесс осуществляется полнее и глубже. Субъективность подразумевает присутствие коннотативного компонента в слове. Те понятия и значения, на освоение которых затрачивается много сил, особенно насыщены коннотативным компонентом. Языковая личность (термин Ю. Н. Караулова) старается в процессе осмысления действительности понять появление и функционирование слова, давая при этом оценку означенному предмету или явлению. Воплощается добавочная функция, которая характеризуется передачей метаязыкового комментария информации «не о мире вообще, а о человеке» [Мурзин 1998: 11]. Таким образом, оценка априори включена в то содержание лексической единицы языка, которое личностно осмысливается и эмоционально переживается, что было доказано в диссертационном

исследовании Е. Ю. Мягковой [Мягкова 2000]. Кроме того, в языковых формах, значимых для современных носителей языка и культуры, запечатлеваются ценности предметов, явлений и ситуаций своего времени [Ионова 2019].

Современные направления лингвистики, такие как этнолингвистика, этнолингвокультурология, эколлингвистика, социоллингвистика, критический анализ дискурса, политическая лингвистика, психоллингвистика, аксиологическая лингвистика, внесли весомый вклад в исследование аксиологической проблематики. Рассмотрим их подходы более подробно.

Связь, а также соотношение ценностей и пресуппозиций, имплицитно содержащихся как в словах-оценках, так и во фразах-оценках, являются одними из главных объектов этнолингвистики и этнолингвокультурологии. Данные направления ставят перед собой глобальную задачу реконструкции традиционной КМ, мировоззрения и национальной системы ценностей. В этноязыковом сознании находят отражение не только личностные ценности, но также ценности социума и всей нации. Важным для исследования является положение о том, что ценность в лингвистике рассматривают не как онтологический феномен, а как ее понятийно-образное воплощение в слове, поэтому и положительные ценности, и их антиподы изучаются с равным интересом [Слышкин 2004: 27–28]. Из сказанного становится очевидным вывод, что в этом случае ценности изучают в качестве лексической единицы языка и речи.

Социоллингвистика рассматривает аксиологическую сферу с позиции ценностных ориентиров, норм на основе тех требований, которые общество предъявляет к человеку. Выявление ценностных приоритетов, а также ценностно-нравственной позиции современного человека – вот те проблемы, которые являются актуальными в социоллингвистических исследованиях.

Антропологическая парадигма предполагает изучение основополагающих ценностных смыслов общественного бытия человека, которые существуют для регулирования жизненных ориентиров деятельности человека в обществе и в мире. Эти смыслы вплетены в ткань социального мира (М. Вебер) и выражаются как в языке (в виде знаков), так и в речи (в виде дискурсивных образований, определяемых оценочным отношением коммуниканта к предмету речи).

Новое направление – эколлингвистика – связывает изучение языковой сферы с обществом и средой обитания человека, то есть «социальная среда несет те нормы, ценности, роли, церемонии, орудия, системы знаков, с которыми сталкивается индивид, а также определяет условия развития и эффективного функционирования языка»

[Ионова 2016а: 21]. Целью данной отрасли науки выступает выявление общих для экологии и языка законов, принципов и правил в решении проблем окружающей среды. Ученые-лингвоэкологи обеспокоены постоянным ухудшением экологии и видят своей задачей переосмысление роли и функций социальных институтов, научно-технического прогресса, мировоззренческих принципов, социальных ценностей и установок. Улучшение ситуации исследователи связывают с развитым экологическим сознанием и личностью эчеловека [Пахомов 2002]. Эколингвистика изучает ценности в рамках идеологии, общественных и национальных мировоззренческих установок, заложенных в них сверхсмыслов в контексте коммуникативно-текстовой среды жизнедеятельности человека. Обращается особое внимание на симбиоз человеческого – социального – биологического.

При исследовании ценностей в сфере лингвистики подчеркивается *описательно-таксономический* вклад, базирующийся на анализе языковых / речевых структур, *предписательно-регламентирующий* вклад, вытекающий из логических основ языка и речи, *интерпретативно-классификационный* вклад, вносимый исследованием значений слов с особой коннотативно-оценочной семантикой. Главным преимуществом признается *диагностирующий* вклад, поскольку лингвистика выясняет «ценностное» состояние человека и общества в определенный период развития, а также динамику аксиологической сферы в историческом развитии этноса [Серебренникова 2008: 27–28].

Ценности в понимании представителей аксиологической лингвистики – нового направления лингвокультурологии и социолингвистики – представляют собой «фундаментальные характеристики культуры, высшие ориентиры поведения» [Карасик 2004: 28], находящие выражение в содержании языковых единиц. Предметом этой области выступают ценности, укорененные в ЯС и коммуникативном поведении, важные для этноса в целом и этнической языковой личности в частности.

Ценностное ЯС выражается при помощи концептов как особых ментальных образований, поскольку они не только мыслятся, но и переживаются (Ю. С. Степанов). В составе концептов выделяются по крайней мере три составляющие: *образная*, представляющая собой сумму представлений, *понятийная*, выражающая совокупность значений, и *ценностная*, соотносящая накопленный опыт с системой ориентиров поведения.

Важным способом изучения аксиосферы является аксиометрия, основывающаяся на положении о глубинном ценностном обосновании текста / дискурса, которые дают возможность оценить эволюцию личностно и общественно значимых жизненных смыслов

(Н. П. Антипьев, О. М. Готлиб, Л. Г. Викулова, В. П. Даниленко, Н. Н. Казыдуб, Ю. Н. Карыпкина, Е. Ф. Серебренникова, С. Н. Плотникова, Т. И. Семенова).

Психолингвистика также не обходит стороной ценностную проблематику, стараясь выявить сущность, структуру и особенности понимания ценностей при помощи психолингвистической методологии. Особенностью данного подхода является не только специфичность психолингвистического рассмотрения сложного феномена ценностей, но и его универсальность, заключающаяся в том, что психолингвистика «обладает колоссальным аппаратом, методологией и экспериментальными возможностями для исследования практически любого явления (разрядка наша. – О. К.), связанного с человеком, с той оговоркой, что результаты исследования опишут не само это явление, а его репрезентацию в языке» [Федосюткина 2006: 114]. Поскольку эта наука, находящаяся на стыке психологии и лингвистики, вобрала в себя как фундаментальные достижения обеих наук, так и их методологию, закономерен ее интерес к ЯС и ОМ, так как именно психологическая природа системы ценностей человека определяет ее отражение в сознании человека. И действительно, анализ ценностей в ассоциативных словарях и экспериментах не только показывает специфику восприятия человека через призму языка, но также позволяет выявить ближнюю и дальнюю периферию сложных взаимоотношений слов, выражающих ценности, в структуре языковой личности и ЯС [Казаченко 2020]. Следует также отметить, что причиной изменений в иерархии ценностей может стать речевое (вербальное) воздействие, использующее образы привычных ценностных категорий, через СМИ и интернет-коммуникацию.

В результате рассмотрения вопроса об изучении категории ценности в гуманитарных науках можно заключить, что накоплен значительный материал в философской, психологической, социологической, педагогической и лингвистической литературе. Общей проблематикой во всех науках является связь ценностей с деятельностью, истиной и действительностью при учете антропологического фактора. На основании проведенного анализа можно констатировать, что ценность рассматривается в отдельных дисциплинах с разных точек зрения, среди которых можно выделить: (1) ценность как сущность или бытие; (2) ценность как деятельность; (3) ценность как этический и / или моральный принцип. Для данного исследования важно то, что ценности укоренены в сознании человека, формируются в процессе деятельности (в том числе и речевой), отражают принципы, влияющие на мировоззрение и понимание, и представлены в форме слов родного языка.

Кроме того, ценности на уровне личности и общества объединены в нежесткую иерархию, подверженную временным, культурным и территориальным изменениям. Однако существуют и различия в подходах к ценностям, обусловленные спецификой каждой науки. Так, интерес философии направлен на изучение общего понятия ценности, онтологии ценностей, в фокусе внимания данной науки находится вопрос о том, что является «хорошим» и как это оценивать. Важным критерием является объективность и субъективность ценностей. Кроме того, ценности в философии противопоставлены по полюсам положительности-отрицательности, в отличие от лингвистики, где, выступая лексическими единицами языка и речи, они равно интересны как лексические единицы с положительной или отрицательной семантикой. Исследования современной психологии направлены на всестороннее изучение личности, в том числе и ее ценностей в форме предпочтений и принципов, влияющих на эмоциональную природу человека и определяющих ее. В свою очередь эмоциональный компонент присутствует в значениях слов, что выражается в психологически реальных значениях (И. А. Стернин).

Целостная аксиологическая сфера ориентирует человека на достижение цели и обуславливает его поведение. Психологическая теория ценностей сосредоточивается на процессе появления, развития, утверждения и воздействия ценностей на людей. Социология фокусируется на том, как ценности удерживаются в обществе и становятся аспектами культуры и социальных институтов. В лингвистическом ракурсе рассмотрения похожие процессы изучаются через присвоение слов, обозначающих ценности в онтогенезе, их развитие, формирование аксиологической сферы в процессе общения и обучения. Ценности в лингвистике имеют культурно-обусловленное понятийно-образное воплощение в их сложных взаимосвязях с другими словами в структуре ЯС языковой личности и всего этноса.

2.2 Ценности в структуре образа мира

2.2.1 Ценности как константы культуры и их отражение в языковой картине мира

ОМ, как уже указывалось выше, есть целостное многоуровневое образование, отражающее и определяющее взаимоотношения человека с миром и другими людьми. Он обладает деятельностной природой и воплощает в себе все сложные взаимосвязи и взаимозависимости пространственных характеристик и предметов объективной

реальности, номинированных в значениях родного языка («пятое квазиизмерение», по А. Н. Леонтьеву) (А. Н. Леонтьев, Б. Я. Ломов, С. Д. Смирнов). ОМ является результатом всей духовной активности личности и влияет на ее поведение и мировоззрение.

Аксиологическая сфера играет большую роль в формировании целостного, системного ОМ индивида, наполняя смыслом его существование и задавая определенные жизненные цели и ориентиры. Таким образом, говоря о ценностях в ОМ, мы, по существу, имеем в виду личностные ценности, то есть ценности, обладающие для отдельного человека субъективной значимостью.

В процессе рассмотрения аксиологической сферы нам представляется важным изучить не только структуру и содержание ценностей, но и ту среду, в которой они формируются, а значит, являются ее компонентом с множеством связей и взаимозависимостей. Такую среду представляет собой национальная культура, которая выступает в качестве сложной системы, обуславливающей эффективное функционирование элементов в своем составе. При этом необходимо помнить, что общая сумма компонентов по объему намного меньше самой системы, поскольку последняя содержит разнообразные связи.

Связь ценностей и культуры проявляется уже в определениях самого термина «культура». Например, культура рассматривается как «совокупность значений, норм и ценностей» [Сорокин 1992: 218]. Наиболее обстоятельный анализ дан в исследовании М. С. Кагана [Каган 1996: 13–18], где приводятся определения культуры через ценности (Р. Тшуми, М. Хайдеггер, Б. Суходольский, А. Клоковская, Я. Щепаньский, С. Л. Франк, Г. П. Францев, Н. З. Чавчавадзе, М. Б. Ешич, Е. В. Боголюбова, Н. Злобин).

Элементами культуры выступают знаки, символы, мифы, язык, ценности, санкции, нормы, манеры, этикет, ритуалы, обычаи, традиции и многое другое, однако аксиологическая сфера, являясь особой подсистемой ОМ, как видно из определений, занимает в ней особое место, поскольку образует ядро, связанное с духовной жизнью общества. Как правило, ценности соотносятся с идеями (но не тождественны им), и именно они, выступая неким проводником, формируют основу, на которой держится вся культурная система.

Культура часто представляется искусственным миром, созданным человеком. Собственно, об ОМ можно сказать практически то же самое, имея в виду тот факт, что в ОМ отражен не сам мир предметов, а субъективное представление о нем. Ценности,

будучи вербально репрезентированными, формируют аксиологическую сферу в языковой КМ, отражающей культуру данного народа.

Не требует особых доказательств утверждение, что существует тесная взаимосвязь культуры и ценностей. Культура, по сути, представляет собой то, что ценно для индивида, личности, коллектива или этноса, то есть аксиологическая сфера формирует ядро культуры. В свою очередь культура влияет на сущность, иерархию и динамику ценностей.

Вопрос о количестве, иерархии, содержании, роли и критериях выделения ценностей в аксиологической сфере культуры русского языка решался учеными по-разному. Мы рассмотрим несколько точек зрения, принадлежащих Г. Д. Гачеву, Ю. С. Степанову и А. Д. Шмелеву, поскольку в их оригинальных концепциях отражены основные лингвистические положения о ценностях.

Национальные образы мира изучались Г. Д. Гачевым в особом ракурсе: через менталитет народов путем выяснения шкал их ценностей, выраженных не только в своеобразии мышления, но также в поведении. Цель своего исследования автор видит в том, чтобы «определить особые качества каждого народа, его субстанцию, характер мышления, психики и особых талантов, потому что народы – как музыкальные инструменты: один – скрипка, другой – гобой, третий – орган и так далее. Все музыканты, но тембр разный. Вот этот тембр и определяю» [Гачев 2003: 440]. Г. Д. Гачев рассматривает специфичность русской культуры, как и культур других народов мира, через понятие ментальности, которую он выводит из трех основных взаимодействующих компонентов: Космоса (местной природы, климата), Психеи (склада психики, характера) и Логоса (национального мышления, языка, логики). Подчеркнем, что эти элементы дополняют друг друга, формируя единое целое, что, собственно, и составляет концепцию автора в описании космо-психо-логоса России, Индии, Италии, Америки, Англии, Грузии, Армении и других стран.

Отличительной особенностью работ Г. Д. Гачева является то, что автор использует не только привычные для исследователя источники изучения ОМ, такие как история, литература, язык, но также неклассические, включающие книги о природном своеобразии изучаемой страны и ее этноса, учитывает своеобразие музыки, живописи, религии, кухни, быта, игр, театра и кино: «Национальный образ мира есть диктат национальной Природы в Культуре» [Гачев 2007: 23]. Из этой совокупности выкристаллизовывается национальный портрет и специфический, свойственный только конкретному народу ОМ. Вывод Г. Д. Гачева о рождении культуры в ходе соединения

исторического развития (труда) и природы важен в данном исследовании тем, что заимствование чужих ценностей, являющихся порождениями культуры, невозможно без насилия над культурой, а следовательно, и над природой.

Надо отметить, что природа у Г. Д. Гачева первопричинна. В зависимости от типа ландшафта, по мнению ученого, складываются и социальные отношения. В Грузии, например, это выражается дихотомией «верх – низ» (вершины гор и их подножия), поэтому неудивительно, что существовал обычай отдавать сыновей князей на воспитание в дома кормилиц, где они росли вместе с их детьми. По мере взросления беды простого люда воспринимались князьями не как чужие, а как горести своих братьев и сестер. В данном случае метафорический «спуск вниз» закладывал основу национального характера грузин, при этом и дети семьи кормилицы воспринимали княжича как обычного человека, и в этом прослеживается горделивость, отсутствие слепого принятия авторитета в национальном характере. В России же, с ее обширными пространствами степей и полей, для создания пространства «верх – низ» искусственно воздвигались преграды, выраженные в сословных различиях или в государственном устройстве с многоуровневым аппаратом.

Как наглядно показывает Г. Д. Гачев, в ОМ разных народов присутствуют отличия, обусловленные природой. Так, земля предстает как «твердь» в немецком языке и как «мать – сыра земля» в русском. Исследователь отмечает отсутствие связи с землей у американцев, которые представляют собой этнос, «неестественно выросший из Матери-Природы [неологизм автора. – О. К.]» [Гачев 2007: 449], – иными словами, они не народ, а съезд индивидов. Это объясняется тем фактом, что американцы не ассимилировались с коренным населением – индейцами, загоняя их в резервации, дистанцировались от них.

Национальные особенности обнаруживаются в устройстве дома и его внешнем виде, национальной кухне и напитках, национальной музыке, играх, танцах, восприятию собственного тела. Важными показателями национальных ОМ являются также национальные варианты времени и пространства, а также символизация определенных животных. В единстве с природой находится даже фонетика того или иного языка. Наблюдения над количеством, соотношением, скоплениями звуков и их позициями в словах разных языков также приводят исследователя к выводу о связи между менталитетом этноса и условиями его жизни.

Особенности природного ландшафта и климата закономерно определяют ведущий род занятий (например, примат охоты, собирательства, скотоводства), а также

диктуют национальную модель мира (Космос как мировое яйцо, мировое древо, остров-корабль, арка, крест, менора (семисвечник), дорога, эмблема \$, чаша, липа), в которую входят и священные животные (конь, верблюд, олень). Здесь же укоренены и символы-архетипы, формирующие устойчивые образы в искусстве и мифологии.

В быту современные народы цивилизационно имеют много общего, но культуры (особенно в их ядерной части) все-таки различны, и та сетка координат, через призму которой видит мир определенный этнос, представляет собой уникальный набор ценностей. При употреблении имен ценностей особенно заметна разница в их содержательном наполнении. Представления о *свободе* у англичанина, подразумевающего «self-madeness, самостроительство, сдержанность и самообуздание» [Гачев 2003: 16], отличается от представлений русского, понимающего под *свободой* отсутствие ограничений и *волю*. Именно национально-историческая система понятий и ценностей не позволяет приблизиться к равенству между разумеемым и подразумеваемым. Кроме того, хотя каждый народ имеет до известной степени одинаковый набор ценностей, однако соотношение компонентов в каждом отдельно взятом случае будет разным, что в итоге определяет специфику национального ОМ.

В концепции Ю. С. Степанова рассматривается около полусотни ключевых понятий русской культуры. Несмотря на такое значительное количество, духовная культура в основном базируется на операциях с данными понятиями, которые автор именуется концептами, или константами. Важно отметить, что данные единицы не «предвечные», то есть они существовали не всегда, но с момента вхождения в русскую культуру они неизменно влияют на ее развитие. Кроме того, структурно константы состоят из базовой (ядерной) и переменной частей, внутри которых со временем наблюдается некоторая динамика значений, что будет продемонстрировано в экспериментальной главе исследования.

С одной стороны, сознание человека, то есть его когнитивная сфера и культура, связаны посредством концептов, называемых Ю. С. Степановым «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов 2004: 43]. А с другой стороны, посредством данных констант человек сам входит в культуру, со временем модифицируя ее под новые реалии, хотя, конечно же, этот процесс является продолжительным во времени. Доказательством может служить тот факт, что многие имена ценностей, образующие аксиологическую сферу ОМ, входят в него через кодифицированные значения слов родного языка, а также некодифицированные, включающие оттенки смысла, парадигматические и синтагматические связи, чувства, коннотации и вариации. Человек

декодирует вложенные в имена ценностей смыслы порой неосознанно, не подвергая их критике или сомнению. Принадлежность этих концептов к культуре ярко проявляется прежде всего в этимологическом происхождении слов, истории содержания, то есть его пассивном, историческом слое, а также в современных ассоциациях, зафиксированных в ассоциативных словарях и оценках. Именно история происхождения концептов, а также их динамика показывает культурный признак, запечатленный в значении слов.

«Мы живем в стране, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному все еще, слава богу, считается нормой. Мы выезжаем... в другие страны, где бесплатная трудовая услуга вдове, старику, больному – считается странностью или глупостью» [Степанов 2004: 580], – так начинается статья, посвященная культурной константе «Деньги, Бизнес». В этом простом действии – нестяжательстве – отражается морально-нравственная граница русской культуры, которая отличает русского человека от иностранца с его прагматическим отношением к выполнению работы.

В концепции А. Д. Шмелева подчеркивается специфичность языковой КМ, выраженной в собственном представлении носителя языка о мире. При этом большая роль отводится личности как участнику коммуникации. Поскольку автор принадлежит к Новомосковской школе концептуального анализа, то, говоря о лингвоспецифичности концептов, исследователь подчеркивает их тесную связь с культурой, утверждая, что одни и те же понятия наполнены в языках различным содержанием. Иными словами, «представления, формирующие ЯКМ [языковые картины мира], составляют семантические “презумпции”, так что участники коммуникации на данном языке обычно принимают их на веру, не задумываясь» [Шмелев 2011: 62].

Вместе с тем подчеркивается тот факт, что межъязыковые различия в КМ порой менее разительны, нежели в пределах одного и того же языка. Примером может служить сравнение научной и наивно-языковой КМ, а также специфика подъязыков и диалектов. Подчеркивая взаимосвязь мышления и языка, А. Д. Шмелев отмечает, что в языке отражена внеязыковая действительность, существенная для определенной культуры этноса, но при этом носитель языка привыкает видеть мир через призму родных слов. Следовательно, слова, представляющие «лингвоспецифичные концепты, одновременно “отражают” и “формируют” образ мышления носителей языка» [Шмелев 2002а: 12], а значит, задают определенный ракурс видения действительности через призму идеального или должного в форме ценностей.

Таким образом, аксиологическая сфера всегда культуроориентирована, одни и те же языковые значения наполнены в разных языках неодинаковым содержанием.

Ценности являются сеткой координат, через призму которой определенный этнос видит мир, поэтому, говоря об ОМ, мы всегда имеем в виду его национальный вариант.

2.2.2 Ценности как система смысложизненных ориентаций личности

В литературе, посвященной анализу ценностей, часто употребляется термин «ценностная ориентация», понимаемый как «отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров» [Карандашев 2004: 5]. При этом ценностные ориентации в основном присущи только личности, в то время как ценности рассматриваются как в отношении личности, так и социальных групп.

Следует сделать оговорку о том, что, рассуждая о человеке и его аксиологической сфере в ОМ, мы имеем в виду конкретно-исторического индивида, входящего в определенные (одну или несколько) социальные группы, поскольку более сложные социальные объединения всегда включают в себя простые, и из их многообразия формируется субъект более высокого ранга. Объектом же ценностного отношения – другими словами, носителем ценности – может выступать любое сущее, от объектов живой и неживой природы до другого человека, если они входят в жизнедеятельность субъекта.

На наш взгляд, изучение личностных смысложизненных ценностей может претендовать на универсальность и широкомасштабность только в случае изучения их в парадигме «личность – деятельность – сознание».

Ценностные ориентации являются для индивида критерием оценки действительности. Таким образом, ценности выступают как основание для осмысления и оценки окружающих людей, вещей и отношений, а это значит, для формирования целостного ОМ. Мир осознается человеком сквозь ценностную систему, задающую процесс познания человека в целом. О силе и привлекательности ценностей говорит К. Халас, утверждающий, что они обладают притягательной силой: «...ценности – это действительность, ориентирующая человека к чему-то или к кому-то <...> ценности позволяют познать смысл и значение собственного личностного существования (разрядка наша. – О. К.)» [Chałas 2003: 30–31].

В концепциях советских психологов ценности и ценностные ориентации представляют собой основные характеристики личности, которые участвуют в формировании характера, склонностей, определяют мотивы поведения и деятельности (Б. Г. Ананьев, С. Л. Рубинштейн). Индивид принимает и присваивает общественно

значимые задачи, формирующие «динамическую тенденцию личности» (термин С. Л. Рубинштейна), и они становятся «лично значимыми для него», что «порождает в человеке динамические тенденции иногда большой действенной силы, тенденции долженствования, отличные от первоначальных тенденций влечения по своему источнику и содержанию, но аналогичные с ними по их динамическому эффекту» [Рубинштейн 2009: 421].

Оригинальная концепция неразрывной взаимосвязи личности и ценностей принадлежит Ф. Е. Василюку, разработавшему типологию жизненных миров, включающую внешний и внутренний миры в соотношении степени их сложности. На основании созданной им типологии ученый делает вывод, что «ценность существенно персонологична, как личность существенно аксиологична» [Василюк 1997: 297]. Таким образом, человек не производит выбор между двумя альтернативами – он выбирает себя, и этот выбор изменяет его личность. Собственно, это объясняет, почему у разных индивидов существует свой набор личностных ценностей и своя иерархия, система этих ценностей.

Несмотря на то, что человек во многом предопределен своим временем, его личные жизненные ценности не полностью обусловлены тем социумом, к которому он принадлежит. Это можно объяснить по крайней мере двумя причинами. Во-первых, физическое и психическое развитие каждого человека обусловлено множеством наследственных факторов, а также средой, в которой он растет и формируется как личность. Во-вторых, человек относительно автономен от общества, поскольку ему самому приходится принимать разнообразные решения в своей жизни. Общество не может предписывать ему готовые ответы. В некоторых случаях личность, выступающая, по словам Э. Дюркгейма, «творцом и хранилищем» всех ценностей [Дюркгейм 1991: 108], просто не приемлет тех ценностей, которые поддерживаются обществом, в котором она живет.

К понятию личностной ценности оказываются близки другие понятия, такие как *личностный смысл* и *смыслообразующие мотивы* [Леонтьев 1981], *отношения личности* [Мясищев 1995], *направленность личности* [Платонов 1986], *умонастроение* [Парыгин 1966], *личностные нормы* [Бобнева 1978], *внутренняя позиция личности* [Божович 1995], *абсолютная оценка* [Виндельбанд 1995]. В современной науке интерес к ценностям не угасает, что приводит к формированию новых терминов. Так, Д. А. Леонтьев объединяет ценностные ориентации, ценностные стереотипы и

ценностные идеалы в более широкий термин – «ценностные представления», выделяя при этом ценностную перспективу и ретроспективу [Леонтьев URL].

Для человека ценностью зачастую выступают предмет или явление, связанные с его жизнедеятельностью. Однако ни предмет, ни явление не обладают положительной или отрицательной значимостью априори, именно человек наделяет их определенными характеристиками. В связи с этим потенциальной ценностью может обладать любой предмет или явление, но его актуализация и наделение значимостью возможно только оценивающим субъектом [Каган 1996: 163]. При этом ценности социума весьма устойчивы, а «оценивание человека – спонтанный процесс» [Барышков 2005: 68], поскольку ценности общества формируются как практические потребности, а ценностные ориентации личности присваиваются в зависимости от пути и опыта его жизни. Д. А. Леонтьев подчеркивает ведущую роль совместной деятельности в формировании ценностей на уровне личности и социума. Так как личность в своей жизни включена во многие социальные формации, начиная с семьи и заканчивая этносом, то ее личностные ориентации зависят от императивов социальных групп и общностей разных уровней. Таким образом, «селекция, присвоение и ассимиляция индивидом социальных ценностей опосредуются его социальной идентичностью» [Леонтьев 1996: 39], то есть ценности больших социальных групп опосредуются ценностями малых групп, являющихся для личности референтными. Важно подчеркнуть, что некоторые аспекты аксиологической сферы в таком случае будут близки к значимым ценностям в определенной группе, что создает некую общность в ОМ.

Способность оценивать, а также основания оценки, которые формируют определенную ценность у человека, могут быть различны. Вследствие этого при определенных обстоятельствах можно говорить о противоборстве ценностей в вопросе приоритета их значимости для человека (в условиях войны ценность *героизма, отечества, победы* могут «перекрывать» даже витальные ценности, обнаруживая бóльшую значимость в критических ситуациях). Еще один пример: семья, оставаясь долгое время средоточием ценностей в жизни ребенка, является его малой референтной группой. В подростковом возрасте ее приоритет может меняться на авторитет компании сверстников. В условиях, когда «девиантная группа становится для индивида референтной, ценности более широких социумов <...> воспринимаются через призму ценностей референтной малой группы» [Леонтьев 1996: 39]. В таких случаях может наблюдаться конфликт или появление антигуманных ценностей. Стоит отметить, что в

случае неприятия или отрицания декларируемых ценностей взрослыми могут происходить изменения в индивидуальном ОМ молодого человека, что часто сопровождается приоритетом виртуального мира над реальным.

Однако индивидуальные ценности не являются отрефлексированными общественными ценностями в их усеченном варианте, они представляют собой конкретизацию ценностей социума и зависят как от социального статуса человека в обществе, так и от развития личности в целом. Человек вкладывает в ценности свое собственное содержание, то есть наделяет их личностным смыслом, особым образом выстраивая их в своем сознании и индивидуальном ОМ.

Ценности обладают неодинаковым весом для разных личностей вследствие разнообразного опыта, приобретенного в процессе жизни на основании их значимости и полезности для человека, поскольку «для каждого индивида восприятие любой идеи, любого понятия и события никогда не бывает одинаковым, так как они всегда воспринимаются на фоне других идей, ситуаций и обстоятельств, сообщающих им различные оттенки» [Бубнова 2015: 167]. Подчеркнем, что национальные, социально-культурные и групповые ценности должны быть не просто усвоены в виде знаний, но лично пережиты и приняты человеком. Это знание осложняется еще и отношением, которое приобретается в процессе реальных жизненных ситуаций, поэтому присвоенные индивидом личностные или субъективные ценности (процесс перевода внешних ценностей во внутренние называются А. Уайтхедом «функциональной автономией») представляют собой, по мнению Д. А. Леонтьева, «“консервированные” отношения с миром, обобщенные и переработанные совокупным опытом социальной группы» [Леонтьев 2003: 226]. Укоренившись однажды в структуре личности, они практически не зависят от особенностей складывающихся ситуаций. Человек должен сам осознать значимость какого-либо объекта для себя, и только в этом случае он становится личностной ценностью. В противном случае, при навязывании ценности извне, она может преобразоваться в антиценность. При некритическом отношении к получаемой информации также формируется конструкт, который представляет собой готовую форму понятия, внедренную извне. Такие конструкты лежат в основе стереотипов и усваиваются посредством современной медийной сферы.

Среди немногих исследований, имеющих своей целью изучение системы ценностных ориентаций и характер связей ценностей-идеалов и ценностей-свойств личности, следует отметить работу С. С. Бубновой. Основываясь на концепции М. Рокича, она выделяет три уровня в системе ценностной ориентации личности:

абстрактные ценности с дальнейшим делением на духовные, социальные и материальные, *ценности жизнедеятельности*, представляющие собой свойства личности, а также характерные *способы поведения* (соотносимые с ценностями-свойствами у М. Рокича) [Бубнова 1999: 38–44]. Важным в исследовании С. С. Бубновой представляется связь бытийных (идеальных) и бытовых (материальных) ценностей человека с его поведенческими установками, формирующими его неповторимый тип личности, а значит, и своеобразную аксиологическую сферу в индивидуальном ОМ.

Личностные смысложизненные ценности представляют собой структурированную иерархию, или систему, сформированную на основе ценностей общества, в которой существует индивид. Однако найти абсолютно идентичные вряд ли представляется возможным, поскольку невозможно найти двух индивидов с полностью совпадающими ценностями. Разница заключается не только в количестве, но также в акцентах на той или иной ценности [Kluckhohn 1951: 416], и в этом личность проявляет свою индивидуальность.

Даже в маленьком сообществе будет существовать своя иерархия ценностей у каждого из его членов. Данное противоречие разрешается иерархией ценностей, в которой «высшие уровни – универсальны, средние – едины для общности, нижние – уникальны для личности или отдельного типа личности» [Огородников 2013: 119], поэтому существенным для личности оказывается не только набор ценностей, но и характер их взаимосвязей.

Представление о системе ценностей как об иерархии, представляющей жесткую детерминацию высших уровней низшими, на наш взгляд, не совсем верно. Поскольку границы аксиологической сферы как подсистемы ОМ текучи и переменчивы, представляется более правильным говорить о спирали, где каждый виток обладает «самостоятельностью» по отношению к другим уровням, но также закономерно связан и с низшими, и с высшими пластами.

Как уже отмечалось, ценности напрямую связаны с опытом человека, который также является многоаспектным образованием. Опыт зафиксирован в текстах, которые служат источником знаний и ориентиром для будущих поколений, поэтому изучение ценностей в текстовом опыте этноса позволяет найти истоки и принципы функционирования ценностей в обществе. Применяя метод оппозиции при анализе идиостиля писателей, исследователи данного феномена приходят к выводу, что в индивидуальной КМ можно выделить частные миры: внешний и внутренний, причем

последний является преимущественно оценочным, в нем представлены чувства, воля и мышление индивида [Новикова 2000; Черемисина 1992].

С другой стороны, на основе тщательного анализа философских, семиотических и психологических изысканий исследователи приходят к выводу, что существуют следующие уровни опыта или осмысления, выявляемые в любом тексте или знаке: материальная форма знака, предметное значение, смысловое значение, оценочное значение и переживание [Тулчинский 1995].

Таким образом, объектом смысложизненных ориентаций личности могут выступать любые предметы и явления при условии их личностного переживания и принятия. Важным ракурсом рассмотрения ценностей считаем парадигму «личность – деятельность – сознание». Ценностные ориентации выступают в качестве критериев оценки действительности: людей, вещей и отношений, на основе которых формируется аксиологическая сфера ОМ. На смысложизненные ориентации личности также оказывают влияние социальные группы разных уровней. Подчеркнем связь ориентаций с деятельностью человека и их влияние на поведение личности.

2.2.3 Аксиологическая сфера в структуре образа мира

Поскольку ценности, будучи абстрактными идеальными сущностями, недоступны непосредственному восприятию, то их изучение является непростой задачей для исследователя. Однако психолингвистика обладает средствами описания аксиологической сферы на основании данных ассоциативных экспериментов благодаря тому, что человечество имеет несравнимую по сложности и потенциалу систему коммуникации в форме языка. Язык же является совокупностью символов, связанных с объектами называния и понятиями о них. Таким образом, исследование ценностей возможно в том числе и при помощи вычленения и анализа компонентов конвенциональных (кодифицированных) значений и имен ценностей, что дает возможность вывести понимание сущности ценностей в «светлое поле сознания» и понять их содержание и значимость для человека и этноса через установленные для них наименования.

Изучение ценностей с использованием психолингвистического подхода позволяет связать вербальное описание осознаваемых ценностных представлений с их образами и личностными смыслами в ОМ человека. Этот ракурс позволяет рассматривать человека как активного деятеля (по А. Н. Леонтьеву), что согласуется с антропологической и ценностной парадигмой в современной науке. Кроме того, исследование ценностей

именно с позиций психолингвистики позволяет сместить ракурс с описательного на экспериментальный, поскольку психолингвистика, унаследовав методологию как лингвистики, так и психологии, оперирует уже своими методами организации эксперимента и анализирует полученный эмпирический материал не только количественно, но и качественно.

Следует отметить, что при исследовании ценностей язык выступает не как цель, а как средство или инструмент. Это позволяет вводить в психолингвистическую теорию данные других областей гуманитарного знания, включая психологию, социологию, философию и некоторые другие науки.

Говоря о сущности имен ценностей, мы не можем обойти вопрос об их принадлежности к отвлеченным, абстрактным или конкретным понятиям, а в лингвистике эта проблема сводится к отнесению слов, выражающих ценности, к отвлеченной, абстрактной или конкретной лексике.

Анализ класса абстрактных субстантивов показывает, что часть абстрактных существительных обозначает имена ценностей, формирующих индивидуальный ОМ человека.

Имена ценностей несут в себе большой потенциал, поскольку их содержание, «заключенное в одном слове, является духу в более целостном виде» [Гумбольдт 2001: 240], что проявляется прежде всего в наличии личностного смысла у имен ценностей разных людей, а также в их коннотациях. Похожие мысли мы находим у А. Ф. Лосева, утверждавшего, что «смысл вещи есть то, что объединяет, собирает, отождествляет все признаки и свойства вещи в одну неделимую компактную вещь, когда мы можем сказать о ней только одно слово» [Лосев 1994: 490], и у Дж. Локка, считавшего, что идея отражает сущность явления, а имя – ее форму; условием собирательности идей в «смешанные модусы», то есть соединения простых идей в составе сложных, Локк называет «единое имя, которое дается сочетанию» [Локк 1985: 340].

Таким образом, главным отличием ценностей как абстрактных имен является то, что их зачастую нельзя увидеть, а можно только понять. Абстрактные имена обобщают некоторые аспекты реальности особым образом, представляя собой высшую форму ментальной или познавательной деятельности человека, поскольку они, хотя и свойственны этой реальности, но, однако, ничем, кроме мысли в сознании, не объединены. Единственным исключением является, на наш взгляд, современная ценность *деньги*, имеющая корреляты в форме национальных валют в бумажной форме и ценные артефакты, однако и в том, и в другом случае данная ценность выступает в

качестве стоимости, а не в качестве значимости. При этом существует ряд особенностей абстрактных сущностей. Человек, являясь представителем своего этноса, воспринимает и присваивает абстрактные понятия через язык и культуру, поэтому они носят надличностный характер, так как вырабатываются, апробируются и отсеиваются в течение всей истории существования этноса.

Понятия конкретных предметов формируются на основе совокупности ощущений; понятия, формирующие аксиологическую сферу, – на основе понимания. Они сложным образом преломляют действительность, характеризуются наличием личностного смысла в своем содержании и обладают потенциалом к приращению смыслов. Источники приращения могут быть также различными: особый ракурс отражения вещей и отношения к ним, выделение из множества вещей их глубинного субстанционального свойства, поиск чего-то логически необъяснимого, но интуитивно признаваемого таковым [Чернейко 1997], накопление жизненного опыта, умственное развитие при помощи образования и самообразования.

В формировании смысла абстрактных сущностей большое значение имеет не только личный опыт, но и содержание моделей или ситуаций, транслируемых посредством культуры и литературы. Таким образом, нам представляется необходимым реконструировать ситуации, заложенные в литературных произведениях, для того чтобы понять, какими средствами авторы описывают элементы аксиологической сферы ОМ. Ценности являются сложными понятиями, и сложность заключается не только в их «выделении» или «извлечении», но и в существенных добавлениях и приращениях, которых они имеют в сознании индивида. Источником ценностей выступают представления человека не о существующем в объективном мире, а о должном, идеальном.

Поскольку эти абстрактные сущностельные отражают опыт взаимодействия человека с окружающей его действительностью во всем многообразии его отношений с миром и с самим собой, они имеют специфический денотат в качестве не простого явления, а феномена или ситуации, выражаемого именем ценности.

Несмотря на отсутствие чувственной информации при присвоении сознанием абстрактного слова, его означаемое, усваиваемое как данность, является интеллектуально полным, так как его содержание конструируется в сознании на основе культурно-обусловленных ситуаций и феноменов. Именно этот факт, чрезвычайно важный в контексте нашей работы, отмечает А. А. Уфимцева, утверждая, что «описание лексической семантики конкретной и абстрактной лексики через компоненты их

знакового значения (то есть через признаки наличия / отсутствия в их знаковом значении денотата и / или сигнификата, превалирующая / непревалирующая роль денотативного или сигнификативного компонентов) позволяет детально изучить диалектическое единство чувственно воспринимаемых и сугубо понятийных признаков, формирующих лексическое содержание различных по характеру внутренней организации своей семантики слов» [Уфимцева 2010: 134].

Представляется необходимым сравнить связи предметов, их названий и реальной действительности с используемым в психологии понятием «ступени абстракции» в силу того, что они отражают взаимосвязь практического сознания социальных субъектов с общественным сознанием и культурой. Выделяются три ступени абстракции: низшая, промежуточная и высшая. На низшей ступени осуществляется ежедневная жизнедеятельность социальных субъектов на всех уровнях социальной организации общества в сфере их знакового общения, где проявляется многообразие различных типов практического сознания. На промежуточной ступени наблюдаются нормализованные способы деятельности, стереотипы, образцы поведения, а также накопленные знания и ценности, находящие выражение в разнопредметных и разнохарактерных текстах, что, по сути, составляет культуру общества. И, наконец, высшая ступень абстракции является ступенью конструктов, инвариантов, обобщающих лишь существенные связи, признаки и отношения вещей, предметов, явлений, находящихся на предыдущей ступени. Здесь функционирует общественное сознание. Эти обобщенные модели, выверенные культурой, отливаются в форму «структурированных знаний, норм, ценностей и идеалов, <...> готовых моделей деятельности, взаимодействия и образцов поведения» [Дридзе 1982: 366]. Данная сугубо аналитическая иерархия, где каждый элемент взаимосвязан с другими циклической связью, показывает, что ценности, существующие в сознании личности, имеют глубокие корни как в культуре, в которой личность социализируется и развивается, так и в общественном сознании или в ноосфере (Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В. И. Вернадский). Именно данная особенность является, как мы считаем, причиной разного объема и содержания имен ценностей в индивидуальном ОМ, поскольку они, будучи абстрактными сущностями, субъективны, то есть их инвариантное содержание значительно меньше вариативной части, зависящей от индивидуального личного опыта.

Ценности, являясь эталоном идеального и желательного, не существуют в природе материально, в этом и заключается причина того, что они относятся к абстрактным сущностям в философии и в форме лексем класса абстрактных

существительных или субстантивов функционируют в лингвистике. Таким образом, ценности выражают не предметы объективного мира, а ситуации, имеющие значимость для индивида, социума, этноса. Они означены словами родного языка и имеют, в отличие от конкретной лексики, особенную двухчастную («двууровневую», в терминологии Н. В. Уфимцевой) семантику, причем оба компонента такого абстрактного значения слова (сигнификативный и денотативный) в содержании слов не противопоставляются, а взаимодополняют друг друга, поскольку, «изучив конкретное, человек создает абстрактное, а затем от абстрактного восходит к конкретному, обогащенному знанием абстрактного» [Кондаков 2012: 11].

Все типы значения со временем изменяются. Денотат изменяется потому, что меняются окружающие нас предметы и их функции для человека. Сигнификат также претерпевает изменения, поскольку, как отмечают исследователи, значения слов всегда соответствуют определенному уровню развития культуры и обыденной речи (Г. Пауль, Дж. Лайонз, Ю. С. Степанов). Кроме того, исследователи отмечают, что усложнение когнитивной деятельности человека в познании им объективного мира ведет к «переосмыслению адекватности признаков объекта» [Никифорова 2008: 112], то есть его ценности и значимости для жизни индивида. В данном случае подчеркнем, что не только усложнение, но и примитивизация деятельности, более того, выполнение деятельности в виртуальной реальности также не могут не сказываться на оценке окружающего мира и, безусловно, на переоценке тех констант, которые существовали многие столетия.

2.3 Специфика формирования аксиологической сферы в структуре индивидуального образа мира на современном этапе

2.3.1 Трансформация аксиологической сферы в индивидуальном образе мира на современном этапе

XXI век стал во многих экзистенциальных и мировоззренческих вопросах беспрецедентным и не имеющим аналогов в истории. Исследователи (В. С. Степин, В. И. Толстых, Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева, В. А. Лекторский, И. А. Бубнова, С. Е. Кривых, В. Белов) констатируют, что в современном обществе этические и социальные ориентиры подверглись значительному изменению и даже деградации. Многие ученые склонны считать начало XXI века переломным моментом человеческой цивилизации, некой бифуркационной точкой, открытой для нескольких альтернатив.

Утверждается, что для выхода из кризисного состояния необходимы новые ориентиры, этические основания жизнедеятельности и ценностные императивы.

Существуют абстрактные ценности, которые, в силу своей абстрактности для привычного бытия человека, не имеют прикладного значения. Но это справедливо для стабильных времен, когда социальная система защищает общество относительно статичными нормами, правилами, ценностями. Для современной России в переломный момент развития ее истории это вопрос отнюдь не праздный, ведь потерянные ориентиры заменяются новыми. Вечные проблемы, связанные с бытием и сознанием человека, направлением прогресса, а также нормами взаимодействия и общения людей, имеют теперь иное значение в контексте множества современных вызовов человечества. Поскольку «в ценностях видится и исчисляется мир человека» [Школенко 1990: 3], без базовых ориентиров или идеалов, которые задают жизненные правила, человек не может долго существовать. Если образуется ценностная пустота, то она неминуемо заполнится новыми императивами.

В спокойные времена ценности общества представляют собой константное образование. Однако увеличение «скорости» жизни, появление новых технологий не только изменяют внешнюю сторону бытия человека, но и модифицируют духовную, внутреннюю сущность личности, в результате чего трансформируется мышление людей, их ценностные ориентации и духовные установки, то есть в целом меняется их ОМ.

В переходные периоды наблюдается смена иерархии ценностей общества. Находясь в кризисном состоянии, социум осуществляет переоценку или утрату прежних целей и бытийных смыслов, перемену аксиологических знаков, при этом старые ценностные представления отменяются как несущественные, а новые только вырабатываются, формируя свое собственное место в иерархии уже в качественно новом состоянии в обновленной структуре.

Э. Дюркгейм пишет, что в периоды нестабильности (по его словам, в моменты коллективного эмоционального возбуждения) рождаются новые идеалы, называемые им ценностями, которые были рождены в период «плодотворной бури». Эти представления остаются в форме воспоминаний, уже как совокупность идей, не связанных с реальностью, входя в зону идеального. Однако эти эмоционально насыщенные воспоминания скоро забылись бы, если бы периодически не оживлялись в форме церковных проповедей, драматических представлений и так далее. Э. Дюркгейм метафорически называет общество телом, необходимым для жизнедеятельности, у которого есть душа, представляющая собой совокупность коллективных идеалов

[Дюркгейм 1991]. Несмотря на свою идеальную форму, для того чтобы быть осознанными, ценности должны быть зафиксированы в вещах, эмблемах, произносимых формулах, то есть в языке, который также является коллективным достоянием.

Исследователи утверждают, что любую деятельность общества можно описать только через те значения, нормы и ценности, которые его характеризуют, а они в свою очередь согласуются с идеалом [Огородников 2008; Сорокин 1992; Туманов 2000]. На основании выделенных критериев – характера источников информации для рефлексирования ценностей и способа отбора и анализа информации – происходит рефлексия ценностей обществом. Она основана на отношении к ценностям-идеалам, полно воплощенным в традиционном типе общества и мало реализованным в его современном варианте.

Сложность и противоречивость переоценки ценностей, которая протекает в настоящий момент, состоит в том, что старые идеологические, нравственные, коллективные ценности отрицаются, а на их место приходят заимствованные ценности. Копирование Россией западных и американских ценностей отмечается также иностранными исследователями. Так, например, Д. Ергин и С. Густафсон [Yergin, Gustafson 1995: 46] утверждают, что ценности копируются с Запада и их разделяет реформаторская интеллигенция, но население не поддерживает их ни качественно, ни количественно. Что касается России, то на смену социалистическим ценностям, укорененным в общественном сознании за годы советской власти, пришли лишь декларируемые антиподы – *демократия, капитализм, цивилизация* – но по сути образовался вакуум, пока ничем не заполненный. Россияне, заключают авторы, предпочитают коллективное бытие, с подозрительностью относясь к индивидуализму.

Необходимо также помнить, что трансформация ценностей происходит на разных уровнях: личности, социума, этноса, поскольку границы всех сфер человеческой жизнедеятельности являются текучими и взаимопроницаемыми. Личность влияет на свое непосредственное окружение, находясь в обществе, являясь его неотъемлемой частью, а также вместе с другими сообществами формирует коллективное бессознательное. В то же время этнос задает определенные ориентиры для понимания и видения мира, отражаясь во взглядах и убеждениях социума и личности как его «элемента». Зарождаясь в индивидах, ценности, будучи приняты более крупными группами людей, возвращаются обратно к личности, детерминируя ОМ и мировоззрение отдельного человека. Таким образом, модификация ценностей есть процесс

взаимообусловленный. На современном этапе изменения происходят как внутри этноса и общества, его структуры, отношений и форм, так и внутри личности.

Существует точка зрения, что причиной, по которой в настоящее время ценности подвергаются трансформации, служит превращение групп людей из соседей, товарищей, близких, связанных кровными узами, в толпу, ориентированную на безликий индивидуализм. Следствием процесса миграции из сел в города в начале XX века, описанного С. Московичи, стало разрушение института семьи [Московичи 1998]. Стержневой мотивацией городской толпы являются интересы, связанные с получением выгоды за счет других. А люди остаются разобщенными, превращаясь во взрывоопасную смесь, которая может сдетонировать без жизненных ориентиров и ценностей, цементирующих социум и нацию. Современное положение дел усугубляется превалированием индивидуалистического начала в человеке, что минимизирует роль социальных институтов государства.

Для понимания механизма динамики ценностей в обществе необходимо установить способы их принятия в качестве личностного смысла. Процесс личностного усвоения внешних структур известен в психологии как интернализация (интериоризация, идентификация). Поскольку ценности представляют собой динамичное образование, то их идентификация зависит от личностной активности и готовности индивида включить их в сферу личностных смыслов. Эти этапы интернализации, согласно В. Груличу [Grulich 1972], реализуются следующим образом: сначала человек получает информацию о существовании и способах реализации определенной ценности в коллективе, социуме. Эта информация трансформируется в соответствии с его жизненным опытом, то есть становится для него личностно значимой. В фазе активной деятельности ценность либо отвергается, либо принимается, и тогда человек включает ее в собственную иерархию личностных ценностей. Динамизм ценности проявляется в ее переменном характере, а также в изменении самой личности. В случае появления новой информации, конфликтующей с предшествующим представлением об этой ценности или дополняющей его, описанные выше процессы запускаются вновь.

Похожий механизм динамики ценностей (на основе одного вида ценностей – семьи) мы находим у И. Ф. Дементьевой, описывающей следующую парадигму: информационное влияние социокультурной сферы → накопление информации в результате воздействия → восприятие информации → оценка информации → фильтрация информации → выбор ориентации и ценностей → переструктурирование

собственной системы ценностей → изменение ценностных ориентаций [Дементьева 2016: 11].

Однако при неполной интернализации, когда некоторые стадии пропускаются, процесс оказывается неполным, что ведет, по мнению Я. Гудечек, к механическому копированию чужих образцов и стереотипов поведения. При этом запускается противоположный процесс – обратная интернализация, представляющая собой «замену ценностей предметами потребления, деградация ценностей до чисто внешнего импульса к действию» [Гудечек 1989: 104]. В ситуации «высокой плотности социальных отношений» (термин А. Ю. Огородникова) рефлексия поступающей информации осуществляется не на основании проверенных образцов поведения, традиций и устоев общества, а смещается в сторону источника информации, где источник сам является сообщением (по М. Маклюэну).

Окружение, которое оказывает существенное влияние на человека, У. Бронфенбреннер изобразил в форме кругов: *микросистема* (самое близкое влияющее окружение), *мезосистема* (семья, школа, сверстники, соседи), *экзосистема* (социальные организации, в которые индивид не включен непосредственно), *макросистема* (культура, нация, этничность, религиозные группы, социальный класс) и *хроносистема* (тот вклад окружения, который будет замечен спустя некоторое время) [Bronfenbrenner 1979]. На наш взгляд, те же самые институты и авторитеты способны влиять на содержание и структуру ценностей у личности.

Наличная ситуация также выступает катализатором в изменении ценностей. Именно она является определяющим фактором в наборе и сущности ценностей в определенный период жизни человека. Существуют экспериментальные доказательства в известных опытах С. Милгрэма и Ф. Зимбардо. Хотя в настоящий момент полученные результаты подвергаются сомнению, тем не менее, если считать проведенные опыты «чистыми», можно предположить, что такое доминирующее влияние ситуации можно объяснить ее неординарностью для человека. Как в исследовании С. Милгрэма, так и в экспериментах Ф. Зимбардо человек ставился в непривычные для себя условия, когда рассогласование либо изменение системы ценностей могло проходить по описанному Р. Лифтоном [Lifton 2000] «сценарию нацистских врачей», у которых согласно обстоятельствам формировались две психологические структуры: одна – основанная на общепринятых ценностях обыкновенного человека, а другая – на нацистских ценностях.

Кроме того, существуют определенные различия между реальными и декларируемыми ценностями – от последних человек может легко отказаться в

определенной ситуации. Заметим также, что изменение ценностной системы представляет собой «чрезвычайное, кризисное событие в жизни личности» [Леонтьев 1996: 41], поскольку трансформация иерархии и качества ценностей можно сравнить с потерей ориентира бытия, что ставит человека в условия невозможности выбора.

2.3.2 Основные факторы, опосредующие формирование аксиологической сферы как подсистемы образа мира

Существует ряд факторов, способных трансформировать содержание и структуру аксиологической сферы ОМ на разных уровнях взаимодействия человека и общества. Среди них можно выделить следующие: возрастной, социокультурный, воспитательно-образовательный, экономико-политический, информационно-идеологический, гендерный и историко-цивилизационный.

Возрастной фактор

Изменение ценностных доминант в течение жизни обусловлено зачастую возрастом человека.

Личность человека динамична и находится в постоянном развитии и изменении. Со становлением личности естественным образом меняется и ее аксиологическая сфера в ОМ. По мнению Р. Хейвигхерста, основной задачей развития личности становится нахождение собственного места в системе общечеловеческих ценностей, а также выстраивание собственной иерархии ценностей.

Психологи отмечают, что нравственное развитие непосредственно связано с когнитивным и в частности интеллектуальным становлением, которые, согласно Ж. Пиаже, носят стадийный характер. В детском возрасте, названном периодом «нравственного реализма», это выражается в уверенности ребенка в непреложности и неизменяемости моральных норм, правил и абсолютов. В более позднем периоде с развитием абстрактного мышления – «нравственном релятивизме» – более важной становится категория возможности. Человек на этом этапе способен оценивать намерения, заложенные в поступках, а не только их последствия. Он осознает относительность моральных норм и возможность их изменения при взаимной договоренности. Таким образом, критерием нравственного поступка на ранней стадии являются последствия, а на более поздней – намерения [Пиаже 2006].

Похожие идеи обнаруживаются и у Л. Колберга, который описывает три уровня моральных суждений, каждый из которых имеет две стадии в своем составе [Kohlberg 1976]. В зависимости от этих этапов моральные принципы мотивируются либо

наказанием (доконвенциональный этап), либо поддержанием успешных межличностных и социальных отношений (конвенциональный этап), либо ориентацией на общественный договор и универсальные принципы (постконвенциональный этап). Личностные ценности на последнем этапе могут резонировать с общепринятыми ценностями референтной группы и определяться более абстрактными приоритетами, необходимыми для всеобщего блага. Значимым представляется утверждение ученого о нравственном развитии, которое является не результатом биологического взросления или сознательного усвоения моральных принципов, а собственно процессом взросления, который возникает из размышлений о морали. Однако прохождение всех стадий является необязательным для личности, и, как подчеркивают исследователи, последний постконвенциональный этап (13 лет на первой стадии и 18 лет на второй стадии) пройден небольшим количеством индивидов.

Советские и российские ученые ставят во главу развития личности разные основания, которые должны обладать предельной обобщенностью, но при этом отвечать на вопросы: *что* развивается? и *кто* или какая сила движет этим развитием? У В. И. Слободчикова таким общим базисом выступает понятие человеческой общности. Эта теория, основанная на выводах Л. С. Выготского о формировании духовных и материальных ценностей в содержании любого вида деятельности, характеризуется специфичной совместной деятельностью и сменой партнера (или его роли) на разных этапах по мере взросления личности. Последние стадии – индивидуализация и универсализация – характеризуются общностью со всем человечеством, собственной позицией в культуре и истории, опосредованы системой общественных идеалов и ценностей [Цукерман, Мастеров 1995]. В основе классификации возрастных периодов Д. Б. Эльконина лежит ведущая деятельность [Эльконин 1994]. По мере присвоения (интериоризации) новой структуры деятельности модифицируются в том числе нормы поведения, отношение к этим правилам и интеллектуально-познавательная область. В результате также трансформируется аксиологическая сфера.

Детальная характеристика трансформации ценностных ориентаций личности применительно к основным стадиям периодизации возрастного развития представлена в диссертационном исследовании М. С. Яницкого [Яницкий 2000]. В начале раннего детства ребенок на основании физиологических реакций реагирует на то, что ему нравится, а что нет. Таким образом в нем, учитывая реакцию близкого окружения, начинает зарождаться представление о хорошем и плохом. Новое осваивается его мозгом при помощи *подражания*, а не *осознавания*. Процесс осознанного сравнения и

выделения более значимых элементов в данном возрасте не осуществляется. В дошкольный период ценностные предпочтения выверяются ориентацией на совместное общение со взрослыми. При этом эталоном выступает поведение не только реальных людей, но и вымышленных (в том числе сказочных) персонажей. В младшем школьном возрасте акцентируется эмоциональный аспект в присвоении ценностей в процессе совместной (групповой, учебной) деятельности. Подростковый возраст, как период предвзрелости, знаменуется предпосылками формирования своей собственной системы ценностей, часто на основании ценностей значимых сверстников. В более ранний период, ввиду отсутствия необходимых когнитивных способностей, ребенок осуществить это построение не может. Активный процесс конструирования личностной иерархии ценностей наблюдается в юношеском возрасте. Этот этап характеризуется формированием личностного смысла жизни, определением планов на будущее, выработкой собственного мировоззрения. Важно отметить, что и в более поздний, старший период процесс иерархизации ценностей не прекращается, а носит качественно новый характер корректировки и уточнения, часто сопровождаясь «кризисами» развития зрелой личности (по А. Г. Асмолову).

Усвоение понятий в разных возрастных периодах на основе концепций Л. С. Выготского и других ученых было подробно рассмотрено в разделе 1.4 настоящего исследования. Определенную роль в формировании индивидуальной системы ценностей также играет основная, ведущая деятельность: игра, общение со взрослыми и / или сверстниками, обучение. В современных условиях немаловажное значение приобрели СМИ и интернет.

Таким образом, с возрастом не только меняется степень физиологической зрелости, но и все более усложняются психические процессы и социальные отношения. Социальное и эмоциональное развитие в зрелости смешивается с постепенными физическими изменениями, происходящими в эти годы: увеличение объема знаний, навыков и опыта индивида, что не может не сказываться на ценностных ориентирах личности.

Социокультурный фактор

Семья выступает главным социальным институтом в формировании ценностных ориентаций формирующейся личности, потому что именно здесь закладываются и развиваются идеалы, которые будут влиять на поведение и взгляды человека в течение всей жизни. Семья служит преемником и транслятором норм, правил, обычаев, традиций, опыта предков, в ней осуществляется преемственность правил, норм и

культуры нации. В этом смысле семья есть уникальный социальный институт, способный значительно влиять на личность и общество, формируя их единство.

Значимыми для человека, особенно для его раннего развития, являются семейная обстановка, состав семьи, внутрисемейные отношения, род занятий его родителей и важных для него взрослых, материальное положение и тому подобное, то есть все то, что формирует нормы и правила поведения личности через «личностный смысл» (термин А. Н. Леонтьева), конструируя культуру семьи. Важно, чтобы декларируемые в семье ценности подтверждались делами, поскольку именно с поведения, отношений и действий взрослых, а не с их слов, берут пример дети. Разнообразные семейные отношения, родственные связи («отец – мать», «родители – дети», «брат – сестра») являются культурообусловленными.

Однако семейные ценности, как идеальные представления о семье, регулирующие взаимоотношений между ее членами, находятся, как утверждают исследователи, в серьезном кризисе. Он связан с тенденциями современного общества, такими как большая экономическая самостоятельность женщин, равноправие полов, феминизм, либерализация взглядов на развод, одиночество как норма, сексуальные отношения до супружества, гражданский брак, свободные отношения супругов, гостевые и однополые браки, промискуитет, добровольная бездетность и тому подобное. На Западе данные тенденции, именуемые вторым демографическим переходом (Second Demographic Transition), описывались в 1970-х – 1980-х годах XX века.

Описанные тенденции формируют индивидуализм, выделение своего «Я» как самооценности и мерила всех остальных ценностей. Подобная ситуация влечет за собой еще одну немаловажную проблему – проблему разрыва связи поколений. Несмотря на то, что даже самые ранние связи ребенка с матерью характеризуются двунаправленными процессами симбиоза-индивидуации (термин М. Малер), чрезмерная ориентация на индивидуализм в развитии и воспитании личности таит опасность десакрализации (по А. Маслоу). Выхолащивается смысл таких базовых семейных ценностей, как *любовь, родительство, вера, верность, преданность, доверие, дом*, которые начинают восприниматься как несовременные и не отвечающие потребностям личности в наши дни. Кроме того, об изменении позиции семьи как ценности говорят последние исследования, согласно которым ее привлекательность и, соответственно, место в иерархии ценностей понижается, что влечет за собой демографический кризис, недостаточность трудовых ресурсов и в итоге – зависимость экономики от потока трудовых мигрантов.

Как уже указывалось выше, аксиологическая сфера обусловлена национальной культурой, в которой развивается личность. Таким образом, человек находится в эпицентре сложных взаимоотношений культуры и ценностей, выступая и как посредник, и как центр их взаимодействий и взаимовлияний. Важно подчеркнуть, что ценности являются строительным материалом любой культуры, поскольку именно через них человек воспринимает окружающий мир и природу. П. А. Сорокин называет культуру системой ценностей, с помощью которых происходит объединение общества, а также осуществляется взаимосвязь и работа его институтов [Сорокин 1992]. По мере интернализации ценностей человек познает и свою культуру через традиции, обычаи, материальные или духовные объекты, сказки, песни и фольклор. Все они предписывают определенное отношение к миру, человеку и самому себе, а значит, формируют индивидуальный ОМ человека.

Культурные ценности особенно ярко проявляются через быт, религию и художественную литературу. Поскольку культура «входит» в человека имплицитно, то она практически никогда не осознается и критически не оценивается. Человек воспринимает мир через ее призму как нечто само собой разумеющееся. Только при встрече с другими моделями поведения и мироощущения представителей других культурных сообществ приходит осознание (то есть вхождение в «светлую» зону сознания) инаковости.

Отметим роль религии в формировании аксиологической сферы. Высшее божество любого вероучения выступает как некий Абсолют, идеальное, к которому необходимо стремиться каждому человеку. Степень включенности человека в религию также оказывает влияние на принятие или непринятие им ценностей, что доказывается историей развития общества. Так, во времена Средневековья и эпоху Возрождения роль церкви (а также и ценностей, проповедуемой ею) была несравнимо больше, нежели в современном светском обществе. До начала XX века не существовало какой-либо аксиологической теории в отрыве от теологической. Однако если взять мировые религии в синхронном срезе, то окажется, что ислам и буддизм оказывают большее влияние на жизнедеятельность человека по сравнению с христианством. Ввиду того, что некоторые религиозные ценности соотносятся с духовно-нравственными, традиционными, семейными, они разделяются практически всем обществом.

Среди верующих процент приверженности ценностям семьи, совести и комфортного внутреннего душевного существования выше, чем у атеистов (84,7% против 79,6%), несмотря на то, что всеми эти императивы признаются значимыми

[Мчедлов, Филимонов 1999]. На вопрос «Смогли бы вы перешагнуть через свою совесть и моральные нормы ради материального благополучия или карьеры?» ответили отрицательно 72,2% верующих и 65,8% атеистов. Кроме того, приверженность человека какой-либо религии автоматически относит его к группе единомышленников, то есть к коллективу, тем самым соотнося его взгляды на окружающий мир со взглядами значимой группы. Таким образом, религия оказывает влияние как на формирование ценностей, так и на их динамику.

Еще одним фактором, выступающим в качестве катализатора изменений ценностей, их состава и иерархии, является несомненная связь индивида с социумом. Поскольку любое общество обладает инвариантом аксиологической сферы, оно не может остаться в стороне от такой бытийной проблемы, как динамика и переоценка ценностей. Социолог П. А. Сорокин так выразил постоянное влияние людей друг на друга: «Мы мыслим, чувствуем, живем, веруем, любим, ненавидим, делаем то и так, что и как “привили” нам окружающие и окружавшие нас сочеловеки» [Сорокин 1992: 11].

Понятие социума многоаспектно и проявляет себя в разных формах, и, следовательно, находясь в зоне влияния тех или иных социальных общностей, человек испытывает их влияние в разной степени: в зависимости от уровня доверия к источнику, включенности в процесс и так далее.

Самым влиятельным социальным институтом с момента рождения человека, конечно, являются его семья и непосредственное окружение. Здесь происходит первичная социализация ребенка, причем большинство норм, правил, ценностей и ориентиров входит в сознание неосознанно, не подвергаясь рефлексии. На этом этапе «влияние социума, оказываемое на ребенка с момента его рождения, проявляется в том, что в ОМ каждого человека как представителя отдельной нации всегда остаются следы культурно-исторической обусловленности значений, вызванные, в свою очередь, различиями в условиях развития нации, в ее образе жизни» [Бубнова 2014: 38]. Таким образом, восприятие мира идет в основном посредством слов родного языка в форме культурных понятий.

Информационно-идеологический фактор также является значимым в динамике аксиологической сферы как отдельной личности, так и всего этноса. В течение полувека роль средств массовой коммуникации (СМК) в жизни человека непрерывно возрастает. Это влияние еще в 80-е годы XX столетия многими западными учеными оценивалось как беспрецедентное. Процесс информатизации и процесс коммуникации – важные составляющие социальной жизни человека, потребность в которых реализуется СМК.

На наш взгляд, термин «средства массовой коммуникации» сменил другой близкий термин – «средства массовой информации» (СМИ) не случайно, поскольку коммуникация есть процесс обоюдный, двунаправленный. Философский словарь определяет массовую коммуникацию как «процесс распространения информации (знаний, духовных ценностей (разрядка наша. – *О. К.*), моральных и правовых норм и так далее) с помощью технических средств (печать, радио, кинематограф, телевидение) на численно большие, рассредоточенные аудитории [Философский словарь 1991: 247]. Однако выбор передач остается за зрителем или слушателем, поэтому именно он «диктует» СМК свои предпочтения.

На данном этапе широко реализуется относительно новая функция СМК – функция манипулирования. Ее основы были заложены еще в начале XX века У. Липпманом и Э. Бернейсом, однако в связи с цифровизацией жизни человека в настоящее время эта функция обрела еще бóльший масштаб. В современных исследованиях среди многочисленных типов и видов выделяется ценностно-эмоциональное манипулирование [Дзялошинский URL], опирающееся на понятие М. Маклюэна «medium is the message» («канал передачи есть само сообщение» [перевод наш. – *О. К.*]), где важным является источник манипуляции, а также выразительность сообщения. Это подтверждается выводами С. Г. Азаряна, автора «философии телевидения», который утверждает, что телевидение сегодня «предлагает зрителю новую мифологическую (здесь и далее разрядка наша. – *О. К.*) реальность, в которой можно сконструировать приемлемые образы и границы будущего, освобождает от страха перед завтрашним днем, предлагает мнимый “рай” иллюзий, за которым скрываются более совершенные технологии подчинения “молчаливого большинства” и контроля над ним, навязывая ему удобные для социума приоритеты» [Азарян, 2011: 4].

Современные ученые приходят к выводу о том, что развитие общества идет по направлению от индустриального к информационному типу, отмечая при этом отсутствие альтернативы [Gorz 1982, 1985; Toffler 1980, 1983; Frankel 1987]. Вообще ценность информации и ее роль в жизни человека повышается. Ввиду глобальной информатизации общества был введен термин «инфосфера», по аналогии с биосферой, ноосферой, тем самым подчеркивается определяющая роль информации в социальном, культурном развитии общества и человека. Инфосфера, по мнению ученых, меняет не только мировоззрение человека, его взгляды и отношение к природе, но и КМ. Иными словами, человечество создает внутри себя своеобразную информационную модель мира.

Поскольку молодежь социализируется под влиянием образов, смыслов и символов, формируемых СМК, то роль медийных средств в трансформации ценностей сложно преувеличить. Процессу быстрого усвоения иных идеологических конструктов способствуют разрушение доверия между «отцами» и «детьми», отрицание связи поколений в передаче опыта, практически неконтролируемый поток лексических и культурных заимствований, транслируемый телевидением и интернетом, а также выбор книг, фильмов, театральных постановок, являющихся во многих случаях продуктами массовой культуры Голливуда. Такое псевдодуховное бытие реализуется в феномене, называемом «“аксиосферой медиатекста”, определяемом как виртуальное пространство со своими духовными ценностями» [Ерофеева 2009]. Оно характеризуется хаотичными вкраплениями ценностей «роскоши, гламура, эстетикой смерти, беспределом насилия, симулякрами религий» [Валицкая 2012: 6–7]. Поскольку деятельность СМК, в соответствии с законом «О средствах массовой информации» от 15.07.2016, не является подконтрольной государству, она направлена прежде всего на максимально широкий охват аудитории, на выражение мнения «инвесторов», имеет ориентацию на прибыль. Страдают от такого подхода культурно-образовательные программы, которых становится все меньше.

Свою неоднозначную роль в изменении аксиологической сферы ОМ играют массовая культура и реклама как отличительные атрибуты общества потребления. В большинстве своем они направлены на невзыскательные вкусы и запросы широкой аудитории масс-медиа, культивируя и поощряя биологические и зачастую эгоистические потребности и чувства не только отдельного индивида, но и общества в целом.

Все большую степень влияния обретает интернет. Этот канал получения информации еще менее контролируем. Здесь можно встретить диаметрально противоположные жизненные позиции и ориентиры, включая асоциальные, экстремистские, дискриминационные и агрессивные. Самыми активными пользователями становятся именно подростки и молодежь, становящиеся в социальных сетях, чатах, блогах представителями тех или иных сообществ. Таким образом, интернет являет собой не только вторую или даже первую реальностью, замещающую живое общение, он сам становится ценностью, зависимость от которой граничит с патологией. Кроме того, как утверждают ученые, развитие электронных средств общения видоизменяет языковую личность, поскольку интернет несет «разъединяющий эффект и

приводит к дальнейшему усугублению индивидуализма» [Леонтович 2000: 194], с чем сложно не согласиться.

Интернет становится основной средой коммуникации на различных уровнях, в которой создаются новые культурные смыслы и способы взаимодействия, то есть, по сути, становится еще одним (с потенциальным доминированием в будущем) источником генерирования ценностей. Согласимся с мнением О. А. Леонтович, считающей, что «неправомерно говорить о простой сумме значений, переплавляющихся в смыслы в процессе коммуникации, так как их совокупность дает новое качество (разрядка наша. – О. К.)» [Леонтович 2011: 23]. Современные технологии способны передавать информацию, используя практически все каналы сенсорного восприятия, поэтому человек постоянно находится в режиме интерактивного взаимодействия, преобразуя полученный опыт в лично значимые смыслы. При несомненных преимуществах, связанных с образовательным и информативным потенциалом, у интернета выделяется ряд недостатков, обусловленных мозаичностью культуры и мышления современного человека – активного пользователя, эклектичностью сферы знаний и мировоззрения, а также ориентацией на воспроизводство, копирование и скачивание вместо вдумчивого чтения, анализа и воспроизведения [Шлыкова 2015].

Повсеместная информатизация породила новый тип культуры, отличный от ее предыдущих форм и по функциям, и по содержанию: «...старая концепция культуры базируется на преемственности, современная – на многообразии; старой ценностью была традиция, современный идеал – синкретизм» [Белл 1999: 254]. Как утверждает Н. В. Ионова, «полнота сведений... перестает восприниматься как положительное качество информации, а точность воспроизведения всех характеристик и свойств объекта становится фактором, препятствующим адекватности понимания сообщения [Ионова 2016: 10]. По мнению некоторых ученых [Козловски 1997], культура современности определяется не через необходимое равновесие науки и техники, философии и искусства, а через опасное доминирование технической составляющей. Цифровой мир сформировал ойкумену, где наблюдается тенденция к универсальности и стиранию национальных и этнических черт личности. Культура виртуальной реальности (термин М. Кастельса) расширяет возможности коммуникации человека, ограничивая его физические контакты. Представления, суждения, ценности, сложившиеся на основании информации из интернета, как и других СМК, представляют собой искусственный конструкт, который заменяет собственный опыт человека на усвоенный им свод чужих оценок и данностей, не подвергающихся вдумчивому критическому анализу.

Под влиянием всемирной сети видоизменяется и процесс формирования идентичности человека. Поскольку обретение идентичности «запускается» еще в детстве, в доречевой период, то основания идентичности не реализуются вовне в словесной форме. Социальная идентичность, в процессе которой происходит принятие значимых в социуме ценностей, установок, стереотипов и норм, подвергается влиянию других типов идентичностей, умаляющих роль этнических традиций и устоев. Кроме того, личностная и социальная идентичность в сети осуществляется посредством конструирования и присвоения множественных виртуальных личностей, что может сказываться на диффузной (нечеткой) идентичности в реальной жизни. Зачастую принадлежность к сетевым группам является более реальной, чем принадлежность к определенным группам в действительности.

Воспитательно-образовательный фактор являлся во все времена доминирующим в формировании устойчивой системы ценностей общества. Воспитание и образование есть важнейшие факторы социализации личности и, как было указано выше, ее идентичности. Они являются неким ценностным стержнем, который закладывает основы «правильной» жизнедеятельности, одобренной обществом, в силу своего традиционализма являясь противовесом инновациям телевидения, СМИ и интернета.

Школа испокон веков считалась источником передачи и хранителем культуры и ценностей общества, влияя на самоопределение личности в ее ценностном, мировоззренческом и бытийном аспектах. При условии личностного принятия образование является значимой формой развития человека. Такая трактовка дает возможность рассматривать информацию, получаемую в школе или университете, как основу для формирования не только знаний, но и личностного мировоззрения, ориентиры которого задает этническая культура. Личность при этом выступает не объектом, а активным субъектом, участвующим в своем собственном развитии и развитии всего социума. В современном нестабильном мире образование и, как результат, профессиональная деятельность дают человеку возможность выстроить определенную систему координат или иерархию ценностей, на которую он будет опираться в своей дальнейшей жизни.

Основы образования и воспитания в детском возрасте закладываются в семье значимыми для ребенка взрослыми, в подростковом возрасте – в коллективе сверстников. Однако ценности в дошкольном возрасте усваиваются неосознанно, не подвергаясь критическому анализу и осмыслению, поэтому именно они будут влиять на

поведенческие реакции и мировоззрение, находясь постоянно в «тени». В связи с преимущественно некритичным восприятием при познании мира особую роль играют источники этих ценностей: семья, социум, а также СМК.

В школе формирование ценностей человека происходит в том числе под влиянием различных сюжетов, анализируемых на уроках, поэтому для ценностного самоопределения ребенка важны такие гуманитарные предметы, как литература, обществознание, психология, МХК, история и ряд других. Ценности и поведение героев, воплощающих национальные идеалы, ученики сравнивают с собственными приоритетами, полученными в семье, близком окружении своих друзей, родственников и значимых взрослых. Этот сложный процесс переоценки ценностей в итоге приводит либо к принятию, уточнению, либо к отвержению ценности. Личность в любом случае получает дополнительную информацию, позволяющую ей понять правоту или ошибочность своего выбора. Кроме того, такое ценностное сравнение происходит не только внутри самой личности, но также и на уровне общества, в котором живет человек.

Следует отметить, что помимо обсуждения и анализа литературных произведений, правового поведения, исторических фактов школа влияет на формирование ценностей через обсуждение насущных проблем на классных часах, на занятиях школьного психолога, в ходе участия в городских и областных (краевых, республиканских) мероприятиях, праздновании государственных праздников и так далее, причем усваиваемые ценности являются разнопорядковыми: от обобщенных мировоззренческих взглядов до предельно конкретных ценностных ориентаций, влияющих на поведение индивида.

Система образования в России в XXI веке претерпевает значительные изменения «по целям, ценностям и направленности, по содержанию и характеру, по составу непосредственных участников процесса образования, по его продолжительности и методам» [Афанасьев URL]. Это связано прежде всего с глобализацией и мировой интеграцией, что повлекло за собой не просто модернизацию образования, а смещение его целей с передачи опыта предшествующих поколений на развитие личности и превращение личности из объекта в субъект образования. Ранее незыблемые принципы фундаментальности, универсальности, поэтапности и системности обучения ныне ставятся под сомнение. С этим связано появление личностно-ориентированного подхода, а также обучения на протяжении всей жизни (lifelong learning). Эти изменения были вызваны объективными причинами, суть которых в том, что скорость поиска

информации сократилась в сотни или даже тысячи раз, и человеку нет необходимости просматривать множество книг для поиска материала. Однако важно подчеркнуть, что информация, найденная таким легким способом, не превращается в знания, которые формируют межпредметные связи и определенное мировоззрение. По мнению Ю. Н. Афанасьева, современный человек уже утратил право называться *homo sapiens*, при этом приобрел видовое название *homo faber* – «человека функционирующего, то есть человеко-элемента, человека – “винтика” той или иной машины» [Афанасьев URL], основной задачей которого является необходимость «соответствовать установленным системным связям с другими элементами машины, обеспечивая ее функционирование, словом – служить Системе» [Там же]. С учителя «сняли» задачу воспитывать и обучать, теперь он должен формировать, развивать и зачастую развлекать индивида. Вспомним, однако, слова С. Л. Рубинштейна о том, что «ребенок развивается, воспитываясь и обучаясь, а не развивается, и воспитывается, и обучается. Это значит: воспитание и обучение в к л ю ч а ю т с я в сам процесс развития ребенка, а не н а д с т р а и в а ю т с я лишь над ним» [Рубинштейн 1973: 192] – и, продолжая мысль ученого, не подстраиваются под него.

Современная тенденция привнесения элемента развлекательности для повышения интереса к обучению, на наш взгляд, порой ведет к поверхностному изучению предмета и разрыву междисциплинарных связей. Это роднит современное образование с СМК, одной из основных современных функций которых является развлечение, а не информирование.

Гендерный фактор пока не получил достаточного освещения в лингвистических исследованиях, однако проблема ценностей различных гендеров, без сомнения, актуальна. Прежде всего возникает вопрос, являются ли ценности, заданные гендером человека, биологически или социально обусловленными (био- и социодетерминизм). Социодетерминисты (Е. И. Горошко, А. В. Кирилина, М. Mead, S. U. Philips, S. Günthner, Н. Kotthoff, W. S. Pollack) настаивают на доминирующем положении социума и культуры в социализации человека и формировании его ценностных ориентаций, а биодетерминисты (Э. Гольдберг, Л. Д. Коста, Е. Д. Хомская, J. Sherzer, J. McGlone) делают упор на когнитивных различиях психики представителей обоих гендеров. На наш взгляд, каждая личность представляет собой неразрывное соединение этих разнопрядковых факторов, с доминированием био- или социосоставляющей в разные периоды своего развития.

Гендерная специфика аксиологической сферы ОМ связана с теми личностными смыслами, которые вкладываются в искомые понятия представителями различных полов. Проводившиеся в разные годы исследования, выявлявшие приоритетные ценности молодежи и старшего поколения, показывали ориентацию на *здоровье* и *семью* (4,8 по пятибалльной шкале самооценивания), *свободу* и *деньги* (4,5 балла), *друзей* и *работу* (4,3 балла), *образование* (4,2 балла), *карьеру* (4,1 балла) и *родину* (4,0 балла). Последними ценностями выступают *религия* (3,8 балла) и *власть* (3,2 балла) [Шереги 2013: 88]. Такую иерархию подтвердил и факторный анализ общероссийского исследования студентов вузов, проведенный в 2012 году.

Эти ценности в большей или меньшей степени характерны как для женского, так и для мужского населения нашей страны. Следует, однако, отметить их неодинаковое смысловое содержание, что выражается в разном наполнении понятий *семья*, *друг / подруга*, *интересная работа*, *счастье*, *судьба* [Кавинкина 2006; Кирилина 1999; Картушина 2003].

Особый вклад в проблему отношения ценностей к гендеру внес представитель постструктурализма Ж. Деррида. Он утверждал, что все традиционные ценности и мировоззрение рассматриваются с позиции «европейских белых мужчин», причем с приоритетом мужского начала, воспринимающегося обоими полами как самодостаточного, в отличие от женского – дополнительного.

В социологии и культурологии в рамках структурно-функционального подхода рассматривается обусловленность поведения и идентификации личности ценностными нормами и ориентирами общества, а также основные подходы к пониманию проблем пола, гендера и гендерных образов (Т. Парсонс, Р. Мертон, О. В. Павенков).

Историко-цивилизационный фактор является одним из основных факторов изменения аксиологической сферы ОМ человека в XXI веке. Утверждение о зависимости ценностей от исторического развития общества связано прежде всего с теорией культурно-исторического релятивизма, разрабатываемого М. Вебером. В его концепции ценности существуют не в форме надисторического феномена, а представляют собой множество ценностных систем, характерных для определенного отрезка истории. Это поставило под вопрос существование универсальных ценностей, так как в разных культурах и на разных этапах развития общества и этноса идеалы и ценности будут специфичны. Культурно-исторический подход также применяли Р. Бенедикт, Н. Я. Данилевский, В. Дильтей, М. Мид, Т. Парсонс, У. Самнер, П. А. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер.

Любая цивилизация основана на определенных устойчивых принципах, называемых цивилизационной матрицей или культурным кодом (универсальным по своей природе [Красных 2001]), которые определяют нормы, правила и поведение людей в обществе, их ценности, а также специфику деятельности для достижения материальных благ. Существует несколько теорий цивилизации, разработанных Н. Я. Данилевским (11 культурно-исторических типов), О. Шпенглером (8 локальных цивилизаций), А. Тойнби (21 цивилизация), Ю. В. Яковцом (7 стадий-цивилизаций) и некоторыми другими. При всей пестроте определений, оснований для классификации и размытости границ указанные концепции сходятся в одном аспекте, а именно в единстве системы ценностей. На основании доминирующей культуры и ее главных ценностей строил свою теорию социокультурных суперсистем П. А. Сорокин. Он последовательно доказывал динамику цивилизаций через соотношение между культурным ядром и периферией в разных типах цивилизаций.

Ценности и их функционирование в культуре этноса действительно являются основанием для цивилизационной матрицы, называемой также «ценностной матрицей сознания». Она представляет собой «сверхоснование» (термин М. Черепанова), представленное ценностями в национальном варианте ОМ. Данная связь осуществляется в индивидуальном сознании через язык, поскольку «вся сознательная часть жизни человека проходит через родной ему язык» [Лихачев 2014: 401]. В процессе онтогенеза ребенок проходит несколько стадий развития, различающихся по ведущим функциям, воспринимая когнитивные структуры языка этноса. Они связаны со значениями и опытом, укорененными в языке и деятельности человека, то есть ребенок воспринимает то нормативно-культурное значение, которое заложено в когнитивных структурах языка, усваивая таким образом «готовые» элементы для построения своего ОМ.

Фактор времени для ценностей играет немаловажную роль, поскольку аксиологическая сфера должна пройти путь «созревания». Именно в этот период ценности из абстракций и объектов материального мира, из слов-знаков перерастают в ценностные образы, понятия и концепты, имеющие большое значение для культуры этноса. В силу этого, с нашей точки зрения, навязываемые СМК и интернетом западные ценности, такие как *толерантность, личность, демократия, свобода, право, гражданское общество, гендерное равенство, индивидуализм*, для современного русского человека либо остаются бессодержательной формой, либо имеют культурно-специфичное наполнение, отличное от пропагандируемого. Причем культивация слов,

не имеющих четких понятий, чревата ценностным кризисом, поскольку происходит навязывание формы слов, но не их смысловое освоение.

Ученые-лингвисты, психологи и философы констатируют понятийные изменения и когнитивные сдвиги через изменения значения слов: коннотаций, интенциональной части [Бубнова 2014; Коннова 2015; Калугина 2012], которые влияют на иерархию и содержание аксиологической сферы ОМ современного человека.

Экономико-политический фактор

По мере приближения к развитой экономике и высоким технологиям высказываются предположения о двух противоположных тенденциях [Инглехарт 1991: 159–161]. Суть первого подхода состоит в том, что ресурсы планеты ограничены, поэтому при их оскудении потребности человечества не реализуются в полной мере, следствием чего является ожесточенная борьба. Второй сценарий предполагает экономическую безопасность и обеспеченность, что укрепляет уверенность в завтрашнем дне и, следовательно, меняет приоритет ценностей. Сущность изменения ценностей Р. Инглехарт усматривает в переходе от материалистических ценностей (достижение высокого экономического уровня развития страны, стабильная экономика, сохранение порядка в стране, борьба с повышением цен) к постматериалистическим (забота о благоустройстве городов и сел, большие возможности народа влиять на важные решения правительства, защита свободы слова).

Исследователи разных времен отмечали отрицательное влияние машинно-индустриальной цивилизации на культуру, влекущее за собой упадок культуры [Швейцер 1973] или даже ее смерть [Шпенглер 2006]. Для изменения ситуации потребуется новый взгляд на смысл человеческой жизни [Щепаньский 1969].

В итоге необходимо отметить следующее: иерархия и содержание аксиологической сферы ОМ в течение жизни человека и общества со временем меняются. Скорость этих изменений может быть различной и зависит от возраста личности, социальных и материальных условий, гендерной принадлежности и исторической формации, к которой принадлежат человек и общество. Модернизация и усовершенствование во всех сферах науки и техники изменили быт и мировосприятие человечества, что не могло не повлиять на духовную, внутреннюю сущность личности. Современное общество, находящееся в кризисном состоянии, осуществляет переоценку, утрату прежних целей и бытийных смыслов, перемену аксиологических знаков, при этом старые ценностные представления отменяются как несущественные, а новые только вырабатываются, формируя свое собственное место в иерархии уже в

качественно новом состоянии в обновленной структуре. Причинами изменений ценностей называют их замещение или трансформацию заимствованиями из других культур, превращение кровно или близко связанных людей в толпу, нестандартную наличную ситуацию, членство в различных группах.

Существует ряд факторов, способных трансформировать содержание и структуру ценностей на разных уровнях взаимодействия человека и общества, а именно: возрастной, социокультурный, воспитательно-образовательный, экономико-политический, информационно-идеологический, гендерный, историко-цивилизационный.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Основной задачей данной главы является рассмотрение сущности аксиологической сферы образа мира и специфики ее формирования на современном этапе.

1. Анализ работ, связанных с изучением ценностей, показал, что имеются препятствия, которые необходимо преодолеть для успешного исследования аксиологической сферы: (а) ценности не наблюдаемы, (б) современные теории не объясняют в достаточной степени связь ценностей с поведением, (в) поведенческие объяснения неубедительны в том случае, когда сам процесс, порождающий ценности, неизвестен, (г) возникают сложности с измерением самих ценностей, (д) ценности часто связаны с другими социальными, культурными, психологическими и психолингвистическими явлениями, (е) ценности имеют историческую, культурную и языковую вариативность в своем содержании.

Несмотря на сложности, связанные с изучением ценностей, в философской, психологической, социологической, педагогической и лингвистической литературе накоплен значительный материал. Общей проблематикой во всех науках является связь ценностей человека с деятельностью, истиной и действительностью. Проведенный анализ показывает, что ценности рассматриваются в отдельных дисциплинах с разных точек зрения, среди которых можно выделить три основных: (1) ценности как сущность / бытие; (2) ценности как деятельность; (3) ценности как этический или моральный принцип.

Кроме того, аксиологическая сфера представлена на уровне личности и общества жесткой иерархией, подверженной временным, культурным и территориальным изменениям. Однако существуют и различия в подходах к ценностям, обусловленные спецификой каждой науки. Ценности в лингвистике имеют понятийно-образное воплощение в их сложных взаимосвязях с другими словами в структуре языковой личности и ее ОМ.

Важно отметить, что ценности всегда связаны с человеком и являются результатом работы когнитивных процессов его психики. Часто возникая на основе знания и понимания конкретной ситуации, аксиологическая сфера как система нравственно-моральных ориентиров обуславливает суждения человека. При этом сущность ценностей должна быть не только понята, но личностно принята субъектом.

Для познания объекта человеку нужно его интериоризировать, поскольку именно так процесс осуществляется полнее и глубже. При помощи языка субъект сам осмысливает себя в мире своих ценностей и задает направление другим, оказывая влияние на их дальнейшие действия и состояния. Так человек формирует свой индивидуальный ОМ, связанный с его ценностной направленностью в окружающем мире.

Весомый вклад в изучение аксиологической проблематики вносят исследования, проводимые в таких отраслях лингвистики, которые ставят глобальную задачу реконструкции традиционной КМ, мировоззрения и национальной системы ценностей. Аксиологическая сфера задается обществом, чьи фундаментальные характеристики опосредуются культурой и средой обитания. Через изучение важных для этноса ценностей, укорененных в ЯС и коммуникативном поведении, происходит переосмысление ролей и функций социальных институтов и научно-технического прогресса.

2. Аксиологическая сфера играет большую роль в формировании целостного, системного ОМ индивида, наполняя смыслом его существование и задавая определенные жизненные цели и ориентиры. Существенным для личности оказывается не только набор ценностей, но и характер их взаимосвязей. Аксиологическая сфера напрямую связана с опытом человека, который зафиксирован в текстах, служащих источником знания и ориентиром для будущих поколений. Таким образом, изучение ценностей в текстовом опыте этноса позволяет найти истоки и принципы функционирования ценностей в обществе.

Ценности формируют ядро культуры, в свою очередь культура влияет на сущность, иерархию и динамику ценностей. Источниками изучения ОМ выступают не только история, литература, язык, но также книги о природном своеобразии изучаемой страны и ее этноса, особенности ее музыки, живописи, религии, кухни, быта, игр, театра и кино.

Главным отличием ценностей как абстрактных имен является то, что их зачастую нельзя увидеть, но можно только понять. Абстрактные имена обобщают некоторые аспекты реальности особым образом, представляя собой высшую форму ментальной или познавательной деятельности человека, поскольку, хотя они и свойственны этой реальности, но, однако, ничем, кроме мысли, в сознании не объединены.

Объем и содержание ценностей в индивидуальном ОМ обычно не тождественны у разных людей, поскольку ценности, будучи абстрактными сущностями, весьма

субъективны. Иными словами, их инвариантное содержание значительно меньше вариативной части.

3. Ценности и их иерархия в течение жизни человека и по мере развития общества постоянно меняются. Скорость этих изменений может быть различной и зависит от возраста личности, социальных и материальных условий, гендерной принадлежности и исторической формации, в которой живет человек. Традиционно ценностные ориентации формирующейся личности закладывались семьей, значимыми сверстниками и школой. В современных условиях значимость классических социальных институтов падает, а СМК, включая интернет, конструирует псевдореальность – информационную модель мира, которая воспринимается как фактологическая и не подвергается критической оценке со стороны индивида. Выхолащивается смысл базовых ценностей русской культуры, а процесс быстрого усвоения иных идеологических конструкторов, которому способствует множество лингвистических и экстралингвистических факторов, включая неконтролируемый поток лексических и культурных заимствований и продукты массовой культуры Голливуда. Сложность переоценки ценностей состоит в том, что старые идеологические, нравственные, коллективные ценности отрицаются, а на их место приходят заимствованные ценности. В языке эти процессы проявляются в изменении состава компонентов и их связей в значении имен ценностей, а также во взаимодействии элементов аксиологической сферы ОМ, в которой замена или перемещение составляющих затрагивает всю систему.

ГЛАВА 3

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУРЫ И СОДЕРЖАНИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЫ РУССКОГО ОБРАЗА МИРА

3.1 Теоретическая база, методика и процедура проводимого комплексного анализа

3.1.1 Методологическая основа и понятийный аппарат

Изложение основ теоретической базы, на которой строилось наше исследование, было кратко приведено во Введении. В данном разделе рассмотрим указанные концепции более детально.

Прежде всего методологическую основу исследования составил подход к сознанию как высшему уровню отражения действительности, развитый в философии (Ф. Brentano, Э. Гуссерль, Г. Г. Шпет), психологии и психолингвистике (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, Ю. А. Сорокин, А. Г. Спиркин, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов).

Сознание представляется «вечной» проблемой, изучаемой большинством наук, отнюдь не только гуманитарных, являясь при этом предельной абстракцией. Оно выступает отражением предметов реального мира в идеальном плане и связующим элементом между ними и языком, рассматриваемом в триединстве («язык – речь – речевая деятельность») в процессе познания окружающего мира. Сам же язык предстает как мировидение (В. фон Гумбольдт), посредством которого впечатления и ощущения превращаются в понятия, «овнешненные» при помощи слов родного языка. По Л. С. Выготскому, сознание является главным условием и средством овладения собой. Иначе говоря, осознание означает овладение, причем главенствующую роль играет деятельность.

В теории деятельности основными являются несколько идей. Как уже упоминалось, сознание выступает как высшая форма психического отражения реальности, имеющая сложно структурированное системное строение и объединяющая в единое целое чувственную ткань, значение и личностный смысл (А. Н. Леонтьев, С. Д. Смирнов, В. П. Зинченко).

Второй постулат – главенство деятельности над сознанием – свидетельствует о том, что сознание функционирует и развивается только в деятельности, являясь ее

внутренним компонентом. Сознание выступает также и внешним фактором, поскольку является основой представлений о целях, смысле и оценке деятельности человека. При этом оно носит культурно-исторический характер, ярко проявляющийся в своем основном элементе – слове, которое присваивается, лично принимается, интерпретируется при его восприятии как знака в процессе общения с другими людьми (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев). Концепция культурно-исторической деятельности Л. С. Выготского подчеркивает связь внутренних психических процессов человека с его социальной средой в процессе деятельности в условиях речевого общения, а также роль общения и обобщения в знаке и значении.

Особую роль в современном мире играют не просто живое общение и традиционные социальные институты – доминирующая тенденция глобализации состоит в повсеместном использовании цифровых каналов. Таким образом, формирование системы ценностей происходит в процессе познания мира личностью опосредованно – через готовые стереотипы, сконструированные модели и идеи. Поскольку язык номинирует в слове опыт отражения реального мира в сознании, представляя, по сути, мир предметных значений, то изучение аксиологической сферы как подсистемы русского ОМ в форме психически реальных значений слов, номинирующих ценности, действительно необходимо.

ОМ представляется целостным образованием, включающим все сферы человеческой жизнедеятельности. Они взаимодействуют друг с другом, и при изменении компонентов одной сферы вся система подвергается трансформации, поскольку цельность ОМ и несводимость к сумме отдельных элементов проявляется в системных взаимосвязях его составляющих и ядерных глубинных структурах (А. Н. Леонтьев, Б. Я. Ломов, С. Д. Смирнов). Сами связи могут существенно различаться по своим характеристикам, однако именно характер связей, их взаимодействие и взаимопроникновение показывают системность ОМ.

Личность и язык выступают неотъемлемыми характеристиками ОМ. Личность соотносится со структурой и функциями речевой деятельности, а также с языком как главной составляющей ОМ человека (Н. Д. Арутюнова, Э. Бенвенист, А. А. Залевская, В. В. Колесов, В. И. Постовалова, Б. А. Серебренников). ОМ личности является основой (нео)психолингвистики (И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева), в которой индивидуальный внутренний ОМ объединяет все ипостаси человека – как «индивида, личности, субъекта или индивидуальности» [Бубнова, Красных 2014: 134].

Таким образом, указанные теоретические положения предопределили понятийный аппарат исследования и комплексную методику изучения аксиологической сферы русского ОМ.

Перечислим основные понятия, играющие ключевую роль в контексте работы:

1. Сознание – это сложная система отражения, понимания и присвоения мира в его идеальной форме, формирующая личность человека, его оценку и восприятие окружающей реальности.

2. Образ мира есть упорядоченная система знаний человека о себе, мире, других людях, которая опосредует и модифицирует любое внешнее воздействие [Леонтьев 1983].

3. Аксиологическая сфера является системой представлений человека об идеальном, должном, которые опосредованы языковыми значениями.

4. Языковое сознание выступает как система предметных значений, которые могут «овнешняться» языковыми средствами, формируемыми в процессе социализации на основе «врастания» в культуру языка этноса (А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов).

5. Ценности представляют собой «идеалы, задающие конечные ориентиры в индивидуальной деятельности данного субъекта» [Леонтьев 1996: 24].

6. Имя ценности – вербальная репрезентация идеального представления о должном в форме абстрактных существительных, обозначающих не объект реальности, а событие. В семантике имен ценностей превалирует сигнификативный тип значения (ср. у А. А. Уфимцевой: «...следует отметить еще раз двучастный характер их [абстрактных имен] семантики: несмотря на то что сигнификативные компоненты явно превалируют, тем не менее в них в ослабленной форме присутствуют и денотативные значения» [Уфимцева 2010: 131]).

7. Психологически реальное / субъективное / индивидуальное значение слова – это единица индивидуального сознания, состоящая из стабильных, культурно значимых и динамических, обусловленных внутренней историей развития человека компонентов (И. А. Бубнова, А. А. Залевская).

8. Иерархия ценностей – это система нежестко структурированных разноуровневых элементов, обладающих связями неодинаковой силы, где самая тесная спаянность наблюдается у ядра, тогда как по направлению к периферии связи ослабевают.

3.1.2 Методика и процедура комплексного анализа ценностей

Для изучения имен ценностей нами была разработана комплексная методика, основанная на психолингвистических, лингвистических и психологических методах, включающая опрос с целью определения списка ценностей, семный анализ статей толковых словарей (И. А. Стернин) с авторской модификацией, анализ ассоциативных словарей разных лет, свободный ассоциативный эксперимент (далее – АЭ), интенциональный анализ литературных произведений и ранжирование. Такой комплексный анализ, задействующий методы разных гуманитарных наук, позволил исследовать избранные единицы аксиологической сферы в индивидуальном ОМ носителей русского языка и культуры.

С целью определения номенклатуры ценностей был проведен *опрос* респондентов с заданием указать лично значимые для них ценности, в процессе которого опрашиваемые не были ограничены ни по времени, ни по количеству элементов.

Метод *семного анализа словарной дефиниции* по методике И. А. Стернина был использован для определения основных и дополнительных оттенков значений слов, что является особенно важным в случае с абстрактными существительными, номинирующими ценности, поскольку описываемые значения несут в себе различные философские, психологические, социальные и другие оттенки и не имеют соответствующего объекта или предмета во внешней действительности. *Авторская модификация* заключалась в объединении компонентов значения в обобщенную сему на основании того, что если лексикографические источники выделяют какие-то компоненты значения, то это значит, что они являются общепринятыми, кодифицированными. Отсутствие компонента по сравнению с другими словарями указывает на его переход в категорию архаизмов, и наоборот, появление нового компонента, при отсутствии его в более ранних словарях, является индикатором переосмысления значения. Тщательный анализ существующих компонентов имен ценностей необходим для определения отправной точки в вопросе динамики индивидуальных значений и личностных смыслов аксиологической сферы ОМ современного русского человека. Кроме того, словарные значения выявляют кодифицированную языковую КМ, которая дает возможность коммуникантам понимать друг друга.

Представляется важным отметить некоторые особенности словарей, выбранных для анализа. В качестве основного типа лексикографического источника в работе был избран толковый словарь, поскольку он традиционно считается основным в

определении значений слов и имеет при этом универсальный характер. Самые ранние толкования слов были зафиксированы в Словаре русского языка XI–XVII вв., Словаре Академии Российской под редакцией Я. К. Грота, Словаре русского языка, составленном Вторым отделением Императорской Академии наук, Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII веков, Малом толковом словаре русского языка П. Е. Стояна, Словаре языка А. С. Пушкина и Словаре русского языка XVIII века под редакцией Ю. С. Сорокина. В приведенных изданиях были проанализированы словарные статьи и выделены компоненты значений, относящиеся к периоду XI–XIX веков. Остальные толковые словари выявляют компоненты значений слов современного периода развития русского литературного языка. К этой группе мы отнесли такие издания, как Словарь современного русского литературного языка В. И. Чернышева, Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля, Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова, Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Словарь русского языка А. П. Евгеньевой, Малый толковый словарь русского языка В. В. Лопатина и Л. Е. Лопатиной, Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов Н. Ю. Шведовой, Новый словарь русского языка Т. Ф. Ефремовой, Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова, Большой толковый словарь русских существительных Л. Г. Бабенко, Большой академический словарь Л. И. Балахонова, Активный словарь русского языка Ю. Д. Апресяна, Большой универсальный словарь русского языка В. В. Морковкина и Русский семантический словарь Н. Ю. Шведовой. Советский энциклопедический словарь под редакцией А. М. Прохорова, задуманный как настольная книга для всей семьи, относится к словарям энциклопедического типа и содержит основные значения слов, поэтому его словарные статьи также изучались. Общее количество словарей, использованных для анализа семного состава имен ценностей, составило 22 издания.

Процедура работы со словарями строилась по единой схеме:

1) составление массива данных, состоящего из дефиниций значений слов анализируемых имен ценностей, представленных в словарях, начиная с ранних изданий и заканчивая самыми современными выпусками словарей. При этом обращалось внимание на пометы, такие как *книж.*, *разг.*, *филос.*, *фр.*, *науч.*, *психол.*, *устар.*;

2) группировка схожих сем в различных словарях и формирование обобщенных значений словарной дефиниций имени ценности;

3) выделение ядра и периферии, иначе называемых *индексом яркости семемы* многозначной лексемы (термин И. А. Стернина и А. В. Рудаковой), исходя из

совокупного количества упоминаний сем в словарях. В соответствии с данным подходом ядерными значениями выступают те, которые выделяются всеми словарями, преимущественно первыми компонентами. Периферию составляют значения «устаревшие, стилистически ограниченные, выделенные только отдельными словарями» [Рудакова 2015: 155]. Данная процедура служила, во-первых, для построения словарной модели имени ценности в ее динамике, а во-вторых, для сравнения психологически реального значения слов, обозначающих ценности у современных носителей русского языка.

При обобщении полученных компонентов значений учитывались общелингвистические методологические принципы работы со словарным материалом, выделенные И. А. Стерниным и А. В. Рудаковой, такие как неединственность метаязыкового описания ментальных единиц, дополнительность семантических описаний, дополнительность словарных дефиниций, денотативная дифференциация значений [Стернин, Рудакова 2017: 12–13].

При этом семный анализ «вскрывает существенные, но не все черты значения слова» [Клименко 1975: 53], а это подразумевает, что психолингвистические методы выявляют те компоненты психологически реального значения слов, которые не могут быть вычленены исключительно лингвистическими методами. Особенно важно то, что психолингвистические методики помогают в раскрытии ассоциативных связей и отношений между словами, формирующими индивидуальный ОМ, что говорит о системной направленности данной отрасли науки. Указанный факт в исследовании является наиболее значимым, потому что анализируются не отдельные имена ценностей. Мы стремимся показать, что в аксиологической сфере русского ОМ существует набор, а вернее сказать, нежесткая иерархия ценностей, которая обладает определенной структурой, но при этом все ее компоненты (семы) составляют систему, которая формирует мировоззрение человека и задает векторы его поведения.

Следующим этапом исследования было сравнение результатов семного анализа словарных статей с результатами массовых ассоциативных экспериментов, зафиксированными в ассоциативных словарях. Основной задачей сопоставления было выявление психологически реальных значений исследуемой ценности в ЯС носителей русского языка на определенном этапе. Это также позволило выявить динамику реакций на заданный стимул, поскольку первые словари ассоциативных норм составлялись в конце 80-х годов XX века, а собственный свободный АЭ проводился автором диссертации в 2020 году, то есть анализируемый период составляет более 30 лет.

Здесь уместно обратить внимание на то, что толковые словари фиксируют уже устоявшиеся, кодифицированные нормы языка, поэтому данные издания относятся в основном к прескриптивному типу, в то время как ассоциативные словари – дескриптивные, они фиксируют разнообразные связи психологически реальных значений, входящих в индивидуальный ОМ человека. ОМ отдельного человека в совокупности с ОМ других членов общества формирует обобщенный ОМ конкретного этноса в определенный момент его развития – таким образом, становится возможным выявить не только индивидуальные, но также и культурно-специфические черты ОМ.

Вербальные знания, по Ю. Н. Караулову и Ю. Н. Филиппович, воплощены в иерархичном ОМ, репрезентированном тремя типами бытия: действительностью («мир вне человека», «человек-люди», «артемир»), виртуальной реальностью («искусство», «мифология» и «игра») и языком («знание языка», «знание о языке» и «знания в языке») [Караулов 2009: 234]. Кроме того, АЭ убедительно показывает неразрывную связь «психологической основы ассоциации и семантических компонентов значения» [САНРЯ 1977: 10], что особенно важно в контексте данного исследования, поскольку для моделирования системы ценностей в ОМ современного носителя русского языка используются также и лингвосоциопсихологические методы, о чем речь пойдет далее.

Проанализированные ассоциативные словари составили список из девяти изданий: *общероссийские*, включающие реакции информантов по всей стране (Словарь ассоциативных норм русского языка А. А. Леонтьева, Русский ассоциативный словарь Ю. Н. Караулова, Славянский ассоциативный словарь Н. В. Уфимцевой) и *региональные*, фиксирующие результаты экспериментов, проведенных в отдельной области, крае или регионе (Русский ассоциативный словарь В. Е. Гольдина, Ассоциативный словарь подростка Е. Н. Гуц – на материале Омской области, Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска Л. О. Бутаковой, Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России), Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток), Ассоциативный словарь употребительной русской лексики И. А. Стернина). В анализ были включены только прямые ассоциативные словари.

Использование для анализа не только общероссийских, но и региональных ассоциативных словарей обусловлено тем, что нашими информантами были жители не только центральной части России, но также Южного федерального округа, Урала и Сибири. Кроме того, мы посчитали возможным воспользоваться данными, собранными у респондентов – учащихся старшей школы [Гольдин 2011] и подростков [Гуц 2004], так

как в нашем эксперименте также участвовали информанты начиная с возраста 15 лет. Выбор нижнего возрастного порога был обусловлен культурно-исторической концепцией Л. С. Выготского, в которой определяется возраст формирования абстрактного мышления именно на уровне среднего подросткового возраста.

Следующим этапом исследования было проведение свободного *ассоциативного эксперимента*. Он является основным экспериментальным психолингвистическим методом исследования индивидуальных значений, входящих в ассоциативные поля, которые характеризуются множеством внутрислоевых и межслоевых связей. Результаты АЭ позволяют обозначить парадигматические (глубинно-семантические) и синтагматические (характеризующиеся типичными «окружениями») связи сознания человека, в совокупности выявляющие системность индивидуального ОМ.

Ассоциативные поля варьируются и по количеству компонентов, и по внутренним связям у разных людей в зависимости от многих факторов, включая психофизиологические, личностные, ситуативные, половозрастные и профессиональные. Выделяется множество типов связей, основными из которых считаются синтагматические, парадигматические и тематические ассоциации. Синтагматический тип образует словосочетание, парадигматический тип обычно представляет собой замены или подстановки (синонимично-антонимичные или родовидовые отношения), а тематические ассоциации связаны со стимулом в одно сообщение в рамках фрагмента или целого текста [Клименко 2018].

Кроме того, значимость ассоциативного подхода в анализе имен ценностей проявляется в следующем: несмотря на то, что в нем не исследуются механизмы формирования системы сложившихся знаний, он позволяет «характеризовать структуру системы целом, обнаруживает национальную специфику (разрядка наша. – О. К.) ее организации, выявляет ментальную историю данной популяции» [Ушакова 2000: 19], что, безусловно, важно при исследовании структуры и содержания аксиологической сферы русского ОМ. Изучение имен ценностей при помощи АЭ способствует построению «ассоциативного профиля» (термин А. А. Леонтьева [САНРЯ 1977]) ценностной сферы русского ОМ.

В свободном АЭ приняли участие 444 информанта. Возраст испытуемых варьировался от 15 до 80 лет. Географию исследования (в алфавитном порядке в соответствии с формулировками ответов информантов) представляют: Республика Адыгея, Алтайский край, Амурская область, Ахтубинск (Астрахань), Белгородская область, Брянск, Бурятия, Владимирская область, Воронеж, Воронежская область,

Дагестан, Иркутск, Калужская область, Кемеровская область, Котлас (Архангельск), Краснодар, Краснодарский край, Крым, Липецк, Липецкая область, Мордовия, Москва, Московская область, Нижний Новгород, Новгородская область, Оренбургская область, Орловская область, Орск (Оренбург), Ростов-на-Дону, Ростовская область, Рязанская область, Самара, Самарская область, Санкт-Петербург, Саранская область, Северная Осетия, Сочи, Ставропольский край, Сызрань, Тамбов, Тюменская область, Челябинская область.

Реакции, полученные в ходе АЭ, сопоставлялись с данными, зафиксированными в ассоциативных словарях. С этой целью выделялось ядро АЭ, которое сравнивалось с самыми частотными реакциями различных ассоциативных словарей. Для определения ядерной зоны и отграничения ее от периферии значений мы использовали критерий осыпи Кэттеля [Cattell 1966], который показывает, что существует точка, где непрерывное падение собственных значений замедляется и после которой уровень остальных собственных значений отражает только случайный «шум».

Самым важным этапом исследования считаем моделирование значения имени ценности при помощи ассоциирующихся с ним других имен ценностей. Это показывает, что имена ценностей не существуют в вакууме, они не только имеют структуру и иерархию, но также сами образуют систему, которую можно обнаружить при использовании психолингвистических методов.

Ранжирование представляет собой метод статистической обработки данных, где каждому элементу в списке присваивается определенный ранг. Несмотря на то, что статистика не создает новой научной информации и не позволяет качественно оценить полученные данные, в то же время при помощи ранжирования возможность увидеть связи, которые реализованы в ОМ реципиентов, и их отношение к некоторым явлениям действительности. Метод ранжирования рассматривается нами как вспомогательный, он помогает воссоздать иерархию ценностей в соответствии с ответами испытуемых.

Для построения инварианта системы ценностей, которые разделяют представители русского языка и культуры, респонденты оценивали, насколько важен для них лично каждый феномен из предъявленного списка ценностей, где индекс 1 присваивался в случае безусловной важности, а 20 – совсем не важен. После обработки всех ответов ранжирования материал подвергся статистической обработке при помощи программного обеспечения «Statistica», в результате были выявлены ядерные для русской культуры имена ценностей, а также ближняя и дальняя периферия.

Для изучения источников, которые потенциально формируют ценности как абстрактные сущности, нами был применен *метод мотивационно-целевого (интенционального) анализа литературных произведений*.

Изучение литературы как источника формирования ценностей личности не было случайным, так как литература является специфическим социальным институтом (Л. Д. Гудков, Б. В. Дубин) и наряду с другими общественными институтами влияет на ОМ человека. Бесспорно, степень и мера этого влияния варьируются в зависимости от многих факторов, но в любом случае произведения литературы выступают выражением «духа времени», «народа» («нации»), «общества» [Дубин 2010: 11], о чем говорили еще некоторые представители Просвещения (Ш. Монтескье, И. Гердер) и романтизма (Ж. де Сталь). Литература включается в еще более широкий контекст – культуру, посредством которой закладываются ценности, в дальнейшем присваиваемые человеком.

Литература в широком смысле слова определяется как совокупность любых письменных текстов. Ученые еще в 50-х годах XX века замечали разницу между «лингвистикой текста» и «текстом и его лингвистикой» (Т. М. Николаева).

Современные научные изыскания все больше ориентируются не просто на текст как грамматически оформленный конструкт, обладающий формальными характеристиками: связностью, когеренцией, когезией, интегративностью и завершенностью. Акцент делается не на текст как результат, а на текст как процесс, как речемыслительную деятельность вообще, заключающуюся прежде всего в том, что «текст здесь включается в более широкий контекст, где кроме текста существенную роль играет человек, порождающий и воспринимающий текст» [Новиков 2007: 16]. Текст в психолингвистическом понимании является «опредмеченной ситуацией общения» [Апухтин 1977: 31], в которой конституирующими элементами являются предмет коммуникации, автор и реципиент. Эти составляющие могут проявляться имплицитно или эксплицитно, однако предполагается, что литературное произведение является результатом взаимодействия всех вышеназванных факторов.

Следует также отметить, что текст как процесс деятельности, связанный с воспринимающим его человеком, исследуется не только лингвистикой. Большой вклад в данное направление вносят психосемантика и когнитивно-ориентированные науки, а также комплекс наук, объединенных общим названием *computer sciences* (компьютерные науки).

Изучение разнообразных разнонаправленных нелинейных связей текста и воспринимающего их реципиента было положено в основу «психолингвистики текста» (термин А. И. Новикова). Следует отметить, что данное направление лингвистики берет свое начало в работах отечественных психолингвистов третьего поколения (Н. И. Жинкина, В. Д. Тункеля, В. Б. Апухтина, Т. М. Дридзе). Так, Н. И. Жинкин доказывает, что в тексте проявляется связь речи с языком и мышлением. В процессе субъектно-предикатного анализа в тексте выделяется предикат в качестве главного предмета описания или высказывания, который дан субъекту в восприятии. Основная мысль состоит в том, что необходимо анализировать не отдельное слово или фразу, а более высокие уровни языковой системы, поскольку именно в тексте наблюдаются связи слов во всем их многообразии. Текст выступает как иерархическая система с различными уровнями развертывания смысла, выражающая идеи автора [Жинкин 1958, 1982]. Предикаты разных уровней выполняют различные смысловые функции: уточнения, конкретизации, объединения и перечисления. Важно подчеркнуть, что развертывание текста происходит нелинейно, а предикаты выстроены в иерархическом порядке. Эти идеи получили дальнейшую разработку в исследованиях учеников и последователей Н. И. Жинкина.

Так, Г. Д. Чистякова создала денотатную карту, где показала, что текст в содержательном плане состоит из системы отношений денотатов [Чистякова 1981]. На основе учебных текстов Л. П. Доблаев изучал их понимание как установление связей между смысловыми элементами, а также элементами текста и целым текстом. Основными компонентами текста признаются субъект и предикат, а их отношения рассматриваются в содержательном и логическом планах [Доблаев 1971]. Также считаем важным назвать еще несколько значимых имен ученых, углубивших и расширивших идеи Н. И. Жинкина, в частности это В. Б. Апухтин, объединивший предикацию и актуальное членение в виде темы и ремы в едином мыслительном акте [Апухтин 1977], Т. М. Дридзе, разработавшая методику членения текста как структуру предикации [Дридзе 1972] и А. И. Новиков, исследовавший теорию смысла в тексте в ее психолингвистическом преломлении [Новиков 2007].

Разработка связи понимания с развертыванием смысла была продолжена в работах И. Н. Горелова, который утверждал, что «понимание текста... представляет собой процесс перевода (декодирования) языковой формы в особую внутреннюю информативную систему поэтапно: не от “законченной формы” к “значению”, а от “элемента формы” к содержательной интерпретации, к выдвижению гипотезы

относительно формы и содержания, к поиску (упреждающему) на уровне формы и содержания, причем не всегда и не обязательно синхронизированному; затем, по мере накопления с о д е р ж а т е л ь н о й (разрядка автора. – *И. Г.*) информации через снятие формальной и содержательной избыточности – к конструированию смысла, опирающегося на дальнейшие результаты декодирования формы, т. е. на “смысловые вехи”» [Горелов 1976: 277]. При анализе текста «смысловые вехи» выступают, на наш взгляд, предикатами первого порядка, осложненными паралингвистическими средствами коммуникации, включающими жестовые, мимические, пантомимические, фонационные [Горелов 1976] и другие компоненты сообщения.

Основными характеристиками текста становятся явления содержательно-смысловой *целостности, информативности* и *компрессивности*. Первая включает в качестве обязательных элементов задействование когнитивных и коммуникативно-смысловых структур, «при этом такая активация происходит по принципу резонанса, вследствие чего при восприятии текста оказываются задействованы не только те компоненты этих структур, на которые оказывает непосредственное воздействие текст, но и их окружение» [Новиков 2007: 20]. Вторая характеристика подразумевает возможность адекватного прогнозирования при смысловой интерпретации получаемого сообщения – иными словами, интерпретация адекватна только в случае соответствия толкования реципиентом замысла (идеи, цели) автора. Третья заключается в возможности компрессии, то есть свертывания и развертывания содержания, поскольку «только тот текст по-настоящему осмыслен, основное содержание которого можно выразить в сколь угодно сжатой форме» [Леонтьев 1979: 29].

Обращение к литературным произведениям как к текстам, в которых заложены ценности как модели должного (часто в противопоставлении с антиценностями), отнюдь не случайно, потому что «во взаимодействии языкового текста и языкового сознания его интерпретаторов... кроется, как кажется, д и н а м и к а п р о ц е с с а с т а н о в л е н и я к у л ь т у р н ы х ц е н н о с т е й и н о р м (разрядка наша. – *О. К.*) – явление в высшей степени значимое с точки зрения социальных изменений» [Дридзе 1976а: 34–35]. Текст имеет потенциальные характеристики для интерпретации читателем или реципиентом, заложенные в контексте его употребления. Когда некоторое количество информации, обрабатываясь в сознании реципиента, приобретает качественное наполнение, текст начинает жить новой «поведенческой» жизнью.

Идея о включенности в текст читателя разделяется многими исследователями. Т. М. Дридзе утверждает, что адресат смысловой информации отнюдь не только

потребитель, но и производитель текстов. Иными словами, «каждый человек, поскольку он является субъектом коммуникативно-познавательной деятельности... участвует в создании “текстовой действительности”, а значит, и в формировании знаний и мнений, общественных ориентиров (идеалов, ценностей и норм), присущих образу жизни данного конкретного общества, господствующих в данном обществе представлений о рекомендуемых и принятых способах (моделях) деятельности и формах поведения» [Дридзе 1979: 276]. Это положение разделяется представителями отечественной рецептивной эстетики (Б. И. Зингерман, З. И. Кирнозе, А. П. Чудаков) и Констанцской рецептивной школы, разрабатывающих теорию под названием Reader-response theory (В. Изер, Х. Яусс).

Литературное произведение рассматривается нами как текст, не состоящий из отдельных элементов, а представляющий собой систему элементов разной сложности и значимости (Н. И. Жинкин) и характеризуемый структурно-смысловой цельностью и связностью (А. А. Леонтьев). Все элементы текста объединены для реализации основной концепции, при этом «текстовая комбинаторика качественно меняет ту информационную нагрузку, которую сам по себе (вне данного текста) нес бы каждый из его элементов» [Дридзе 1976а: 39]. Важно сделать оговорку, что главная идея текста, или его концепция, не обязательно должна иметь вербально выраженную форму, однако она всегда присутствует в виде определенной мотивации.

Для анализа литературных произведений мы воспользовались лингвopsихосоциологическим методом, разработанным Т. М. Дридзе для исследования массового сознания, который позволяет рассматривать текст в двух системах координат – лингвистической и коммуникативной. Лингвистическая парадигма включает такие единицы языка, как фонема, морфема, лексема, словосочетание, предложение, сверхфразовое единство и текст в форме речи или дискурса. Коммуникативная система координат задает следующую иерархию: слово – элементарный знак – высказывание – содержательно-смысловой блок – текст как сложный знак наиболее высокого порядка [Дридзе 1976]. Именно этот подход представляется применимым к данной работе, потому что в исследовании имен ценностей в литературных произведениях анализируется не общее содержание текста, а его цель и личностный смысл для читателя.

Основная идея или концепция текста (мотив и цель, по Т. М. Дридзе) является сверхзадачей, которая поддерживается более мелкими задачами, цель которых заключается в раскрытии коммуникативного намерения автора. Макроструктура текста

состоит из иерархии смысловых блоков, называемых предикациями разных уровней, в зависимости от их значимости. Так, предикации первого уровня показывают основную идею текста, а предикации низших порядков при помощи языковых средств *поддерживают, разъясняют, аргументируют* и *иллюстрируют* главный замысел текста. Микроструктура текста представляет собой совокупность внутритекстовых содержательно-смысловых связей, необходимых для анализа макроструктуры.

Анализ *макроструктуры* текста осуществляется в несколько этапов:

1. Текст внимательно прочитывается дважды или более с целью определения его содержания и характера (назначения), представляющих предикацию первого порядка.

В исходном варианте инструкции Т. М. Дридзе данный шаг был разбит на два. Оба касались внимательного чтения текста с выделением его основной мысли. Посчитав это дробление излишним, мы объединили оба пункта в один.

2. Внутри общего содержания выделяются основные элементы: установочные «тезисы-элементы» (от А-1 до А-п), их разъяснение (от А-2 до А-п), описание или оценка (от А-3 до А-п). В сумме они формируют предикации второго порядка.

3. Внутри общего содержания выделяются второстепенные элементы: иллюстрации к тезису, оценке или проблемной ситуации (от Б-1 до Б-п), общие фоны (от Б-2 до Б-п).

4. Построение графической схемы макроструктуры текста [Дридзе 1984] (Рисунок 1).

Рисунок 1 – Графическая схема макроструктуры (Т. М. Дридзе)

В данном исследовании направление анализа было несколько изменено. Поскольку наши информанты уже определили главный замысел произведения в форме ценностей, то наша задача будет состоять в выяснении того, на основе каких элементов текста они это сделали.

Анализ *микроструктуры* текста осуществляется двумя способами: с учетом замысла сообщения и без учета цели сообщения. Разница между этими способами состоит в том, что в первом случае необходимо тщательное знакомство с текстом, а во втором – анализ осуществляется по ходу чтения. Мы будем использовать первый способ, потому что именно он дает возможность компрессии текста, о чем говорилось выше.

Изначально по данной методике изучались тексты (рассказы, газетные публикации), имеющие небольшой объем. Для художественного текста позже была предложена несколько более детальная схема, выделяющая в его образно-смысловой структуре три плана, названные автором *событийным*, *субъективным* и *образным* [Печерица 1981]. *Событийный* план представляет сюжетную основу произведения, представляющую собой содержание произведения и связи между его элементами. *Субъективный* план включает действующих лиц и описание их характеров в быту и поступках, а *образный* план объединяет изображение окружающих предметов и явлений, которые выступают «синтетическим выражением авторских чувств, мыслей и чаяний» [Печерица 1981: 124–125]. Эти планы имеют, по нашему мнению, решающее значение в раскрытии основного конфликта (*событийный* план), изображении действующих лиц (*субъективный* план), а также в создании образных картин (*образный* план), что в итоге способствует более полной передаче авторского замысла читателю. Описанные элементы отражены в уточненной модели информационно-целевого анализа [Печерица 1981: 125–126]. Стоит, однако, подчеркнуть, что некоторые выделенные элементы оказываются не реализованными в тексте, что, видимо, может свидетельствовать как о своеобразии и уникальности каждого отдельного литературного произведения, так и об отсутствии необходимости такой тщательной детализации.

Важно отметить, что мотивационно-целевой метод используется не только для анализа публицистических, рекламных [Андрющенко 2013], юмористических [Белянин 1983] и художественных текстов [Печерица 1981, Адамьянц 2005], но также и текстов песен [Бубнова 2020] и компьютерных игр [Адамьянц 2005].

В целом построение модели художественного текста дает возможность не просто детального теоретического осмысления его содержания, но и того, как это содержание понимается, интерпретируется и анализируется читателем.

Для выявления возрастной специфики выбора литературного произведения нам представляется целесообразным при анализе разделить ответы испытуемых на три возрастные группы: 15–22 лет (группа 1), 23–35 лет (группа 2) и 36–80 лет (группа 3). Такое деление нам представляется обоснованным, поскольку в группу 1 в основном вошли учащиеся различных образовательных уровней – от школы до университета, строящие свою систему ценностей. Группу 2 составляют молодые люди, начавшие или продолжающие свою трудовую деятельность, накапливающие жизненный опыт и выверяющие свою систему ценностей. В группу 3 вошли уже состоявшиеся личности, имеющие, на наш взгляд, сформированную систему ценностей, хотя объединение столь разновозрастных людей в одну группу крайне условно.

Таким образом, семный анализ значений в толковых словарях позволит нам проследить динамику языковых значений ценностей, выделив существенные и малосущественные элементы каждого имени ценности. При помощи сопоставления материалов ассоциативных словарей и результатов свободного АЭ мы постараемся выделить актуальные, психологически реальные ассоциативные связи в ОМ современных носителей русского языка и культуры. Метод ранжирования даст возможность построить иерархию ценностей в ОМ, а интенциональный анализ будет способствовать пониманию того, за счет каких ситуаций и лексических средств достигается понимание содержания и формирование субъективного значения ценности в литературных произведениях.

Определение списка ценностей

Проблема определения ценностей как императивов в жизни отдельного человека, общества или этноса занимает умы ученых уже несколько столетий. Древнегреческие философы (Платон, Сократ) пришли к заключению, что есть единое ценностное начало, именуемое ими Благом, которое распадается на отдельные ценности (истинное, доброе).

В разные исторические эпохи у разных народов и народностей набор, количество и значимость ценностей разнятся. Считается, что аксиологическая сфера выступает константной составляющей ОМ, но при этом не является застывшим образованием. На ее изменение влияет множество факторов как личностного, так и надличностного характера. К личностным мы относим пол, возраст, наличие / отсутствие семьи и детей, уровень образования и социальное окружение. К надличностным факторам – уровень

жизни, место проживания, форму государственной власти, экономическую, социальную и политическую ситуацию в стране.

Большинство объектов, с которыми сталкивается человек в своей реальной жизни, подвергается оценке в форме материальных и духовных ценностей. Сегодня к ним относят еще и виртуальные ценности, включающие глобальную сеть, виртуальный мир, киберпространство. Часто выделяют материальные ценности, связанные с утилитарностью окружающих человека предметов. Духовные ценности рассматривают как более сложные образования. Выделяются различные группы таких ценностей: когнитивные, мировоззренческие, эстетические, этические, теологические [Неганов и др. 2004: 6], государственно-конституционные, нравственно-гуманистические, народно-патриотические, социально-профессиональные, культурно-национальные [Ремизов 2000: 11–42]. При этом как материальные, так и духовные ценности часто считаются универсальными, или общечеловеческими.

Как уже отмечалось, сложность сравнения различных классификаций состоит в том, что различные науки имеют свой предмет исследования, несмотря на общий объект, а также используют разные критерии (основания) для выделения ценностей.

Современные глобализационные процессы закономерно вызвали и обратный процесс – глокализацию, опирающуюся на национальную ценностную среду народа. В самом общем виде национальные ценности можно определить как ценности, принимаемые этнической общностью в качестве императивов, идей или целей своего существования. Они формируются на базе национальной культуры, в основном в форме духовных и культурных ценностей, выстраиваясь в иерархию на основании исторического опыта государства. Само функционирование термина подразумевает факт психологической и социальной самобытности определенного этноса, отличие от «чужих», общность национальных идей и установок.

Национальные ценности из множества идей, целей, установок, максим и направленностей позволяют выделить общепринятые и общественно значимые элементы, которые поддерживаются большинством, а также имеют главенствующее значение для выживания нации. В связи с этим оказывается важной этнокультурная и национальная самоидентификация личности как способ и средство передачи первостепенных для нации общественных отношений и защита от внутренних и внешних дестабилизирующих сил, тем самым создаются условия для выживания и процветания нации [Вильданов 2014]. Поскольку в настоящее время человечество находится на этапе перехода от *laissez-faire* (эпохи, позволяющей развитию идти своим

ходом или стихийно приспособливаться) к конструируемому глобальному обществу [Манхейм 2010: 541], то роль национальных ценностей как естественных регуляторов повсеместно должна повышаться.

В качестве базовых национальных ценностей в нашей стране выделяются следующие: *патриотизм, социальная солидарность, гражданственность, семья, труд и творчество, наука, традиционные российские религии, искусство, природа, человечество* [Концепция 2009: 18]. Базовые национальные ценности определены также в Конституции РФ, посланиях Президента и государственных правовых документах, однако часто декларируемые ценности отличаются от реальных, интериоризированных, лично принятых.

Поскольку целью нашей работы является изучение аксиологической сферы как подсистемы русского ОМ, то наиболее простым способом выяснить, какие ценности являются для человека приоритетными, представляется опрос испытуемых разного возраста. Респондентам задавался один вопрос: «Напишите 7–10 ценностей, которые лично для Вас являются наиболее значимыми в жизни».

В опросе участвовали 84 респондента (19–47 лет), было получено 667 ответов. Далее ответы подсчитывались и на основании частоты упоминаний тех или иных ценностей выстраивался список, формирующий аксиологическую сферу ОМ современного носителя русского языка и культуры. В него вошли следующие личностные ценности: *семья 71; любовь 37; уважение 23; дружба 20; свобода 18; честность, доброта 16; мир 15; деньги 13; успех 12; труд 11; культура 10; справедливость, патриотизм 9; коллективизм, родина, толерантность, воля, равенство, религиозность 8; жизнь, карьера, самосовершенствование, дети 7; образование, здоровье, добро, друзья, искренность, природа, саморазвитие, трудолюбие 6; безопасность, альтруизм, вера, верность, душа, материальные ценности, ответственность, развитие, счастье, творчество, терпение 5; гостеприимство, дом, забота, история, комфорт, нравственность, послушание, религиозные ценности, сохранение культуры, стабильность, человек (личность), честь 4; архитектура, инновационность, красота, независимость, отдых, поддержка нуждающихся, покой, права человека, терпимость, уверенность, экология, эмпатия 3; амбиции, бескорыстие, взаимовыручка, взаимопомощь, гуманизм, духовность, душа, еда, закон, знание, искусство, креативность, личное пространство, мораль, наука, отзывчивость, открытость, преемственность поколений, процветание народа, работа, самореализация, свобода выбора, смелость, сострадание, социальное положение,*

сочувствие, статус, стойкость, стремление к самосовершенствованию, стремление к совершенству, широта, юмор, язык 2; высокое положение в обществе, авантюризм, аккуратность, амбициозность, бескорытность, благополучие, борьба за существование, братство, бытовые вещи, вежливость, взаимоотношения людей, взаимопонимание, внутренняя сила, возможность развития, воспитание, время на близких, всесторонность, выполнение долга, гармония, гендерные самовыражения, государство, готовность помочь, гражданские связи, движение, дело, дисциплина, добродетель, добросовестность, домашний уют, достижение, достоинство, духовные ценности, животные, жизнелюбие, забота о ближних, знание истории, знания, индивидуальность, интеллект, интересный круг общения, исторические ценности, историческое наследие, итоги ВОВ, качество жизни, консерватизм, кругозор, литература, личная жизнь, личность, личный комфорт, любовь к месту проживания, любовь к родине, любовь к животным, любознательность, материнство, милосердие, миролюбие, многогранность, мобильность, мудрость, надежность, наследие, национальные праздники, нефть, обеспеченность, образованность, общение, общечеловеческие потребности, одиночество, освоение неизвестных горизонтов, осознанность, остроумие, отношение к семье и детям, отношение к людям с проблемами здоровья, памятник, положение в обществе, понимание, порядок, послушание старшим, потомство, православие, преданность, преданность традициям, продолжение рода, произведения искусства, произведения человеческого труда, пунктуальность, путешествия, радушие, реализованность в профессии, рутинность, самообладание, саморазвитие, свобода слова, смысл жизни, соблюдение закона, совесть, сон, сохранение окружающей среды, спокойствие, способность любить, тактичность, талант, творения природы, территория и природные ресурсы, творческий креатив, тишина, традиции, увлечение, ум, умение сочувствовать, упорность, уют, храбрость, цели, ценность человеческой жизни, честолюбие, чувства, чувство долга, чувство собственного достоинства, чувство благодарности, чуткость, широкий кругозор, эрудиция, этические нормы морали 1.

После обработки ответов нами было выделено 20 наиболее частотных ценностей, которые и легли в основу номенклатуры ценностей для дальнейшего комплексного анализа. На следующих этапах эксперимента список предъявлялся испытуемым в алфавитном порядке и содержал следующие имена ценностей: *воля, деньги, доброта, дружба, культура, любовь, мир, патриотизм, равенство, религиозность, родина, свобода, семья, справедливость, толерантность, труд, уважение, успех и честность.*

Ранжирование ценностей

Метод ранжирования представляет собой вспомогательный количественный анализ, позволяющий распределить данные в порядке либо возрастания, либо убывания оцениваемого фактора, признака и явления. Каждому значению присваивается ранг.

Мы просили испытуемых оценить степень важности и значимости каждой ценности для них лично: самую значимую или желанную ценность оценить в 1, а самую незначимую – в 20. В результате эксперимента мы получили 408 анкет с ответами респондентов и 36 отказов. После обработки анкет все данные были внесены в соответствии с оценками респондентов, начиная с ценностей, имеющих самые высокие оценки, и заканчивая самыми низкими значениями. Так была определена иерархия ценностей в ОМ современных носителей русского языка и культуры. В таблицу были внесены данные об общем количестве ответов, выделено среднее значение, которое в итоге определило место каждого имени ценности в иерархии (Таблица 1). Минимальное и максимальное значения ответов показывают диапазон оценки каждой ценности, в то время как нижний и верхний квартили иллюстрируют, в каком диапазоне наблюдается наибольшее количество ответов респондентов. Также учитывалась стандартная девиация, являющаяся необходимым элементом ранжирования, который указывает на единство или разброс мнений респондентов. Она во всех случаях находится в пределах 4-5, что является нормой.

Таблица 1 – Статистические данные ранжирования

Ранг ценности	Список имен ценностей	Общее количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Нижний квартиль	Верхний квартиль	Стандартная девиация
1.	<i>Семья</i>	408	5,48403	1,000000	20,00000	1,00000	8,00000	5,135035
2.	<i>Любовь</i>	408	5,53431	1,000000	20,00000	2,00000	8,00000	4,903371
3.	<i>Дружба</i>	408	7,08824	1,000000	20,00000	3,00000	9,00000	4,353209
4.	<i>Доброта</i>	408	7,46569	1,000000	19,00000	4,00000	10,00000	4,452181
5.	<i>Свобода</i>	408	7,59459	1,000000	20,00000	3,00000	11,00000	5,180512
6.	<i>Честность</i>	408	8,15196	1,000000	20,00000	5,00000	11,00000	4,465147
7.	<i>Уважение</i>	408	8,51716	1,000000	20,00000	5,00000	11,00000	4,646702
8.	<i>Мир</i>	408	8,53676	1,000000	20,00000	4,00000	12,00000	5,299726
9.	<i>Справедливость</i>	408	8,89461	1,000000	20,00000	5,00000	12,00000	4,838032
10.	<i>Воля</i>	408	10,30392	1,000000	20,00000	6,00000	15,00000	5,307802
11.	<i>Труд</i>	408	11,03676	1,000000	20,00000	8,00000	14,00000	4,354796
12.	<i>Успех</i>	408	11,34559	1,000000	20,00000	8,00000	15,00000	4,922563

Ранг цен-ности	Список имен ценностей	Об-щее коли-чест-во отве-тов	Среднее значе-ние	Мини-мальное значе-ние	Макси-мальное значе-ние	Нижний квар-тиль	Верхний квар-тиль	Стандарт-ная девиация
13.	<i>Деньги</i>	408	11,45588	1,000000	20,00000	7,00000	16,00000	5,316334
14.	<i>Культура</i>	408	11,63480	1,000000	20,00000	9,00000	15,00000	4,317437
15.	<i>Равенство</i>	408	12,09314	1,000000	20,00000	8,00000	16,00000	4,723942
16.	<i>Родина</i>	408	12,56127	1,000000	20,00000	9,00000	17,00000	5,350714
17.	<i>Толерантность</i>	408	13,59069	1,000000	20,00000	10,50000	18,00000	4,987120
18.	<i>Патриотизм</i>	408	14,88452	1,000000	20,00000	13,00000	19,00000	5,139333
19.	<i>Коллективизм</i>	408	15,77150	1,000000	20,00000	15,00000	19,00000	5,091224
20.	<i>Религиозность</i>	408	15,84314	1,000000	20,00000	14,00000	20,00000	5,445725

На основании полученных данных считаем возможным разделить все ценности на три условных группы: ядро, ближнюю периферию и дальнюю периферию.

Результаты сравнительного анализа ранжирования ядерных ценностей представлены на Рисунке 2. Вертикальные столбики справа показывают диапазон выбора основных значений. Ценность *семья* ставилась большинством респондентов на 1-е место, *любовь* оценивалась в основном рангами 1 и 2, *дружба* – 3, *доброта* поместили на средний ранг между 4 и 5, а для ценности *свобода* ранги находятся в диапазоне от 1 до 6.

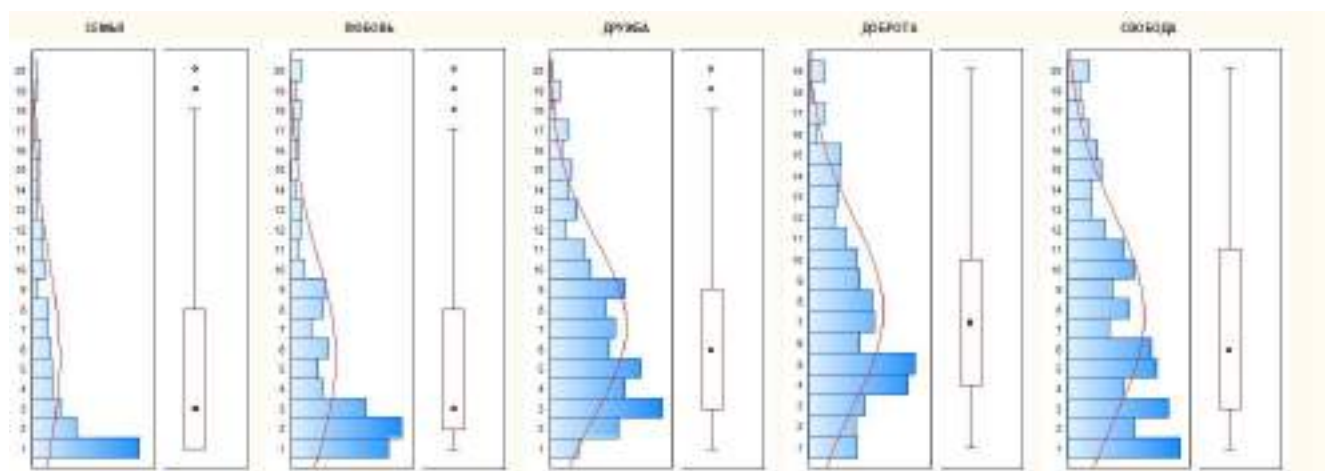

Рисунок 2 – Сравнительная таблица распределения ответов респондентов относительно ядерных ценностей

Таким образом, главными компонентами аксиологической сферы ОМ носителей русского языка и культуры по-прежнему являются *семья* (среднее значение 5,48403), *любовь* (среднее значение 5,53431), *дружба* (среднее значение 7,08824), *доброта* (среднее значение 7,546569), *свобода* (среднее значение 7,59459). Они формируют

устойчивое *ядро*. Рассмотрим состав среднего значения личностной значимости ядерных ценностей более подробно. В Таблицу 2 внесены следующие данные: количество респондентов, оценивших предлагаемые ценности в диапазоне от 1 до 5 (Ранг 1-5), от 6 до 10 (Ранг 6-10), от 11 до 15 (Ранг 11-15) и от 16 до 20 (Ранг 16-20). В каждой колонке указывается количество ответов испытуемых в рамках определенного диапазона, а также процентное соотношение по сравнению с другими диапазонами. Полужирным шрифтом выделен средний ранг имен ценностей, а также максимальные показатели по рангам (Таблица 2).

Таблица 2 – Распределение ответов респондентов по рангам (ядерная зона)

	<i>Ранг 1-5</i>	<i>Ранг 6-10</i>	<i>Ранг 11-15</i>	<i>Ранг 16-20</i>	<i>Средний ранг</i>
Семья	254 (62%)	81 (20%)	44 (11%)	29 (7%)	5,47059
Любовь	250 (61%)	101 (25%)	26 (6%)	31 (8%)	5,53431
Дружба	183 (45%)	144 (35%)	58 (14%)	23 (6%)	7,08824
Доброта	174 (43%)	137 (34%)	76 (19%)	21 (4%)	7,46569
Свобода	173 (42%)	121 (30%)	72 (18%)	42 (10%)	7,57598

Из таблицы видно, что количество респондентов, присвоивших высший ранг ценностям *любовь* и *семья* в качестве значимых, составляет более 60% от общего числа, что свидетельствует о личностном принятии данных феноменов в ОМ носителей русского языка и культуры. Самые большие показатели выделены жирным шрифтом. Ценности *дружба*, *доброта*, и *свобода* имеют примерно одинаковые проценты в рангах 1–5 и 6–10, что также говорит об их приоритетности для русского человека.

К зоне ближней периферии можно отнести ценности с рангами 6–10 и 11–15. К ним относятся: *честность* (среднее значение 8,15196), *уважение* (среднее значение 8,51716), *мир* (среднее значение 8,53676), *справедливость* (среднее значение 8,89461), *воля* (среднее значение 10,30392), *труд* (среднее значение 11,03676), *успех* (среднее значение 11,34559), *деньги* (среднее значение 11,45588), *культура* (среднее значение 11,63480) и *равенство* (среднее значение 12,09314) (Таблица 3).

Как видно из таблицы, основные ранги, выбранные испытуемыми, находятся в диапазоне 6–10 в начале списка и 11–15 в конце таблицы. Таким образом, ближнюю периферию ценностей можно условно разделить на околоядерную зону с именами ценностей *честность*, *уважение*, *мир* и *справедливость* и собственно ближнюю периферию, представленную именами ценностей *воля*, *труд*, *успех*, *деньги*, *культура* и *равенство*.

Таблица 3 – Распределение ответов респондентов по рангам (зона ближней периферии)

Ценности	Ранг 1-5	Ранг 6-10	Ранг 11-15	Ранг 16-20	Средний ранг
Честность	122 (30%)	164 (40%)	94 (23%)	27 (7%)	8,15196
Уважение	117 (29%)	165 (40%)	88 (22%)	38 (9%)	8,51716
Мир	145 (36%)	105 (26%)	108 (26%)	50 (12%)	8,53676
Справедливость	113 (28%)	146 (36%)	97 (24%)	52 (12%)	8,89461
Воля	96 (24%)	98 (24%)	139 (34%)	75 (18%)	10,30392
Труд	51 (13%)	130 (32%)	161 (39%)	66 (16%)	11,03676
Успех	57 (14%)	123 (30%)	136 (33%)	92 (23%)	11,34559
Деньги	69 (17%)	103 (25%)	127 (32%)	109 (26%)	11,45588
Культура	43 (11%)	104 (25%)	182 (45%)	79 (19%)	11,63480
Равенство	49 (12%)	89 (22%)	161 (39%)	109 (27%)	12,09314

Результаты сравнительного анализа ранжирования всех ценностей околоядерной зоны и ближней периферии представлены на Рисунках 3, 4. Вертикальные столбики справа показывают диапазон выбора основных значений.

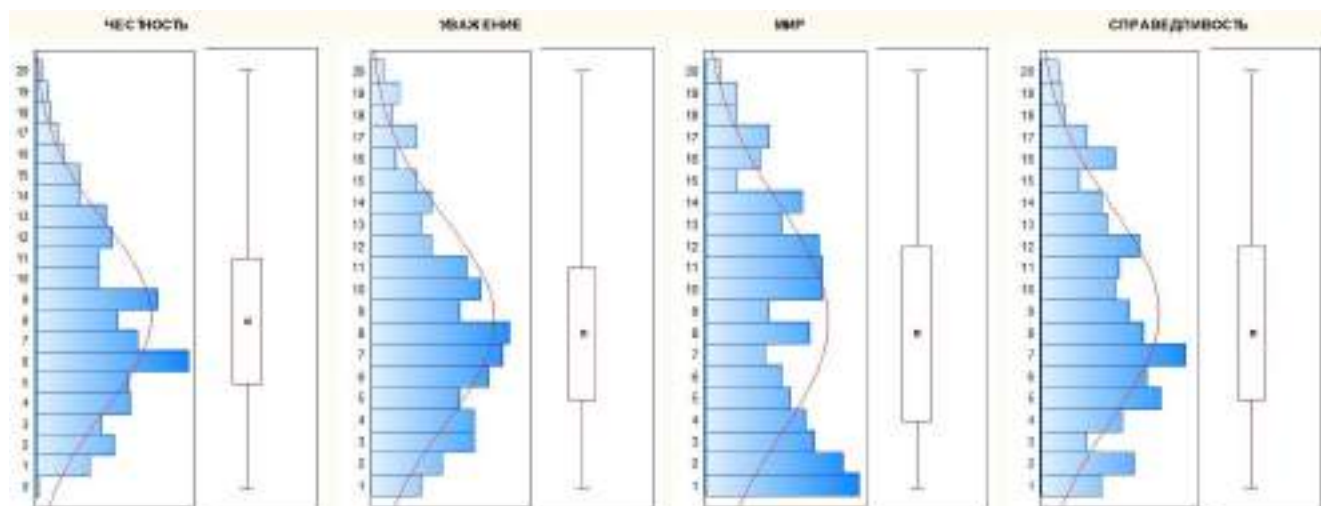

Рисунок 3 – Распределение ответов в околоядерной зоне

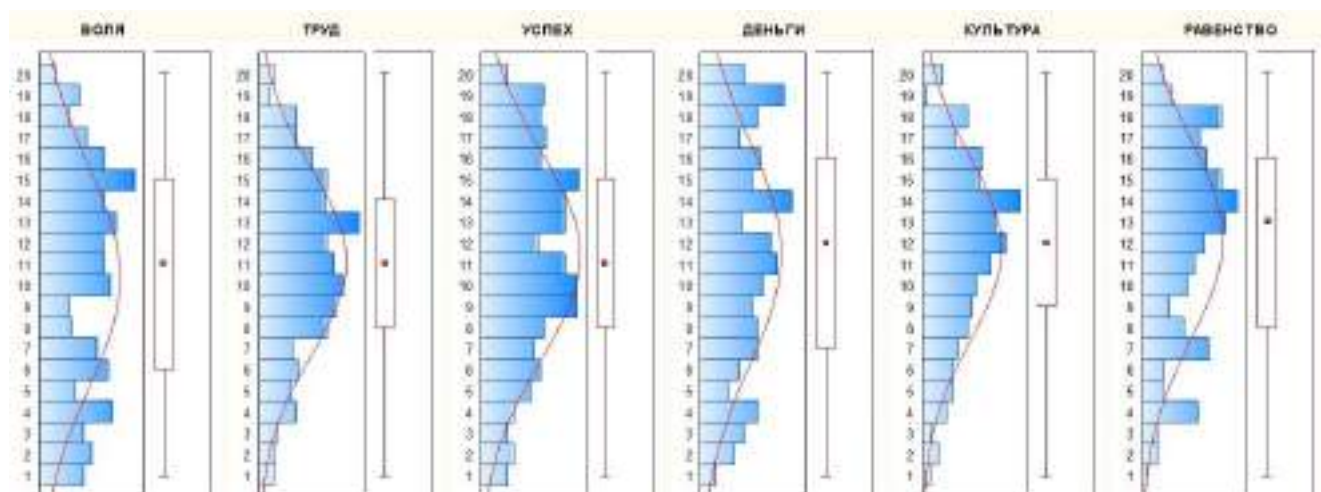

Рисунок 4 – Распределение ответов в зоне ближней периферии

Среднее количество респондентов, выбирающих данные ценности, колеблется в пределах 40%, при этом показатели рангов 6–10 и 11–15 находятся на одном уровне. Самые большие показатели выделены жирным шрифтом. Следует отметить ранжирование ценности *мир*, потому что голоса респондентов сходным образом распределились в первых трех столбиках рангов. Можно предположить, что это связано с многозначностью самого имени ценности.

Периферийными оказались ценности, набравшие самые незначительные оценки испытуемых, совершенно незначимые в их жизни и не принятые лично. К этой группе относятся ценности, имеющие ранг в пределах 16–20: *родина* (среднее значение 12,56127), *толерантность* (среднее значение 13,59069), *патриотизм* (среднее значение 14,88452), *коллективизм* (среднее значение 15,77150) и *религиозность* (среднее значение 15,84314) (Таблица 4).

Таблица 4 – Распределение ответов респондентов по рангам (зона дальней периферии)

Ценности	Ранг 1-5	Ранг 6-10	Ранг 11-15	Ранг 16-20	Средний ранг
Родина	60 (15%)	78 (19%)	101 (25%)	168 (41%)	12,51716
Толерантность	39 (10%)	63 (15%)	133 (33%)	173 (42%)	13,59069
Патриотизм	39 (10%)	41 (10%)	83 (20%)	245 (60%)	14,73039
Коллективизм	40 (10%)	20 (5%)	53 (13%)	295 (72%)	15,73284
Религиозность	39 (10%)	27 (7%)	56 (14%)	286 (69%)	15,84314

Результаты сравнительного анализа ранжирования периферийных ценностей представлены на Рисунке 5.

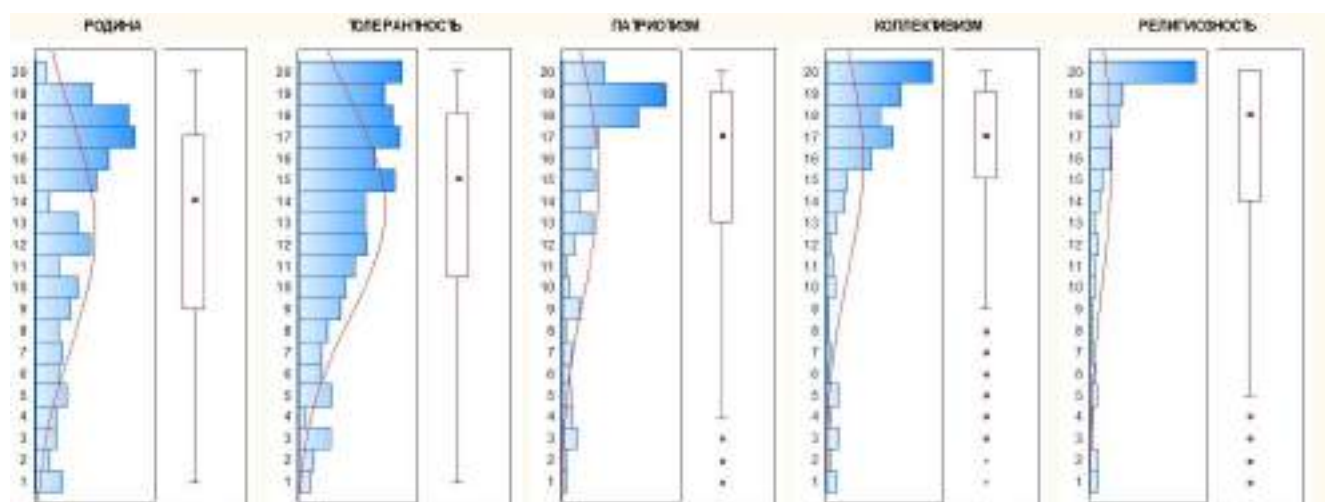

Рисунок 5 – Распределение ответов респондентов в зоне дальней периферии

На Рисунке 5 вертикальные столбики справа показывают диапазон выбора основных значений. В случае ценности *родина* видно, что большинство оценок респондентов находится в диапазоне между 17 и 18. Выбор ценности *толерантность* в основном находится в диапазоне 16–20. Большая часть респондентов поместила ценность *патриотизм* в диапазон 16–20, а последние в списке ценности – *коллективизм* и *религиозность* – занимают последние места в иерархии.

Результаты группы ценностей, формирующих дальнюю периферию, весьма показательны.

Во-первых, русскую культуру многие российские и зарубежные ученые до недавнего времени считали коллективистской. Однако в нашем исследовании, как мы видим, *коллективизм* занимает предпоследнее место в иерархии. Некоторые исследователи (К. Касьянова, Н. В. Уфимцева) подчеркивают, что у русских данное понятие отличается национальным своеобразием. Оно заключается в том, что коллективом считается близкое окружение, а именно родственники, коллеги, часто соседи, чье мнение необходимо уважать. Русские склонны доверять членам своей группы и считаться с их мнением. В русской культуре принято помогать родителям, друзьям и близким, считаясь с их одобрением или неприятием, что часто вызывает недоумение или даже культурный шок у представителей других культур. В то же время людей за пределами этого узкого круга зачастую попросту игнорируют. Складывается определенная закономерность: чем больше группа, тем меньшую ценность она представляет для человека, и наоборот. В последнее время часто высвечиваются недостатки коллективизма: уравнивание, не зависящее от способностей человека, отсутствие инициативы и независимости. Приводятся такие примеры из недавнего советского прошлого, как бесплатная рабочая сила в колхозах, строительство сооружений государственного масштаба в суровых условиях и тому подобное. Таким образом, смысл данной ценности конструируется СМИ и интернетом, усваиваясь зачастую в готовой форме. Именно этот смысл, по нашему мнению, вкладывают респонденты в реакции на заданный стимул, что говорит о восприятии данной ценности как незначимой для ОМ русского этноса.

Во-вторых, со времен образования Советского Союза государство стало светским, церковь перестала так активно влиять на жизнь людей, как раньше. Несмотря на то, что многие наши современники считают себя религиозными людьми (ходят в церковь, имеют иконы), значительная часть из них не читала Библию и не сможет воспроизвести десять заповедей без подсказки. Такой парадокс говорит о том, что в обществе

присутствует внешнее принятие атрибутов православия, которые не согласуются с внутренними убеждениями человека. Это личностное неприятие, а также отсутствие веры выразилось, с нашей точки зрения, в последнем месте *религиозности* и *религии* в нашей обобщенной иерархии ценностей.

В-третьих, в современном глобальном мире принято с уважением относиться ко многим нестандартным, необычным и даже патологическим явлениям в действительности, поэтому *толерантность* как ценность пытаются ввести в русский ОМ через каналы СМК, включая интернет и телевидение. Однако, хотя к этому прилагается большое количество усилий, это понятие тяжело приживается в русской культуре, что, собственно, и подтвердили низкие оценки респондентов.

И, наконец, близкие, практически синонимичные ценности *родины* и *патриотизма*. Эти две ценности замыкают список, что, как нам представляется, в настоящее время свидетельствует об отсутствии веры в свое отечество и его будущее. В перестроечные годы людей учили не любить свою советскую Родину, всячески дискредитируя все хорошее, что было в истории того периода. Этому также способствовали произведения антисоветских авторов, подробный анализ которых осуществил И. Р. Шафаревич [Шафаревич 1991]. Современная российская политика государства направлена на осознание роли *патриотизма* как главной ценности русского народа.

На основании полученных данных можно сделать еще один вывод. *Личностно-ориентированные* ценности, такие как *семья, любовь, дружба, успех, честность, уважение, воля* и другие, находятся в ядерной и околоядерной зонах, в то время как *общественно-ориентированные* ценности (*родина, патриотизм, толерантность, коллективизм, религиозность*) отеснены в зону дальней периферии. Первая группа ценностей относится больше к взаимодействию людей небольшой группы, признанию индивидуальных достижений и значимости микрогрупп в аксиологической сфере индивидуального ОМ человека. Общественно-ориентированные ценности показывают отношение человека к социуму, то есть их можно отнести к ценностям макрогрупповым, и именно они, согласно результатам ранжирования, находятся на дальней периферии аксиологической сферы. Из этого следует, что в русской культуре наметились тенденции к индивидуализму.

3.2 Комплексный анализ ядра ценностей

3.2.1 Комплексный анализ имени ценности СЕМЬЯ

Для определения структуры и содержания фрагмента русской языковой КМ проанализируем данные толковых словарей.

Из 22 изученных лексикографических источников лексема *семья* встретилась в 16. На основании анализа дефиниций были выделены следующие общие семы:

1. **Объединение по близкому (кровному) родству: муж, жена, дети, близкие родственники:** Муж, жена и дети вместе взятые [САР]; Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п. [БАС]; Родители с детьми и родственниками, живущие в одном доме [СТОЯН]; Группа людей, состоящая из родителей, детей, внуков и ближних родственников, живущих вместе [УШАКОВ]; Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители вместе с детьми [ОЖЕГОВ]; Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе [ЕВГЕНЬЕВА]; Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми) [ЛОПАТИН]; Группа живущих вместе близких родственников [ШВЕДОВА]; Группа близких родственников (муж, жена, родители, дети и т. п.), живущих вместе [ЕФРЕМОВА]; Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе [КУЗНЕЦОВ]; Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и др. близких родственников, живущих вместе [БАБЕНКО]; Группа близких родственников, живущих вместе (муж, жена, родители, дети и т. п.) [МОРКОВКИН]; Близкие родственники (муж, жена, дети, родители), живущие вместе [ПУШКИН]; Основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью [БСЭ].

2. **Объединения в живой и неживой природе:** Группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок и детенышей [БАС]; Группа высших животных, состоящая из самца и одной или нескольких самок (*зоол.*) [УШАКОВ]; Группа животных, состоящая из самца, самки (самок) и детенышей, живущих вместе [ЕВГЕНЬЕВА]; Группа животных, птиц, состоящих из самца, самки (самок) и детенышей, живущих вместе, обособленная группа некоторых животных или растений одного вида [ЛОПАТИН]; Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и детенышей, а также обособленная группа некоторых животных, растений или грибов одного вида [ШВЕДОВА]; Группа животных, птиц, состоящая из самца, одной или

нескольких самок и детенышей [ЕФРЕМОВА]; Общество пчел, состоящее из рабочих пчел, матки и трутней [ЕФРЕМОВА]; Группа растений одного вида, растущих рядом (часто имеющих общий корень, грибницу) [ЕФРЕМОВА]; Группа животных, состоящая из самца, самки (самок) и детёнышей, живущих вместе [КУЗНЕЦОВ]; Обособленная группа растений одного вида, произрастающих рядом [КУЗНЕЦОВ]; Группаживотных, птиц, состоящая из самца, одной или нескольких самок [МОРКОВКИН]; Обособленная группа растений и грибов одного вида [МОРКОВКИН].

3. **Единомышленники:** Группа единомышленников, соратников [СРЯ XI–XVII]; *перен.* Единство, объединение людей, сплоченных общими интересами (*высок.*) [ОЖЕГОВ]; *перен.*; *кого или какая.* Группа людей, объединенных общей деятельностью, общими интересами [ЕВГЕНЬЕВА]; *перен.* Единство, объединение людей, сплоченных общими интересами [ЛОПАТИН]; *перен.* Объединение людей, сплоченных общими интересами (*высок.*) [ШВЕДОВА]; *перен.* Группа, организация людей, спаянных дружбой и объединенных общими интересами [ЕФРЕМОВА]; Группа людей, сплочённых общей деятельностью, интересами, дружбой [КУЗНЕЦОВ]; Группа людей, сплоченных общей деятельностью, интересами, дружбой [БАБЕНКО].

4. **Общность языков:** Группа родственных языков, объединенных общностью происхождения [БАС]; *лингв.* Группа родственных языков [ЕВГЕНЬЕВА]; *перен.* Группа родственных языков, объединенных общностью происхождения [ЕФРЕМОВА]; *лингв.* Группа родственных языков [КУЗНЕЦОВ]; группа родственных языков, объединенных общностью происхождения [МОРКОВКИН].

5. **Род, поколение:** Род, поколение [БАС]; *перен.* Род, поколение [ЕФРЕМОВА]; Поколение или ряд поколений людей, происходящих от одного и того же предка [МОРКОВКИН].

6. **Семейство:** Семья, семейство [СРЯ XI–XVII]; семейство, фамилия [СТОЯН].

7. **Объединение объектов:** *перен.* Совокупность однородных, подобных один другому предметов, явлений [ЕФРЕМОВА].

8. **Челядь:** Челядь, домочадцы, рабы [СРЯ XI–XVII].

9. **Супруга:** Жена, супруга [СРЯ XI–XVII].

После анализа словарных определений, выражающих имя ценности *семья* все выделенные обобщенные компоненты значения были отнесены к ядру и периферии, на основании сем, выделенных в проанализированных источниках (Таблица 5).

Таблица 5 – Структура значения лексемы семья

Лексема <i>семья</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Объединение по близкому (кровному) родству: муж, жена, дети, близкие родственники (14 словарей)
	Объединения в живой и неживой природе (12 словарей)
Периферийные компоненты	Единомышленники (8 словарей)
	Общность языков (5 словарей)
	Род, поколение (3 словаря)
	Семейство (2 словаря)
	Объединение объектов (1 словарь)
	Челядь (1 словарь)
	Супруга (1 словарь)

Таким образом, по данным словарей, структура лексемы состоит из двух ядерных значений, номинирующих близких по родственному признаку людей, проживающих совместно, а также более широкие объединения в живой и неживой природе, характеризующиеся принадлежностью к одному виду, живущие или растущие рядом. Околоядерная сема «единомышленники» в основном зафиксирована с пометами переносного значения или как слово высокого стиля. Сема «общность языков» относится к профессиональной сфере, поэтому фигурирует не во всех изученных нами словарях. Остальные семы представляют собой вышедшие из употребления архаизмы.

Для анализа содержания и динамики значения имени ценности *семья* в ЯС были проанализированы также ассоциативные словари. Общее количество изученных нами источников – девять, из них искомый стимул присутствовал в семи.

Ядерные реакции ассоциативных словарей представлены в Таблице 6:

Таблица 6 – Сравнение ядерных реакций в ассоциативных словарях на стимул *семья*

Ассоциативный словарь	Ядерные реакции (количество)
РАС	<i>большая 82; дружная 63; дети 37 дом; моя 27; и школа 23</i>
ГОЛЬДИН	<i>дом 47; мама 33; родители 30; дети 23</i>
ГУЦ	<i>дом 88; дети 66; родные 56; мама 35; родители 34</i>
САС	<i>моя 57; большая 50; дети 48; дом 42; дружная 33; любовь 21</i>
ЕВРАС	<i>дом 52; моя 42; дети 33; большая 31; мама 22; любовь 21</i>
СИБАС	<i>дом 46; дети 32; моя 27; счастье 24; любовь 23; большая 19</i>
РУДАКОВА	<i>дом 47; мама 33; родители 30; дети 23</i>

Одинаковые ассоциаты выделены в таблице курсивом.

Обращает на себя внимание полное совпадение реакций *дети* и *дом* абсолютно во всех источниках. Это говорит о том, что в аксиологической сфере русского ОМ имя

ценности *семья* воспринимается как неразрывная триада *семья – дети – дом*. Также частотными были ответы *большая* и *мама*, встретившиеся в четырех ассоциативных словарях, *родители, моя, любовь* – в трех и *дружная* – в двух словарях. На основании проанализированных реакций можно сделать вывод о том, что в ЯС русскоязычного человека имя ценности *семья* включает прежде всего представление о *родителях*, объединяющим началом является *любовь*, при этом *семья большая* и *дружная*. Из многочисленных совпадающих реакций можно сделать вывод о том, что ценность *семья* воспринимается как лично значимая и особо важная составляющая аксиологической сферы русского ОМ.

Если сравнить реакции, приведенные в словарях, с выделенными словарными семами лексемы *семья*, то заметно, что реализовано было лишь одно ядерное значение, а именно «объединение по близкому (кровному) родству», при этом показательно то, что присутствует место объединения – *дом*, а также близкородственные связи – *дети*. Остальные семы ни в ядре, ни на периферии реакций в ассоциативных словарях разных лет выявлены не были, что свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии данных элементов в ОМ современного носителя русской культуры.

Далее сопоставим полученные данные с результатами ассоциативного эксперимента. В нем приняли участие 444 испытуемых, среди которых 392 респондента дали полный ответ, было получено 52 отказа.

После обработки полученных реакций ассоциативное поле имени ценности *семья* приобрело следующий вид:

СЕМЬЯ: Любовь 134; дети 125; дом 49; родители 46; жена 44; мама 38; поддержка 34; близкие, счастье 30; родня 26; папа 24; забота 25; мать 23; отец 21; опора, очаг, родственник 18; брат, взаимопонимание, тепло 16; муж, общество, радость, сестра 14; люди, ответственность, уют, ячейка 12; дружба, друзья, круг 11; близость, защита, начало, понимание, родина, уважение 10; быт, доброта, отдых, помощь 9; благополучие, доверие, отношения, ребенок, родословная, сын, фамилия 8; квартира, клан, род, родство 7; верность, внуки, глава, дочь, друг, крепость, мир, связь, ценность 6; брак, взаимность, взаимопомощь, дерево, дорогое, достаток 5; корни, любимый, обязательства, предки, семейство, сообщество, сплочение, спокойствие, судьба, традиция 4; бабушка, вместе, воспитание, крепкий, надежда, порядочность, радуга, сила, уверенность, узы, ядро 3; будущее, вера, главное, девушка, желание, надежность, нежность, оплот, преданность, равноправие, разговор, самоотдача, семейный, социальность, страна, супруги, труд 2; Адамс, активность, альтруизм, бог,

важное, важность, верность, взаимовыручка, взаимоотношения, взаимоподдержка, взаимоуважение, внимание, война, говядина, грусть, бабушка, **деньги**, династия, добродушная, долг, должна, домострой, домочадцы, дочка, духовные, душевность, еда, единое, жизни, застолье, защищенность, игрок, идол, интересы, кастрюля, коллеги, коллектив, кофта, красота, кров, кровность, лавка, лодка, мафия, мнение, навеки, навсегда, небосвод, необходимость, обнимашки, общество, общение, объединяющее, обязанность, опека, основа, пара, парень, партнерство, пережиток, племянник, поколение, полное, полнота, полноценность, потомство, прайд, прана, привязанность, признание, приоритет, приятие, прочная, прошение, работа, равенство, расходы, рой, рутина, рядом, свои, святое, скучаю, смысл, сокровища, соль, солнце, спорт, страх, структура, теплота, терпение, тесная, трое, тыл, удовлетворение, ужин, умиротворение, упорство, усердие, учебка, фундамент, холод, цель, **честность**, члены, чувство, ясность **1**.

В целях создания ассоциативного поля мы структурировали все полученные ответы, отнеся их к ядру и периферии. На графике «каменистой осыпи» (Рисунок 6) видно, что ядерные элементы, набравшие большинство голосов, представлены первыми четырьмя элементами: *любовь 134, дети 125, дом 49, родители 46*.

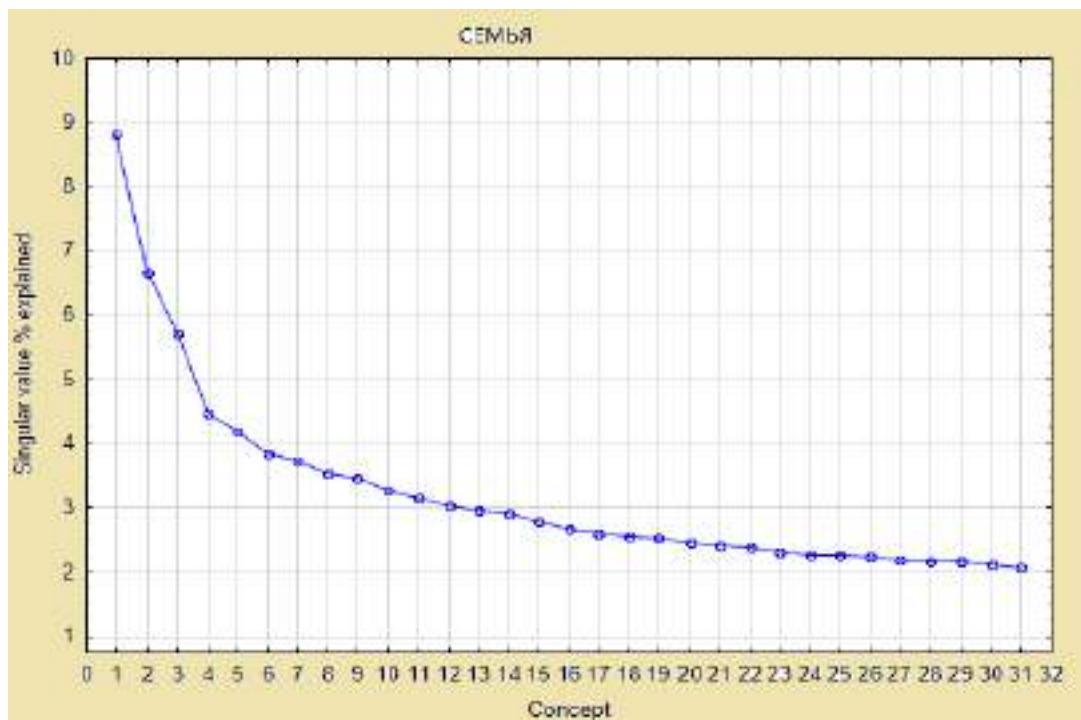

Рисунок 6 – Соотношение частоты ответов испытуемых с реакциями на стимул *семья*

Периферию имени ценности *семья* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между частотными и единичными реакциями составляет 67 : 214.

Таким образом, данные позволяют сделать вывод о том, что доля общепринятых реакций составляет 32%, а индивидуальных – 68%.

Сопоставим наиболее частотные реакции, выделенные в ассоциативных словарях, с данными нашего АЭ. С этой целью сравним первые десять реакций между собой (Таблица 7).

Таблица 7 – Сопоставление реакций ассоциативных словарей на стимул *семья* с данными свободного АЭ

РАС	ГОЛЬДИН	ГУЦ	САС	ЕВРАС	СИБАС	РУДАКО-ВА	АЭ
большая	дом	дом	моя	дом	дом	дом	любовь
дружная	мама	дети	большая	моя	дети	мама	дети
дети	родители	родные	дети	большая	моя	родители	дом
дом	дети	мама	дом	мама	счастье	я	родители
моя	я	родители	дружная	любовь	любовь	моя	жена
и школа	моя	любовь	любовь	дружная	большая	дружная	мама
школа	дружная	родня	счастье	родные	мама	любовь	поддержка
мама	любовь	очаг	родители	родители	дружная	родные	близкие
крепкая	родные	родственники	счастливая	счастье	родители	родственники	счастье
счастливая	родственники	близкие	очаг	крепкая	любимая	жена	родня

Полужирным шрифтом выделены совпадающие реакции в разных словарях и в свободном АЭ. Как видно из таблицы, из 80 слов совпали 76, что составляет 95% всех ответов респондентов. Это почти полное тождество говорит о важности ценности *семья* для русского ОМ и о близком понимании имени ценности в ЯС респондентов. При этом самыми частотными совпадениями были *дом* (N=8), *мама*, *родители* (N=7), *дети*, *дружная*, *любовь*, *моя* (N=6). Кроме того, нам представляется возможным объединить еще несколько ответов в одну группу: *родные* (N=4), *родня* (N=2) и *родственники* (N=3), поскольку все они являются не просто однокоренными словами, но также близкими синонимами. Частотными ядерными реакциями выступают также ассоциаты *большая* и *счастье* (N=4), упомянутые в ассоциативных словарях. Таким образом, динамики в понимании значения имени ценности *семья* большинством респондентов выявлено не было, что указывает на стабильность анализируемой ценности для русского ОМ.

Реакции полученного ассоциативного поля связаны между собой. Эти связи возможно выявить при помощи математического метода сингулярного разложения, включенного в программное обеспечение Statistica. Для примера приведем фрагмент таблицы. По горизонтали располагаются выделенные нами ядерные элементы, а по вертикали – реакции на стимул *семья* в алфавитном порядке. Выделенные нами ядерные

элементы находятся в различных связях с другими ассоциатами, что подтверждается данными, полученными при помощи математического метода сингулярного разложения (слова представляют собой основы без грамматических формантов) (Таблица 8). Самые большие числа по горизонтали и вертикали означают доминирование той или иной реакции.

Таблица 8 – Связи реакций на стимул *семья* в АЭ

СЕМЬЯ	Коэффициенты слов при сингулярном разложении			
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3	Концепт 4
благополуч	0,000439	-0,000375	0,002944	-0,011558
близк	0,005276	0,006504	0,019444	-0,032440
близост	0,001075	0,002422	0,002094	-0,005457
брак	0,001131	-0,000945	-0,002017	0,001241
брат	0,001731	-0,004173	0,031407	-0,008156
быт	0,000900	0,000222	0,000987	-0,011033
верност	0,001273	0,002463	-0,000507	0,001524
взаимност	0,001756	0,000085	-0,002259	0,003695
взаимопомощ	0,000938	0,000656	0,000229	-0,002551
взаимопониман	0,003919	0,004782	-0,001877	-0,006143
внук	0,000429	-0,000229	0,000472	-0,002374
глав	0,000323	-0,000002	0,003541	-0,003890
дерев	0,000982	0,000314	0,000328	-0,004662
дет	0,045644	-0,041439	-0,029410	0,029370
доброт	0,001436	0,002580	0,000160	0,000476
довер	0,002281	0,003925	-0,000581	0,001656
дом	0,011731	-0,010348	-0,005700	-0,082122
дорог	0,001285	0,003482	0,002053	-0,002559
достаток	0,001701	0,000039	-0,002406	0,003508
доч	0,000688	0,000044	0,004395	-0,006217
дружб	0,002044	0,004336	0,002062	0,001787
друз	0,001432	-0,001674	0,003051	-0,005272
жен	0,013630	-0,028066	0,019082	-0,007874
забот	0,004294	0,011649	0,004491	-0,010777
защит	0,001647	0,004660	0,000262	0,000117
квартир	0,000861	-0,000048	0,003855	-0,009172
клан	0,000429	-0,000520	0,002222	-0,003761
крепост	0,000415	-0,000387	0,000022	-0,000812
круг	0,000426	-0,000445	0,002191	-0,010237
любов	0,044674	0,065673	0,001793	0,008314
люд	0,001374	0,002393	0,004022	-0,018155
мам	0,007309	-0,011861	0,088319	0,032332

СЕМЬЯ	Коэффициенты слов при сингулярном разложении			
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3	Концепт 4
мат	0,000930	-0,000187	0,030654	-0,042631
мир	0,001043	-0,000313	-0,001266	-0,001855
муж	0,004443	-0,006137	-0,003720	0,004404
нача	0,002411	-0,005215	-0,006295	0,006968
обществ	0,001812	-0,002636	0,003799	-0,012712
опор	0,002043	0,005198	0,002126	-0,004562
ответствен	0,002481	0,002774	-0,000825	-0,002629
отдых	0,001008	0,000667	0,004401	-0,006072
отец	0,000721	-0,000968	0,030605	-0,038725
отношен	0,001224	0,000070	0,002132	-0,005436
очаг	0,002133	0,000337	0,000443	-0,021044
пап	0,004403	-0,007349	0,062899	0,028020
поддержк	0,007074	0,015288	-0,000868	-0,000434
помощ	0,002324	0,004161	-0,001048	0,002731
пониман	0,002509	0,004955	-0,000213	0,001213
радост	0,002884	-0,000772	-0,003566	-0,005749
ребенок	0,000510	-0,001286	0,003157	-0,005706
род	0,000224	0,000188	0,001553	-0,004206
родин	0,001555	0,001014	0,006770	-0,012634
родител	0,013088	-0,019606	-0,015622	-0,038944
родн	0,003560	0,001271	0,019921	-0,024380
родословн	0,000428	0,000441	0,003184	-0,009203
родств	0,000307	-0,000603	0,000467	-0,007294
родственник	0,002453	-0,003638	0,004588	-0,011886
связ	0,000813	-0,001684	-0,000637	-0,003142
сестр	0,000905	-0,002229	0,017745	-0,007486
счаст	0,009920	0,004622	0,002974	0,015946
сын	0,000693	-0,001165	0,004916	-0,005258
тепл	0,003168	0,003464	0,000862	-0,011370
уважен	0,003123	0,001671	-0,003589	0,005558
уют	0,002425	0,002321	0,002078	0,001724
фамил	0,000666	0,000144	0,002214	-0,006242
ценност	0,000546	-0,000983	-0,001160	0,000241
ячейк	0,001842	-0,001502	0,002792	-0,008946

Из таблицы выделим самые близкие ассоциативные элементы. Это *дети, любовь, мама и дом*. Сила связи со стимулом *семья* представлена числовыми данными (Таблица 9).

Таблица 9 – Сила связи ядерных реакций со стимулом *семья*

СЕМЬЯ	Сила связи
дети	0,045644
любовь	0,065673
мама	0,088319
дом	-0,082122

На основании проанализированных связей можно сделать вывод, что имени ценности *семья* ассоциативно наиболее близки реакции *любовь* и *дети*, при этом ассоциаты *дом* и *мама* также входят в число значимых составляющих ценности *семья*. Полученные связи позволяют конкретизировать понимание семьи для русского ОМ. Итак, *семья* ассоциируется с *любовью, детьми / мамой (родителями) и домом*, что доказывает свободный АЭ. Важно отметить, что самыми частотными реакциями были следующие: *любовь 134; дети 125; дом 49; родители 46; жена 44; мама 38*. Метод сингулярного разложения, учитывающий не только частотность упоминания той или иной реакции, но также и ее место в цепочке, дает несколько другой набор: *дети, любовь, мама и дом*.

В ассоциативном поле *семья* выделяются следующие субполя:

- **Люди, формирующие семью:** *дети 125, родители 46, жена 44, мама 38, близкие 30, родня 26, папа, мать 23, отец 21, родственник 18, брат 16, муж, сестра 14, люди 12, друзья 11, ребенок, сын 8, внуки, глава, дочь, друг 6, любимый, предки 4, бабушка, девушка, супруги 2, дедушка, домочадцы, дочка, парень, племянник 1.*

- **Форма объединения:** *общество 14, ячейка 12, круг 11, фамилия 8, клан, род, родство 7, крепость, мир 6, семейство 4, узы, ядро 3, династия, домострой, коллеги, коллектив, мафия, общество, объединяющее, партнерство, прайд, члены 1.*

- **Чувства и эмоции, вызываемые семьей:** *счастье 30, взаимопонимание, тепло 16, радость 14, уют 12, дружба 11, понимание, уважение 10, доброта 9, благополучие, доверие 8, верность 6, взаимность, взаимопомощь 5, спокойствие 4, надежда, уверенность, вера, нежность, преданность, равноправие 2, верность, взаимовыручка, взаимоотношения, взаимоподдержка, взаимоуважение, грусть, душевность, защищенность, привязанность, приятие, страх, теплота, терпение, удовлетворение, умиротворение, упорство, усердие 1.*

Результаты проведенного нами анализа по данным АЭ также позволяют утверждать, что имя ценности *семья* имеет ассоциативные связи с другими анализируемыми нами ценностями, такими как *любовь* **134**, *дружба* **11**, *родина*, *уважение* **10**, *доброта* **9**, *мир* **6**, *труд* **2**, *деньги*, *честность* **1**. Это доказывает, что изучаемые ценности присутствуют в ОМ человека не отдельно, а представляют собой систему взаимосвязанных элементов.

В эксперименте на ранжирование имени ценности *семья* приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности 5,48 ставит ее на первое место среди других ценностей, при том что диапазон выбора ценности для респондентов составлял от 1 до 20. Стандартная девиация составила норму (Таблица 10).

Таблица 10 – Ранжирование ценности *семья*

Ценность	Статистические данные				
	Количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
<i>Семья</i>	408	5,48403	1,000000	20,0000	5,135035

Таким образом, можно утверждать, что значимость ценности *семья* по оценкам респондентов очень высока, что подтверждается подавляющим количеством ответов в диапазоне от 1 до 5 (см. раздел 3.1). Более 250 респондентов оценили ценность *семья* в данном диапазоне, что говорит о ее личностной значимости для русского ОМ.

Следующим этапом был опрос респондентов с заданием указать автора и название литературного произведения, наиболее ярко отражающего ценность *семья*. Получен 371 ответ, 73 отказа. Самыми частотными произведениями стали следующие: Л. Н. Толстой «Война и мир» **53**, И. С. Тургенев «Отцы и дети» **31**, Л. Н. Толстой «Анна Каренина» **26**, К. Маккалоу «Поющие в терновнике» **15**, Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» **15**, Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» **14**, Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы» **13**, Л. Н. Толстой «Детство. Отрочество. Юность» **11**, Д. И. Фонвизин «Недоросль» **8**, А. С. Пушкин «Евгений Онегин» **5**, П. В. Санаев «Похороните меня за плинтусом» **5**.

Простое и процентное соотношение количества опрошенных, выбравших данные произведения, отражено на круговой диаграмме (Рисунок 7).

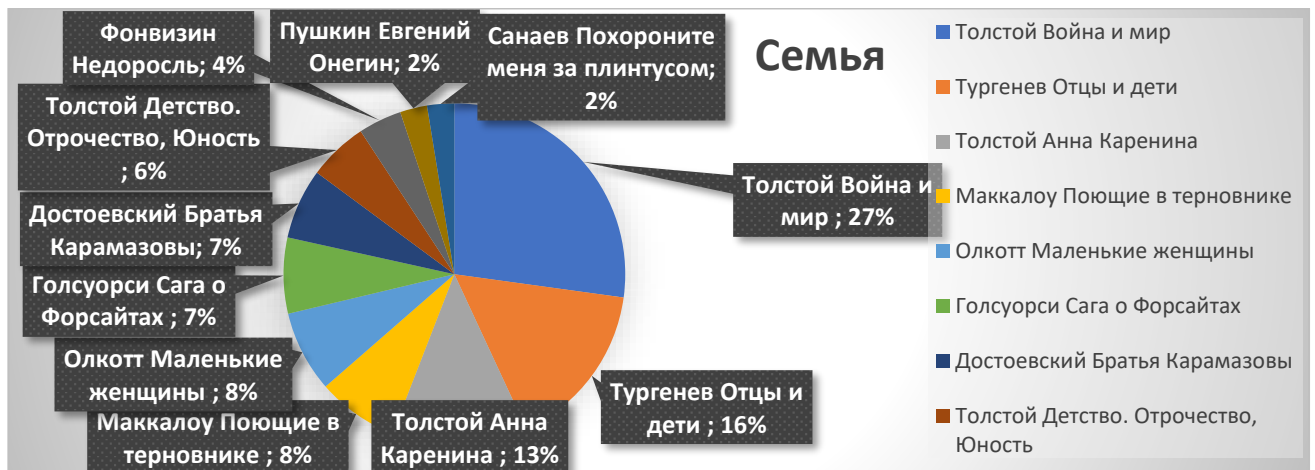

Рисунок 7 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности *семья*

Полученные результаты показывают, что более четверти (27%) опрошенных выделяют произведение русского классика Л. Н. Толстого «Война и мир» в качестве репрезентанта ценности *семья*.

Список литературных произведений, выбранных респондентами, был проанализирован еще раз для того, чтобы выяснить, влияет ли возрастная специфика на выбор литературного произведения, выражающего имя ценности *семья*. Все респонденты были поделены на три возрастные группы: группа 1 – 15-22 года (132 человека), группа 2 – 23-35 лет (124 человека), группа 3 – 36-80 лет (89 человек).

Выбор произведения с учетом возраста представлен в Таблице 11. В скобках дано количество человек. Выделение полужирным шрифтом свидетельствует о полном совпадении во всех группах, курсивом – о частичном (две возрастные группы из трех).

Таблица 11 – Сравнительная таблица выбора литературных произведений с учетом возраста респондентов

№ п/п	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1.	Толстой «Война и мир» (20)	Толстой «Война и мир» (18)	Толстой «Война и мир» (15)
2.	<i>Тургенев «Отцы и дети» (17)</i>	<i>Тургенев «Отцы и дети» (11)</i>	<i>Толстой «Анна Каренина» (9)</i>
3.	<i>Толстой «Анна Каренина» (8)</i>	<i>Толстой «Анна Каренина» (9)</i>	Голсуорси «Сага о Форсайтах» (7)
4.	<i>Олкотт «Маленькие женщины» (7)</i>	Достоевский «Братья Карамазовы» (5)	–
5.	Маккалоу «Поющие в терновнике» (7)	<i>Олкотт «Маленькие женщины» (5)</i>	–

Таким образом, роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» является репрезентантом ценности *семья* для всех возрастных групп респондентов, что свидетельствует об общности ОМ представителей русского этноса. При этом данное произведение в группе 1 выбрали 27% респондентов, группе 2 – 22%, а в группе 3 – лишь 13%. Уменьшение данного показателя в зависимости от возраста от группы 1 до группы 3, на наш взгляд, не удивительно, поскольку данное произведение входит в список обязательной литературы для старших классов средней школы. Совпали в двух возрастных группах произведения, выделенные в таблице курсивом: И. С. Тургенев «Отцы и дети», Л. Н. Толстой «Анна Каренина» и Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» (группа 1 и группа 2).

Присутствие в группе 3 только трех произведений объясняется невозможностью выделить более частотные книги. Многие произведения набрали по два голоса, что не позволило дополнить список предпочтений в данной группе.

Во всех трех группах упомянут роман Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Это произведение относится к классике не только русской, но и мировой литературы, поэтому, даже не прочитав роман, многие знают его общее содержание и трагический финал, где главная героиня – Анна Каренина – бросается под поезд.

Интересным фактом является появление двух произведений в «молодежных» группах – И. С. Тургенев «Отцы и дети» и Л. М. Олкотт «Маленькие женщины». Первое подробно изучается в рамках школьной программы, по нему пишутся сочинения на различные темы, в том числе о проблеме разрыва поколений, что, безусловно, гораздо значимее в молодом возрасте. Роман Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» поднимает проблемы вечных ценностей: любви к Богу и людям, семье, сострадания, самопожертвования и других христианских добродетелей. Семья здесь предстает как тихая гавань, в которой можно укрыться от всех невзгод, а домочадцы всегда поддержат и помогут. В произведении ярко отражены близкие *семье* понятия, выделенные нами в результате АЭ, а именно: *любовь, дети, родители, мама и дом*. Видимо, поэтому книга оказалась близка многим молодым людям.

Следующие произведения стали лидерами только в одной из возрастных групп: Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах» (группа 3), Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы» (группа 2) и К. Маккалоу «Поющие в терновнике» (группа 1).

Ближнюю периферию составили следующие произведения, упомянутые респондентами в качестве репрезентантов ценности *семья*: Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»; А. С. Пушкин «Капитанская дочка»; А. П. Чехов «Вишневый сад»; М. А. Шолохов

«Тихий Дон» 4; О. де Бальзак «Отец Горио»; Х. Ли «Убить пересмешника»; Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества»; Дж. Остин «Гордость и предубеждение»; А. Н. Островский «Гроза»; В. Распутин «Живи и помни»; Дж. Уоллс «Замок из стекла»; М. А. Шолохов «Судьба человека»; Т. Янссон «Все о мумми-тролях» 3; В. Аксенов «Московская сага»; Ф. Бакман «Бабушка велела кланяться и передать, что просит прощения»; Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков»; М. А. Булгаков «Белая гвардия»; А. П. Гайдар «Чук и Гек»; И. А. Гончаров «Обломов»; М. Горький «Мать»; Н. Зверева «Семья, что надо»; В. А. Каверин «Два капитана»; Ф. Кафка «Превращение»; А. И. Куприн «Гранатовый браслет»; М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»; Г. Мало «Без семьи»; Т. Манн «Будденброки»; Л. М. Монтгомери «Аня из Зеленых Мезонинов»; Р. Пилчер «В канун Рождества»; русская народная сказка «Репка»; У. Фолкнер «Шум и ярость»; А. П. Чехов «Каштанка»; А. П. Чехов «Три сестры»; У. Шекспир «Ромео и Джульетта»; Б. Шоу «Богач, бедняк» 2.

Дальняя периферия довольно обширна и полностью представлена в Приложении 1.

В ближней и дальней периферии обращает на себя внимание наличие произведений в стихотворной форме (У. Шекспир «Ромео и Джульетта»; У. Шекспир «Гамлет»; У. Шекспир «Король Лир»; У. Шекспир «Укрощение строптивой»; А. Барто «Младший брат»; М. Ю. Лермонтов «Песня про купца Калашникова»; В. В. Маяковский «Что такое хорошо и что такое плохо?»; «Песнь о Нибелунгах»; А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»; А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»; «Слово о полку Игореве»), в форме сказки («Репка; А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане») и кинофильма («Двухсотлетний человек»).

Мотивационно-целевой анализ имени ценности *семья*, реализованной, по мнению большинства респондентов разных возрастов, в произведении Л. Н. Толстого «Война и мир», представлен в Приложении 2.

Рассмотрим ситуации, которые определяют выбор романа как репрезентанта ценности *любовь*.

Основной целью текста является показ семьи как наивысшей точки супружеских отношений. Л. Н. Толстой выражает эту мысль таким образом: «Цель обеда есть питание, и цель супружества – семья» [Толстой URL]), при этом именно союз мужчины и женщины формирует семью. Для Наташи Ростовой – героини, на чьем примере показывалась идеальная семья, не было необходимости в других альтернативах: «Наташе нужен был муж. Муж был дан ей. И муж дал ей семью. И в другом лучшем муже она не только не видела надобности, но, так как все силы душевные ее были

устремлены на то, чтобы служить этому мужу и семье, она не могла себе представить, и не видела другого интереса в представлении о том, что было бы, если б было другое» [Толстой URL]. В этом и заключается основной конституирующий тезис, что идеальная семья – это слияние и растворение людей в высшей идее брака.

Также в романе показана многопоколенная семья, состоящая из нескольких «совершенно различных миров» [Толстой URL]. Это понимание *семьи* подтверждается не только в словарных определениях в семе «объединение по близкому (кровному) родству: муж, жена, дети, близкие родственники», но и результатами АЭ, присутствием в ядре ассоциативного поля реакций *дети* и *родители*.

Эти основные элементы поддерживаются второстепенными, где описываются такие ситуации, как желание угодить супругу и предупреждение каждого его желания, тесная духовная связь между мужем и женой, рождение и воспитание детей и даже ревность.

При этом крепкая семья Ростовых сравнивается с другими семьями – Курагиных и Болконских. Они показаны как антиподы: Курагины несут раздор, эгоизм, мелочность, Болконские – аристократизм, независимость и гипертрофированное чувство собственного достоинства. Семья Ростовых выступает как идеальный социальный институт, имеющий свои недостатки, но прививающий духовные начала, являющиеся основой любви и крепких семейных уз. Именно этот мир – семейный – показывает Л. Н. Толстой как главный смысл в жизни человека, практически не зависящий от внешних обстоятельств, политической борьбы и прочего.

Графическая схема макроструктуры романа Л. Н. Толстого «Война и мир» представлена на Рисунке 8.

Рисунок 8 – Графическая схема макроструктуры романа Л. Н. Толстого «Война и мир»

Подводя краткий итог по результатам комплексного анализа значения имени ценности *семья*, входящего в аксиологическую сферу ОМ, можно отметить следующее.

1. Лексема *семья* представлена в словарях двумя ядерными и семью периферийными компонентами значения. К ядерным семам относятся «объединение по близкому (кровному) родству: муж, жена, дети, близкие родственники» и «объединения в живой и неживой природе». В АЭ ярко проявилась межпоколенная специфика семьи, выраженная в наличии ядерных элементов *дети* и *родители*, а также имеющая признак совместного проживания, в многочисленных реакциях *дом* (N=49). Такие элементы, как «объединения в живой и неживой природе, объектов» и «общность языков», в ходе АЭ выявлены не были.

2. Как в ассоциативных словарях, так и в АЭ реакции *любовь*, *мама*, *дети*, *родители* и *дом* являются доминирующими, а значит, триединство «семья – дети – дом» является важной составляющей жизни носителя русской культуры. Знаменательными характеристиками семьи остаются ее личная значимость для человека, проявляющаяся в реакции *моя*, а также положительные эмоции при ассоциировании, подтверждаемые ассоциатами *большая* и *счастье*.

3. Выделяются три субполя ассоциативного поля *семья*: *люди, формирующие семью; форма объединения; чувства, вызываемые семьей*.

4. Ценность *семья* занимает первое место в ценностной иерархии представителей русского языка и культуры.

5. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир» является репрезентантом ценности *семья* для всех возрастных групп респондентов, что свидетельствует об общности ОМ представителей русского этноса. На основе интенционального анализа были выделены ситуации, позволившие данному произведению стать основным репрезентантом имени ценности *семья* для всех групп испытуемых.

6. Динамики в понимании имени ценности *семья* большинством респондентов выявлено не было, что указывает на стабильность данного имени ценности в аксиологической сфере русского ОМ.

3.2.2 Комплексный анализ имени ценности ЛЮБОВЬ

Советский энциклопедический словарь определяет лексему *любовь* как «интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею» [СЭС 1989: 734]. При этом выделяются несколько ее функций (космическая, побудительная) и форм (платоническая, половая) [СЭС 1989].

Для анализа имени ценности *любовь* были выделены компоненты значения из 18 толковых словарей, а сходные элементы объединены в обобщенные семы, для того чтобы понять, какие из словарных значений являются самыми частотными, а какие имеют единичное лексикографическое описание.

1. Привязанность, влюбленность по отношению к человеку: Любовь, привязанность, благосклонность к кому-л. [САР XI-XVII]; Склонность душевная къ другому, побуждающая насъ въ благополучии его находить услажденее [САР]; Действие и состояние по гл. любить (ЛЮБИТЬ кого, что – чувствовать склонность, быть привязанным; сильно чтить, очень уважать) [СТОЯН]; Сердечная склонность, страсть к лицу другого пола [СРЯ XVIII]; Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола [БАС]; Такое же чувство, основанное на взаимном расположении, симпатии, близости [УШАКОВ]; Чувство самоотверженной, сердечной привязанности [ОЖЕГОВ]; Чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола [ЕВГЕНЬЕВА]; Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. [ЕВГЕНЬЕВА]; Чувство расположения, симпатии к кому-л. [ЕВГЕНЬЕВА]; Чувство глубокой привязанности, сердечной склонности к кому-чему-н. [ЛОПАТИН]; Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство [ШВЕДОВА]; Отношения двух лиц, взаимно связанных таким чувством [ЕФРЕМОВА]; Чувство горячей сердечной склонности [КУЗНЕЦОВ]; Чувство горячей сердечной склонности [БАБЕНКО]; Чувство глубокой привязанности, преданности кому-л., чему-л., основанное на врожденном внутреннем чувстве, инстинктивной потребности [БАС БАЛАХОНОВ]; Чувство горячей сердечной склонности [БАС БАЛАХОНОВ]; *зд. ед.* Чувство глубокого расположения, искренней симпатии к кому-л. [МОРКОВКИН]; Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство [РСС]; Такое чувство как факт, событие, переживание чьей-л. жизни [МОРКОВКИН]; Чувство влюбленности, влечение к лицу другого пола [ПУШКИН].

2. Склонность, стремление по отношению к предмету: склонность, пристрастие, приверженность к чему-л. [САР XI-XVII]; приверженность, прилепленность... къ чему [Словарь Академии Российской]; Склонность, влечение, интерес к чему-л. [СРЯ XVIII]; *отвлеч. сущ.* Внутреннее влечение, внутренняя склонность, тяготение к чему-либо [БАС]; Сильное стремление к чему-либо [БАС]; *только ед.* Склонность, расположение или влечение к чему-н. [УШАКОВ]; Склонность, пристрастие к чему-н. [ОЖЕГОВ]; Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. [ЕВГЕНЬЕВА]; Склонность, пристрастие к чему-н. [ЛОПАТИН];

Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-н. [ШВЕДОВА]; Склонность, расположение или влечение к чему-л. [ЕФРЕМОВА]; Внутреннее стремление, влечение, склонность, тяготение к чему-л. [КУЗНЕЦОВ]; Внутреннее стремление, склонность, тяготение к чему-л. // Пристрастие к чему-л. [БАС БАЛАХОНОВ]; Склонность, расположение, пристрастие к чему-л. [ПУШКИН].

3. **Преданность субъекту / объекту:** Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л., преданности к кому-, чему-л. [СРЯ XVIII]; Чувство глубокой привязанности, преданности кому-, чему-либо, основанное на признании высокого значения, достоинства, на общих целях, интересах и т. п. [БАС]; Чувство склонности, привязанности к кому-либо, вытекающее из отношений близкого родства, дружбы, товарищества и т. п. [БАС]; *только ед.* Чувство привязанности, основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу [УШАКОВ]; Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности [ШВЕДОВА]; Чувство глубокой привязанности, преданности кому-л., чему-л., основанное на общности интересов, идеалов, на готовности отдать свои силы общему делу или спасению, сохранению кого-л., чего-л. [ЕФРЕМОВА]; Чувство глубокой привязанности к кому-, чему-л. [КУЗНЕЦОВ]; Чувство глубокой привязанности и интереса к чему-л. [БАБЕНКО]; Чувство искреннего расположения, симпатии, привязанности, преданности кому-л., основанное на взаимопонимании, благодарности, уважении и т. п. [БАС БАЛАХОНОВ]; Чувство глубокой привязанности к кому-л., чему-л., искренней преданности кому-чему-л. [МОРКОВКИН]; Чувство глубокого расположения, самоотверженной привязанности [РСС]; Чувство привязанности, симпатии, расположения к кому-, чему-л. [ПУШКИН].

4. **Страсть, интимные отношения:** Страсть, влечение к лицу другого пола [САР XI-XVII]; *только ед.* Такое же чувство, основанное на половом влечении; отношения двух лиц, взаимно связанных этим чувством [УШАКОВ]; Интимные отношения, интимная связь (*разг.*) [ШВЕДОВА]; Такое чувство, основанное на взаимной симпатии и половом влечении [ЕФРЕМОВА]; Отношения между мужчиной и женщиной, основанные на сердечной склонности, влечении друг к другу [БАБЕНКО]; Влечение к лицу другого пола [БАБЕНКО]; Влечение к лицу другого пола [КУЗНЕЦОВ]; Чувственное, страстное, плотское влечение к кому-л. [БАС БАЛАХОНОВ]; Глубокое интимное чувство, горячая сердечная склонность, чувственно окрашенное влечение к лицу другого пола [МОРКОВКИН].

5. **Объект любви:** *перен.* Человек, внушающий это чувство (*разг.*). [УШАКОВ]; Предмет любви (тот или та, кого кто-н. любит, к кому испытывает влечение, расположение) [ШВЕДОВА]; *перен. разг.* Тот, кто внушает такое чувство [ЕФРЕМОВА]; *чья, кого, разг.* О человеке, внушающем такое чувство [КУЗНЕЦОВ].

6. **Инстинкт:** Такое же чувство, основанное на инстинкте [УШАКОВ]; Такое чувство, основанное на инстинкте [ЕФРЕМОВА].

7. **Мир:** Мир, согласие; мирный договор [САР XI–XVII].

8. **Общие трапезы:** *обычно мн.* Вечери любви, общие трапезы у древних христиан [САР XI–XVII].

9. **Вкус:** Пристрастие, вкус к чему-н. [ШВЕДОВА].

10. **Предпочтение:** предпочтение чего-л., дающее удовольствие, радость, удовольствие [БАС БАЛАХОНОВ].

Далее все компоненты словарных определений были отнесены к семантическому ядру на основании сем, выделенных в проанализированных источниках (Таблица 12).

Таблица 12 – Структура значения лексемы *любовь*

Лексема <i>любовь</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Привязанность, влюбленность по отношению к человеку (21 словарь) Склонность, стремление по отношению к предмету (14 словарей) Преданность субъекту / объекту (12 словарей)
Периферийные компоненты	Страсть, интимные отношения (7 словарей) Объект любви (4 словаря) Инстинкт (2 словаря) Мир (1 словарь) Общие трапезы (1 словарь) Вкус (1 словарь) Предпочтение (1 словарь)

Подчеркнем диффузность границ между выделенными семами, поскольку репрезентация имени ценности *любовь*, как и понятие, имеет много форм проявления: это привязанность к возлюбленному, к детям и родителям, к животным, преданность своей профессии, делу и так далее. В словарях зачастую несколько сем объединены в одну, как, например, семы «чувство горячей сердечной склонности, влечение к лицу другого пола» [КУЗНЕЦОВ], [БАБЕНКО] или «чувство глубокой привязанности к кому-л., чему-л., искренней преданности кому-чему-л.» [МОРКОВКИН]. В данной работе мы склонны разделять привязанность, основанную на отношениях людей друг к другу (сема «Привязанность, влюбленность по отношению к человеку») и склонность

или влечение к неодушевленному предмету или объекту (сема «Склонность, стремление по отношению к предмету»), поскольку, на наш взгляд, направленность любви на человека или предмет являет собой разные характеристики исследуемого понятия.

С целью анализа и выявления динамики значения имени ценности *семья* в ЯС носителей русского языка и культуры были проанализированы также существующие ассоциативные словари. Искомый стимул присутствовал во всех девяти словарях. Нами приводятся лишь неединичные реакции, для того чтобы сравнить ядро стимула в каждом из словарей. Разделим их условно на две группы, используя в качестве критерия географию исследования: к первой группе отнесем словари с общероссийским (всесоюзным) охватом, ко второй – словари, имеющие региональную ограниченность.

Согласно Словарю ассоциативных норм русского языка под редакцией А. Н. Леонтьева, самыми частотными реакциями на заданное слово-стимул *любовь* были следующие: *ненависть 15; дружба 13; большая, верная 12; до гроба, жизнь 6; моя, смерть, чистое, чувство 4* [САНРЯ 1977: 115]. Обращает на себя внимание самая частотная ассоциация по контрасту: *любовь – ненависть*.

Спустя 25 лет после выпуска первого ассоциативного словаря появился Русский ассоциативный словарь Ю. Н. Караулова, дающий следующие ассоциаты: *с первого взгляда 9, до гроба 8, чувство 5, зла, счастье 3, безответная, горе, и голуби, к женщине, ненависть, платоническая, пришла, радость, разлука, страстная, Яровая 2* [РАС 2002: 303]. Интересными реакциями, на наш взгляд, являются ассоциации-стереотипы, такие как *любовь с первого взгляда, любовь до гроба* и *любовь и голуби*.

В Славянском ассоциативном словаре нас интересовали лишь реакции русскоговорящих информантов, поскольку сравнение ЯС разных славянских народов не входит в задачи данного исследования. Итак, самыми частотными были следующие ассоциаты: *счастье 63; зла, ненависть 23; чувство 19; жизнь 13; вечная 11; нежность, секс 10; верность, сердце, смерть 9; страсть 8; большая, девушка, моя, радость, сильная 7* [САС 2004: 138–142].

Что касается Русских региональных словарей с пометами «Европейская часть» [ЕВРАС 2014] и «Сибирь и Дальний Восток» [СИБАС 2014], то они представляет собой, по сути, один и тот же словарь, разделенный по принципу территориального проживания респондентов. Данные по этим и другим названным словарям мы представили в виде таблицы, чтобы найти одинаковые и отличные реакции в каждом из них (Таблица 13).

Таблица 13 – Сравнение ядерных реакций ассоциативных словарей на стимул *любовь* (начало)

№ п/п	САНРЯ	РАС	САС	ЕВРАС	СИБАС
1	<i>ненависть</i>	с первого взгляда	<i>счастье</i>	чувство	<i>морковь</i>
2	<i>дружба</i>	<i>до гроба</i>	<i>зла</i>	<i>морковь</i>	чувство
3	большая	чувство	<i>ненависть</i>	<i>сердце</i>	<i>счастье</i>
4	верная	<i>зла</i>	чувство	<i>зла</i>	<i>сердце</i>
5	<i>до гроба</i>	<i>счастье</i>	<i>жизнь</i>	<i>счастье</i>	<i>зла</i>
6	<i>жизнь</i>	безответная	<i>нежность</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизнь</i>
7	моя	горе	<i>секс</i>	<i>взаимная</i>	вечная
8	<i>смерть</i>	и голуби	верность	<i>семья</i>	<i>взаимная</i>
9	чистое	к женщине	<i>сердце</i>	<i>девушка</i>	<i>страсть</i>
10	чувство	<i>ненависть</i>	<i>смерть</i>	<i>ненависть</i>	<i>ненависть</i>

Ту же операцию мы провели и с данными других словарей (Таблица 14).

Таблица 14 – Сравнение ядерных реакций ассоциативных словарей на стимул *любовь* (продолжение)

№ п/п	ГОЛЬДИН	ГУЦ	БУТАКОВА	РУДАКОВА
1	чувство	чувство	<i>счастье</i>	<i>морковь</i>
2	<i>сердце</i>	<i>счастье</i>	<i>сердце</i>	чувство
3	<i>секс</i>	<i>секс</i>	<i>страсть</i>	<i>весна</i>
4	<i>счастье</i>	<i>сердце</i>	чувство	<i>сердце</i>
5	<i>девушка</i>	<i>дружба</i>	доверие	<i>взаимная</i>
6	<i>дружба</i>	<i>морковь</i>	<i>семья</i>	навсегда
7	<i>жизнь</i>	кайф	<i>нежность</i>	<i>счастье</i>
8	<i>весна</i>	<i>семья</i>	чувства	цветы
9	взаимность	<i>жизнь</i>	<i>секс</i>	<i>девушка</i>
10	<i>морковь</i>	поцелуй	тепло	<i>до гроба</i>

Из девяти проанализированных словарей среди самых частотных реакций на стимул *семья* были выбраны повторяющиеся реакции, составляющие, так сказать, «ядро ядра». Ассоциат *чувство* упоминался во всех словарях, эта реакция является самой частотной (в таблице слово выделено жирным курсивом), поскольку любовь – очень сильное чувство, полностью захватывающее человека. В данной реакции воплощен фрагмент не только наивной КМ, но и научной. Далее по убыванию следует ответ *счастье* (N=8), что, по-видимому, ассоциируется с идеалом любви. Затем располагаются ассоциаты *сердце* (N=7) как символ любви, ее антипод *ненависть*, рифма *морковь* (N=5), а также реакции *жизнь*, *зла* (N=4), *секс* (N=3), *весна*, *вечная*, *взаимна*, *девушка*, *до гроба*,

дружба, семья, смерть (N=2). Таким образом, имя ценности *любовь*, по данным ассоциативных словарей, тесно связано с ассоциатами *чувство, счастье* и *сердце*.

Перейдем к результатам, полученным в ходе собственного свободного АЭ. В процессе проведения АЭ было опрошено 444 информанта и получено 403 ответа и 41 отказ.

После обработки полученных ответов ассоциативное поле стимула *любовь* приобрело следующий вид:

ЛЮБОВЬ: семья 105; счастье 48; верность 45; чувства 42; дети 40; поддержка 31; девушка 30; доверие 29; отношения 28; уважение 29; сердце 27; забота 26; мама, понимание 25; страсть, тепло 24; нежность 20; красота, родители 18; привязанность 17; родина 16; взаимопонимание, жена, люди, объятия, радость 14; вера, друзья 13; дружба 12; боль, вместе, мир, надежная, романтика 11; женщина, искренность, свадьба, судьба, эмоция 9; бракосочетание, кино, мать, мечта, половинка, родня 8; бог, взаимность, влечение, внимание, дом, надежда, преданность, путь, симпатия, солнце, уют 7; брак, весна, гармония, желание, навсегда, невеста, поцелуй, признание, ребенок, честность 6; влюбленные, деньги, доброта, красный, отец, разлука, свет, улыбка, ценность 5; близкие, взаимоотношения, голуби, заботливость, кольцо, ласка, опора, помощь, постоянство, самоотдача, самопожертвование, секс, сила, труд, цветы 4; вдохновение, встречи, духовное, душевная, животные, крепкий, отдача, открытость, папа, поступки, поцелуи, принятие, розы, слабость, страдания, уверенность, школа 3; бабушка, близость, брат, будущее, быт, время, гормоны, город, дарить, добра, дочь, душа, жажда, замок, защита, зло, лебедь, любезность, любимый, море, мучения, навеки, окрыленность, пара, парень, правда, привязка, признательность, притяжение, притязание, приют, разочарование, сестра, слова, сожительство, состояние, сотрудничество, супруг, сын, тайна, удобства, футбол, юмор 2; айфон, альтруизм, безусловная, белое, большой, важность, верная, взаимодоверие, взаимопонимание, взгляды, взрослая, внимательность, война, волосы, восторг, всеобъемлющая, высокая, главное, глаза, до гроба, бабушка, декрет, драгоценный, драма, дух, единения, единство, единственная, ждать, желанная, жить, зависимость, заступ, звезды, зла, камень, классика, колечко, компьютер, косогор, лишнее, лучший, любить, люблю, малыши, материнская, милость, молодость, моменты, морковь, мужчина, музыка, мысли, наивысшая, настоящие, ненависть, ночь, нутро, обожание, общение, одна, ослепление, ответственность, отдавать, ощущение, парк, парни, партнер, питомцы, пламя, платье, подарки, покой, полет, помада, посредственность, предательство, привлекательность, природа, приятно, прощение,

пустота, работа, равноправие, расцвет, рубашка, рыбалка, самосознание, свидание, **свобода**, святой, сердечное, слезы, сложность, совершенство, созидание, сострадание, союз, спокойствие, спорт, страшно, стремления, сыновья, таинство, театр, теплота, тишина, трансформирующая, трата, трепет, тыква, Успенская, хобби, хотеть, Христос, человеческое, чистая, чистота, чудо, эмоциональные, юность, юношеская **1**.

Имеющееся ассоциативное поле в целях нашего исследования мы разделим на ядро и периферию, позволяющие выделить инвариант ЯС в русском ОМ. На графике «каменистой осыпи», представленном ниже (Рисунок 9), наглядно показано, что ядром исследуемой ценности *любовь* являются три первых элемента, остальные же представляют собой «шум». Важно отметить, что такие реакции, как *дети, отношения, уважение*, выделенные в АЭ в ядерной зоне ассоциативного поля *любовь*, в проанализированных ассоциативных словарях выделены не были.

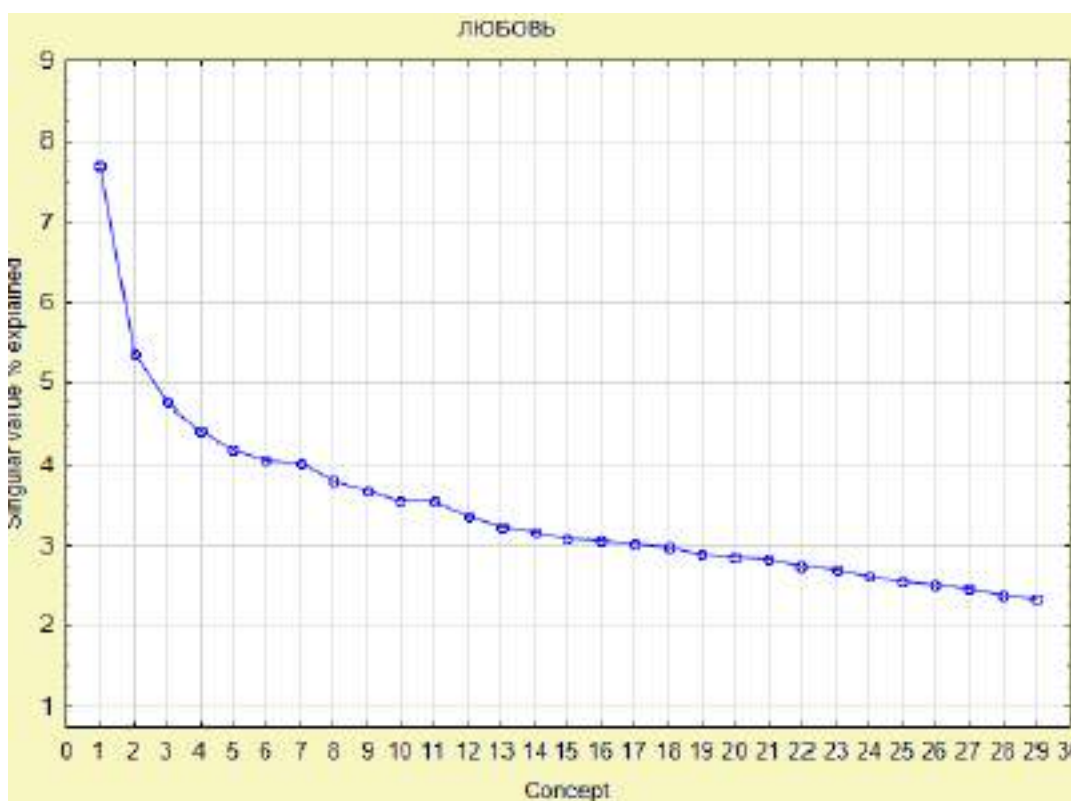

Рисунок 9 – Соотношение частоты ответов испытуемых с реакциями на стимул *любовь*

Для того чтобы показать связи между ключевыми словами и остальными реакциями респондентов, воспользуемся методом сингулярного разложения. Для выделения ядерных реакций отыщем самые большие числа по горизонтали и вертикали. В качестве примера приведем лишь небольшую часть списка (слова представлены в виде собой основ без грамматических формантов) (Таблица 15).

Таблица 15 – Связи реакции на стимул *любовь* в АЭ

ЛЮБОВЬ	Коэффициенты слов при сингулярном разложении		
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3
<i>бол</i>	0,002415	0,002492	0,000535
<i>брак</i>	0,001613	-0,000128	0,000398
<i>бракосочетан</i>	0,000872	-0,003181	0,008818
<i>вер</i>	0,001866	-0,007308	0,007304
<i>верност</i>	0,010831	-0,038090	-0,074829
...			
<i>сем</i>	0,071154	0,045461	-0,003374
<i>сердц</i>	0,007148	-0,021041	-0,007750
<i>симпат</i>	0,001255	-0,004060	0,008373
<i>солнц</i>	0,001501	-0,000379	-0,001753
<i>страст</i>	0,004052	-0,009544	0,015530
<i>судьб</i>	0,000826	0,001043	0,002854
<i>счаст</i>	0,018175	-0,074829	-0,057153

Следующие ядерные реакции обнаруживают наиболее близкую ассоциативную связь со стимулом *любовь*. К ним относятся следующие элементы: *семья, счастье, верность* (Таблица 16).

Таблица 16 – Сила связи ядерных реакций со стимулом *любовь*

ЛЮБОВЬ	Сила связи
<i>семья</i>	0,071154
<i>счастье</i>	-0,074829
<i>верность</i>	-0,074829

Как при сингулярном разложении, так и по частоте упоминаний разницы в ядерных элементах выявлено не было. Таким образом, на основании количественных данных можно заключить, что вербальная репрезентация ценности *любовь* ассоциативно связана прежде всего с именем ценности *семья*, при этом важными оказываются ассоциаты *счастье* и *верность*. Обратим внимание еще на одну закономерность: в имени ценности *семья* ассоциат *любовь* занимал также первое место среди остальных реакций, что говорит о несомненной близости как самих понятий, так и их вербальных репрезентаций в аксиологической сфере образа мира носителей русского языка и культуры.

Появление в дальней периферии таких ассоциатов, как *айфон* и *компьютер*, не выделенных в ассоциативных словарях, говорит о диджитализации жизни современного человека и, возможно, о некоторой фетишизации данных объектов, как особо значимых в современных условиях. При этом множество реакций подчеркивает

именно традиционалистский подход к понятиям *любовь* и *семья*, где главными субъектами остаются мужчина и женщина, выполняющие различные социальные роли: матери, отца, сестры, мужа и так далее.

Периферию имени ценности *любовь* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между самыми частотными и единичными реакциями составляет 76 : 202. Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что 38% реакций являются общепринятыми, а 62% – индивидуально-личностными.

Сопоставим данные, полученные в ходе свободного АЭ, с выделенным «ядром» ассоциативных словарей (Таблица 17).

Таблица 17 – Сопоставление реакций ассоциативных словарей на стимул *любовь* с данными свободного АЭ

№ п/п	«Ядро» ассоциативных словарей	АЭ
1.	чувство	семья
2.	счастье	счастье
3.	сердце	верность
4.	ненависть	чувства
5.	морковь	дети
6.	жизнь	поддержка
7.	зла	девушка
8.	секс	доверие
9.	весна	отношения
10.	вечная	уважение

При сравнении видно, что совпавшими ассоциатами являются: *чувство(а)* и *счастье*. Таким образом, можно сделать вывод, что в русском ЯС *любовь* определяется как чувство скорее позитивное, судя по наличию множества реакций с положительным оттенком, и ассоциируется прежде всего с именем ценности *счастье*. Ядерный ассоциат *верность*, выделенный в ходе АЭ, в ядре ассоциативных словарей не зафиксирован.

Результаты проведенного нами анализа позволяют сделать некоторые выводы, представляющие интерес для исследования: имя ценности *любовь* ассоциативно связано с другими ценностями, то есть обладает ассоциативной структурой, включающей, такие элементы, как *семья 105*, *уважение 29*, *родина 16*, *дружба 12*, *мир 11*, *честность 6*, *деньги, доброта 5*, *труд 4*, *свобода 1*.

В представленном ассоциативном поле наблюдается большое количество реакций, обозначающих *людей и их семейные связи*: *дети 40*, *девушка 30*, *мама 25*, *родители 18*, *жена, люди 14*, *женщина 9*, *мать, родня 8*, *ребенок 6*, *влюбленные, отец 5*,

папа 3, бабушка, брат, парень, сестра, супруг, сын 2, дедушка, малыши, мужчина, парни, партнер, сыновья 1.

Также отчетливо выделяется группа ассоциатов, формирующая субполе **проявления и ожидания любви**: *верность 45, забота 26, нежность 20, счастье 17, привязанность, взаимопонимание 17, радость 14, вера 13, дружба 12, искренность свадьба 9, бракосочетание 8, дом, симпатия, надежда 7, брак, невеста, честность 6, заботливость, ласка, опора, помощь, постоянство, самопожертвование 4, признательность 2, взаимодоверие, ответственность 1.*

Информативным нам представляется субполе **символы любви**, включающее следующие реакции: *сердце 27, весна 6, свет 5, цветы, голуби 4, розы 3, пара, лебедь 2, колечко, кольцо 1.*

Перейдем теперь к определению места, занимаемого именем ценности *любовь* в ценностной иерархии. В исследовании на ранжирование приняли участие 408 человек. Важность анализируемой ценности оценивалась респондентами в диапазоне от 1 до 20, при этом стандартная девиация составила менее пяти. Среднее значение ценности 5,5, что ставит данную ценность на второе место в иерархии (Таблица 18).

Таблица 18 – Ранжирование ценности *любовь*

Ранг	Ценности	Статистические данные				
		Количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
2	Любовь	408	5,53431	1,000000	20,00000	4,903371

Большинство ответов респондентов (более 250) колеблется в пределах от 1 до 5. Таким образом, можно констатировать, что оценки испытуемых находились в основном в диапазоне высоких значений, что свидетельствует о практически безусловном принятии ценности *любовь* как личного императива носителями русского языка и культуры.

Перейдем далее к результатам проведенного опроса респондентов с заданием указать автора и название литературного произведения, наиболее ярко отражающего ценность *любовь*. Было получено 414 ответов, 30 отказов. Наиболее частотными произведениями стали следующие: М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» **34**; У. Шекспир «Ромео и Джульетта» **27**; А. И. Куприн «Гранатовый браслет» **26**; Э. Бронте «Грозовой перевал» **19**; А. С. Пушкин «Евгений Онегин» **19**; Л. Н. Толстой «Анна Каренина» **19**; А. Грин «Алые паруса» **11**; Дж. Остин «Гордость и предубеждение» **11**; Л. Н. Толстой «Война и мир» **11**; М. Митчелл «Унесенные ветром» **9**; А. де Сент-

Экзюпери «Маленький принц» 9; О. Генри «Дары волхвов» 8; К. Маккалоу «Поющие в терновнике» 8; Э. М. Ремарк «Три товарища» 7; В. Гюго «Собор Парижской богородицы» 6; В. Набоков «Лолита» 6 (Рисунок 10).

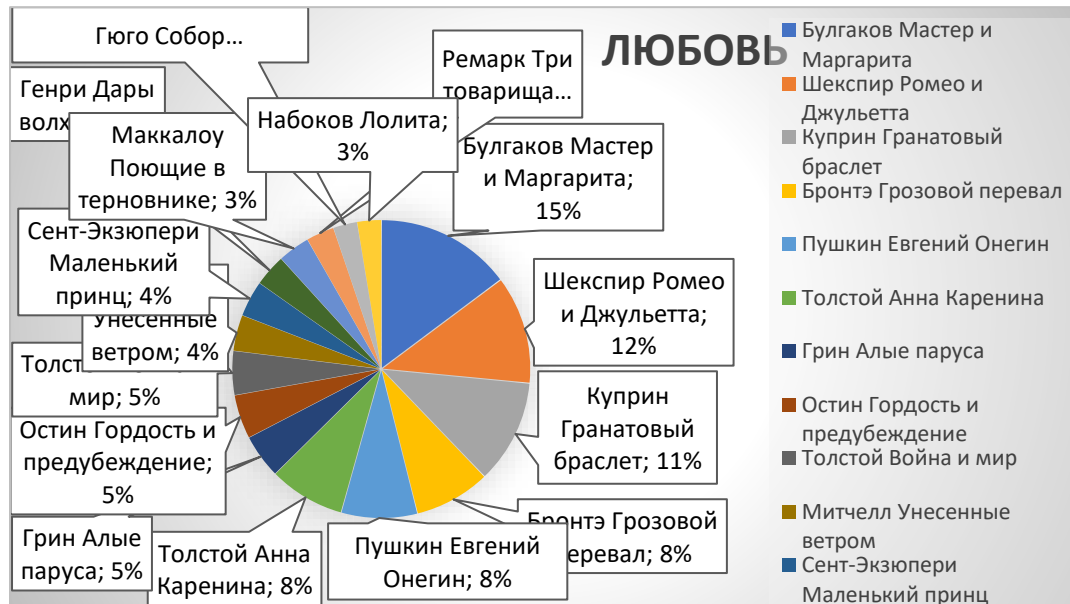

Рисунок 10 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности любовь

Приведем список произведений, которые «разделили» предпочтения респондентов между собой. Это М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» 34, У. Шекспир «Ромео и Джульетта» 27, А. И. Куприн «Гранатовый браслет» 26, что в совокупности составило 38%.

Далее все ответы респондентов были разделены на три возрастные группы: 15–22 года (группа 1), 23–35 лет (группа 2) и 36–80 лет (группа 3) – с целью выяснить, влияет ли возраст респондентов на выбор произведения. В группу 1 вошли 175 респондентов (159 ответов, 16 отказов), в группу 2 – 165 (155 ответов, 10 отказов) и группу 3 – 104 (100 ответов, 4 отказа). Данные представлены в сводной таблице (Таблица 19).

Таблица 19 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности любовь

№ п/п	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1	Булгаков «Мастер и Маргарита» (16)	Булгаков «Мастер и Маргарита» (13)	Шекспир «Ромео и Джульетта» (9)
2	Куприн «Гранатовый браслет» (13)	Шекспир «Ромео и Джульетта» (10)	Толстой «Анна Каренина» (7)
3	Пушкин «Евгений Онегин» (12)	Куприн «Гранатовый браслет» (9)	Булгаков «Мастер и Маргарита» (5)
4	Бронте «Джейн Эйр» (10)	Грин «Алые паруса» (6)	Грин «Алые паруса» (5)
5	Шекспир «Ромео и Джульетта» (8)	Толстой «Анна Каренина» (6)	–

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» для молодого поколения в группах 1 и 2 является произведением, наиболее ярко выражающим ценность *любовь*, при этом и для старшего поколения данное произведение является воплощением любви, однако его выбрало меньшее число опрошенных, чем трагедию «Ромео и Джульетта» У. Шекспира. Таким образом, оба литературных произведения признаются репрезентацией ценности *любовь*. У У. Шекспира ради настоящей любви человек готов на многое, но поступки, совершенные под воздействием этого сильного чувства, не всегда имеют положительный исход. В этой трагедии наравне с идеей *любви* проявляется и тема жертвенности во имя этого чувства.

Повести А. И. Куприна «Гранатовый браслет» и А. С. Грина «Алые паруса» появляются только в двух группах: А. И. Куприн – в группе 1 и группе 2, а А. С. Грин – в группе 3. Оба произведения изучаются в школе, однако повесть А. И. Куприна проходят в конце 11-го класса, а А. С. Грина читают в средней школе. Любовь в повести А. И. Куприна безответна, она «руководит» всей жизнью чиновника Желткова, влюбленного в жену князя Веру Шеину. Во имя этой любви совершается преступление, но в ответ главный герой не получает даже сострадания. Отсутствие взаимной любви, принадлежность к разным классам – вот те непреодолимые препятствия, которые разделяют Желткова и Веру, однако он жертвует всем и не стремится получить что-либо взамен. У А. С. Грина понятие любви сопрягается с верой, ожиданием чуда и волшебства. Ассоль ждала своего возлюбленного, совершившего необычный поступок ради нее. Вся злоба и неприятие окружающих, связанные с ними боль и одиночество ничего не значат, когда есть вера в чудо. Эти произведения отражают разную любовь: у А. И. Куприна она оказывается желанна, но порой деструктивна, а у А. С. Грина – способна разрушить все преграды.

Ближнюю периферию составили следующие произведения: Н. М. Карамзин «Бедная Лиза»; А. И. Куприн «Олеся»; М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»; Б. Л. Пастернак «Доктор Живаго»; А. С. Пушкин «Капитанская дочка»; Э. М. Ремарк «Триумфальная арка»; И. С. Тургенев «Ася»; Дж. Уоллер «Мосты округа Мэдисон»; Ф. С. Фицджеральд «Великий Гэтсби»; Э. Фромм «Искусство любить» **4**; Э. Бронте «Грозовой перевал»; Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах»; А. С. Пушкин «Руслан и Людмила»; Н. Спаркс «Дневник памяти»; М. А. Шолохов «Тихий Дон» **3**; А. Ахматова Стихи; Дж. Болдуин «Комната Джованни»; И. А. Бунин «Темные аллеи»; Ж. Верн «Дети капитана Гранта»; Н. Гейман «Звездная пыль»; Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»; М. Горький «Мать»; А. Данте «Божественная комедия»; Д. Г. Лоуренс

«Любовник леди Чаттерлей»; И. Макьюэн «Искушение»; Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества»; А. Н. Островский «Гроза»; К. Г. Паустовский «Ручьи, где плещется форель»; В. Пелевин «Священная книга оборотня»; А. Ф. Прево «История кавалера де Грие и Манон Леско»; А. С. Пушкин «Дубровский»; А. С. Пушкин «Метель»; Э. М. Ремарк «Приют грез»; Дж. Роулинг «Гарри Поттер»; У. Теккерей «Ярмарка тщеславия»; Г. Флобер «Госпожа Бовари»; С. Цвейг «Письмо незнакомки»; М. Цветаева Стихи; Ф. Шлегель «Люцинда» 2.

Обращает на себя внимание наличие множества произведений в стихотворной форме, таких как Э. А. Асадов «Баллада о ненависти и любви», В. Высоцкий «Баллада о любви», М. Ю. Лермонтов «Бородино», А. С. Пушкин «Медный всадник», А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке», Ф. И. Тютчев «О, как убийственно мы любим», У. Шекспир «Макбет», У. Шекспир «Сонет 130», что неудивительно, поскольку большинство поэтов постоянно затрагивают тему любви. Кроме того, интересно присутствие не только художественных произведений, которые были указаны в инструкции к опросу, но и появление научно-популярной литературы, такой как книга «Это же любовь!» В. Дмитриевой, популярного блогера и социолога и философа, а также сборник А. Шопенгауэра «Афоризмы житейской мудрости».

Ситуации, репрезентирующие ценность *любовь* в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», обобщены и проиллюстрированы цитатами из текста в интенциональном анализе по методике Т. М. Дридзе, который полностью представлен в Приложении 2.

Рассмотрим ситуации, заложенные в тексте романа, более подробно. Одна из основных идей романа состоит в том, что существует истинная – жертвенная и сострадательная – любовь. По мере развития сюжета влюбленность между мужчиной и женщиной возникает мгновенно, но постепенно вырастает в более глубокое чувство привязанности к любимому и через жертвенность и сострадание приводит души героев к вечности и покою. Возлюбленные готовы делить невзгоды и радости. Сама мысль героев о смерти более приятна, чем мысль об отсутствии любви или о разлуке с любимым: «...она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста» [Булгаков 1988: 160]. Автор также отделяет настоящую любовь от других привязанностей, что проявляется в одной из предикаций 4-го порядка: «...она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее...» [Там же].

Ниже приведена графическая схема макроструктуры романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (Рисунок 11).

Рисунок 11 – Графическая схема макроструктуры романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Таким образом, имя ценности *любовь* по результатам мотивационно-целевого анализа в романе «Мастер и Маргарита» раскрывается на разных уровнях повествования и в отношениях разных персонажей: мастера и Маргариты, Левия Матвея и его учителя Иешуа, Понтия Пилата и его собаки Банги. Истинная любовь жертвенна и сострадательна; она вселяет веру, излечивает, дает надежду на спасение и становится залогом вечности.

Любовь мастера и Маргариты не совсем обычна: это не только чувственная любовь между мужчиной и женщиной, но и поэтическая любовь создателя к своей музе, и любовь как восхищение гением создателя. Их чувство не имеет временного характера, они словно всегда знали друг друга, а полюбили с первой секунды после встречи: «А я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину! Вот так штука, а? Вы, конечно, скажете, сумасшедший?» [Булгаков 1988: 139].

Интересно отметить то, что М. А. Булгаков в тексте романа использует саму лексему *любовь* всего четыре раза: дважды – в рассказе мастера, один раз – говоря напрямую с читателем в главе о Маргарите, четвертый раз – описывая Бенгальского, который приобрел «всеобщую популярность и любовь за свою невероятную, даже среди театральных администраторов, отзывчивость и вежливость» [Булгаков 1988: 377]. В остальных случаях, говоря о чувстве между мастером и Маргаритой, автор употребляет слово *любовники*, так называет и сама героиня мастера, когда просит Воланда вернуть его. В конце романа автор называет мастера и Маргариту «вечными любовниками». Мастер называет Маргариту своей «тайной женой» и после возвращения к ней говорит: «...теперь, стало быть, налицо вместо одного сумасшедшего двое! И муж, и жена» [Булгаков 1988: 353]. Таким образом, можно заключить, что использование лексем *любовник* и *любовь* для героев не несет привычного обывательского смысла мимолетных отношений или официального брака. Они любовники, поскольку любят, так как связаны чем-то гораздо более прочным и глубоким, чем справки, заявления или штампы.

Во всех проанализированных произведениях выделяется несколько особенностей описания имени ценности *любовь*, которые добавляют в ключевые ассоциаты еще три важных для русской культуры компонента. Это *жертвенность*, которая наиболее ярко проявляется в «Анне Карениной», «Мастере и Маргарите», «Ромео и Джульетте» и «Гранатовом браслете», *трагизм*, проявляющийся в мотивах отравления, самоубийства и самоотречения героев, а также *сострадательность*, выраженная в емкой цитате М. А. Булгакова: «Тот, кто любит, должен разделять участь того, кого он любит» [Булгаков 1988: 369].

Подводя краткий итог комплексному анализу имени ценности *любовь*, можно отметить следующее:

1. В семантике лексемы *любовь* реализованы три ядерных и семь периферийных компонентов значения. Такие элементы словарной единицы, как *склонность к чему-либо, инстинкт, мир, общие трапезы, вкус и предпочтение*, не были выделены в ЯС при проведении АЭ.

2. По данным ассоциативных словарей и АЭ, высокочастотными являются ассоциаты *семья, счастье и верность*. Таким образом, в русском ОМ имя ценности *любовь* определяется как позитивное чувство.

3. В ассоциативном поле выделяются субполя *семейные связи, проявления и ожидания любви*, а также *символы любви*.

4. Ценность *любовь* занимает второе место в иерархии, что свидетельствует о ее значимости в русском ОМ.

5. Имя ценности *любовь* в литературном произведении формируется посредством ситуаций, в которые вовлечены главные герои романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». Важную роль играют *жертвенность, трагизм и сострадательность*.

3.2.3 Комплексный анализ имени ценности ДРУЖБА

Лексема *дружба*, согласно Российской педагогической энциклопедии, обозначает «отношения между людьми, основанные на взаимном доверии, общности интересов и эмоциональной привязанности» [Российская педагогическая энциклопедия 1993: URL]. *Дружба* является несомненной ценностью, значимость которой особенно высока в подростковые и юношеские годы, что проявляется в высокой частотности лексемы *друг* (106-е место) и *дружба* (2020-е место) из более чем 20-тысячного словника [Ляшевская, Шаров 2009 URL]. Эти и другие характеристики ценности отражены в определениях лексемы *дружба* в толковых словарях русского языка. Из 22 лексикографических источников лексема *дружба* встретилась в 16. На основании анализа дефиниций были выделены следующие общие семы:

1. **Близкие отношения:** Отношения друзей, близкое знакомство [СТОЯН]; Близкие приятельские отношения, тесное знакомство вследствие привязанности и расположения [УШАКОВ]; Близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов [ОЖЕГОВ]; Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов [ЕВГЕНЬЕВА];

Отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, духовной близости, общности интересов [ЛОПАТИН]; Близкие отношения, основанные на взаимном доверии, привязанности, общности интересов [ШВЕДОВА]; Отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п. [ЕФРЕМОВА]; Отношения, основанные на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т. п. [КУЗНЕЦОВ]; Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, доверии, духовной близости, общности интересов и т. п.; [БАБЕНКО]; Отношения между людьми, основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов и т. п. [БАС БАЛАХОНОВА]; Отношения, свойственные друзьям [МОРКОВКИН]; Отношения между кем-л., основанные на взаимной привязанности, духовной близости, общности интересов, доверии и т. п. [СОРЯ]; Отношения, свойственные друзьям [ПУШКИН].

2. **Взаимная расположенность:** Взаимная любовь на искреннем почтении, совершенной доверенности, сходстве нравов и на одинаковых правилах честности основанная [САР]; Взаимная привязанность двух лиц, основанная на сходстве нравов и образа мыслей [ГРОТ]; Взаимная расположенность, привязанность, характерная для таких отношений [ЕФРЕМОВА]; Взаимная расположенность, привязанность людей друг другу, их тесное личное общение, основанное на общности интересов [МОРКОВКИН]; Чувство дружеского расположения, приязни к кому-л. Дружеские услуги, заботы [ПУШКИН].

3. **Партнерство:** Дружелюбие, взаимопонимание и т. п. между народами, странами, государствами [ЕФРЕМОВА]; Отношения между народами, странами, государствами, основанные на доверии, взаимопонимании и невмешательстве во внутренние дела друг друга [КУЗНЕЦОВ]; Отношения многостороннего общения и сотрудничества, основанные на взаимном доверии и уважении [МОРКОВКИН]; *Высок.-офиц.* Мирные, союзнические, характеризующиеся общностью интересов отношения между правителями государств, а также между государствами [СОРЯ].

4. **Отношение к животным:** *перен. разг.* Доброжелательное отношение друг к другу человека и животного [ЕФРЕМОВА]; *перен. разг.* О доброжелательном отношении друг к другу человека и животного [БАС БАЛАХОНОВА].

5. **Товарищество:** Общество, товарищество [СРЯ XI–XVII].

6. **Вереница:** Вереница [СРЯ XI–XVII].

Для определения структуры лексемы *дружба* все компоненты словарных определений были распределены на две части – ядро и периферию, на основании сем, выделенных в проанализированных источниках.

Структура значения лексемы *дружба* представлена в Таблице 20.

Таблица 20 – Структура значения лексемы *дружба*

Лексема <i>дружба</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Близкие отношения (14 словарей)
Периферийные компоненты	Взаимная расположенность (5 словарей) Партнерство (4 словаря) Отношение к животным (2 словаря) Товарищество (1 словарь) Вереница (1 словарь)

Из сводной таблицы видно, что ядерное значение у лексемы *дружба* только одно, остальные пять относятся к периферии. Подчеркнем, что большинство словарей определяют *дружбу* как отношения, основанные на доверии, привязанности, общих интересах и духовной близости, что, как нам представляется, должно также отразиться в реакциях АЭ.

С целью анализа и выявления динамики значения имени ценности *дружба* в ОМ носителей русского языка и культуры были проанализированы также ассоциативные словари. Общее количество изученных источников – десять, искомый стимул присутствовал в четырех словарях [РАС 2002; Гольдин 2011; Гуц 2005, Бутакова 2012]. Нами приводятся лишь неединичные реакции, для того чтобы сравнить ядро реакций в каждом из словарей.

В Русском ассоциативном словаре начала 2000-х годов приводятся следующие реакции респондентов: *крепкая; народов 17; любовь 6; верная; навеки 5; врозь 4; вечная; долгая; друг; навек; навсегда; наша; понимание; улыбка 2* [РАС 2002: 181].

В Ассоциативном словаре подростка под редакцией Е. Н. Гуц, отражающем региональное ЯС подрастающего поколения г. Омска, приведены несколько отличающиеся данные: *любовь 95; друг 52; взаимопонимание 45; доверие 21; друзья 13; понимание 11; мир; отношения 10; верность; гонять 7; дружба; народов; общение; преданность 5; дружить; крепкая; людей; навсегда; связь; секс, союз; уважение 4; взаимоотношения; вражда; долгая; люди; магазин; мутня; навеки; настоящая; парень и девушка; подруга; помощь; счастье; хорошо 3; вечно; встреча; девушка; мутить; на век; на века; надежность; народ; парень; радость; рукопожатие; сила; собака;*

согласие; товарищ; товарищество; хорошая; хорошие отношения; человек; шашлык 2 [ГУЦ 2004: 38–39].

Ядерные реакции ассоциативных словарей со стимулом *дружба* отражены в Таблице 21.

Таблица 21 – Сравнение ядерных реакций в ассоциативных словарях на стимул *дружба*

№ п/п	РАС	ГУЦ	ГОЛЬДИН	БУТАКОВА
1.	<i>крепкая</i>	<i>любовь</i>	<i>друг</i>	<i>доверие</i>
2.	<i>народов</i>	<i>друг</i>	<i>друзья</i>	<i>любовь</i>
3.	<i>любовь</i>	взаимопонимание	<i>любовь</i>	<i>крепкая</i>
4.	<i>верная</i>	<i>доверие</i>	<i>крепкая</i>	<i>верность</i>
5.	<i>навек</i>	<i>друзья</i>	<i>верность</i>	<i>друзья</i>
6.	<i>врозь</i>	<i>понимание</i>	люди	<i>отношения</i>
7.	<i>вечная</i>	<i>мир</i>	<i>мир</i>	радость
8.	<i>долгая</i>	<i>отношения</i>	<i>народа</i>	<i>понимание</i>
9.	<i>друг</i>	<i>верность</i>	важно	уверенность
10.	<i>навсегда</i>	гонять	<i>друзей</i>	забота

В таблице выделены курсивом совпадающие реакции ассоциативных словарей.

На основании сравнения можно утверждать, что многие опрошенные респонденты *дружбу* напрямую связывают с *любовью* (N=4), *верностью* (N=3) и *доверием* (N=2). Значимым является и сам объект дружбы – человек, о чем свидетельствует наличие в разных падежных формах таких реакций, как *друг* (N=3) и *друзья* (N=4). При этом *дружба* считается настоящей, если она длится долго (*навек, навеки, навсегда, долгая*) и имеет определенную степень – *крепкая* (N=3). Интересны реакции *мир, понимание* и *народа(ов)* в двух словарях, поскольку они высвечивают стремление людей к спокойной жизни не только на уровне социума, но и в межгосударственных взаимоотношениях.

Таким образом, при сравнении словарного значения лексемы *дружба*, зафиксированного в словарях, с ассоциативным значением слова, выявленным в ходе АЭ, видно, что в ядерных реакциях (*доверие, верность, понимание, уверенность, взаимопонимание*) проявляются и словарные семы. Кроме того, реакции *мир* и *народа(ов)* высвечивают также периферийную сему «партнерство».

Перейдем к результатам свободного АЭ, в ходе которого было опрошено 444 информанта, получено 394 ответа и 50 отказов.

После обработки полученных ответов ассоциативное поле стимула *дружба* приобрело следующий вид:

ДРУЖБА: помощь **90**; поддержка **61**; верность **58**; доверие **40**; друзья **34**; **любовь** **32**; понимание **26**; взаимопомощь, друг **24**; радость **23**, преданность **22**; коллектив, общение **20**; братство, **доброта**, весело, взаимовыручка, искренняя, товарищ, товарищество **18**; близость, крепкий, надёжный **17**; открытие **16**; отношения, сила, **честность** **15**; забота, смех **13**; школа **12**; **мир**, счастье, **уважение**, улыбка **11**; компания **10**; взаимопонимание, детство, надежда, народ, служба **9**; время, дети, единство, знакомство, интерес **8**; беседа, вера, начало, опора, орден, привязанность, **семья**, сплоченность, юмор **7**; близкая, взаимность, выручка, жвачка, подруги, правда, солидарность, тепло **6**; вместе, дружина, крепость, люди, отзывчивость, предательство, приязнь, связь, секрет, социализация, спорт, шутки **5**; влияние, враг, дружба, душевность, навсегда, общие, объятия, прогулки, **равенство**, разговор, руки, спокойствие, уверенность, честь **4**; брат, внимание, встречи, готовность, девушка, крепкость, лагерь, легкость, настоящая, необходимость, постоянство, самопожертвование, сердечность, собака, совместно, союз, чувство, эмоции **3**; важность, взаимоуважение, взвод, **воля**, воспоминания, времяпрепровождение, высота, гараж, далеко, доверчивость, досуг, духовная, желание, лучший, место, нежность, ничья, одиночество, отвага, ответственность, отдача, посиделки, принятие, рукопожатие, симпатия, соратник, сырок, терпение, удовольствие, учеба, ход, цветы, ценность, честная **2**; алмаз, арбуз, армия, бег, бескомпромиссность, бескорыстность, благодушие, бриллиант, бывает, важное, Холмс и Ватсон, везение, век, вечная, вечность, взаимная, взаимодействие, взаимодоверие, взаимосвязь, Виолетта, влюбленность, вода, вольность, воспитание, вражда, выручить, город, гости, граница, грибок, дача, двор, девочки, **деньги**, доблесть, доверительные цели, доктор, долговечность, енот, жена, женщина, жертвенность, животное, жизни, защита, знакомые, идея, интервал, ирония, испытание, история, карма, кафе, комфорт, костер, кровь, круг, круглосуточно, лот, мальчики, мама, мать, молодость, муж, мужская, мужчина, музыка, мушкетеры, навеки, неотъемлемость, неподкупность, непоколебимость, неразлучная, нерушимая, нужное, оды, одна, одноклассники, окружение, основа, отдых, откровенность, отрочество, парад, переживание, песни, пила, пионерлагерь, плавленый сыр, плечо, поездки, позитив, польза, порядочность, правдивость, праздник, преданная, приветствие, прийти, приятельство, проблем, проверенная, проводить, простота, прочность, прощение, пушок, равноправие, радуга, развлечение, не разлей вода, разочарование, редко,

решение, родные, родство, самоотдача, **свобода**, сердце, сестра, сильная, слушать, смелый, совет, согласие, содействие, содружество, сослуживцы, сотрудничество, сочувствие, стена, стойкость, страна, строй, телефон, теплота, тишина, тон, трепетность, умиротворение, участие, уют, хоровод, хорошее, хычин, чай, часть, шашлык, элинн, эмпатия, юноша **1**.

Имеющееся ассоциативное поле в целях исследования было разделено на ядро и периферию, позволяющие выделить обобщенный ОМ носителей русского языка и культуры. На графике «каменистой осыпи», представленном ниже (Рисунок 12), видно, что ядром исследуемого имени ценности *дружба* являются четыре элемента, набравшие самое большое количество ответов респондентов.

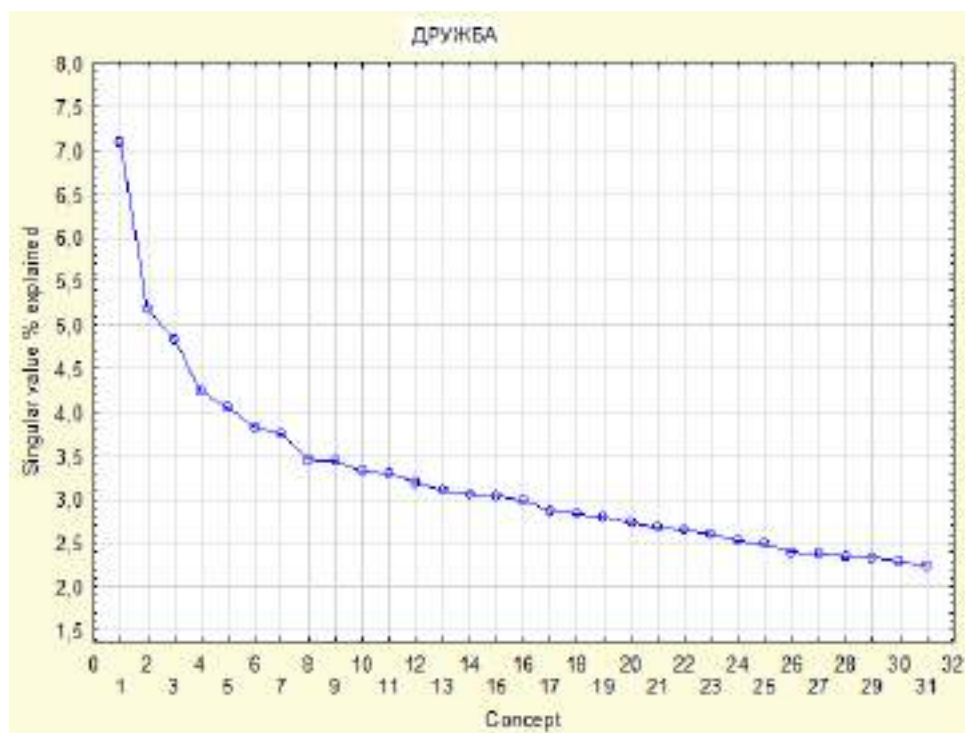

Рисунок 12 – Соотношение частоты ответов испытуемых с реакциями на стимул *дружба*

Выделим в таблице по горизонтали и вертикали самые большие числа, что означает доминирование данных реакций над остальными. Рассмотрим, с какими реакциями ключевые слова находятся в тесной связи, при помощи метода сингулярного разложения. Приведем небольшую часть списка реакций (слова представлены в виде основ без грамматических формантов) (Таблица 22).

Таблица 22 – Связи реакций на стимул *дружба* в АЭ

ДРУЖБА	Коэффициенты слов при сингулярном разложении			
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3	Концепт 4
бесед	0,003521	-0,000321	-0,000950	-0,003945
близк	0,001307	-0,004144	-0,000656	0,004211
близост	0,004407	-0,001518	0,001338	-0,021188
братств	0,003558	-0,007399	0,000800	-0,018711
вер	0,002807	-0,005019	-0,002377	-0,000654
верност	0,030624	-0,077612	0,048735	0,059603
...				
добр	0,004087	-0,004963	0,000326	-0,015509
доброт	0,002088	0,003409	0,001318	-0,004243
довер	0,012609	-0,009005	0,004551	-0,082528
друг	0,006692	0,001439	-0,004357	-0,019863
...				
поддержк	0,038486	-0,039799	-0,097044	0,041278
подруг	0,001577	-0,000945	-0,001015	-0,005369
помощ	0,065553	0,047724	0,020248	0,004089
пониман	0,013831	-0,006671	-0,002105	0,001779
правд	0,001115	-0,002377	0,002175	-0,004490

Ядерными составляющими ассоциативного поля имени ценности *дружба* являются *помощь*, *поддержка*, *верность* и *доверие*, что совпадает с самыми частотными реакциями, однако их порядок не одинаков.

Данные о силе ассоциативной связи ядерных элементов представлены в Таблице 23.

Таблица 23 – Сила связей ядерных реакций со стимулом *дружба*

ДРУЖБА	Сила связи
помощь	0,065553
верность	-0,040610
поддержка	-0,097044
доверие	-0,082528

Исходя из полученных данных можно заключить, что вербальная репрезентация ценности *дружба* прежде всего ассоциативно связана с реакцией *помощь*, важными также являются ассоциаты *поддержка*, *верность* и *доверие*. Таким образом, выявленные нами тесные связи *доверия*, *поддержки*, *верности* с *дружбой* в лексикографических источниках и ассоциативных словарях уступают место понятию *помощь*, которое в настоящее время является основным ассоциатом имени ценности *дружба*.

Периферию имени ценности *дружба* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между самыми частотными и единичными составляет 75 : 227. Таким образом, данные позволяют сделать вывод, что 33% реакций являются общепринятыми, а 67% – индивидуально-личностными.

Теперь сопоставим данные, полученные в ходе нашего АЭ, с выделенным ядерными значениями ассоциативных словарей (Таблица 24).

Таблица 24 – Сопоставление реакций ассоциативных словарей и АЭ

№ п/п	РАС	ГУЦ	ГОЛЬДИН	БУТАКОВА	АЭ
1.	<i>крепкая</i>	<i>любовь</i>	<i>друг</i>	<i>доверие</i>	помощь
2.	<i>народов</i>	<i>друг</i>	<i>друзья</i>	<i>любовь</i>	поддержка
3.	<i>любовь</i>	взаимопонимание	<i>любовь</i>	<i>крепкая</i>	<i>верность</i>
4.	<i>верная</i>	<i>доверие</i>	<i>крепкая</i>	<i>верность</i>	<i>доверие</i>
5.	<i>навски</i>	<i>друзья</i>	<i>верность</i>	<i>друзья</i>	<i>друзья</i>
6.	врозь	<i>понимание</i>	люди	отношения	<i>любовь</i>
7.	вечная	<i>мир</i>	<i>мир</i>	радость	<i>понимание</i>
8.	долгая	отношения	<i>народа</i>	<i>понимание</i>	взаимопомощь
9.	<i>друг</i>	<i>верность</i>	важно	уверенность	<i>друг</i>
10.	<i>навсегда</i>	гонять	<i>друзей</i>	забота	радость

При сравнении данных ассоциативных словарей и проведенного нами АЭ видно, что совпадающими ассоциатами являются *верность, доверие, любовь, понимание и друзья*. Отметим, что атрибутивных характеристик *дружбы*, таких как *верная, крепкая, вечная*, в ядре ассоциативного поля в нашем АЭ не выявлено. При этом если реакция *радость* присутствовала в словарях, то *помощь* и *взаимопомощь* (обладающие, по сути, одним значением) отмечены впервые. Это может быть связано, на наш взгляд, с двумя противоположными тенденциями. Первая состоит в том, что в русской культуре *взаимовыручка* традиционно рассматривается как одна из основных черт русского национального характера, что подтверждается множеством пословиц и поговорок, таких как *Друг научит, а недруг проучит; Друг за друга стой – и выиграешь бой; Без беды друга не узнаешь; Для милого друга – и коней из плуга; Дружба заботой да подмогой крепка*. Вторая тенденция отражает направленность на меркантилизацию в отношении дружбы в современном российском обществе. Так, в одном из блогов «ВКонтакте» был приведен такой комментарий: «Дружба – это корысть, возведенная в ранг добродетели. Будем честны, мы всегда подсознательно ждем от друзей помощи, особенно когда она нам необходима, и больше всего боимся разочароваться, не получив ее» [Являются ли

мушкетеры образцом дружбы URL]. Данная тенденция обострилась в перестроечные и постперестроечные годы как следствие усиления роли индивида в противовес коллективному бытию общества. Индивидуалистические ценности прививались в СМИ посредством телефильмов, интервью с успешными (в большинстве своем богатыми) людьми, даже социальные институты развивали схему индивидуализации ценностей [Грищенко 2021].

Таким образом, наблюдается совпадение ядерных реакций в проведенном нами АЭ, в ассоциативных словарях и семмах толковых словарей. Считаем необходимым отметить также реализацию в АЭ периферийных сем «товарищество» (в реакциях *товарищ* (N=18) и *товарищество* (N=18)), а также «отношение к животным» (в реакциях *собака* (N=3), *енот* (N=1) и *животное* (N=1)).

Кроме того, в соответствии с результатам проведенного свободного АЭ, имя ценности *дружба* ассоциативно связано с другими именами ценностей, такими как *любовь 32; доброта 18; честность 15; мир; уважение 11; семья 7; равенство 4; воля 2; деньги, свобода 1*.

В ассоциативном поле *дружба* обращает на себя внимание обширное субполе *человек: друзья 34; друг 24; товарищ 18; народ 9; дети 8; подруги 6; люди 5; враг 4; брат; девушка 3; соратник 2; девочки; жена; женщина; знакомые; мальчики; мама; мать; муж; мужчина; родные; сестра; сослуживцы; юноша 1*, а также субполе *объединение: коллектив 20; товарищество 18; компания 10; единство 8; дружина 5; союз; совместно 4; взвод 3; армия; мушкетеры; одноклассники; přátельство; содружество; сослуживцы; сотрудничество 1*.

В ранжировании ценности *дружба* приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности – 7,08. Ранг ценности в иерархии – 3. Стандартная девиация составила 4,3, что является вариантом нормы (Таблица 25).

Таблица 25 – Ранжирование ценности *дружба*

Ранг ценности	Статистические данные					
	Имя ценности	Общее количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
3.	<i>Дружба</i>	408	7,08824	1,000000	20,00000	4,353209

Таким образом, можно констатировать отсутствие большого разброса мнений в оценках респондентов, что говорит о значимости и личностном принятии ценности у носителей русского языка и культуры.

Далее перейдем к анализу литературных произведений, получивших наибольшее распространение среди респондентов, которые указывали автора и название литературного произведения, выражающее имя ценности *дружба*. Было получено 407 ответов и 37 отказов. Общее количество опрошенных – 444 человека. Среди наиболее часто упоминаемых следует отметить следующие произведения: Э. М. Ремарк «Три товарища» **70**, Дж. Роулинг «Гарри Поттер» **40**, А. Дюма «Три мушкетера» **31**, М. Твен «Приключения Тома Сойера» **24**, А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» **19**, А. П. Гайдар «Тимур и его команда» **16**, И. А. Гончаров «Обломов» **14**, Джером К. Джером «Трое в лодке, не считая собаки» **11**, Л. Н. Толстой «Война и мир» **10**, В. А. Каверин «Два капитана» **9**, И. С. Тургенев «Отцы и дети» **8**, Дж. Бойн «Мальчик в полосатой пижаме» **7**, К. Дойл «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона» **5**, М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» **5**.

Распределение опрошенных, выбравших данные произведения, отражено на круговой диаграмме (Рисунок 13).

Рисунок 13 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности *дружба*

На основании полученных результатов можно констатировать, что более четверти (26%) опрошенных выделяют произведение Э. М. Ремарка «Три товарища» в качестве основного репрезентанта имени ценности *дружба*.

Полученный список был проанализирован еще раз для того, чтобы выяснить, влияет ли возрастная специфика на выбор литературного произведения, отражающего значение ценности *дружба*. Все респонденты были разделены на три возрастные группы: группа 1 – 15–22 года (159 человек), группа 2 – 23–35 лет (142 человека), группа 3 – 36–80 лет (106 человек).

Самые частотные произведения с учетом возраста были внесены в таблицу (Таблица 26); в круглых скобках указано число респондентов.

Таблица 26 – Сравнительная таблица выбора литературного произведения с учетом возраста респондентов

	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1	<i>Ремарк «Три товарища» (19)</i>	<i>Ремарк «Три товарища» (33)</i>	<i>Ремарк «Три товарища» (18)</i>
2	<i>Роулинг «Гарри Поттер» (17)</i>	<i>Роулинг «Гарри Поттер» (20)</i>	<i>Дюма «Три мушкетера» (9)</i>
3	<i>Дюма «Три мушкетера» (13)</i>	<i>Дюма «Три мушкетера» (9)</i>	Гайдар «Тимур и его команда» (7)
4	Гончаров «Обломов» (11)	<i>Твен «Приключения Тома Сойера» (9)</i>	<i>Твен «Приключения Тома Сойера» (6)</i>
5	<i>Твен «Приключения Тома Сойера» (9)</i>	<i>А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (8)</i>	<i>А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (4)</i>

Одинаковые произведения во всех группах выделены полужирным курсивом, в двух группах – обычным курсивом.

Как показал проведенный анализ, с учетом возраста испытуемых, роман Э. М. Ремарка «Три товарища» является репрезентантом ценности *дружба* для всех возрастных групп респондентов, что свидетельствует об общности ОМ носителей русского языка и культуры. Однако нужно отметить, что, поскольку само название книги содержит отсылку к «друзьям и товарищам», то вполне вероятно отнесение данного произведения к репрезентации *дружбы* именно на основе заголовка, а не содержания. При этом данное произведение в группе 1 выбрали 10% респондентов, группе 2 – 19%, а в группе 3 – 18%. Небольшой процент выбора в молодежной группе, на наш взгляд, свидетельствует о небогатом читательском опыте респондентов, хотя, судя по отзывам читателей, данную книгу обычно читают в старшем школьном

возрасте, когда происходит становление личности подростка. Важно отметить, что данное произведение не входит в список обязательной литературы для чтения в школе.

Двумя произведениями, также упомянутыми респондентами во всех возрастных группах, являются романы А. Дюма «Три мушкетера» и М. Твена «Приключения Тома Сойера». Обе книги относятся к жанру приключенческого романа. А. Дюма повествует об идеале мужской дружбы трех мушкетеров короля и молодого гасконца Д'Артаньяна, приехавшего в Париж, чтобы стать мушкетером. В этой дружбе, несмотря на недостатки каждого из товарищей, в полной мере реализуется девиз «Один за всех и все за одного». В романе американского писателя М. Твена показана дружба двух мальчишек – Тома Сойера и Геккельберри Финна, которые проходят вместе через многие испытания, но остаются верны связывающей их дружбе.

На наш взгляд, также следует выделить произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер» (группа 1 и группа 2) и А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» (группа 2 и группа 3), выбранные как репрезентанты ценности *дружба*. Появление в молодежных группах «Гарри Поттера» не случайно, так как уже много лет книги Дж. Роулинг являются бестселлерами, на основе которых снимаются фильмы с огромными бюджетами. При этом важно отметить, что некоторые респонденты не указывали автора. Это может означать, что имелся в виду художественный фильм, а не книга. Отсутствие упоминания книги в группе 3 говорит о том, что этап, когда ее обычно читают, для старшего поколения прошел, а это значит, что дружба Гарри Поттера, Гермионы и Рона не только не является эталоном для взрослых людей, но и в принципе известна им лишь в общих чертах. Если говорить о репрезентации *дружбы* в произведении Дж. Роулинг, то на протяжении всей «поттерианы» мы видим многолетнюю дружбу трех детей (а позже и молодых людей), проходящих через множество испытаний в реальном и магическом мире, что, безусловно, более соответствует интересам младшего поколения.

Небольшое произведение А. де Сент-Экзюпери, на основании результатов нашего опроса по всем произведениям, является самым популярным репрезентантом многих ценностей для большинства опрошенных. Среди прочих упоминается и ценность *дружба*. Автор показывает пример настоящей дружбы Маленького принца и Лиса. Лис объясняет мальчику, что назначение человеческого сердца в том, чтобы любить и дружить, а значит, видеть прекрасное, заботиться друг о друге, не забывая радоваться простому общению со своим другом. Кроме того, принцип «Мы в ответе за тех, кого

приручили» становится максимой не только для Маленького принца и Лиса, но и для каждого, кто ценит дружбу.

Таким образом, ценность *дружба*, упоминаемая во всех названных произведениях, реализуется посредством многих форм, но смыслы, заложенные авторами, без труда считываются читателями.

Ближнюю периферию составили следующие произведения: А. С. Пушкин «Евгений Онегин»; Г. Троепольский «Белый Бим, Черное ухо»; Х. Хоссейни «Бегущий за ветром» 4; Р. Брэдбери «Вино из Одуванчиков»; Ж. Верн «Дети капитана Гранта»; С. Кинг «Оно»; Дж. Лондон «Сердца трех»; А. Милн «Винни-Пух и все-все-все»; А. Рыбаков «Кортик»; М. Твен «Принц и нищий»; Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец»; Дж. Р. Р. Толкиен «Хоббит, или Туда и обратно»; А. Фадеев «Молодая гвардия» 3; С. Т. Аксаков «Аленький цветочек»; В. Аксенов «Коллеги»; Ж. Верн «Таинственный остров»; А. М. Волков «Волшебник Изумрудного города»; Ж.-М. Генассия «Клуб неисправимых оптимистов»; Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»; У. Голдинг «Повелитель мух»; В. Драгунский «Денискины рассказы»; С. Жапризо «Прощай, друг»; Э. Золя «Жерминаль»; Е. Ильина «Четвертая высота»; М. Ю. Лермонтов «Маскарад»; Дж. Лондон «Белый клык»; «Львенок и черепаха»; М. Петросян «Дом, в котором»; Л. Пратс «Хатико. Пес, который ждал»; Р. Риггз «Дом странных детей»; Ж. Санд «Консуэло»; К. Симонов «Дом в Вязьме»; И. С. Тургенев «Муму»; Э. Успенский «Чебурашка»; М. Цветаева «Стихи к Блоку»; А. П. Чехов «Три сестры» 2.

Проведенный интенциональный анализ литературного произведения Э. М. Ремарка «Три товарища» полностью представлен в Приложении 2. Остановимся на анализе ситуаций, описанных в романе, для понимания того, что позволило респондентам говорить о репрезентации ценности *дружба* в данном произведении.

Ключевой идеей произведения Э. М. Ремарка является утверждение, что дружба – это великая сила, способная преодолеть жизненные трудности, выручить человека в критический момент, что настоящая цена дружбы познается через трудности и лишения. Истинный друг пожертвует всем ради своих близких, станет опорой для них в час нужды: «Рядом был Кестер, мой товарищ; был я – верный товарищ Пат. Сначала должны умереть мы. А пока мы живы, мы ее вытянем. Так было всегда. Пока жив Кестер, я не умру. А пока живы мы оба, не умрет Пат» [Ремарк 1936: 140]. Важную тему в романе играет жертвенность, преданность своим товарищам.

Действие романа разворачивается в нелегкое для Германии и всего мира время – в промежуток между двумя мировыми войнами. Герои произведения, трое товарищей,

воевали на фронте и стали свидетелями многочисленных смертей и ужасных людских мучений. В эти страшные времена единственным спасением, единственным утешением для них были товарищи, готовые не щадя себя вступить друг за друга, помочь или даже просто выпить по рюмке вишневой настойки. Война закончилась, но друзья даже спустя десять лет могли обратиться друг к другу за помощью или советом. Главные герои романа – неразлучные товарищи Локамп, Кестер и Ленц – являются воплощением истинной дружбы. Три разных судьбы и характера – казалось бы, их пути давно уже должны были разойтись, но они вместе и остаются верны дружбе. Друзья помогают Кестеру и Пат бороться с болезнью, отдавая не только материальные средства, но и моральные силы. Другом в романе выступает также автомобиль, у которого даже есть имя – Карл, в его ремонт друзья вкладывали все свои силы.

Ниже представлена графическая схема, показывающая предикации разных уровней, реализующие главный замысел произведения Э. М. Ремарка «Три товарища» (Рисунок 14).

1. Лексема *дружба* представлена в толковых словарях одним ядерным и пятью периферийными значениями, три из которых также проявились в поле АЭ.

2. В ОМ носителей русского языка и культуры *дружба* связана с *любовью, помощью, поддержкой, верностью и доверием*. Анализируемое имя ценности репрезентируют ассоциаты, называющие субъектов *дружбы*, такие как *друзья* и *друг*.

3. В ассоциативном поле *дружба* обращают на себя внимание обширные субполя *человек* и *объединение*.

4. Ценность *дружбы* для респондентов оказалась достаточно велика и занимает третью позицию в иерархии ценностей.

5. На основании данных анализа, учитывающих возраст испытуемых, роман Э. М. Ремарка «Три товарища» является репрезентантом ценности *дружба* для всех возрастных групп респондентов, что свидетельствует об общности ОМ представителей русского этноса. Однако следует отметить также большое количество упоминаний произведения Дж. Роулинг «Гарри Поттер» в «молодежных» группах респондентов.

6. Имя ценности *дружба* ассоциативно связано с *любовью*, что формирует пару взаимосвязанных значений, которые ассоциативно определяются друг через друга.

3.2.4 Комплексный анализ имени ценности ДОБРОТА

Определения лексем *доброта* были проанализированы в 14 словарях. Во многих словарях лексема *доброта* определяется как свойство от прилагательного *добрый*. Компоненты выделенных значений были объединены в шесть общих групп.

1. **Добродетель:** Добродетель, достоинство, положительное качество характера [СРЯ XI–XVII]; Въ нравственномъ смысле означаетъ: качество, свойство доброй души [САР]; Качество, свойство доброй души [ГРОТ]; Свойство доброго [СРЯ XVIII]; Высокое достоинство души, нравственное совершенство; добродетель [СРЯ XVIII]; Делаящий добро другим, отзывчивый, а также выражающий эти качества [ШВЕДОВА].

2. **Доброжелательность:** Отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим [ЛОПАТИН]; Отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим [ШВЕДОВА]; Добродушие, кротость, незлобивость [СТОЯН]; Доброта, мягкосердечие, доброжелательность [СРЯ XVIII]; Отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим [ОЖЕГОВ]; Душевное расположение к людям, благожелательность, отзывчивость, стремление делать добро другим [КУЗНЕЦОВ]; Качество характера, заключающееся в отзывчивости, в душевном и теплом отношении к людям, в отсутствии злобы и

неприязни [БАБЕНКО]; Отзывчивость, душевное расположение к людям, стремление делать добро другим [РСС]; Постоянное сердечное расположение [ГРОТ].

3. **Доброкачественность:** Добротность, доброкачественность [СРЯ XI–XVII]; Говоря о вещах. Внутренняя изящность цену их составляющая [САР]; Доброе качество, ценность, достоинство вещей [ГРОТ]; Качество (товара, сырья, работы и т. п.) [СРЯ XVIII]; Достоинство, ценность товара, добротность [УШАКОВ]; Добротность [ЕВГЕНЬЕВА].

4. **Красота:** Красота; величие, благополучие [СРЯ XI–XVII]; в *слав.* Красота, статность, взрачность [САР]; *слав.* Красота [СРЯ XVIII].

5. **Сочувствие:** *Мн.* Доброта, сочувственное отношение к кому-л. [СРЯ XI–XVII].

6. **Украшение:** Украшения [СРЯ XI–XVII].

Семы словарных определений были отнесены к ядру и периферии с указанием числа словарей, зафиксировавших толкования (Таблица 27).

Таблица 27 – Структура значения лексемы *доброта*

Лексема <i>доброта</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Доброжелательность (9 словарей)
Периферийные компоненты	Добродетель (7 словарей)
	Доброкачественность (6 словарей)
	Красота (4 словаря)
	Сочувствие (1 словарь)
	Украшение (1 словарь)

Таким образом, единственным обобщающим значением, выделяемым в большинстве словарей, была «доброжелательность». Остальные семы выделялись только отдельными лексикографами.

Для анализа содержания и динамики значения имени ценности *доброта* в качестве психологически реального значения в ЯС были проанализированы ассоциативные словари. Из всех изученных источников искомый стимул присутствовал в трех.

Ядерные реакции из ассоциативных словарей представлены в Таблице 28: полужирным шрифтом выделены совпадающие реакции во всех словарях, курсивом – совпадения в двух из трех изданий.

Таблица 28 – Сравнение ядерных реакций в ассоциативных словарях на стимул *доброта*

Ассоциативный словарь	Ядерные реакции (количество)
РАС	<i>человеческая</i> 6; <i>мама</i> , <i>сердечная</i> 4; <i>забота</i> , <i>злость</i> , <i>людская</i> , <i>нежность</i> 3; <i>жалость</i> , <i>женщина</i> , <i>зло</i> , <i>злоба</i> , <i>качество</i> , <i>красота</i> , <i>милосердие</i> 2
ЕВРАС	<i>забота</i> 22; <i>зло</i> , <i>хорошо</i> 17; <i>душевная</i> 16; <i>злость</i> , <i>мама</i> 14; <i>души</i> 13; <i>качество</i> 12; <i>улыбка</i> 11; <i>бабушка</i> , <i>душа</i> 10; <i>милосердие</i> 9; <i>злоба</i> , <i>людей</i> , <i>тепло</i> , <i>человек</i> , <i>человеческая</i> 8; <i>любовь</i> 7
СИБАС	<i>зло</i> , <i>хорошо</i> 18; <i>забота</i> 16; <i>злость</i> 13; <i>душевная</i> , <i>души</i> , <i>качество</i> 12; <i>душа</i> 11; <i>помощь</i> , <i>честность</i> 10; <i>искренность</i> , <i>мама</i> , <i>человек</i> 8; <i>злоба</i> , <i>нежность</i> , <i>счастье</i> , <i>щедрость</i> 7

Из приведенного списка видно, что многие реакции отражают связь с субъектом: *человеческая*, *мама*, *людская*, *женщина*, *бабушка*, *людей*, *человек*. Также выделяются реакции, представляющие собой антонимы анализируемого стимула (*злость*, *жалость*, *зло*, *злоба*) и его оценку (*хорошо*). В представленных словарях присутствуют ассоциаты, именуемые, как и слово *доброта*, добродетели человека: *нежность*, *красота*, *милосердие*, *любовь*, *честность*, *искренность*, *счастье*, *щедрость*, а также несколько реакций, связанных с духовной сферой человека: *душа*, *душевная*, *души*. Совпадающими реакциями по всем словарям стали: *забота*, *зло*, *злоба*, *злость*, *качество*, *мама*, а также повторяющиеся ответы в двух словарях: *душа*, *душевная*, *души*, *милосердие*, *нежность*, *хорошо*, *человек*, *человеческая*.

Для выявления содержания имени ценности *доброта* в ОМ носителей русского языка и культуры привлечем к сравнению данные, полученные в ходе свободного АЭ. Было опрошено 444 информанта, получено 394 ответа, 50 отказов.

После обработки полученных ответов ассоциативное поле стимула *доброта* приобрело следующий вид:

ДОБРОТА: *помощь* 75; *любовь* 47; *забота* 32; *мама* 31; *семья* 30; *честность* 26; *отзывчивость* 25; *мир* 24; *милосердие*, *счастье* 23; *искренность* 22; *улыбка* 20; *дети*, *зло*, *тепло* 19; *люди*, *нежность*, *свет*, *понимание* 18; *дружба*, *душа*, *животное*, *качество* 15; *поддержка*, *сострадание* 14; *открытость*, *слабость*, *щедрость* 13; *радость*, *сердце*, *сила*, *теплота* 12; *взаимопомощь*, *дар*, *солнце*, *характер*, *человечность*, *чувство* 11; *благотворительность*, *верность*, *друг*, *прощение* 10; *великодушие*, *душевность*, *порядочность*, *простота*, *уважение* 9; *дом*, *желание*, *красота*, *ласка* 8; *благо*, *благодетель*, *гуманность*, *дела*, *мягкость*, *сочувствие*, *спокойствие*, *справедливость* 7; *благодетель*, *добродушие*, *родители*, *утро*, *черта*, *широта*, *эмпатия* 6; *бескорыстие*, *благородство*,

взаимовыручка, гуманизм, делать, милость, мода, наивность, редкость, сердечность **5**; взаимопонимание, детство, добряк, доверие, друзья, здоровье, злоба, злость, коллектив, ложь, поступки, родные, страна **4**; благодарность, близкие, бог, вера, воспитание, воспоминания, глаза, дерево, жена, легкость, личность, милота, отношения, поступок, радушие, светлый, совесть, спасет, творить, уют, хорошее, чуткость **3**; бабушка, беззлобность, бескорыстно, благодушие, богатство, везде, взаимность, внимание, внимательность, **воля**, выручка, **доброта**, дружелюбие, еда, зеленый, Земля, имущество, круглый, манера, мировоззрение, общение, пожертвование, покой, пощада, правда, природа, разговор, руки, сад, самоотверженность, самоотдача, собака, соучастие, ценность, человеколюбие, черепаха, честь, чистосердечно, чистота **2**; альтруизм, безотказность, белый, бесконечность, благородность, благость, ближний, близость, брюнеты, будущее, веселье, власть, вместе, воздух, волонтер, волонтерство, врачи, выручка, гараж, гостеприимство, греет душу, грех, дарение, девушка, действие, **деньги**, добросердие, доброта спасёт мир, долг, достоверность, духовность, ежик, жалость, женщина, жир, закон, заповедь, золото, к друзьям, к семье, кивок (головой), Клименко, книга, комфорт, котята, кошка, круто, кулаки, кухня, лапоть, легко, лицемерие, любить, любимый, мать, машина, милый, миролюбивость, мудрость, мужчина, мультяшник, мультфильмы, наказание, накопления, настроение, незнакомец, ненависть, ненастоящий, необходимость, объятия, обязательно, ответная, ответственность, отдых, отдача, откровенность, отрочество, побеждает, подарок, позитив, покупки, полезность, полное, положительное, польза, порыв, посиделки, преданность, приветливость, признание, приятно, противопоставление, проявление искренности, прямота, разочарование, реакции, решение, розовая, Русь, самолюбование, самопожертвование, сбережения, **свобода**, святое, сказка, скромность, слезы, слова, служба, смелость, смысл жизни, снисхождение, согласие, сок, состояние, сотрудничество, спасение, сплоченность, суть, **толерантность**, тщетность, умиротворение, **успех**, участие, Фунтик, христианство, цветы, церковь, часть, шанс, широко, щенки, эмоции, эмоциональность **1**.

Полученное ассоциативное поле в целях нашего исследования мы разделили на ядро и периферию. На графике «каменистой осыпи» (Рисунок 15) видно, что ядром имени ценности *доброта* являются три ассоциата.

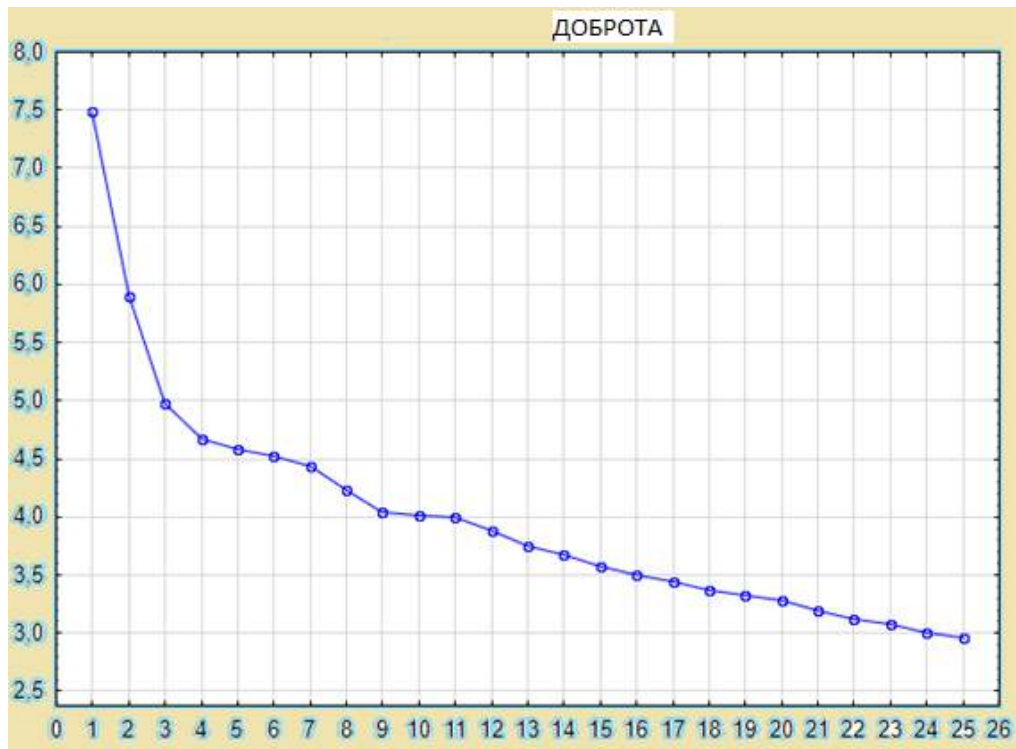

Рисунок 15 – Соотношение частоты ответов испытуемых с реакциями на стимул *доброта*

Как и для предыдущих имен ценностей, связи между ядерными и остальными реакциями в АЭ вычислялись при помощи метода сингулярного разложения. Приведем лишь часть списка и укажем силу их связей (слова представляют собой основы без грамматических формантов) (Таблица 29).

Таблица 29 – Связи реакций на стимул *доброта* в АЭ

ДОБРОТА	Коэффициенты слов при сингулярном разложении		
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3
...			
любов	0,030099	-0,087762	-0,081688
люд	0,005186	-0,003357	0,026599
мам	0,011065	-0,024528	0,080818
милосерд	0,012323	-0,000974	0,034632
милост	0,002625	0,001156	0,001635
мир	0,007256	-0,027470	0,021249
мод	0,000346	0,000534	0,000635
мягкост	0,001779	-0,005772	0,001158
наивност	0,000920	-0,000790	0,006198
нежност	0,006547	-0,016397	0,004319
отзывчив	0,014931	0,002542	0,021491
открыт	0,005373	-0,005394	-0,001223
поддержк	0,009405	0,003448	0,010939
помощ	0,086497	0,061136	-0,018481
пониман	0,008850	-0,007502	0,005344

Наибольшей силой связи обладают три самых частотных реакции (Таблица 30).

Таблица 30 – Сила связей ключевых реакций со стимулом *доброта*

ДОБРОТА	Сила связи
помощь	0,086497
любовь	-0,087762
мама	0,080818

Периферию ассоциативного поля составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Отношение между самыми частотными и единичными реакциями – 76 : 216, это говорит о том, что 36% реакций являются общепринятыми, а 64% – индивидуально-личностными.

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что вербальная репрезентация ценности *доброта* ассоциативно связана прежде всего с ассоциатом *помощь*, при этом важными оказываются ассоциаты *любовь* и *мама*. Таким образом, ассоциат *забота*, стоящий на третьем месте в списке самых частотных реакций ассоциативного поля, в ядро не вошел, поскольку программный пакет Statistica учитывает не только количественные данные, но и место, которое занимает ассоциат в цепочке ассоциатов одного респондента. Заметим, что имя ценности *дружба* также имело в качестве ядерного ассоциата реакцию *помощь*, что свидетельствует об ассоциативной близости понятий.

Сопоставим данные, полученные в ходе свободного АЭ, с реакциями, зафиксированными в ассоциативных словарях (Таблица 31).

Таблица 31 – Сопоставление реакций ассоциативных словарей на стимул *доброта* с данными свободного АЭ

	РАС	ЕВРАС	СИБАС	АЭ
1	человеческая	<i>забота</i>	зло	помощь
2	<i>мама</i>	зло	хорошо	любовь
3	сердечная	хорошо	<i>забота</i>	<i>забота</i>
4	<i>забота</i>	душевная	злость	<i>мама</i>
5	злость	злость	душевная	семья
6	людская	<i>мама</i>	души	<i>честность</i>
7	нежность	души	качество	отзывчивость
8	жалость	качество	душа	мир
9	женщина	улыбка	помощь	милосердие
10	зло	бабушка	<i>честность</i>	счастье

При сравнении данных ассоциативных словарей и результатов АЭ обнаружили следующие совпадения: всеобщей ядерной реакцией является ассоциат *забота*, также упоминаются реакции *мама* и *честность*. Обращает на себя внимание еще один факт: отсутствие антонимических реакций.

В ассоциативном поле имени ценности *доброта* обнаруживаются и другие анализируемые нами ценности: *любовь 47*; *семья 30*; *честность 26*; *мир 24*; *дружба 15*; *уважение 9*; *справедливость 7*; *воля*; *доброта 2*; *деньги*; *свобода*; *толерантность*; *успех 1*.

При анализе ассоциативного поля стимула *доброта* выявлено наличие множества *сложных соотносительных реакций*, по терминологии А. Р. Лурия [Лурия 1928]. Ученый считал, что именно в таком типе ответа респондент затрачивает максимум усилий для создания ассоциативной связи. В свободном АЭ получены следующие реакции, обладающие функциональной и причинной связью: *помощь, любовь, забота, отзывчивость, счастье, искренность, нежность, понимание, дружба, поддержка, сострадание, открытость, щедрость, взаимопомощь, человечность, благотворительность, верность, великодушие, душевность, порядочность, простота, уважение, мягкость, сочувствие, справедливость, благодеяние, добродушие, чуткость*. Это объясняется, на наш взгляд, абстрактностью самой ценности, а также ее разнообразным субъективным пониманием.

В ранжировании ценности *доброта* приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности составляет 7,46. Важность анализируемой ценности для себя лично оценивалась респондентами в диапазоне от 1 до 19, при этом стандартная девиация составила менее пяти пунктов. Ранг данной ценности в иерархии – четвертый. Большинство ответов (N=177) находится в диапазоне от 1 до 5, значительное число ответов (N=134) – в диапазоне от 6 до 10 (Таблица 32).

Таблица 32 – Ранжирование ценности *доброта*

Ранг	Ценность	Статистические данные				
		Количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
4	Доброта	408	7,46569	1,000000	19,00000	4,452181

Таким образом, можно утверждать, что для многих представителей русской культуры ценность *доброта* является важной и принята ими лично.

В опросе респондентов с целью определения литературного произведения, наиболее полно выражающего ценность *доброта*, было получено 365 ответов, 79 отказов. Большинство респондентов назвали следующие произведения: А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» **29**; М. А. Шолохов «Судьба человека» **15**; Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» **12**; Г. Троепольский «Белый Бим, Черное ухо» **11**; И. С. Тургенев «Муму» **9**; А. С. Пушкин «Капитанская дочка» **8**; А. И. Солженицын «Матренин двор» **8**; Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков» **7**; Ф. М. Достоевский «Идиот» **7**; Ш. Перро «Золушка» **7**; Л. Н. Толстой «Война и мир» **7**; Д. Киз «Цветы для Элджернона» **6**; А. И. Куприн «Чудесный доктор» **6**; Э. Портер «Поллианна» **6**; Ф. Бакман «Вторая жизнь Уве» **5**; Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание» **5**; Х. Ли «Убить пересмешника» **5**; А. П. Платонов «Юшка» **5**; В. Г. Распутин «Уроки французского» **5** (Рисунок 16).

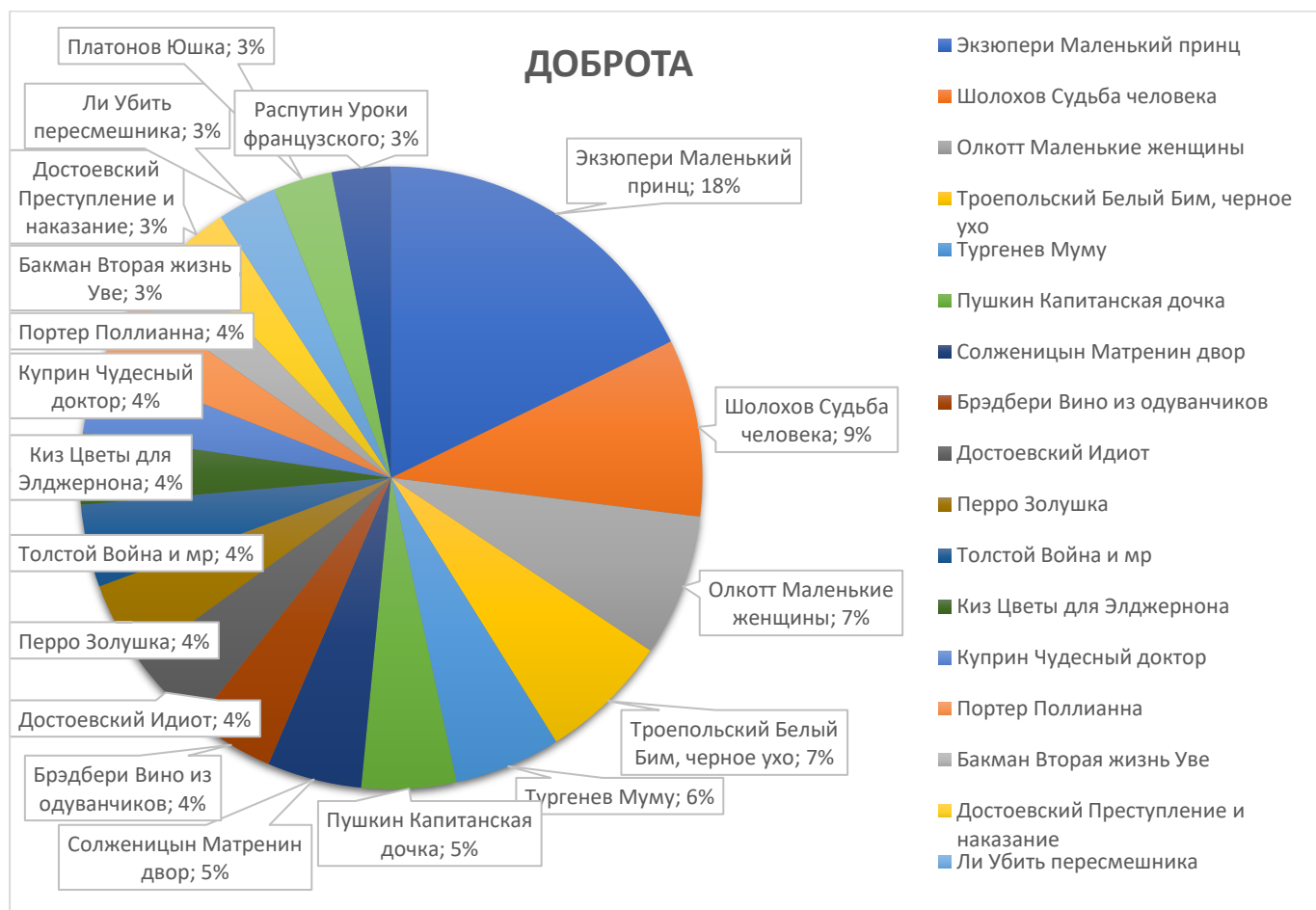

Рисунок 16 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности *доброта*

Обращает на себя внимание следующий факт: ценность *доброта* выражается посредством многих других человеческих добродетелей, таких как *сострадание* (И. С. Тургенев «Муму», А. С. Пушкин «Капитанская дочка»), *терпимость* (Д. Киз

«Цветы для Элджернона», Г. Троепольский «Белый Бим, Черное ухо»), *достоинство* (Л. Н. Толстой «Война и мир», Х. Ли «Убить пересмешника»). Это показывает не только близость анализируемых ценностей, но также и то, что вся аксиологическая сфера представляет собой систему взаимосвязанных элементов.

Как видно из диаграммы, в качестве основного произведения, отражающего ценность *доброта*, большинство респондентов (18%) назвали «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери. Следующими в списке находятся рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека» и роман Л. М. Олкотт «Маленькие женщины» (соответственно 9% и 7%). По сравнению с другими ценностями, разброс мнений по поводу книги-репрезентанта ценности *доброта* весьма высок. По нашему мнению, это объясняется множественностью проявлений доброты в жизни и разнообразным жизненным опытом участников эксперимента.

С целью выяснения возрастной специфики выбора произведения все ответы опрошенных мы разделили на три группы: 15-22 года (группа 1), 23-35 лет (группа 2) и 36-80 лет (группа 3). В группу 1 вошли 175 респондентов (144 ответа и 31 отказ), в группу 2 – 163 респондента (140 ответов и 23 отказа), в группу 3 – 106 респондентов (81 ответ и 25 отказов). Распределение произведений в соответствии с возрастной группой представлено в Таблице 33. Совпадение названных произведений во всех трех группах было отмечено полужирным курсивом, а сходство только в двух группах – простым курсивом.

Таблица 33 – Сравнительная таблица выбора литературных произведений с учетом возраста респондентов

	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1	<i>Сент-Экзюпери «Маленький принц» (12)</i>	<i>Сент-Экзюпери «Маленький принц» (13)</i>	<i>Шолохов «Судьба человека» (5)</i>
2	Распутин «Уроки французского» (11)	Олкотт «Маленькие женщины» (7)	<i>Сент-Экзюпери «Маленький принц» (4)</i>
3	Пушкин «Капитанская дочка» (7)	<i>Троепольский «Белый Бим, Черное ухо» (7)</i>	<i>Троепольский «Белый Бим, Черное ухо» (3)</i>
4	<i>Шолохов «Судьба человека» (7)</i>	Киз «Цветы для Элджернона» (5)	–

Единственным произведением, представленным во всех трех группах, стала повесть-сказка «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. Однако в самой старшей группе данное произведение не является лидером. Большинство респондентов этой возрастной категории выбрали рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека», который,

по-видимому, более близок старшему поколению, хотя необходимо отметить, что данное произведение присутствует как значимое и в молодежной группе 1.

В рассказе «Судьба человека» показана нелегкая доля простого русского человека, солдата Андрея Соколова, защищавшего свою семью, страну, Родину. Он прошел через множество испытаний (потеря семьи, немецкий плен, голод), но при этом не очерствел. Поступки Соколова свидетельствуют о доброте и широте его души. Доброта раскрывается в тексте через действия главного героя. Решение приютить бездомного мальчика-сироту – не единственный его добрый поступок. Когда Соколов попал в плен, он помог одному из заключенных, которого товарищ хотел выдать. Когда в плену немцы за проявленную храбрость дали ему хлеб и кусок сала, он разделил их с другими пленными, зная, что все одинаково голодны. Своими поступками Андрей Соколов доказывает, что доброта помогает людям справиться с тяготами и невзгодами, преодолеть все сложности. Солдат делает добро не из корыстных побуждений, его доброта искренняя. И именно доброта помогает ему обрести новый смысл жизни в усыновленном им маленьком мальчике-сироте.

Ближнюю периферию составили следующие произведения: Ф. Э. Бернетт «Маленькая принцесса»; М. Горький «Старуха Изергиль»; К. Льюис «Хроники Нарнии» 4; Н. А. Некрасов «Дед Мазай и зайцы»; А. П. Гайдар «Тимур и его команда»; О. Генри «Дары волхвов»; И. А. Гончаров «Обломов»; М. Горький «На дне»; В. Гюго «Отверженные»; М. Зусак «Книжный вор»; В. П. Катаев «Цветик-семицветик»; Дж. Роулинг «Гарри Поттер»; Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец»; Л. Н. Толстой «Детство. Отрочество. Юность»; А. П. Чехов «Вишневый сад»; Э. Э. Шмит «Оскар и розовая дама» 3; Дж. Боуэн «Уличный кот по имени Боб»; Е. Водолазкин «Лавр»; А. С. Грин «Алые паруса»; В. Гюго «Собор Парижской богородицы»; Н. Думбадзе «Я вижу солнце»; С. А. Есенин «Исповедь хулигана»; В. А. Закруткин «Матерь человеческая»; А. Иванов «Географ глобус пропил»; В. А. Каверин «Два капитана»; С. Кинг «Зеленая миля»; В. Г. Короленко «Дети подземелья»; Дж. Лондон «Белый клык»; Дж. Лондон «Зов предков»; Г. Мало «Без семьи»; «Морозко»; Н. Н. Носов «Незнайка»; А. С. Пушкин «Дубровский»; А. С. Пушкин «Няне»; У. Теккерей «Ярмарка тщеславия»; А. Н. Толстой «Детство Никиты»; Э. Успенский «Чебурашка и крокодил Гена»; Ф. Флэгг «Жареные зеленые помидоры в кафе “Полустанок”»; Ф. де Ла Мотт Фуке «Ундина»; Дж. Харрис «Шоколад» 2.

При анализе ближней периферии обращает на себя внимание тот факт, что в нее вошло множество детских и подростковых книг, таких как М. Горький «Старуха

Изергиль», Ф. Э. Бернетт «Маленькая принцесса», К. Льюис «Хроники Нарнии», Н. А. Некрасов «Дед Мазай и зайцы», А. П. Гайдар «Тимур и его команда», В. П. Катаев «Цветик-семицветик», Дж. Роулинг «Гарри Поттер», Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец», А. С. Грин «Алые паруса», В. А. Каверин «Два капитана», Г. Мало «Без семьи», Н. Н. Носов «Незнайка», Э. Успенский «Чебурашка и крокодил Гена» и некоторые другие. Объяснением этому может служить тот факт, что понятие *доброта* формируется с самого раннего детства посредством знакомства со сказками и детскими рассказами, в которых восхваляются добродетели и осуждаются пороки.

Дальняя периферия представлена в Приложении 1.

Интенциональный анализ повести-сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» показывает ситуации, на основе которых складывается индивидуальное значение имени ценности *доброта*. Полностью анализ с примерами по методике Т. М. Дридзе приведен в Приложении 2.

Основной идеей произведения является обращение автора к читателю с призывом вспомнить, что истинные ценности в жизни – это крепкие узы, любовь и дружба, чувство глубокой привязанности к другим.

«Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери – это гимн доброте и гуманности. Воплощением добра является здесь сам Маленький принц – маленький ребенок, который понимает гораздо больше взрослых. К каждому он относится с пониманием и сочувствием, бережно и с заботой обращается со всем живым, умеет любить и нести ответственность. Маленькому принцу писатель противопоставляет других персонажей, которые зачастую проводят жизнь в бессмысленных занятиях и пороках: это гордец, любящий только себя, пьяница, цель жизни которого заключается в спиртных напитках, делец с его страстным желанием обладать как можно большим количеством звезд, чтобы потом купить на них новые звезды. Все эти люди лишены нравственности. В отличие от Маленького принца, доброта им чужда, и автор высмеивает этих персонажей, нарочито показывая, что они ничего из себя не представляют и не имеют никакой значимости.

В произведении А. де Сент-Экзюпери у имени ценности *доброта* проявляются разнообразные импликации, такие как ‘помощь ближнему’, ‘зависимость’ (при приручении Лиса доброта становится уязвимостью), ‘опасность злоупотребления’, ‘гиперчувствительность’, эмпатия’ и ‘чрезмерная эмпатия’. Все эти коннотации добавляют еще более глубокое понимание сущности ценности *доброта*.

Графическая схема макроструктуры повести-сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» приведена ниже в виде схемы (Рисунок 17).

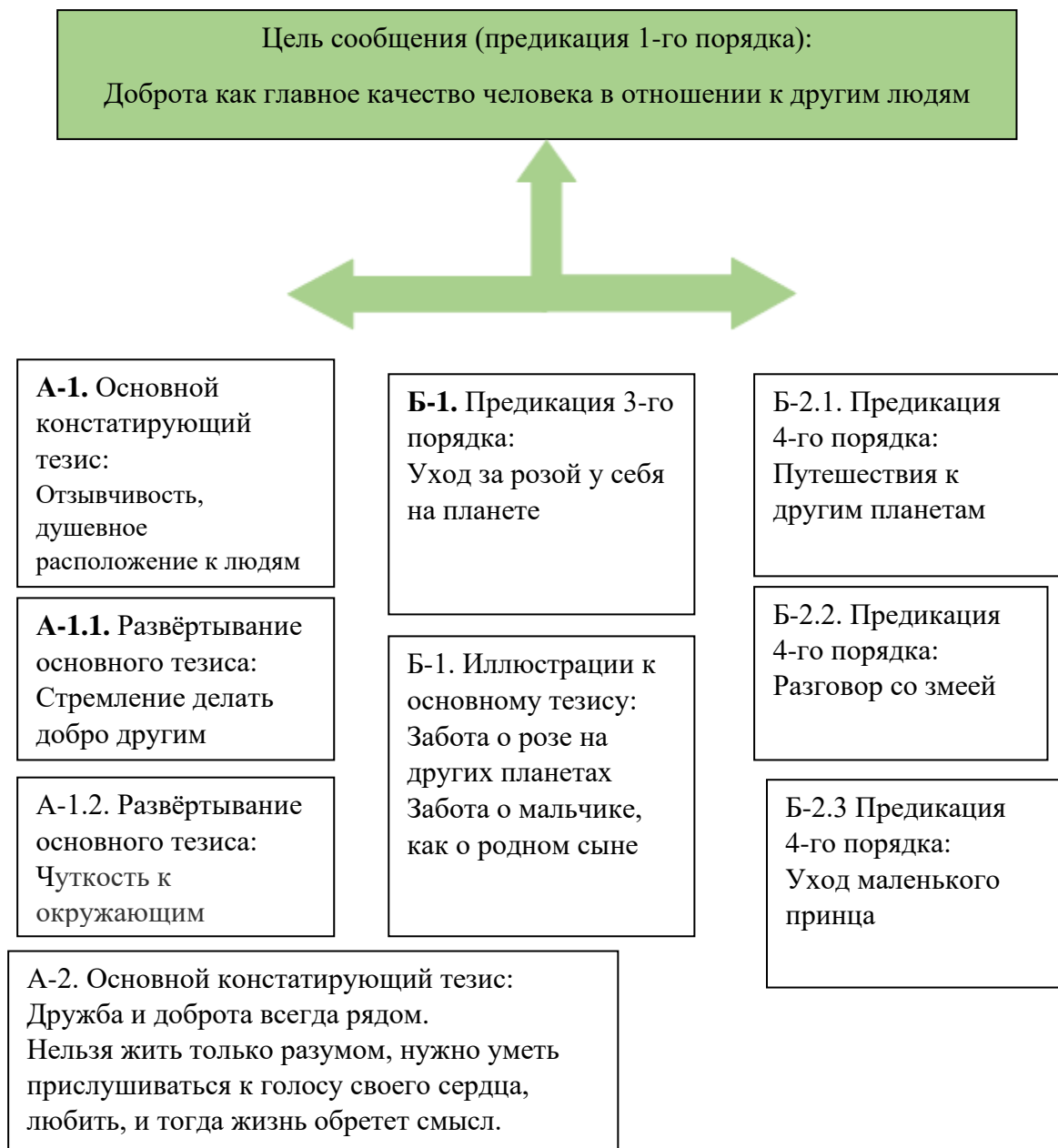

Рисунок 17. Графическая схема макроструктуры повести-сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»

На основании результатов проведенного комплексного анализа имени ценности *доброта* можно сделать следующие обобщения:

1. Лексема *доброта* представлена в словарях одной ядерной и пятью периферийными обобщенными семами значения. В рамках АЭ проявились лишь некоторые из них. Такие элементы, как *доброкачественность*, *красота*, *сочувствие* и

украшение, выявлены не были. Основной семой значения, реализованной в произведении А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», выступает *доброта* как добродетель, что также нашло отражение в выборе респондентами литературных произведений, репрезентирующих *доброту* через терпимость, сострадание и чуткость.

2. В ассоциативных словарях множество реакций на стимул *доброта* отражают связь с *субъектом*, а также *добродетели* человека. Выделяются реакции, представляющие собой антонимы анализируемого стимула.

3. В ОМ носителей русского языка и культуры вербальная репрезентация ценности *доброта* ассоциативно связана прежде всего с ассоциатом *помощь*, при этом частотными являются реакции *любовь* и *мама*.

4. Значение ценности *доброта* формируется с самого раннего детства посредством сказок, детских рассказов и повестей, о чем свидетельствует широкая представленность детских и подростковых книг, выбранных информантами в качестве репрезентантов ценности *доброта*.

5. Как свидетельствуют данные опроса, для большинства респондентов репрезентантом ценности *доброта* является повесть-сказка «Маленький принц» А. де Сент-Экзюпери. Главной идеей произведения является доброта как главное качество человека в его отношении к другим людям.

3.2.5 Комплексный анализ имени ценности СВОБОДА

Свобода является важной ценностью в ОМ человека, ведь за серьезные проступки в обществе лишают именно свободы в форме заключения в исправительные учреждения тюремного типа. В Советском энциклопедическом словаре мы находим следующее определение: свобода – «способность человека действовать в соответствии со своим интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости» [СЭС 1989: 1180]. При этом указывается на вариативный характер *свободы*: «Свобода понятие сравнительное; она может относиться до простора частного, ограниченного, к известному делу относящемуся, или к разным степеням этого простора, и наконец к полному, необузданному произволу или самовольству» [Даль 2008 URL]. Для формирования обобщенных словарных компонентов дефиниций лексемы *свобода* были проанализированы статьи, зафиксированные в 18 лексикографических источниках, среди которых были выделены следующие общие семы:

1. **Личная независимость:** Вольность, независимость, свобода [СРЯ XI–XVII]; Свободный человек [СРЯ XI–XVII]; Состояние свободного человека, личная свобода

как социальное положение [СРЯ XI–XVII]; Независимость [СТОЯН]; Независимость от чего-либо [БАС]; Личная независимость, самостоятельность, отсутствие зависимости от кого, чего-л. или связи с кем-, чем-л. мешающим, стесняющим [ЕВГЕНЬЕВА]; Возможность располагать собою по собственному усмотрению, желанию [ЕФРЕМОВА]; Возможность располагать собою по собственному усмотрению [КУЗНЕЦОВ]; Независимость от чего-л. [МОРКОВКИН].

2. Проявление воли: Возможность действовать по своей воле [СРЯ XI–XVII]; Воля [САР]; Возможность поступать по-своему, простор действию, личная воля [СТОЯН]; *В философии* – возможность проявления субъектом своей воли в условиях осознания законов развития природы и общества [БАС]; Своя воля, простор, возможность действовать по-своему [ДАЛЬ]; Возможность проявления субъектом своей воли [УШАКОВ]; *В философии:* возможность проявления субъектом своей воли в условиях осознания законов развития природы и общества [ОЖЕГОВ]; Возможность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости [ЛОПАТИН]; Способность человека действовать в соответствии со своими интересами и целями, опираясь на познание объективной необходимости [ЕВГЕНЬЕВА]; Возможность проявления субъектом своей воли в условиях осознания законов развития природы и общества (*в философии*) [ЕФРЕМОВА]; *В философии:* возможность действовать по своей воле, не причиняя вреда другим и не нарушая закон [ШВЕДОВА]; *Филос.* Возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества [КУЗНЕЦОВ]; То же, что воля [БАБЕНКО]; Социальное правило, заключающееся в возможности человека действовать в соответствии со своими интересами и целями на основе осознания законов развития природы и общества [БАБЕНКО]; Возможность беспрепятственно делать что-л., поступать по своей воле [МОРКОВКИН]; Возможность проявления субъектом своей воли в условиях осознания законов развития природы и общества [МОРКОВКИН]; Возможность беспрепятственно делать что-л., поступать по своей воле [МОРКОВКИН]; Воля [ПУШКИН].

3. Отсутствие запретов и затруднений: Отсутствие запретов, ограничений в чем-либо, возможность действовать без стеснений в какой-либо области [БАС]; Легкость, отсутствие затруднений в чем-либо [БАС]; Противупологается зависимости, порабощению [САР]; Отсутствие стеснения, неволи, подчинения чужой воле [ДАЛЬ]; Отсутствие каких-н. ограничений, стеснений в чем-н. [ОЖЕГОВ]; Отсутствие зависимости от кого-либо, возможность располагать собою по собственному усмотрению [БАС]; Возможность

действовать в какой-л. области без ограничений, запретов, беспрепятственно [ЕВГЕНЬЕВА]; Легкость, отсутствие затруднений в чем-л. [ЕВГЕНЬЕВА]; Отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению, желанию [ЕФРЕМОВА]; Отсутствие каких-н. ограничений [ЛОПАТИН]; Отсутствие каких-н. ограничений, стеснений в чем-н. [ШВЕДОВА]; Отсутствие запретов, ограничений [ЕФРЕМОВА]; Легкость, отсутствие затруднений [ЕФРЕМОВА]; Отсутствие зависимости от кого-л. [КУЗНЕЦОВ]; Возможность действовать в какой-л. области без ограничений, запретов, беспрепятственно [КУЗНЕЦОВ]; Лёгкость, отсутствие затруднений в чём-л. [КУЗНЕЦОВ]; Состояние, характеризующееся отсутствием политического и экономического гнета, отсутствием стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какого-л. класса, всего общества или его членов [БАБЕНКО]; Отсутствие зависимости от кого-л., возможность располагать собой по своему собственному усмотрению [МОРКОВКИН]; Возможность поступать в какой-л. сфере деятельности в условиях отсутствия извне накладываемых ограничений и запретов [МОРКОВКИН]; Возможность беспрепятственно действовать в какой-л. области, отсутствие каких-н. ограничений для свободного проявления чего-л. [ПУШКИН].

4. Непринуждённость: Простота, непринужденность, отсутствие натянутости (в поведении, обращении и т. п.) [БАС]; Непринужденность, отсутствие связанности [ЕВГЕНЬЕВА]; Естественность, непринужденность (в позе, движениях и т. п.) [ЕФРЕМОВА]; Простота, непринужденность, отсутствие натянутости (в поведении, обращении и т. п.) [ЕФРЕМОВА]; Непринуждённость, отсутствие связанности [КУЗНЕЦОВ]; Легкость, отсутствие натянутости [МОРКОВКИН]; Непринужденность в поведении, обращении [ПУШКИН].

5. Развязность: Излишняя непринужденность, развязность [ЕФРЕМОВА]; Излишняя непринужденность [МОРКОВКИН].

6. Отсутствие ограничений в обществе / классе / государстве: Отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественно-политической [БАС]; Государственная независимость, суверенитет [БАС]; Положение, при котором отсутствуют ограничения и стеснения, связывающие общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса или всего общества [УШАКОВ]; Возможность беспрепятственно, без стеснения и принуждения действовать в какой-н. области общественной жизни (*полит.*) [УШАКОВ]; Независимость, отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность какого-н. класса, всего общества или его членов [ОЖЕГОВ]; Отсутствие политического и

экономического гнета, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни и деятельности какого-л. класса или общества в целом [ЕВГЕНЬЕВА]; Отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественно-политической жизни и деятельности общества и его членов [ЛОПАТИН]; Отсутствие стеснений и ограничений, связывающих общественно-политическую жизнь и деятельность всего общества, отдельных его членов, какой-н. социальной группы [ШВЕДОВА]; Отсутствие политического и экономического гнета, стеснений и ограничений в общественной жизни [ЕФРЕМОВА]; Государственная независимость, суверенитет [ЕФРЕМОВА]; Отсутствие политического и экономического гнёта, отсутствие стеснений, ограничений в общественно-политической жизни общества [КУЗНЕЦОВ]; Государственная независимость, суверенитет [КУЗНЕЦОВ]; Отсутствие угнетения, несправедливых ограничений, не позволяющих государству, обществу или его членам полно и беспрепятственно осуществлять свою общественно-политическую жизнь и деятельность; Государственная или национальная независимость [МОРКОВКИН]; Положение, при котором отсутствуют ограничения, связывающие общественно-политическую жизнь отдельных слоев общества или его членов [ПУШКИН].

7. **Не в заключении:** Освобождение [СРЯ XI–XVII]; Состояние того, кто не находится в заключении, под арестом, в неволе и т. п. [БАС]; Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе, кто не лишен возможности передвигаться по собственной воле [УШАКОВ]; Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе [ОЖЕГОВ]; Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе [ЕВГЕНЬЕВА]; Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе [ЛОПАТИН]; Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе [ШВЕДОВА]; Состояние того, кто не находится в заключении, под арестом, в неволе [ЕФРЕМОВА]; Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе [КУЗНЕЦОВ]; Состояние того, кто не находится в заключении, в неволе [БАБЕНКО]; Состояние того, кто не находится под стражей, в заключении, в неволе, а также вольная жизнь в противоположность тюрьме, заключению [МОРКОВКИН]; Состояние того, кто не находится в неволе, заключении, кто не лишен возможности передвигаться по своей воле [ПУШКИН].

8. **Избавление:** Избавление (от обязанностей, болезни, мучений и т. п. [СРЯ XI–XVII]; Избавление от чего-л. стесняющего, связывающего, тяготеющего над кем-л. [ЕФРЕМОВА]; Избавление от чего-л. неприятного, стесняющего [МОРКОВКИН]; Избавление (от чего-либо стесняющего, связывающего, тяготеющего над кем-либо) [БАС].

9. **Отсутствие рабства, крепостной зависимости:** Отсутствие крепостной зависимости, рабства [ЕФРЕМОВА]; Отсутствие стеснения, неволи, рабства, подчинения чужой воле [ДАЛЬ]; Отсутствие крепостной зависимости, рабства; освобождение от крепостной зависимости, от рабства [БАС]; Отсутствие крепостной зависимости, рабства [ЕВГЕНЬЕВА]; Освобождение от крепостной зависимости, рабства [ЕФРЕМОВА]; Отсутствие крепостной зависимости, рабства [КУЗНЕЦОВ].

10. **Раздолье:** *разг.* Раздолье, простор, воля [БАС]; *разг.* Раздолье, простор, воля [ЕФРЕМОВА].

11. **Досуг:** *разг.* Не заполненное трудом, занятиями время, досуг [БАС]; Свободное, незанятое время, досуг [ЕВГЕНЬЕВА]; *разг.* Незаполненное трудом, занятиями время; досуг [ЕФРЕМОВА]; Свободное, незанятое время, досуг [КУЗНЕЦОВ].

12. **Привилегия:** Льгота, привилегия; разрешение, позволение [СРЯ XI–XVII].

13. **Наследник:** Сын, наследник [СРЯ XI–XVII].

14. **Слобода:** Поселение или группа административно связанных между собой поселений, жители которых получали различные льготы и временно освобождались от уплаты налогов и повинностей [СРЯ XI–XVII]; слобода [СРЯ XI–XVII]; Свободь, *стар.* слобода, подгородное поселенье и посад [ДАЛЬ].

15. **Без задержек:** без задержек [ДАЛЬ].

Все выделенные семы словарных определений были распределены на две группы – ядро и периферию, на основании количества упоминаний в проанализированных источниках. Структура значения лексемы *свобода* представлена в Таблице 34.

Таблица 34 – Структура значения лексемы *свобода*

Лексема <i>свобода</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Проявление воли (19 словарей) Отсутствие запретов и затруднений (19 словарей) Отсутствие ограничений в обществе / классе / государстве (14 словарей) Не в заключении (12 словарей)
Периферийные компоненты	Личная независимость (9 словарей) Непринужденность (7 словарей) Отсутствие рабства, крепостной зависимости (6 словарей) Досуг (4 словаря) Избавление (4 словаря) Слобода (3 словаря) Развязность (2 словаря) Раздолье (2 словаря)

Привилегия (1 словарь)
Наследник (1 словарь)
Без задержек (1 словарь)

В языковой КМ у лексемы *свобода* четыре ядерных значения, остальные являются опциональными, зачастую не осознаваемыми носителями русского языка.

Проведенный анализ показал, что *свобода* и *воля* являются близкими лингвоспецифичными понятиями, характеризующими русский ОМ. Об их сходствах и различиях идет речь в ряде исследований [Шмелев 2002; Степанов 2004; Гачев 1999; Топоров 1989], в которых указывается, что понятие *свобода* имеет ограничения. Оно рассматривается как жизненно необходимое для «русской души» и связано с правилами и правом, в то время как понятие *воля* соотносится с непредсказуемыми отклонениями от нормы и представляет собой ничем не ограниченную свободу. Подчеркивается, что абстрактное имя *свобода* имеет аналоги в других языках, а понятие *воля* непереводимо. Однако при обобщении словарных дефиниций эти два понятия оказываются весьма близкими друг к другу.

Для анализа структуры имени ценности *свобода* в ОМ носителей русского языка и культуры были изучены существующие ассоциативные словари. Искомый стимул присутствовал в пяти изданиях [РАС 2002; Бутакова 2012; ЕВРАС 2014; СИБАС 2014; РУДАКОВА 2011]. Необходимо отметить, что были проанализированы только ассоциативные поля слова-стимула *свобода* и не учитывались ассоциативные реакции на стимул *свободный*, поскольку считаем, что часть речи слова-стимула влияет на реакции респондентов, что доказывается, например, различными ответами респондентов на стимулы *друг* и *дружба*. В таблице приводятся лишь неединичные ответы, для того чтобы сравнить ядро реакций каждого из словарей (Таблица 35).

Таблица 35 – Сравнение ядерных реакций в ассоциативных словарях на стимул *свобода*

	РАС	БУТАКОВА	ЕВРАС	СИБАС	РУДАКОВА
1.	<i>слова</i>	<i>воля</i>	<i>слова</i>	<i>слова</i>	<i>воля</i>
2.	<i>действий</i>	<i>независимость</i>	<i>выбора</i>	<i>выбора</i>	<i>слова</i>
3.	<i>полная</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизнь</i>
4.	<i>равенство</i>	<i>полёт</i>	<i>воля</i>	<i>воля</i>	<i>ветер</i>
5.	<i>воля</i>	<i>ветер</i>	<i>счастье</i>	<i>полет</i>	<i>выбора</i>
6.	<i>счастье</i>	<i>крылья</i>	<i>независимость</i>	<i>действий</i>	<i>счастье</i>
7.	<i>выбора</i>	<i>счастье</i>	<i>равенство</i>	<i>независимость</i>	<i>тюрьма</i>
8.	<i>желанная</i>	<i>выбор</i>	<i>полет</i>	<i>слово</i>	<i>небо</i>
9.	<i>независимость</i>	<i>поле</i>	<i>слово</i>	<i>счастье</i>	<i>независимость</i>
10.	<i>попугаям</i>	<i>небо</i>	<i>тюрьма</i>	<i>выбор</i>	<i>нет ограничений</i>

Из приведенных реакций видно, что в ядре выделяются следующие ассоциаты: *воля, выбор(а), независимость, слова, счастье* (N=4), которые указывались в первом десятке самых частотных реакций в различных ассоциативных словарях, и *ветер, жизнь, небо, полет, равенство, тюрьма*, упомянутые трижды и дважды.

При сопоставлении ассоциативных реакций в словарях с ядерными значениями толковых словарей видно, что совпадают элементы *воля, независимость* и противоположное значение «не в заключении», выраженное реакцией *тюрьма*. Также необходимо подчеркнуть, что в ассоциатах присутствуют компоненты, указывающие на положительное отношение респондентов к анализируемому имени ценности *свобода*, среди которых можно назвать такие реакции, как *счастье, жизнь, ветер, небо, полет*.

Сравним данные, полученные в ходе трех серий свободных АЭ, направленных на выявление ассоциаций носителей русского языка и культуры. Было опрошено 444 информанта, получено 397 ответов и 47 отказов.

Результаты обработки ответов дают возможность представить ассоциативное поле стимула *свобода* в следующем виде:

СВОБОДА: воля 72; независимость 61; выбор 41; мир 33; небо 32; возможности 27; равенство 26; ветер, мысли 25; право 24; полет, счастье 23; братство 22; отдых, отпуск; слово 18; пол 17; природа 16; простор 15; страна 14; деньги, правда, семья, улица 13; время, демократия, пространство 12; воздух, легкость, путешествие, родина 11; дом, море, птица 10; доступность, Россия, любовь, открытие, спокойствие, стремление 8; беззаботность, действия, крылья, личное, личность, люди, ответственность, отсутствие, равноправие, разрешение, чувство 7; благополучие, вольный, конституция, освобождение, самовыражение, самостоятельность, состояние 6; выбирать, гулять, нет ограничений, освободить, песня, раздолье, тюрьма, честность 5; безграничность, вольность, граница, дружба, дух, закон, интерес, красота, летать, облака, одиночество, океан, памятник, путь, работа, радость, статуя, творчество, увольнение, успех, широта 4; анархия, вседозволенность, игра, необходимость, неограниченность, отношения, победа, поездки, позволение, поступки, реализация, сила, терпение, уважение 3; бог, верность, весы, веселье, взглядов, выходные, гармония, голубь, город, деятельность, дыхание, жизни, забота, земля, интерес, кофе, кругозор, лес, свое мнение, облегчение, общение, поведение, подъем, политическая, порыв, приволье, прогулка, развлечение, раскрепощение, растворение, революция, решение, романтизм, рост, руки, смысл, совесть, сознание, солнце, степь, суверенитет,

толерантность, уверенность, финансовая, цель, чай **2**; автономность, Актау, Америка, амнистия, барьеров, Бастилия, бег, богатство, борьба, будущее, валенки, ВВС, верховенство, ВУНЦ, выросшие дети, гласность, говорить, горы, господство, гуляния, бабушка, делать, добро, добровольность, порядочность, **доброта**, дорога, достоинство, друзья, душа, дышать, женщина, зависимость, заключение, запретов, здание, знание, идеи, идеология, идешь куда глаза глядят, иметь, иначе, индивидуальность, искренность, каникулы, карантин, клетка, КПРФ, ЛДПР, либерализм, мать, Махно, митинг, миф, молодость, надежда, наказание, наслаждение, негры, необъятность, неопределимое, несвобода, ночи, обширность, обязанностей, оковы, осторожность, печать, планы, плюрализм, свободу попугая, последствий, преследование, праздник, президент, препятствий, преследование, престиж, принуждение, принятие, природное, произвольность, промзона, пшеница, о дурман, **равенство**, радио, развитие, разврат, разгул, разнообразие, рамки, нет рамок, раскинутый, расправленные руки, расслабленность, ресторан, родители, родная, самодостаточность, свежесть, свет, свободно, свободомыслие, секс, скорость, смелость, СМИ, выбор собственных интересов, соло, социум, способность, срок, стороны, нет страха, требование, туризм, увлечение, удовольствие, улыбка, улыбочность, финансовая, флаг, хочу, царь, цена, цепи, честь, чистота, эйфория, эмоции, юг **1**.

Ассоциативное поле *свобода* в целях нашего исследования было разделено на ядро и периферию с учетом общих и отличающихся реакций респондентов. На графике «каменистой осыпи», представленном ниже (Рисунок 18), видно, что ядром исследуемого имени ценности являются три элемента, набравшие самое большое количество ответов респондентов.

Рисунок 18. Соотношение частоты ответов испытуемых с реакциями на стимул свобода

При помощи метода сингулярного разложения выясним, какие реакции являются ядерными. Самые большие числа по горизонтали и вертикали означают доминирование реакции. Здесь приводится небольшая часть списка (слова представлены в виде основ без грамматических формантов) (Таблица 36).

Таблица 36 – Связи реакций на стимул *свобода* в АЭ

СВОБОДА	Коэффициенты слов при сингулярном разложении		
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3
возможн	0,011336	-0,012886	0,015310
вол	0,074247	0,077803	-0,012726
вольн	0,003480	-0,003245	-0,004898
врем	0,001987	-0,002687	0,006026
выбор	0,020925	-0,031609	0,111407
гуля	0,001309	-0,000157	0,000347
...			
неб	0,016698	-0,010465	-0,035763
независим	0,051206	0,074247	-0,043191
ограничен	0,002352	-0,001949	0,005881

При анализе таблицы возможно выделить самые близкие ассоциативные связи элементов (Таблица 37).

Таблица 37 – Сила связи ключевых реакций со стимулом *свобода*

СВОБОДА	Сила связи
воля	0,074247
независимость	0,074247
выбор	0,111407

Таким образом, элементы *воля*, *независимость* и *выбор* являются ядерными ассоциатами в структуре имени ценности *свобода*.

Периферию имени ценности *свобода* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между частотными и единичными реакциями составляет 68 : 221. Таким образом, 31% реакций являются общепринятыми, а 69% – индивидуально-личностными.

Теперь сопоставим данные, полученные в ходе свободного АЭ, с выделенными ядерными реакциями ассоциативных словарей (Таблица 38). Совпадающие значения выделены курсивом.

Таблица 38 – Сопоставление реакций ассоциативных словарей на стимул *свобода* с данными свободного ассоциативного эксперимента

№ п/п	РАС	БУТАКОВА	ЕВРАС	СИБАС	РУДАКОВА	АЭ
1.	<i>слова</i>	<i>воля</i>	<i>слова</i>	<i>слова</i>	<i>воля</i>	<i>воля</i>
2.	<i>действий</i>	<i>независи- мость</i>	<i>выбора</i>	<i>выбора</i>	<i>слова</i>	<i>независи- мость</i>
3.	<i>полная</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизнь</i>	<i>жизнь</i>	<i>выбор</i>
4.	<i>равенство</i>	<i>полёт</i>	<i>воля</i>	<i>воля</i>	<i>ветер</i>	<i>мир</i>
5.	<i>воля</i>	<i>ветер</i>	<i>счастье</i>	<i>полет</i>	<i>выбора</i>	<i>небо</i>
6.	<i>счастье</i>	<i>крылья</i>	<i>независи- мость</i>	<i>действий</i>	<i>счастье</i>	<i>возможности</i>
7.	<i>выбора</i>	<i>счастье</i>	<i>равенство</i>	<i>независи- мость</i>	<i>тюрьма</i>	<i>равенство</i>
8.	<i>желанная</i>	<i>выбор</i>	<i>полет</i>	<i>слово</i>	<i>небо</i>	<i>ветер</i>
9.	<i>независи- мость</i>	<i>поле</i>	<i>слово</i>	<i>счастье</i>	<i>независи- мость</i>	<i>мысли</i>
10	<i>попугаям</i>	<i>небо</i>	<i>тюрьма</i>	<i>выбор</i>	<i>нет ограничений</i>	<i>право</i>

При сравнении данных ассоциативных словарей и результатов свободного АЭ наблюдается совпадение шести из десяти ядерных реакций (*воля, независимость, выбор, небо, равенство, ветер*). Ассоциаты *мир, возможности, мысли* и *право* были самыми частотными в свободном АЭ, но они не совпадают с результатами ассоциативных словарей, что, с нашей точки зрения, указывает на динамичность современного русского ОМ.

Суммируя, можно сделать вывод, что репрезентация имени ценности *свобода* ассоциативно связана прежде всего с именем ценности *воля*, важными также остаются ассоциаты *независимость* и *выбор*.

Отметим наличие в ассоциативном поле других анализируемых нами ценностей, которые присутствуют в реакциях на стимул *свобода*: *воля 72; мир 33; равенство 26; деньги, семья 13; родина 11; свобода; любовь 8; честность 5; дружба; успех 4; уважение 3; толерантность 2; доброта; равенство 1*.

В объемном ассоциативном поле стимула *свобода* широко представлены дериваты слова *воля*: *вольность, вольный, увольнение, вседозволенность, позволение, приволье, добровольность, произвольность*, что отражает один из ключевых компонентов значения лексемы *свобода*.

Кроме того, респонденты связывают имя ценности *свобода* со своей *страной* и *государственностью*, что проявляется в таких реакциях, как *конституция, страна, Родина, демократия, Россия, закон, флаг, суверенитет, президент*.

Перейдем к результатам ранжирования, в котором приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности 7,57. Ранг ценности в иерархии – 5. Стандартная девиация составила 5,18, что является вариантом нормы (Таблица 39).

Таблица 39 – Ранжирование ценности *свобода*

Ранг	ЦЕННОСТЬ	Статистические данные				
		Количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
5	Свобода	408	7,59459	1,00000	20,00000	5,180512

Можно говорить о высокой значимости такой ценности, как *свобода*, по оценкам респондентов, что подтверждается подавляющим количеством ответов в диапазоне от 1 до 5. Более 170 респондентов относят *свободу* именно к данному диапазону, что говорит о личной значимости данной ценности для русского ОМ.

Перейдем к анализу опроса респондентов с заданием указать автора и название литературного произведения, выявляющего ценность *свобода*. Было получено 366 ответов, 78 отказов. Самыми частотными стали следующие произведения: А. Н. Островский «Гроза» **25**; М. Ю. Лермонтов «Мцыри» **22**; М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита» **14**; Дж. Оруэлл «1984» **13**; Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание» **10**; Р. Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон» **9**; Дж. Керуак «В дороге» **8**; Н. В. Гоголь «Мертвые души», М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени», М. Митчелл «Унесенные ветром», А. С. Пушкин «Узник» **7**; Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту», Дж. Сэлинджер «Над пропастью во ржи» **6**; Р. Джованьоли «Спартак», К. Кизи «Над кукушкиным гнездом», Ч. Паланик «Бойцовский клуб» **5** (Рисунок 19).

На основании полученных результатов можно заключить, что более четверти (29%) опрошенных выделяют два произведения: пьесу А. Н. Островского «Гроза» (15%) и поэму М. Ю. Лермонтова «Мцыри» (12%).

Полученный список был проанализирован еще раз для того, чтобы выяснить, влияет ли возрастная специфика на выбор литературного произведения, отражающего значение ценности *свобода*. Все респонденты были разделены на три возрастные группы: группа 1 – 15-22 года (149 человек), группа 2 – 23-35 лет (129 человека), группа 3 – 36-80 лет (96 человек).

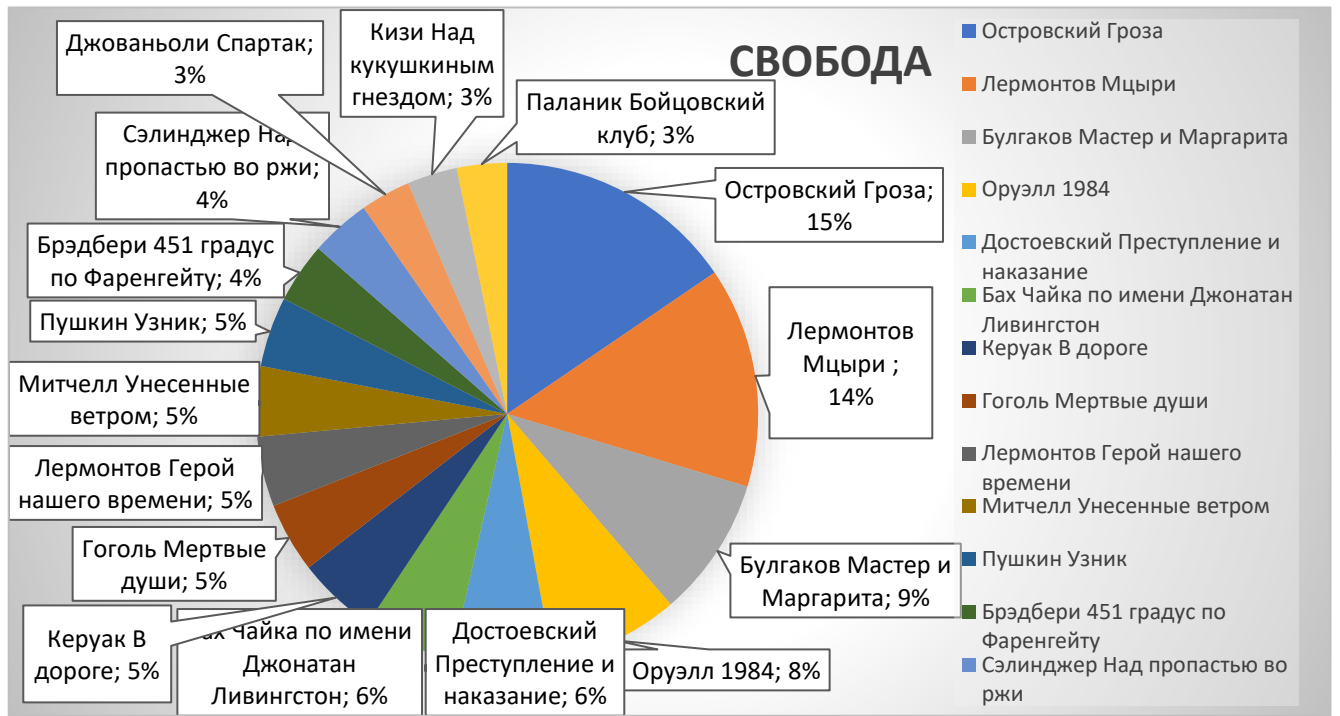

Рисунок 19 – Ядро литературных произведений, отражающих ценность *свобода*

Самые частотные произведения с учетом возрастных групп представлены в Таблице 40. Совпадение произведений во всех трех возрастных группах маркировалось полужирным курсивом, в двух группах – обычным курсивом.

Таблица 40 – Сравнительная таблица выбора литературных произведений с учетом возраста респондентов

№ п/п	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1.	<i>Островский «Гроза» (10)</i>	<i>Островский «Гроза» (10)</i>	<i>Островский «Гроза» (5)</i>
2.	<i>Лермонтов «Мцыри» (10)</i>	<i>Лермонтов «Мцыри» (9)</i>	<i>Оруэлл «1984» (5)</i>
3.	<i>Булгаков «Мастер и Маргарита» (8)</i>	<i>Достоевский «Преступление и наказание» (6)</i>	<i>Митчелл «Унесенные ветром» (4)</i>
4.	<i>Гоголь «Мертвые души» (5)</i>	<i>Брэдбери «451 градус по Фаренгейту» (5)</i>	<i>Лермонтов «Мцыри» (3)</i>
5.	<i>Достоевский «Преступление и наказание» (4)</i>	<i>Кериак «В дороге» (5)</i>	–

На основании результатов проведенного анализа отмечаем, что пьеса А. Н. Островского «Гроза» является репрезентантом ценности *свобода* для всех возрастных групп респондентов, из чего можно сделать вывод об общности ОМ представителей русского этноса всех возрастов. Еще одним частотным произведением выступает поэма М. Ю. Лермонтова «Мцыри», которая так же, как и пьеса «Гроза», входит в список обязательной для изучения литературы в средней школе. В молодежных

группах совпал также один роман Ф. М. Достоевского – «Преступление и наказание», что отнюдь не является случайностью. Каждый школьник помнит знаменитую фразу Р. Раскольникова: «Тварь я дрожащая или право имею?», – которая, как никакая другая цитата, показывает жажду освобождения должника от кровопийцы старухи-процентщицы, покушавшейся, с точки зрения главного героя, на его свободу и волю.

Оба произведения, выражающие, по мнению большинства респондентов, ценность *свободы*, тем не менее раскрывают ее по-разному.

Надо отметить, что тема *свободы* в литературе всегда была актуальной. Общеизвестно, что идея пьесы «Гроза» пришла к А. Н. Островскому во время путешествия по Волге, где он воочию наблюдал патриархальный уклад провинциальных городов Центральной России. В «Грозе» драматург раскрывает свою идею через конфликт Катерины, «луча света в темном царстве», с деспотизмом жителей Калинова. Молодая женщина единственная из всех пытается бороться с этим режимом, жертвуя своей жизнью, но взамен обретая свободу. А. Н. Островский раскрывает идею произведения при помощи множества изобразительно-выразительных средств, и одним из ключевых является символ грозы. Сначала надвигающаяся буря, ее предчувствие, что параллельно отражается в мучениях Катерины, а потом и сама буря, раскаты грома, молния и смерть молодой женщины. Катерина ассоциируется у А. Н. Островского с грозой, так как после яркой вспышки молнии, проливного дождя и оглушительного грома небо проясняется, а в воздухе разливается свежесть, то есть – сама свобода.

В романтической поэме М. Ю. Лермонтова «Мцыри» *свобода* проявляется иначе: здесь важным мотивом является не только свобода физическая, но и внутренняя свобода, свобода мысли. Герой поэмы, молодой монах по имени Мцыри, в течение нескольких дней находится на воле, вне привычных для него стен монастыря. Его свобода обретает форму любви к жизни и к Родине. Это произведение показывает близкую связь *свободы* и *воли*, что было продемонстрировано и в свободном АЭ, где реакция *воля* на стимул *свобода* была самой частотной.

Идея ценности *свобода*, реализованная в «Мастере и Маргарите» М. А. Булгакова, несет смысл духовной свободы, свободы от предрассудков, системных ограничений, осуждения окружающих. Мотив свободы в романе выражен через описания и действия двух персонажей. Это Маргарита, которая оказывается достаточно свободной от предрассудков и мнения общества, чтобы выбрать счастье с любимым человеком. Однако любви этой еще нужно добиться, не побоявшись расстаться с «золотой клеткой»

в доме своего богатого мужа. И, естественно, Иешуа Га-Ноцри, который свободен духовно и готов ради своих убеждений, веры отказаться от земной жизни.

Ближнюю периферию составил следующий список произведений: А. Дюма «Граф Монте-Кристо»; Е. Замятин «Мы»; Ф. Кафка «Процесс»; Дж. Кракауэр «В диких условиях»; А. С. Пушкин «Капитанская дочка»; А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц»; Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома»; Р. Брэдбери «Вино из одуванчиков»; Э. Л. Войнич «Овод»; Ф. К. Дик «Мечтают ли андроиды об электроовцах»; С. Коллинз «Голодные игры»; Б. Пастернак «Доктор Живаго»; Э. М. Ремарк «Ночь в Лиссабоне»; Г. Д. Робертс «Шантарам»; Л. Н. Толстой «Война и мир»; Л. Н. Толстой «Кавказский пленник» 3; Дж. Байрон «Корсар»; А. Р. Беляев «Человек-амфибия»; Э. Берджесс «Заводной апельсин»; Дж. Бойн «Лестница в небо»; П. Браун «Алое восстание»; И. В. Гете «Фауст»; Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»; М. Горький «Старуха Изергиль»; В. Гюго «Собор Парижской богоматери»; В. Demick «Nothing to Envy»; Д. Дефо «Робинзон Крузо»; Э. Донохью «Комната»; Ф. М. Достоевский «Идиот»; С. Кинг «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка»; П. Коэльо «Алхимик»; Х. Мураками «Норвежский лес»; В. Набоков «Приглашение на казнь»; Г. фон Новалис «Гейнрих фон Офтердинген»; С. Нортап «Двенадцать лет рабства»; А. С. Пушкин «К Чаадаеву»; А. С. Пушкин «Кавказский пленник»; А. Рэнд «Атлант расправил плечи»; Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада»; Э. Сетон-Томпсон «Домино»; Д. Тартт «Щегол»; М. Твен «Приключения Тома Сойера»; Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец»; И. С. Тургенев «Муму»; Э. Фромм «Бегство от свободы»; Э. Хемингуэй «Старик и море»; М. А. Шолохов «Тихий Дон» 2.

Имя ценности *свобода* в литературных произведениях проявляется как отсутствие *физических* (А. Дюма «Граф Монте-Кристо», Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», С. Кинг «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка», С. Нортап «Двенадцать лет рабства», А. С. Пушкин «Кавказский пленник») и *моральных ограничений* или *запретов* (А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц», А. Р. Беляев «Человек-амфибия», Н. В. Гоголь «Тарас Бульба», П. Коэльо «Алхимик», И. С. Тургенев «Муму», Э. Хемингуэй «Старик и море», М. А. Шолохов «Тихий Дон»), а также *проявление воли* (С. Коллинз «Голодные игры», Д. Дефо «Робинзон Крузо»).

Далее перейдем к пьесе А. Н. Островского «Гроза». Интенциональный анализ по методике Т. М. Дридзе, полностью приведенный в Приложении 2, позволяет выделить ситуации, формирующие ценность *свобода*, и показать их на примерах из текста.

Основная идея пьесы заключается в том, что жизнь невозможна без свободы, в неволе человек умирает. Главная героиня, Катерина, задавленная деспотичностью свекрови, косностью местных нравов и страдающая от неспособности мужа ее защитить, восклицает: «Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!» [Островский 1977].

Стремление к *свободе*, справедливости, правде во все времена ценилось высоко, однако стремление Катерины так и остается неудовлетворенным в силу трагичности ее жизненных обстоятельств. Главная героиня драмы Островского прекрасно понимает, что такое свобода, и хочет вырваться из-под гнета, при этом она действует, а не просто сетует на судьбу. Молодую женщину отличает именно смелость в противостоянии большинству, готовность заплатить за свое своеволие любую цену.

Графическая репрезентация интенсионального анализа пьесы А. Н. Островского «Гроза» по методике Т. М. Дридзе представлена на схеме (Рисунок 20).

Обобщая результаты проведенного комплексного анализа имени ценности *семья*, отметим следующее:

1. Лексема *свобода* представлена в словарях четырьмя ядерными и одиннадцатью периферийными компонентами значения. В АЭ проявились лишь некоторые из них. Такие элементы, как *отсутствие ограничений в обществе / классе / государстве* в ядре значения, и практически все периферийные компоненты значения выявлены не были.

2. Сопоставление ассоциативных реакций в словарях с ядерными значениями толковых словарей показало, что совпадают компоненты *проявление воли, независимость* и *тюрьма*. Также необходимо подчеркнуть, что в ассоциатах присутствуют элементы, указывающие на положительное отношение респондентов к анализируемому имени ценности *свобода*: *счастье, жизнь, ветер, небо, полет*. Таким образом, вербальная репрезентация ценности *свобода* ассоциативно связана прежде всего с именем ценности *воля*, важными также остаются ассоциаты *независимость* и *выбор*.

3. Ценность *свобода* занимает пятое место в ценностной иерархии представителей русского языка и культуры.

4. Пьеса А. Н. Островского «Гроза» является репрезентантом ценности *свобода* для всех возрастных групп респондентов, что свидетельствует об общности ОМ представителей русского этноса.

Рисунок 20. Графическая схема макроструктуры пьесы А. Н. Островского «Гроза»

3.3 Комплексный анализ ближней периферии ценностей

3.3.1 Комплексный анализ имени ценности УВАЖЕНИЕ

Для семного анализа значения лексемы *уважение* нами были проанализированы дефиниции в 11 словарях, среди них были выделены следующие обобщенные семы:

1. **Почтение на основе признания достоинств:** Чувство почтения, основанное на признании достоинств, высоких качеств кого-, чего-либо [БАС]; *Простореч.* Выражение, проявление чувства почтения к кому-либо [БАС]; Чувство почтения, отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств, заслуг, высоких качеств [УШАКОВ]; Почтительное отношение к кому-л., основанное на признании чьих-л. достоинств [ОЖЕГОВ]; Чувство, основанное на признании чьих-л. достоинств, заслуг, качеств; почтение [ЕВГЕНЬЕВА]; Отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств, заслуг [ЛОПАТИН]; Почтительное отношение, основанное на признании чьих-н. достоинств [ШВЕДОВА]; Чувство почтения, отношение, основанное на признании достоинств, высоких качеств кого-л., чего-л. [ЕФРЕМОВА]; Почтение, почтительное отношение, основанное на признании чьих-л. заслуг, качеств, достоинств и т. п. [КУЗНЕЦОВ]; Уважительное отношение к законам, порядкам, правилам, интересам и чувствам других людей и т. п. [КУЗНЕЦОВ]; Почтительное отношение к кому-л., основанное на признании чьих-л. достоинств, заслуг, качеств, достижений и т. п. [БАБЕНКО]; Доброе чувство по отношению к какому-л. человеку, какому-л. обществу, основанное на высокой оценке их качеств, действий, признании их достоинств, услуг [МОРКОВКИН]; Признание чего-л. как достоинства [МОРКОВКИН]; Чувство почтения, основанное на признании достоинств, заслуг кого-л., почтительное отношение к кому-н. [ПУШКИН].

2. **Пристрастие:** *простореч.* Любовь, пристрастие к чему-либо [БАС]; *перен. разг.-сниж.* Любовь, пристрастие к чему-л. [ЕФРЕМОВА].

3. **Обоснование:** *обычно мн. устар.* Обоснования, мотивы чего-либо, соображения о чем-либо [БАС].

4. **Уступка:** *прост.* Снисхождение, уступка, поблажка [ЕВГЕНЬЕВА].

5. **Высокая оценка:** Признание важности, значимости, ценности чего-л.; высокая оценка чего-л. [ЕФРЕМОВА]; Высокая оценка чего-л., основанная на признании важности, значимости, ценности чего-л. [МОРКОВКИН].

6. **Предупредительность:** Внимание, предупредительность по отношению к кому-чему-л. [МОРКОВКИН].

Далее все обобщенные семы словарных определений были разделены на две части – ядро и периферию, на основании количества словарей, выделивших компоненты значения. Структура значения лексемы *уважение* представлена в Таблице 41.

Таблица 41 – Структура значения лексемы *уважение*

Лексема <i>уважение</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Почтение на основе признания достоинств (14 словарей)
Периферийные компоненты	Высокая оценка (2 словаря) Пристрастие (2 словаря) Уступка (1 словарь) Обоснование (1 словарь) Предупредительность (1 словарь)

Из сводной таблицы видно, что ядерное значение у лексемы *уважение* только одно, остальные пять являются опциональными.

С целью анализа и выявления динамики имени ценности *уважение* в ЯС носителей русского языка были изучены ассоциативные словари. Искомый стимул присутствовал только в одном словаре [РАС 2002]. Важно подчеркнуть, что и в толковых, и в ассоциативных словарях анализировалось только существительное *уважение*, тогда как однокоренной глагол не принимался во внимание.

Итак, основными реакциями на заданный стимул в Русском ассоциативном словаре были следующие: *к старшим 18, к себе 6, к людям 4, товарищей 3, к родителям, к товарищу, людей, мам, нет, неуважение, старик, старший, старших, человека 2* [РАС]. Как свидетельствуют полученные результаты, *уважение* проявляется преимущественно как антропологическая характеристика.

Сравним данные Русского ассоциативного словаря с результатами свободного ассоциативного эксперимента, в котором приняли участие 444 респондента (387 ответов, 57 отказов).

После обработки результатов ассоциативное поле имени ценности *уважение* приобрело следующий вид:

УВАЖЕНИЕ: старшие **43**; авторитет **42**; семья **32**; доброта **31**; понимание; родители; труд **30**; дружба; заслуга **27**; признание **26**; почет **25**; работа **22**; успех **21**; достоинство, статус **20**; возраст, гордость **18**; вежливость, почтение, респект **17**; воспитание **16**; деньги, старость **15**; доверие **14**; порядочность, почитание **13**; любовь **12**; важность, достижение, друзей, качество, помощь, честь **11**; благодарность, ветеран, общество **10**; друг, честность **9**; взрослые, личность, отношение, поступки, стремление,

уважаемый, цель, этикет **8**; отец, слава **7**; внимание, коллектив, люди, почести, верность, восхищение, знания, начальник, поддержка, преклонение, радость, сила, удача, учитель **5**; взаимность, дух, престиж, пример, **равенство**, терпимость, уважительный, ум, ценность, чувство **4**; благородство, взаимопонимание, время, дела, дети, долг, должность, женщина, интерес, множество, необходимость, открытость, **родина**, сотрудничество, субординация, терпение, **толерантность**, требовательность, уверенность **3**; к ближнему, бог, важный, власть, **воля**, герой, действие, достойно, желание, заслуженность, защита, звание, искренность, карьера, коллеги, лидер, мама, мнение, мудрость, народ, нравственность, общение, опыт, ответственность, победа, подчинение, почтительность, принцип, приятно, развитие, результат, рост, самосознание, **свобода**, сложность, совесть, супруга, счастье, трудолюбие, уважение, уверенность в себе, умение, упорство, уровень, хочет **2**; авторитет, алкаш, армия, безвозмездность, беречь, бизнес, благополучие, благородность, близкие, богатство, босс, бумеранг, введение, века, величие, вера, вертикаль, вечность, взаимовыручка, взаимопомощь, взгляд, вкус, внимать, водка, война, волевой, восприятие, востребованность, вселенная, выигрыш, высоко, гармония, глава, господство, границы, бабушка, добиваться, доброжелательность, довольный, дом, достаток, достигнутый, драка, желание быть похожим, железо, жена, заинтересованность, заработать, заслужить, значимость, зрелость, имидж, исключительность, камень, к ветеранам колено, **коллективизм**, командир, компетентность, круто, кумир, лицемерие, ложь, любовь к своему делу, мало, мастерство, мерило XXI века, **мир**, мотивация, мудрый, навыки, наследство, начальство, не для всех, невольное, неизмеримость, неопределенность, обдумывание, обожание, орация, ожидание, оплата, оплачиваемость, орден, отвага, ответственность, отдых, отдача, отзывчивость, оценивать, палка, память, папа, **патриотизм**, переключатель, перспектива, планы, поведение, поддержание, пожилые, позитив, позиция, поклон, покорение, положение, положительный, помогать, популярность, потерять, похвала, правда, правдивость, правильность, правота, преданность, предки, преодоление, привет, принятие, природа, приятие, продвижение, проявление, равноправие, различать, разум, расположение, рвение, ребенок, репутация, родные, рукопожатие, самовыражение, самоутверждение, светлый, симпатия, слова, сложно, случайность, соблюдение, собранность, согласность, солидность, сохранить, **справедливость**, спрос, СССР, старание, старики, стол, страх, ступень, сугубо расплывчатая вещь, тепло, тишина, традиции, требование, тренер, триумф, тщеславие, тяжесть, уага, удовлетворение, улучшение, упертость, учеба, ученики, хвала, хрупкость, целеустремленность, цельность, эмоции **1**.

Сформированное ассоциативное поле в целях нашего исследования мы разделим на ядро и периферию, которые позволяют составить представление об обобщенном ОМ носителей русского языка и культуры. На графике «каменистой осыпи», представленном ниже (Рисунок 21), видно, что ядром исследуемого имени ценности *уважение* являются четыре элемента, набравшие самое большое количество ответов респондентов.

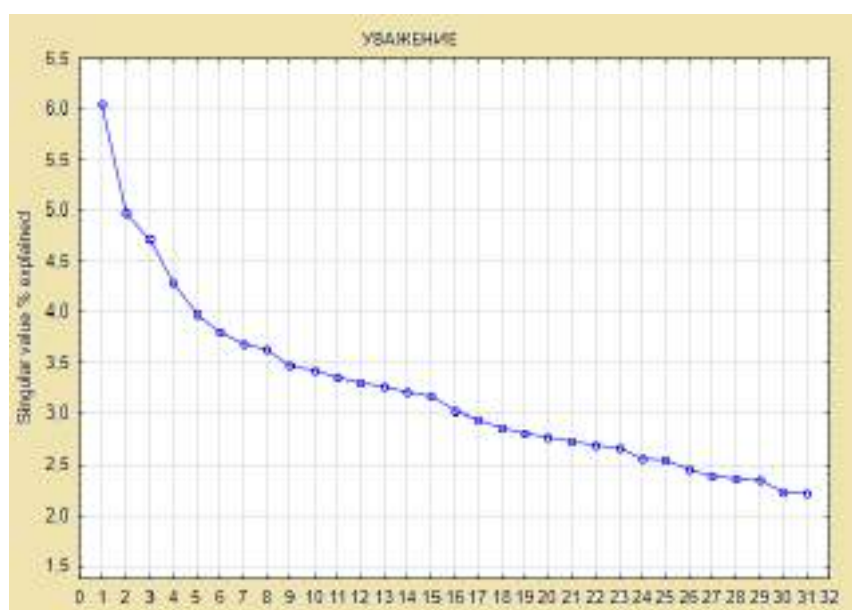

Рисунок 21. Соотношение частоты ответов испытуемых реакция на стимул *уважение*

Проанализируем при помощи метода сингулярного разложения, с какими реакциями ключевые слова находятся в тесной связи. Приведем лишь небольшую часть списка, представив слова в виде основ без грамматических формантов (Таблица 42).

Таблица 42 – Связи реакций на стимул *уважение* в АЭ

УВАЖЕНИЕ	Сингулярное разложение (коэффициенты)			
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3	Концепт 4
старш	0,059663	-0,054505	-0,029303	0,055067
авторитет	0,032074	0,104060	0,000624	0,035672
благодарн	0,001186	0,000428	-0,000336	-0,000546
...				
респект	0,006675	-0,003541	-0,003145	-0,004758
родител	0,022069	-0,012193	-0,001737	0,076307
сем	0,022118	-0,012272	0,088457	0,019883
...				
товарищ	0,001135	0,001622	0,002019	0,003699
труд	0,013152	-0,008150	0,089063	-0,012714

Проведенный анализ представленных данных позволяет выделить самые близкие ассоциативные связи элементов (Таблица 43). Таким образом, ядерными компонентами ассоциативного поля *уважение* являются следующие: *старшие, авторитет, труд и родители*. Два последних ядерных элемента не являются самыми частотными в ассоциативном поле, однако именно они составляют ядро имени ценности *уважение*, поскольку программный пакет *Statistica* учитывает не только количество ответов респондентов, но и место (то есть значимость) реакций в цепочке ответов.

Таблица 43 – Сила связи ключевых реакций со стимулом *уважение*

УВАЖЕНИЕ	Сила связи
старшие	0,059663
авторитет	0,104060
труд	0,089063
родители	0,076307

Таким образом, вербальная репрезентация ценности *уважение* ассоциативно связана прежде всего с ассоциатом *старшие*, значимыми также остаются реакции *авторитет, семья и доброта*.

Периферию имени ценности *уважение* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между самыми частотными и единичными составляет 62 : 258. Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что 24% реакций являются общепринятыми, а 76% – индивидуально-личностными.

Важно акцентировать внимание на упоминании в ассоциативном поле других анализируемых нами ценностей, которые присутствуют в реакциях на стимул *уважение*: *семья 32; доброта 31; труд 30; дружба 26; успех 21; деньги 15; любовь 12; равенство 4; родина; толерантность; воля; свобода; коллективизм; мир; патриотизм; справедливость 1* – и входят в систему ценностей ОМ русского этноса.

Так же, как и в ассоциативном словаре, в серии свободных АЭ ярко проявляется антропологическая характеристика *уважения*, выраженная в таких реакциях, как *старшие 43; семья 32; родители 30; друзей 11; ветеран 10, друг 9; взрослые; личность 8; отец 7; люди; начальник; учитель 5; дети; женщина 3; к близкому; герой; коллеги; лидер; народ; супруга 2; алкаш; близкие; босс; к ветеранам; глава; бабушка; жена; командир; кумир; начальство; папа; пожилые; предки; ребенок; родные; старики; тренер; ученики 1*.

Кроме того, обобщенное ядерное значение «почтение на основе признания достоинств» репрезентировано в ассоциативном поле в следующих реакциях: *понимание 30*; *заслуга 27*; *признание 26*; *почет 25*; *почтение 17*; *почитание 13*; *почести, преклонение 5*; *заслуженность, почтительность, мастерство 1*.

В исследовании на ранжирование ценности *уважение* приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности 8,51. Ранг ценности в иерархии – 7. Стандартная девиация составила 4,6, что соответствует норме (Таблица 44).

Таблица 44 – Ранжирование ценности *уважение*

Ранг	ЦЕННОСТЬ	Статистические данные				
		Количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
7	Уважение	408	8,51716	1,000000	20,00000	4,646702

На основе полученных данных можно констатировать, что ценность *уважение* является важной для русского ОМ, что говорит о ее значимости и личностном принятии носителями русского языка и культуры.

Перейдем к результатам опроса респондентов с целью выявления произведений, репрезентирующих, с их точки зрения, различные ценности. Для ценности *уважение* было получено 287 ответов, 157 отказов. Самыми частотными произведениями стали следующие: И. С. Тургенев «Отцы и дети» **32**, А. С. Пушкин «Капитанская дочка» **12**; М. Пьюзо «Крестный отец» **10**; М. А. Булгаков «Собачье сердце»; Д. Карнеги «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей»; Г. Троепольский «Белый Бим Черное ухо» **7**; Дж. Остин «Гордость и предубеждение» **6**; А. П. Гайдар «Тимур и его команда»; М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»; Л. Н. Толстой «Война и мир»; Ф. С. Фицджеральд «Великий Гэтсби» **5**.

Самые частотные ответы формируют ядро произведений, репрезентирующих, с точки зрения опрошенных, имя ценности *уважение*. Данные представлены на диаграмме (Рисунок 22).

Анализ самых частотных произведений, упоминаемых респондентами, позволяет сделать вывод о том, что для большинства опрошенных основным репрезентантом имени ценности *уважение* выступает роман И. С. Тургенева «Отцы и дети». Поскольку данное произведение составляет почти половину от общего количества книг, упомянутых не менее чем пять раз, считаем нецелесообразным выявлять возрастную специфику выбора данного романа. Очевидно, что для всех возрастных групп именно роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» репрезентирует ценность *уважение*.

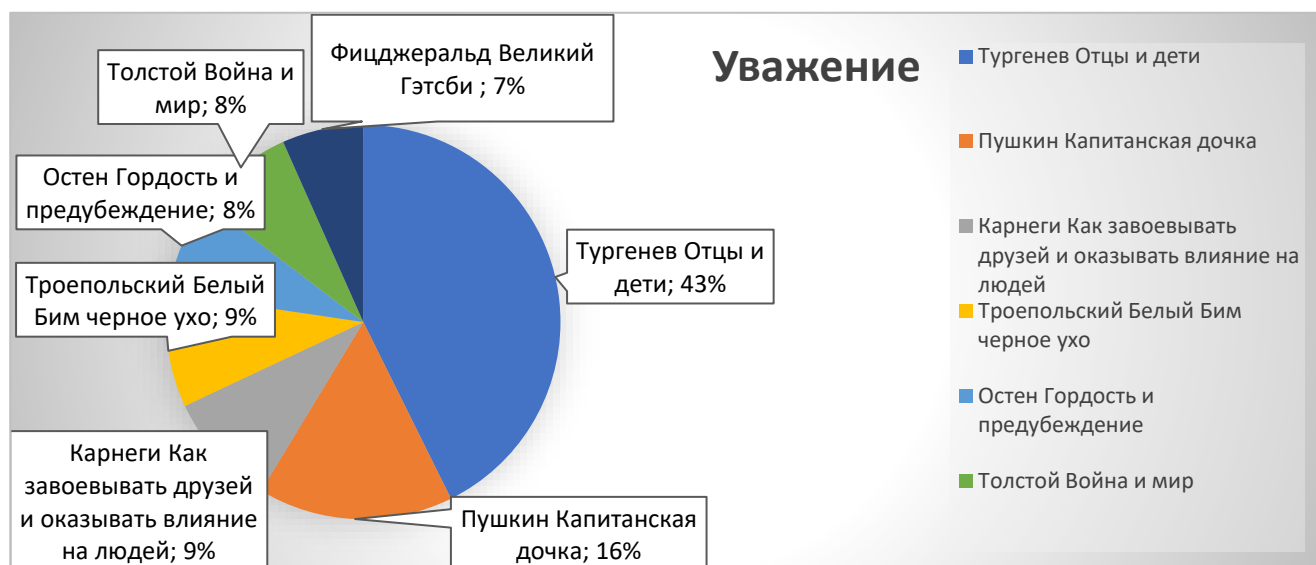

Рисунок 22 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности *уважение*

Ближнюю периферию составили следующие произведения: А. К. Дойл «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»; Б. Н. Полевой «Повесть о настоящем человеке»; А. С. Пушкин «Дубровский»; А. С. Пушкин «Станционный смотритель»; Л. Н. Толстой «Анна Каренина» **4**; Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»; А. С. Грибоедов «Горе от ума»; В. Гюго «Отверженные»; Т. Драйзер «Стоик»; К. Кизи «Над кукушкиным гнездом»; Дж. Лондон «Мартин Иден»; А. Н. Островский «Бесприданница»; В. Распутин «Уроки французского»; А. П. Чехов «Смерть чиновника»; Б. Шоу «Моя прекрасная леди»; О. Уайлд «Портрет Дориана Грея» **3**; С. Аксаков «Аленький цветочек»; И. А. Бунин «Господин из Сан-Франциско»; О. Генри «Вождь краснокожих»; М. Горький «На дне»; А. Дюма «Королева Марго»; Н. М. Карамзин «Бедная Лиза»; Л. А. Кассиль «У школьной доски»; В. П. Катаев «Сын полка»; С. Кинг «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка»; С. Лем «Солярис»; М. Ю. Лермонтов «Мцыри»; А. С. Макаренко «Педагогическая поэма»; С. Михалков «Дядя Степа»; А. Н. Островский «Бесприданница»; А. П. Платонов «Юшка»;

Ф. Стендаль «Красное и черное»; Л. Н. Толстой «Детство. Отрочество. Юность»; Дж. Уайт «Мемориал»; Н. Г. Чернышевский «Что делать?»; А. Шамиссо «Удивительная история Петера Шлемиля»; М. А. Шолохов «Они сражались за Родину»; М. А. Шолохов «Судьба человека»; А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» 2.

Дальняя периферия представлена в Приложении 1.

Важно отметить, что в списке ближней и дальней периферии упомянуто несколько произведений, не относящихся к художественной литературе: например, книга Д. Вальдшмидта «Будь лучшей версией себя», представляющая собой сборник рассказов обычных людей, достигших каких-либо успехов, и сама книга выступает своеобразным мотиватором и катализатором личностного роста; кинофильм «Вселенная Стивена Хокинга» о нелегкой судьбе выдающегося ученого; автобиография первого летчика Ю. А. Гагарина «Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР»; музыкальное произведение – гимн России и СССР, вызывающий, по-видимому, чувство глубокого почтения к своей стране; опубликованные дневники и беседы доктора Лизы Глинки «Я всегда на стороне слабого»; стихотворение С. Михалкова и одноименный мультипликационный фильм «Дядя Степа» и некоторые другие.

Обширная периферия позволяет сделать вывод об индивидуальных особенностях имени ценности *уважение* в представлении респондентов.

Перейдем к мотивационно-целевому анализу имени ценности *уважение*, иллюстрирующему ситуации, на основании которых читатели выбрали данное произведение в качестве репрезентанта ценности. Имя ценности *уважение*, по результатам мотивационно-целевого анализа романа И. С. Тургенева «Отцы и дети», проявляется за счет дихотомии «уважение – неуважение / презрение» в контексте проблемы разрыва поколений через описание поступков и мыслей героев, находящихся в противоборстве друг с другом. Действие романа происходит в середине XIX века, то есть в период, который ознаменовался борьбой старшего и молодого поколений, крушения старых идеалов и рождения новых. Бережное отношение к старшему поколению, даже несмотря на их ошибки и заблуждения, и желание принять и понять их позицию воспринимается читателями как проявление уважения. Интенциональный анализ произведения И. С. Тургенева «Отцы и дети» по методике Т. М. Дридзе приведен в Приложении 2.

Графическая схема макроструктуры романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» представлена ниже (Рисунок 23).

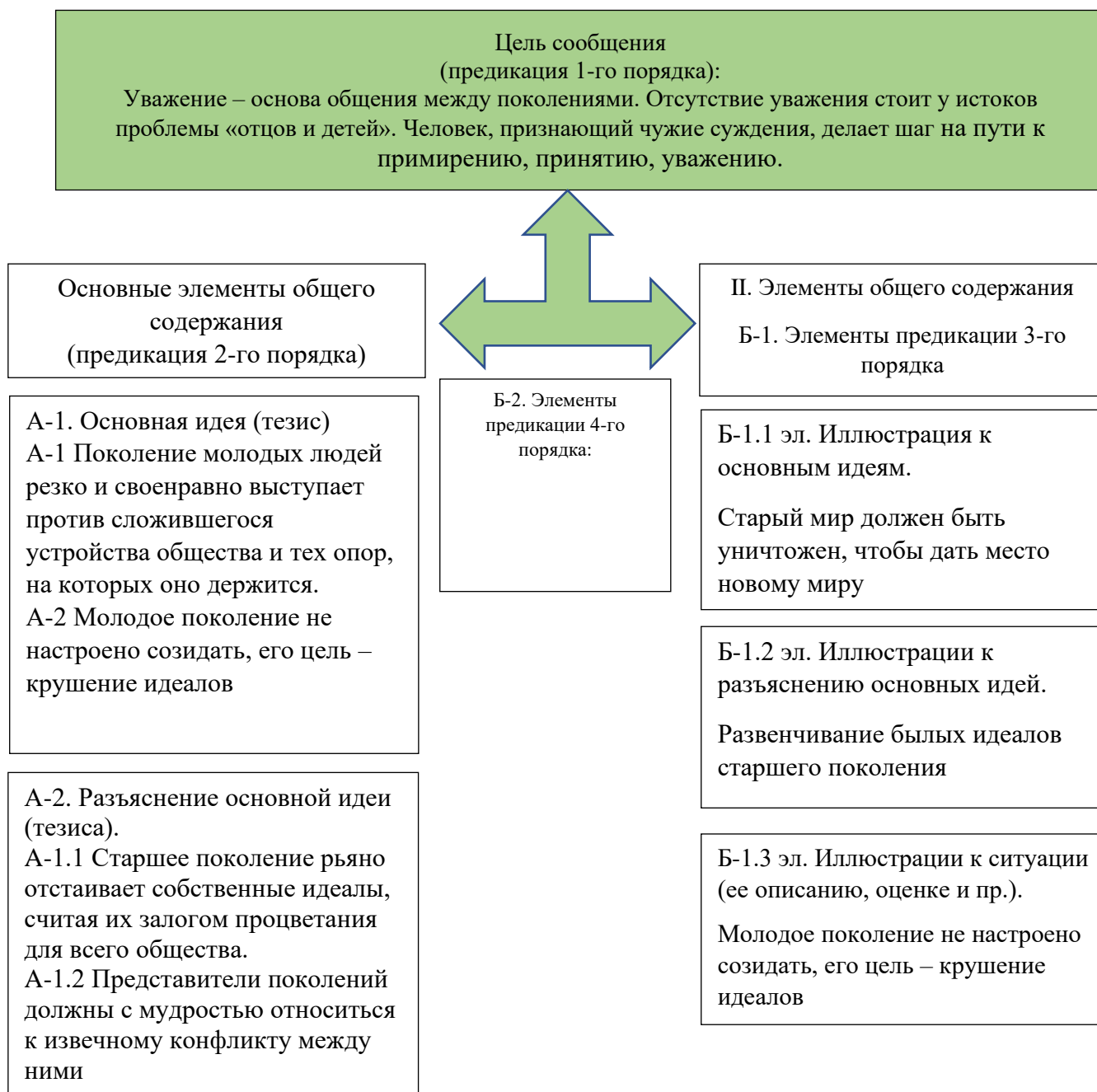

Рисунок 23 – Графическая схема макроструктуры романа И. С. Тургенева «Отцы и дети»

Подводя краткий итог комплексного анализа имени ценности *уважение*, можно отметить следующее:

1. Лексема *уважение* представлена в толковых словарях одним ядерным и шестью периферийными компонентами значения.
2. Ни один из периферийных элементов, выявленных в толковых словарях (*высокая оценка, пристрастие, уступка, обоснование, отношение к чему-либо, предупредительность*), не проявился в свободном АЭ.
3. Как в ассоциативном словаре, так и в АЭ реакции *к старшим / старшие* являются доминирующими. Важными также остаются ассоциаты *авторитет, семья,*

родители, труд и доброта, не выявленные в ядре словарных компонентов. В романе И. С. Тургенева «Отцы и дети» данные значения играют большую роль.

4. Ценность *уважение* занимает седьмое место в ценностной иерархии носителей русского языка и культуры.

5. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети» является репрезентантом ценности *уважение* для всех возрастных групп респондентов, что свидетельствует об общности ОМ носителей русского языка и культуры. Основной идеей произведения является осознание *уважения* как основы общения между поколениями. Его отсутствие лежит в основе проблемы «отцов и детей». Человек, признающий чужие суждения, делает шаг на пути к примирению, принятию и уважению.

3.3.2. Комплексный анализ имени ценности ВОЛЯ

Дефиниции лексемы *воля* были проанализированы в 22 толковых словарях, среди них были выделены следующие обобщенные семы:

1. **Решение, намерение, желание, стремление, требование, упорство:** Желание, хотение [СРЯ XI–XVII]; Желание, хотение [САР]; Желание, хотение [СРЯ XVIII]; Желание, требование, одна из основных способностей души, состоящая в хотении или желании ч.-л. [ГРОТ]; Сознательное стремление к избранной, намеченной цели, упорство, настойчивость в деятельности [БАС]; Желанье, стремление, хотенье, похоть, хоть, вожделение [ДАЛЬ]; Желание, требование [УШАКОВ]; Пожелание, требование [ОЖЕГОВ]; Желание, хотение, требование, сознательное стремление к осуществлению чего-л.; упорство, настойчивость в достижении чего-л. [ЕВГЕНЬЕВА]; Пожелание, требование [ЛОПАТИН]; Пожелание, требование [ШВЕДОВА]; Сознательное стремление к осуществлению чего-л., упорство, настойчивость в достижении чего-л.; желание, требование [КУЗНЕЦОВ]; Чувство сознательного стремления к осуществлению чего-л., способность добиваться поставленных целей, упорство, настойчивость в достижении чего-л. [БАБЕНКО]; Сознательное стремление к осуществлению или к достижению поставленной цели; упорство, настойчивость, желание, требование [ЕФРЕМОВА]; Желание, стремление к цели [АПРЕСЯН]; Способность добиваться осуществления поставленных перед собой целей [МОРКОВКИН]; Желание, требование [БАС].

2. **Вольность, свобода от крепостной зависимости, рабства, тюрьмы:** Свобода от крепостной зависимости, рабства. То же, что вольность [СРЯ XVIII]; Свобода от рабства, от крепостного состояния [ДАЛЬ]; Свобода, независимость;

состояние, противоположное рабству, неволе (*книжн. устар., обл.*). [УШАКОВ]; *прост. устар.* Освобождение крестьян от крепостной зависимости, свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти [ЕВГЕНЬЕВА]; Свободное состояние, не в тюрьме, не взаперти [ШВЕДОВА]; Состояние человека, находящегося на свободе, не в тюрьме [ЕФРЕМОВА].

3. **Власть, право, возможность распоряжаться:** Власть, право [СРЯ XI–XVII]; Власть над кем-л., право распоряжаться кем-, чем-л. [СРЯ XVIII]; Власть, возможность распоряжаться [ОЖЕГОВ]; Власть, возможность распоряжаться [ЛОПАТИН]; Власть, возможность распоряжаться [ШВЕДОВА]; Власть, право распоряжаться по своему усмотрению [ЕВГЕНЬЕВА]; *разг.* Возможность и право поступать, распоряжаться кем-, чем-л. по своему усмотрению, в соответствии со своим желанием [КУЗНЕЦОВ]; *разг.* Право и возможность поступать, распоряжаться кем-, чем-л. по своему усмотрению [БАБЕНКО]; Власть, возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л. [ЕФРЕМОВА]; *уходящ.* Власть [АПРЕСЯН]; Право и возможность повелевать, распоряжаться действиями, поведением кого-л. [МОРКОВКИН].

4. **Свобода, независимость, отсутствие принуждения, запретов, стеснения:** Независимость, свобода действий [СРЯ XI–XVII]; Свобода, отсутствие всякого стеснения или принуждения [ГРОТ]; Свобода, независимость, простор [СТОЯН]; Независимость, свобода, не подвластность, простор в действиях [ДАЛЬ]; Полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях или поступках (*разг.*). [УШАКОВ]; Свобода в проявлении чего-н., состояние, характеризующееся отсутствием стеснений, ограничений; свобода [ЕВГЕНЬЕВА]; Свобода [ЛОПАТИН]; Свобода в проявлении чего-н. [ШВЕДОВА]; *трад.-нар.* Отсутствие зависимости от кого-, чего-л., возможность располагать собою по собственному усмотрению, без отчёта кому бы то ни было; Свобода от внутренней связи с кем-, чем-либо [КУЗНЕЦОВ]; Свобода, независимость [ЕФРЕМОВА]; *разг.* Полная, ничем не сдерживаемая свобода в проявлении чувств, в действиях и поступках [ЕФРЕМОВА]; *уходящ.* Свобода [АПРЕСЯН]; Свобода, независимость [БАС].

5. **Способность управлять своими действиями, поведением, основная психическая функция:** Способность человека управлять своими действиями и поступками [СРЯ XI–XVII]; Способность, или сила душевная избирать что-л. [САР]; Одна из основных способностей души, состоящая в хотении или желании ч.-л., возможность свободного решения поступить так или иначе, область душевных явлений, при которых представление переходит в действие, обнаружение способности воли

вообще или в каждом отдельном случае [ГРОТ]; Одна из сторон человеческой психики («сила души», по представлениям XVIII в.): способность выбрать цель и добиваться ее осуществления [СРЯ XVIII]; Способность хотения [СТОЯН]; Одна из функций человеческой психики, выражающаяся прежде всего во власти над собой, управлении своими действиями, сознательном регулировании своего поведения [БАС]; Вся нравственная половина человеческого духа, противополож. умственная, разум [ДАЛЬ]; Одна из основных психических способностей, выражающаяся в действиях и поступках [УШАКОВ]; Способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели [ОЖЕГОВ]; Одно из свойств человеческой психики, выражающееся в способности добиваться осуществления поставленных перед собой целей, осуществления стремлений [ЕВГЕНЬЕВА]; Способность к внутренним усилиям, необходимым для осуществления поставленных перед собой целей [ЛОПАТИН]; Способность осуществлять свои желания, поставленные перед собой цели [ШВЕДОВА]; Способность человека сознательно контролировать своё поведение, владеть собой, управлять своими действиями, преодолевать трудности в достижении поставленных целей [КУЗНЕЦОВ]; Одна из основных психических способностей человека, заключающаяся в сознательном регулировании своего поведения, управлении своими поступками [ЕФРЕМОВА]; Способность добиваться цели [АПРЕСЯН]; Психическая способность человека сознательно регулировать свое поведение, управлять своими действиями, направленными к достижению поставленной цели [БАС]; Способность добиваться осуществления поставленных перед собой целей, противостоять обстоятельствам, самостоятельно определять свое поведение [МОРКОВКИН].

6. **Злоупотребление воли, произвол:** Злоупотребление воли, произвол [ГРОТ]; Данный человеку произвол действия [ДАЛЬ].

7. **Своеволие, необузданность:** Своеволие, необузданность [САР].

8. **Переход представления в действие:** Область душевных явлений, при которых представление переходит в действие [ГРОТ].

9. **Позволение, согласие:** Усмотрение, изволение; позволение, согласие [СРЯ XVIII].

10. **Взятки:** фр. *vole. карт.* Все взятки [СРЯ XVIII].

11. **Простор, раздолье, на свежем воздухе:** На волю, на воле (*устар. и прост.*) на свежий воздух, на свежем воздухе [ЕВГЕНЬЕВА]; Простор, раздолье (*перен.*) [ЕФРЕМОВА]; *разг.* Простор, раздолье [БАС].

После анализа словарей, фиксирующих толкования лексемы *воля*, все обобщенные семы были отнесены к ядру и периферии. Структура значения анализируемой лексемы представлена в Таблице 45.

Таблица 45 – Компоненты значения лексемы *воля*

Имя ценности <i>воля</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Способность управлять своими действиями, поведением, основная психическая функция (17 словарей).
	Решение, намерение, желание, стремление, требование, упорство (16 словарей).
	Свобода, независимость (12 словарей).
	Власть, право, возможность распоряжаться (11 словарей).
Периферийные компоненты	Вольность, свобода от крепостной зависимости, рабства, тюрьмы (7 словарей).
	Простор, раздолье (3 словарей).
	Злоупотребление воли, произвол (2 словаря).
	Своевольство, необузданность (1 словарь).
	Переход представления в действие (1 словарь)
	Позволение, согласие (1 словарь).
	Взятки (1 словарь).

На основании семного анализа словарных толкований установлено, что в значении лексемы *воля* выделяется четыре ядерных и пять периферийных компонентов.

Для анализа имени ценности *воля* были проанализированы ассоциативные словари. Искомый стимул присутствовал в двух из них.

Наиболее частотными реакциями, согласно Русскому ассоциативному словарю под редакцией Ю. Н. Караулова, являются следующие: *вольная 9; свобода; сила; сильная 8; неволя 6; железная 5; ваша 4; Божья, доля, к победе; моя 3; земля; к жизни; твоя 2* [РАС]. Обращает на себя внимание множество атрибутивных характеристик, таких как *вольная, сильная, железная*, что говорит о наличии устойчивых синтагматических ассоциативных связей в ЯС испытуемых. Что касается сопоставления с выделенными семами лексемы *воля*, то здесь реализованы следующие: из ядерных – *свобода, независимость*, из периферийных – *вольность, свобода от крепостной зависимости, рабства, тюрьмы*.

Л. О. Бутакова в своих экспериментах выявила следующие ядерные реакции на стимул *воля*: *свобода 183; сила 51; жизнь 12; сильная 11; Павел; сила воли; усилия 9; горы; стремление 7; борьба; ветер; природа 6; дух; победа; стержень; выбор; характер 4; волевой; выносливость; к победе; терпение 3; есть; быть свободным; вольный; свободна 2* [Бутакова 2012]. Полученные данные отражают следующие

словарные компоненты значения слова *воля*: *решение, намерение, желание, стремление, требование, упорство; свобода, независимость* – это говорит о том, что в ассоциативном поле превалируют ассоциации, сходные с ядерными компонентами значения лексемы *воля*. Таким образом, имя ценности *воля* оказывается тесно связанным с именем ценности *свобода*, что подтверждается полученными реакциями: 8 в РАС [РАС 2002] и 183 в ассоциативно-семантическом словаре Л. О. Бутаковой [Бутакова 2012].

Для выявления психологически реального значения исследуемой лексемы привлечем данные, полученные нами в ходе собственного АЭ, в котором приняли участие 444 человека: 396 респондентов оставили ассоциации на заданное слово-стимул, было получено 48 отказов.

После обработки полученных реакций ассоциативное поле имени ценности *воля* приобрело следующий вид:

ВОЛЯ: **свобода 163**; сила **134**; победа **33**; желание **31**; стремление **27**; выбор; характер **25**; упорство **24**; Павел, терпение **23**; дух, разум **22**; власть **19**; простор **15**; ветер **14**; независимый **13**; поле, счастье **12**; усилие, мужество **11**; дом **10**; горы, смелость, спорт, степь, **труд**, цель, честь **9**; Воля, выдержка, кулак, небо, полет, старание **8**; вера, земля, интернет, раздолье, слава, сталь, стойкость **7**; бог, **доброта**, испытание, народ, неволя, ограничение, преодоление, рабство, решимость, уверенность, **успех**, целеустремленность **6**; достижение, **дружба**, закалка, кремень, отношение, порыв, правда, природа, птицы, стержень, ум, энергия **5**; воздух, возможность, душа, мощь, мысли, отвага, песня, решения, **родина, семья**, тяга, харизма **4**; боль, действие, **деньги**, качество, концентрация, машина, **мир**, напор, наслаждение, отпуск, радость, слабость, слово, сложно, солнце, страсть, страх, **уважение**, усердие **3**; бег, брат, время, гражданка, движение, доля, дума, железо, железная воля, карандаш, колос, конь, контроль, легкость, могущество, море, необходимо, негибкая воля, ночь, обеспеченность, освобождение, осознание, отдых, откровение, подавление, подвиг, покой, путь, путешествие, развитие, результат, сдержанность, **справедливость**, статуя, тюрьма, увольнение, удовольствие, храбрость, чувство **2**; will, авторитет, Бакунин, безграничность, беззаботность, безнаказанность, бесконечность, беспечность, благородство, большая, борьба, братство, будущее, веселье, воздержание, воин, война, вольность, воспитывать, вперед, герой, горький, граница, дело, делаю и говорю что хочу, держать, доблесть, добиваться, доблесть, доказательство, дорога, доступ, жажда, животные, воля к жизни, зависимость, заключение, законность, заставить, заточение,

значимость, изъявление, исполнитель, казачество, комеди-клуб, каменный, клетка, к победе, край, красота, кругозор, крылья, кумир, лидер, **любовь**, место, мило, молодость, мотивация, мотоцикл, мощь, мудрость, мужественный, музыка, мышцы, надежда, непоколебимая, негибкая, несломимая, Ницше, нож, нужно, облегчение, обязанности, оковы, опыт, орел, ответственность, ответственная, отвлечение, политика, понимание, поступки, потребность, похоть, президент, преодоление трудностей, прижать, принуждение, принцип, прогулка, работа, **равенство**, ракета, раскрепощение, рвение, река, релакс, решительность, родная, русский, рыбалка, самодисциплина, самообладание, саморазвитие, самостоятельность, сверхчеловек, светлый, сердце, сильная, ситуация, сказка, скала, слабая, служба, смекалка, смех, снежок, совесть, сознание, сопротивление, способность, стойкий, страдание, страна, судьба, ТВ, театр, телевизор, терпимость, титаны, ТНТ, традиции, тренировка, трудно, трудолюбие, указ, упрямство, условие, утес, участие, хобби, холостяк, хочу, царская, цепи, честный, **честность**, Шопенгауэр 1.

Для создания ассоциативного поля имени ценности *воля* нам представляется необходимым провести структурирование полученных реакций от ядра к периферии, поскольку именно выделение основных или ядерных образов сознания позволяет говорить об инварианте, понятном каждому члену лингвокультурного сообщества. В соответствии с ответами испытуемых можно выделить четыре элемента, формирующих плотное ядро исследуемой ценности. Это наглядно представлено на графике «каменистой осыпи», представленном ниже (Рисунок 24).

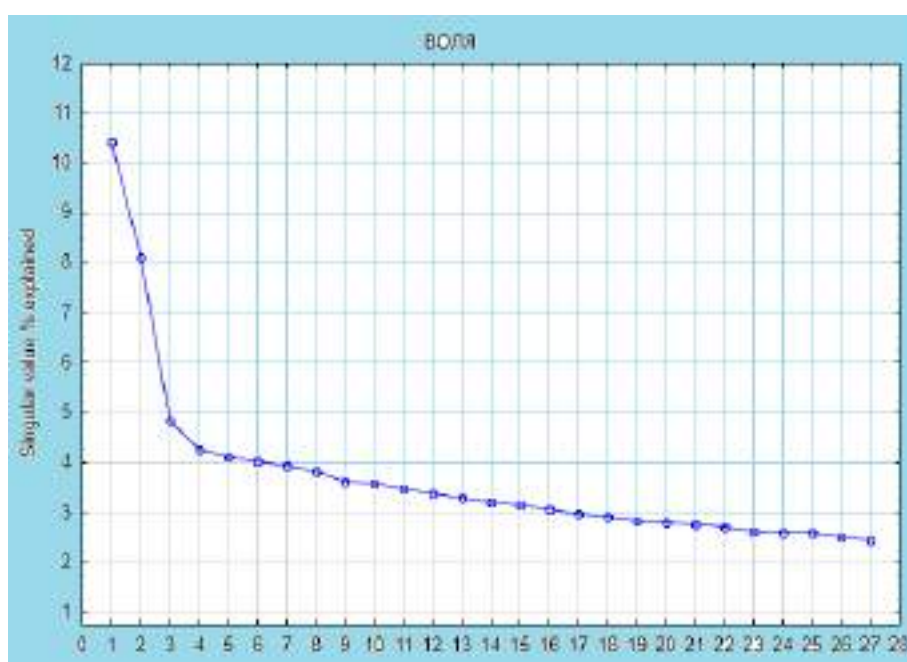

Рисунок 24 – Соотношение частоты ответов испытуемых реакциями на стимул *воля*

Выделим ядерные элементы из таблицы, находя самые большие коэффициенты в строке и столбце, вычисленные при помощи математического метода сингулярного разложения, который показывает близость связи ключевых слов с остальными ассоциатами респондентов. Данные связи представлены в таблице (слова представляют собой основы без грамматических формантов) (таблица 46).

Таблица 46 – Связи реакций на стимул *воля* в АЭ

ВОЛЯ	Коэффициенты слов при сингулярном разложении			
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3	Концепт 4
дух	0,005633	-0,011549	0,021225	0,032119
желан	0,005891	0,002185	0,074373	-0,107327
закалк	0,000762	-0,002328	0,002944	0,004528
...				
побед	0,003471	-0,007745	0,085940	0,015075
пол	0,002160	0,001858	0,009779	0,008425
полет	0,001413	0,002049	0,007361	-0,007536
...				
свобод	0,055030	0,053611	-0,005736	0,011899
сил	0,039840	-0,068946	-0,033651	-0,012348
слав	0,000197	-0,000216	0,008918	-0,004399
смелост	0,000789	-0,002201	0,003250	0,007429

Ядерными составляющими имени ценности *воля* являются *свобода*, *сила*, *победа* и *желание*, что совпадает с самыми частотными реакциями в ассоциативном поле (таблица 47).

Таблица 47 – Сила связи ключевых реакций со стимулом *воля*

ВОЛЯ	Сила связи
свобода	0,055030
сила	-0,068946
победа	0,085940
желание	-0,107327

Таким образом, вербальная репрезентация ценности *воля* ассоциативно связана прежде всего со значением *свободы* и *силы*, при этом значимыми выступают также ассоциаты *победа* и *желание*.

Периферию имени ценности *воли* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между самыми частотными и единичными составляет 68 : 224.

Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что 30% реакций являются общепринятыми, а 70% – индивидуально-личностными.

Сопоставим наиболее частотные реакции, отраженные в ассоциативных словарях, с данными проведенного АЭ. Для этого возьмем первые десять реакций и сравним их между собой (Таблица 48).

Таблица 48 – Сопоставление реакции ассоциативных словарей на стимул *воля* с данными свободного АЭ

№ п/п	РАС	БУТАКОВА	АЭ
1	вольная	<i>свобода</i>	<i>свобода</i>
2	<i>свобода</i>	<i>сила</i>	<i>сила</i>
3	<i>сила</i>	жизнь	победа*
4	<i>сильная</i>	<i>сильная</i>	желание
5	неволя	<i>Павел</i>	<i>стремление</i>
6	железная	сила воли	выбор
7	ваша	усилия	характер
8	Божья	горы	упорство
9	доля	<i>стремление</i>	<i>Павел</i>
10	к победе*	борьба	терпение

Из сравнительной таблицы видно, что во всех словарях присутствуют два ядерных ассоциата: *свобода* и *сила*. В двух словарях совпали ассоциаты *сильная*, *стремление* и *Павел*. Последний ассоциат примечателен тем, что представляет собой имя популярного стендап-комика Павла Воли, начавшего свою карьеру в проекте Comedy Club («Камеди-клуб») в 2005 году. Отмеченные звездочкой (*) ассоциаты *к победе** и *победа**, по нашему мнению, не могут представлять собой совпадения, поскольку один относится к дефинитивному типу ассоциации, а второй отражает типичную ситуацию функционирования.

Важно обратить внимание на упоминание в ассоциативном поле других анализируемых нами ценностей, которые присутствуют в реакциях на стимул *воля*, таких как *свобода 163*, *успех 6*, *дружба 5*, *добро*, *родина*, *семья 4*, *деньги*, *мир*, *уважение 3*, *доброта*, *справедливость 2*, *любовь*, *равенство* и *честность 1*. Вместе они входят в систему ценностей, запечатленную в ОМ носителя русского языка и культуры.

Кроме самых частотных реакций и системы взаимосвязанных ценностей, явно прослеживаются следующие субполя: *пространство*, включающее в себя реакции: *простор 15*, *ветер 14*, *поле 12*, *горы*, *степь 9*, *небо*, *полет 8*, *раздолье 7*, *птицы 5*, *воздух*, *умственная деятельность*: *дух*, *разум 22*, *ум*, *мысли 5*, *дума 2*, и *защита Отечества*: *победа 33*, *мужество 11*, *честь 9*, *выдержка*, *кулак 8*, *слава*, *стойкость 7*, *испытание 6*,

мощь, отвага 4, мир, родина 3, освобождение 2, воин, война 1. Прецедентными именами выступают: *Павел 23, Воля 8* (стендап-комик Павел Воля), *М. А. Бакунин* (теоретик анархизма и народничества революционер), *Ф. В. Ницше, А. Шопенгауэр* (философы) **1**. Характерно, что если в случае с именем *Павел Воля* большую роль играет популярность актера, а значит, и стереотипность мышления, то в ответе *Шопенгауэр* на первый план выступает знание о содержательной стороне учения философа.

В ранжировании ценности *воля* приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности 10,3. Ранг ценности в иерархии – 10. Стандартная девиация составила 5,3 (Таблица 49).

Таблица 49 – Ранжирование ценности воля

Ранг	ЦЕННОСТЬ	Статистические данные				
		Количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
10	Воля	408	10,30392	1,000000	20,00000	5,307802

На основании результатов ранжирования можно констатировать, что оценки респондентов имели большой разброс, что, по сути, говорит о неоднозначности принятия ценности *воля* как личного императива носителями русского языка и культуры.

Перейдем к результатам опроса респондентов с заданием указать автора и название литературного произведения, репрезентирующего имя ценности *воля*. Было получено 376 ответов, 68 отказов. Наиболее частотными произведениями стали следующие: Б. Н. Полевой «Повесть о настоящем человеке» **44**; Н. А. Островский «Как закалялась сталь»; Э. Хемингуэй «Старик и море»; М. Шолохов «Судьба человека» **17**; Д. Дефо «Робинзон Крузо» **16**; М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» **10**; Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»; Дж. Лондон «Любовь к жизни» **9**; Э. Вейер «Марсианин»; А. Дюма «Граф Монте-Кристо» **8**; Б. Л. Васильев «А зори здесь тихие» **7**; Н. В. Гоголь «Тарас Бульба»; Дж. Лондон «Мартин Иден»; Л. Н. Толстой «Кавказский пленник» **6**; М. Ю. Лермонтов «Мцыри» **5**.

Доля респондентов, выбравших каждое из указанных произведений, отражена на круговой диаграмме (Рисунок 25). Четверть опрошенных указывают книгу Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке», которая была написана в 1946 году и повествует о подвигах Алексея Мересьева и его невероятной силе воли.

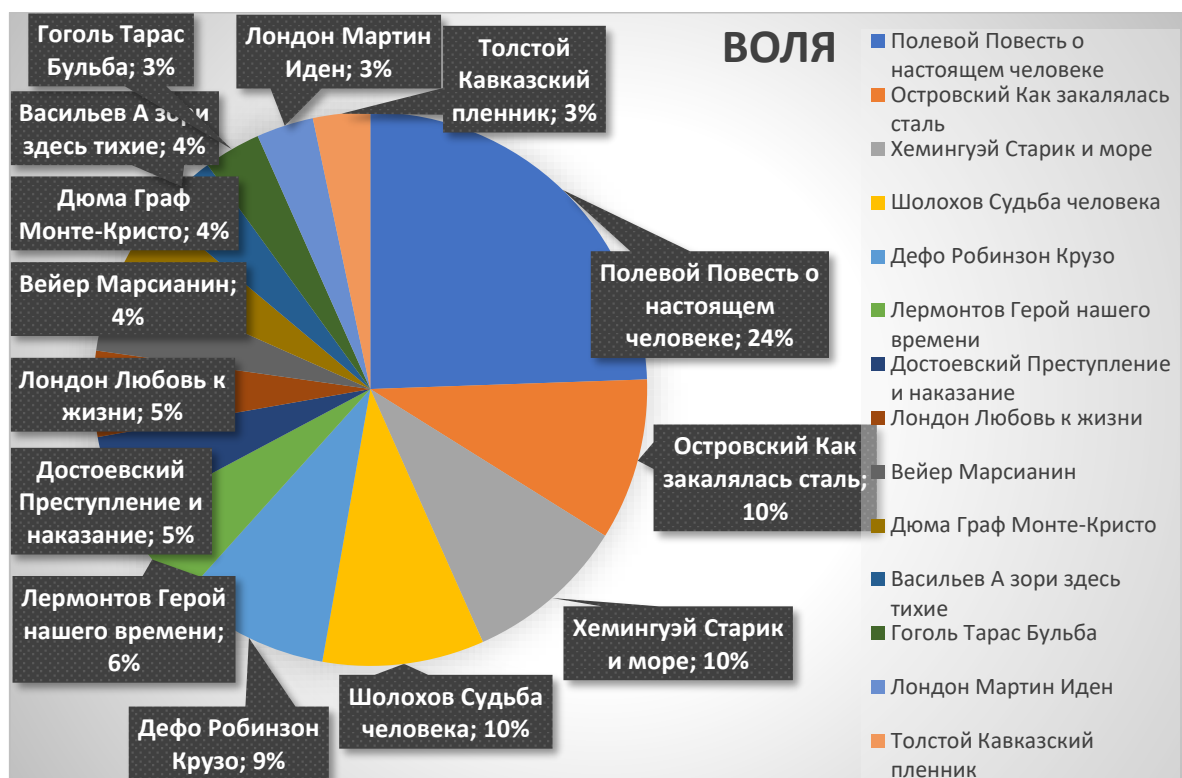

Рисунок 25 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности *воля*

Полученный список был снова проанализирован, чтобы выяснить, влияет ли возрастная специфика на выбор литературного произведения, отражающего значение ценности *воля*. Данные представлены в Таблице 50.

Таблица 50 – Сравнительная таблица выбора литературных произведений с учетом возраста респондентов

№ п/п	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1.	Полевой «Повесть о настоящем человеке» (11)	Полевой «Повесть о настоящем человеке» (15)	Полевой «Повесть о настоящем человеке» (18)
2.	Шолохов «Судьба человека» (8)	Хемингуэй «Старик и море» (8)	Дефо «Робинзон Крузо» (7)
3.	Хемингуэй «Старик и море» (6)	Шолохов «Судьба человека» (7)	Островский «Как закалялась сталь» (6)
4.	Дефо «Робинзон Крузо» (6)	Дюма «Граф Монте-Кристо» (6)	Васильев «А зори здесь тихие» (5)
5.	Вейер «Марсианин» (5) / Лермонтов Герой нашего времени (5)	Лондон «Любовь к жизни» (5)	Гоголь «Тарас Бульба» (4)

«Повесть о настоящем человеке» Б. Н. Полевого признана большинством респондентов всех возрастных групп в качестве основного литературного произведения, выражающего ценность *воля*, что свидетельствует о связи поколений и сравнительно

близком понимании данной ценности большинством носителей русского языка. Обращает на себя внимание динамика возрастания количества упоминаний «Повести о настоящем человеке» от возрастной группы 1 к группе 3, что в процентном соотношении имеет следующие показатели: 8% (группа 1), 11% (группа 2) и 26% (группа 3). Это объясняется памятью о Великой Отечественной войне и особой значимостью этого события для людей старшего поколения, которые помнят не абстрактных героев, а своих отцов и дедов.

Произведения Э. Хемингуэйя, М. А. Шолохова и Д. Дефо также были указаны в разных возрастных группах. Герои этих произведений оказываются в нестандартных жизненных ситуациях, когда перед ними остро стоит вопрос: жить или умереть. Жить – означает проявить волю, идти против обстоятельств.

Особый интерес, на наш взгляд, представляют те книги, которые посчитали воплощающими ценность *воля* представители только одной из возрастных групп. Это «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова и «Марсианин» Э. Вейера для молодежной группы; «Граф Монте-Кристо» А. Дюма и «Любовь к жизни» Дж. Лондона для группы 2; «Как закалялась сталь» Н. А. Островского, «А зори здесь тихие» Б. Л. Васильева, «Тарас Бульба» Н. В. Гоголя для старшего поколения.

Выбор романа «Герой нашего времени» учащимися закономерен, потому что, во-первых, роман входит в список книг для обязательного изучения в рамках школьной программы, а во-вторых, отражает переживания, свойственные подростковому и юношескому возрасту. Произведение повествует о жизни Григория Печорина, чьими ценностями являются он сам как личность, его *свобода*, *воля* и желания. Таким образом, ценность *воля* предстает здесь не как жажда жизни и нравственный принцип, а как нежелание обременять себя ответственностью. При этом Печорин часто играет с судьбой, испытывает ее, чтобы узнать, что же сильнее – собственная воля человека или судьба?

Что касается произведения американского фантаста Э. Мейра «Марсианин», то выбор респондентами этой книги обусловлен, как нам представляется, также несколькими причинами. Во-первых, роман обрел популярность в связи с выходом в 2015 году одноименного кинофильма, что способствовало интересу к нему массовой аудитории. Во-вторых, роман повествует о *воле* к жизни, о нежелании покоряться судьбе и о попытке вопреки обстоятельствам найти выход из, казалось бы, безвыходной ситуации.

Похожий посыл мы находим и в романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо». Однако здесь мотив *воли* к жизни осложняется другими сюжетными линиями, несущими смыслы любви, ответственности, мести и привязанности. Граф Монте-Кристо

становится орудием судьбы, вершащим ее *волю*, и на достижение своих целей бросает огромные богатства.

Произведения Н. В. Гоголя «Тарас Бульба», Н. А. Островского «Как закалялась сталь» и Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие» по-своему репрезентируют ценность *воля*, но имеют, на наш взгляд, одну общую черту: они содержат противопоставление *воли* человека и судьбы. Здесь присутствует желание человека выжить, но выжить не любыми способами, а достойно, так, чтобы впоследствии не было стыдно за свои поступки. Ценность *воля* проявляется как высшее моральное качество человека, которое порой важнее, чем жизнь. Все три произведения описывают сложные для нашей страны времена, которые, как известно, рождают сильных людей.

Идейное содержание рассказа Дж. Лондона «Любовь к жизни» носит иной характер. Ценность *воля* здесь проявляется как борьба человека с обстоятельствами, желание выжить любыми средствами, но причины, повлекшие эти страшные обстоятельства, совсем не альтруистические, не высокие, они касаются денег и наживы.

Таким образом, реализация ценности *воля* в указанных произведениях показывает различные ее смыслы, заложенные в авторском замысле и считываемые читателями / респондентами.

Ближнюю периферию составили следующие произведения: М. Горький «Старуха Изергиль»; С. Кинг «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка»; Дж. Оруэлл «1984»; А. С. Пушкин «Капитанская дочка»; Л. Н. Толстой «Анна Каренина»; Л. Н. Толстой «Война и мир» 4; Ш. Бронте «Джейн Эйр»; Ж. Верн «Дети капитана Гранта»; Н. Вуйчич «Жизнь без границ»; И. А. Гончаров «Обломов»; Дж. Лондон «Белый клык»; Я. Мартел «Жизнь Пи»; А. И. Солженицын «Матренин двор»; А. И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»; Дж. Стейнбек «О мышах и людях»; В. Франкл «Сказать жизни да»; А. П. Чехов «Беседа пьяного с трезвым чертом»; М. А. Шолохов «Тихий Дон»; А. Шопенгауэр «Мир как воля и представление» 3; Дж. Байрон «Корсар»; В. Быков «Сотников»; Э. Войнич «Овод»; Н. В. Гоголь «Мертвые души»; С. Кинг «Девочка, которая любила Тома Гордона»; С. Кинг «Мертвая зона»; С. Кинг «Тот, кто хочет выжить»; П. Коэльо «Алхимик»; Дж. Милтон «Потерянный рай»; М. Митчелл «Унесенные ветром»; Дж. Остин «Гордость и предубеждение»; А. Н. Островский «Гроза»; А. С. Пушкин «Деревня»; М. Пьюзо «Крестный отец»; Э. М. Ремарк «Жизнь взаимы»; Э. М. Ремарк «На западном фронте без перемен»; Э. М. Ремарк «Три товарища»; А. И. Солженицын «Архипелаг Гулаг»; Д. И. Фонвизин «Недоросль»; К. Шопен «Пробуждение»; К. П. Эстес «Бегущая с волками»; Г. Яхина «Зулейха открывает глаза» 2.

Дальняя периферия представлена в Приложении 1.

Отметим тот факт, что некоторые авторы, такие как С. Кинг и Э. М. Ремарк, представлены в ответах респондентов несколькими произведениями. Обширная ближняя и дальняя периферия ценности *воля* позволяет говорить об особенностях индивидуального понимания рассматриваемой ценности в литературных произведениях, репрезентирующих ее.

Мотивационно-целевой анализ имени ценности *воля* произведен на примере «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого. Анализируемое имя ценности проявляется посредством описания поступков героя, противостоящего как внешним обстоятельствам, так и своим внутренним слабостям и боли с целью выжить. Действие повести происходит в период Великой Отечественной войны, что, безусловно, способствует проявлению неординарного героического характера Алексея Мересьева, и это воспринимается читателями как проявление воли, силы воли и воли к жизни. Жажда жизни сплетается в повести с любовью к Родине, нежеланием попасть в плен к немцам. Выживать раненому Мересьеву приходится в условиях суровой зимы, и герой вступает в противоборство не только с погодой, но и с собой, преодолевая как внешние, так и внутренние преграды на пути к выживанию.

Интенциональный анализ произведения Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» по методике Т. М. Дридзе вместе с примерами из текста приведен в Приложении 2.

Ниже представлена графическая схема макроструктуры повести Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» (Рисунок 26).

Рисунок 26 – Графическая схема макроструктуры повести Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке»

Подводя краткий итог комплексного анализа имени ценности *воля*, можно сделать следующие обобщения:

1. В значении лексемы *воля* выделяются четыре основных и семь дополнительных сем в толковых словарях русского языка.

2. По данным ассоциативных словарей и результатам АЭ высокочастотными являются ассоциаты *свобода, сила, сильная, стремление*. Кроме того, в свободном АЭ ядерными реакциями выступали также ассоциаты *победа* и *желание*.

3. Ценность *воля* занимает десятое место в ценностной иерархии носителей русского языка и культуры, по мнению большинства опрошенных.

4. Произведение Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» является репрезентантом ценности *воля* для всех возрастных групп респондентов, что свидетельствует об общности ОМ представителей русского этноса.

5. В «Повести о настоящем человеке» Б. Н. Полевого были реализованы только два ядерных компонента значения лексемы *воля*: *способность управлять своими действиями, поведением*, а также *решение, намерение, желание, стремление, требование, упорство*. При этом отсутствуют такие ядерные компоненты значения, как *основная психическая функция; свобода, независимость; власть, право, возможность распоряжаться*. Ни один из периферийных элементов не проявился в данном литературном произведении.

3.3.3 Комплексный анализ имени ценности УСПЕХ

Дефиниции лексемы *успех* были найдены и проанализированы в 11 толковых словарях. На основании словарных толкований были выделены следующие обобщенные семы:

1. **Положительный результат:** Положительный результат какого-либо дела; достижение, удача [БАС]; Удача в задуманном деле, удачное достижение поставленной цели [УШАКОВ]; Положительный результат, удачное завершение чего-л. [ЕВГЕНЬЕВА]; Положительный результат, удачное завершение чего-н. [ЛОПАТИН]; *мн.* Хорошие результаты в учебе, занятиях [ЛОПАТИН]; *мн.* Хорошие результаты в работе, учебе [ШВЕДОВА]; Положительный результат, удачное завершение чего-л. [КУЗНЕЦОВ]; О положительном результате, удачном завершении чего-л. [БАБЕНКО]; Положительный результат, удачное завершение чего-л. [МОРКОВКИН]; *зд. мн.* Хорошие результаты в учебе, в занятиях чем-л., достижения в

изучении чего-л., а также вообще результаты какой-л. учебной деятельности кого-чего-л. [МОРКОВКИН].

2. **Общественное признание:** *ед.* Общественное признание, одобрение чего-либо, чьих-либо достижений [БАС]; *только ед.* Признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-н., чьих-н. достижений [УШАКОВ]; Общественное признание [ОЖЕГОВ]; Общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений [ЕВГЕНЬЕВА]; Общественное признание, одобрение [ЛОПАТИН]; Общественное признание [ШВЕДОВА]; Признание такой удачи со стороны окружающих, общественное одобрение чего-л., чьих-л. достижений [ЕФРЕМОВА]; Общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений [КУЗНЕЦОВ]; *зд. мн.* Общественное признание, одобрение чего-л., чьих-л. достижений [МОРКОВКИН]; Общественное признание, одобрение достижений кого-, чего-н. [ПУШКИН].

3. **Признание достоинств:** Внимание общества к кому-н., признание чьих-н. достоинств [УШАКОВ]; Внимание общества к кому-л., признание чьих-л. заслуг [ЕФРЕМОВА]; Признание окружающими чьих-л. достоинств [КУЗНЕЦОВ]; *зд. мн.* Признание окружающими чьих-л. достоинств [МОРКОВКИН]; Особое отношение общества к кому-н., основанное на признании чьих-н. достоинств [ПУШКИН].

4. **Удача в достижении:** Удача в достижении чего-н. [ОЖЕГОВ]; Удача в достижении чего-н. [ШВЕДОВА]; Удача в каком-л. деле, удачное достижение поставленной цели [ЕФРЕМОВА]; *зд. мн.* Хорошие результаты в учебе, в занятиях чем-л., достижения в изучении чего-л., а также вообще результаты какой-л. учебной деятельности кого-чего-л. [МОРКОВКИН]; Удача в каком-л. деле, удачное достижение поставленной цели [ПУШКИН].

5. **Победа:** Удача в военной операции; победа [ЕФРЕМОВА].

6. **Ухаживание:** *разг.* Удача в ухаживании за кем-л., удачный флирт [ЕФРЕМОВА]; Удача в ухаживании, флирте и т. п. [УШАКОВ]; Интерес, влечение со стороны лиц другого пола [КУЗНЕЦОВ]; Интерес, влечение со стороны лиц противоположного пола [МОРКОВКИН].

По результатам проведенного анализа словарных определений, выражающих значение лексемы *успех*, все выделенные семы были объединены в ядро и периферию. Структура имени ценности *успех* представлена в Таблице 51.

Таблица 51 – Структура значения имени лексемы успех

Лексема <i>успех</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Положительный результат (10 словарей) Общественное признание (10 словарей)
Периферийные компоненты	Признание достоинств (5 словарей) Удача в достижении (5 словарей) Ухаживание (4 словаря) Победа (1 словарь)

Для выявления структуры имени ценности *успех* были проанализированы ассоциативные словари. Искомый стимул присутствовал в четырех источниках. Были отобраны десять первых реакций из каждого словаря, чтобы, сопоставив их между собой, выявить наиболее часто повторяющиеся (Таблица 52).

Таблица 52 – Сравнение ядерных реакций в ассоциативных словарях на стимул *успех*

	РАС	ЕВРАС	СИБАС	РУДАКОВА
1.	большой	<i>удача</i>	<i>удача</i>	<i>удача</i>
2.	огромная	радость	<i>победа</i>	<i>во всём</i>
3.	<i>удача</i>	<i>во всем</i>	счастье	в работе
4.	радость	<i>победа</i>	радость	в учёбе
5.	обеспечен	<i>слава</i>	во всем	<i>победа</i>
6.	дела	счастье	<i>слава</i>	<i>в делах</i>
7.	<i>победа</i>	<i>в делах</i>	<i>карьера</i>	везение
8.	пришёл	<i>деньги</i>	<i>в делах</i>	счастье
9.	полный	<i>карьера</i>	<i>в жизни</i>	бесподобный
10.	неудача	<i>в жизни</i>	<i>деньги</i>	блестящий

В итоге реакции *победа* и *удача* упоминаются со всех четырех словарях, ассоциаты *в делах*, *радость* и *счастье* – в трех, *в жизни*, *во всем*, *деньги*, *карьера*, *слава* – в двух словарях. Таким образом, ассоциативные словари формируют следующее ядро ассоциативного поля: *победа*, *удача*, *в делах*, *радость*, *счастье*, *в жизни*.

Для выявления структуры имени ценности *успех* привлечем данные, полученные в ходе свободного АЭ, в котором приняли участие 444 респондента (387 ответов и 57 отказов).

После обработки полученных реакций ассоциативное поле *успех* приобрело следующий вид:

УСПЕХ: **труд 82**; работа 48; **деньги 46**; удача 45; карьера 44; достижение, победа, **семья 36**; счастье **33**; радость **31**; слава **30**; везение, цель **26**; богатство **21**; учеба **19**; результат **16**; стремление **14**; самореализация, сила, успеть, успешный **13**; возможность, команда **11**; прогресс, прорыв, **свобода**, сделка, **уважение 10**; гордость, медаль **9**;

известность, мечта **8**; дело, желание, заработок, награда, удовлетворение, упорство **7**; власть, **любовь**, почет, награда, процветание, статус **6**; высота, знание, люди, проект, свершение, старшие **5**; благополучие, друзья, здоровье, итог, капитал, лучшее, отношения, поддержка, путь, развитие, рост, старание, уверенность, хвала, целеустремленность **4**; вера, вершина, выполнение, грамота, заслуга, личность, перспектива, повышение, преодоление, работоспособность, родители, сила воли, терпение, уровень, фаворит **3**; бизнес, благодарность, будущее, вежливость, воодушевление, восхищение, время, дерево, добиваюсь, **доброта**, доверие, дом, недостаток, задача, зарядка, защита, значимость, качество, мотивация, овации, планы, продвижение, саморазвитие, следование, служба, смысл, спорт, **справедливость**, стимул, ступень, судьба, талант, творчество, триумф **2**; авто, авторитет, активность, аплодисменты, блага, ближний, вверх, ведение, величие, венок, верность, взаимоотношения, взаимопомощь, взрослый, внимание, вовремя, вода, возраст, воображение, воспитание, восприятие, восторг, все ок, выбор, выигрыш, выпуск, высоко, гармония, границы, дар, действия, дети, добиваться, доброжелательность, довольный, долгий, должность, дорогое, достижение желаемого, **дружба**, жизни, забота, зависть, задание, закономерность, заправка, задание, зарплата, заслуженный, звездность, знаменитость, изобретение, интуиция, исключительный, исполнение, категория, квартира, кино, клад, книга, критерии, кубок, лавры, лавровый, лесть, лестница, лидерство, ликование, ложь, маршрутка, мастерство, микрофон, миллионер, мимолетность, моральная, навыки, надежда, независимость, намек, настроение, находка, недвижимость, неестественная, независимость, неизмеримость, необходимость, неожиданный, не отчаиваться, несправедливость, обман, образование, общение, одноклассники, опыт, освоение, осуществление, ответственность, отдача, откровенность, падение, пакетик, пенсия, перфект, пиджак, планирование, платье, подъем, поездки, пожелание, позиция, поколение, покорение, положительный, польза, понимание, поставленный, поступки, поступок, почитание, почтение, почтительное, права, правота, преданность, престиж, приз, пример, прислушиваются, приспособленчество, приятно, провинция, профессия, профессионализм, пуля, путешествия, пьедестал, равноправие, рвение, реализации, респект, рукопожатие, самоотдача, самооценка, самоуважение, сарказм, светлый, случай, случайность, солнце, состояние, социальная инженерия, спокойствие, спрос, стабильность, старость, стекло, счастливый, тернистый, **толерантность**, требовательность, увлечение, удовлетворение, узнаваемость, уловки, улыбка, умение, умиротворение, ура, успех, уступка, утопия,

учитель, фарс, фортуна, фурор, фух, характер, хитрость, хорошее, хоспис, хочет, целенаправленность, чайный, чернило, чувство 1.

Сформированное ассоциативное поле в целях нашего исследования мы разделили на ядро и периферию. На графике «каменистой осыпи», представленном ниже (Рисунок 27), видно, что ядро ценности *успех* составляют пять элементов, набравшие самое большое количество ответов респондентов.

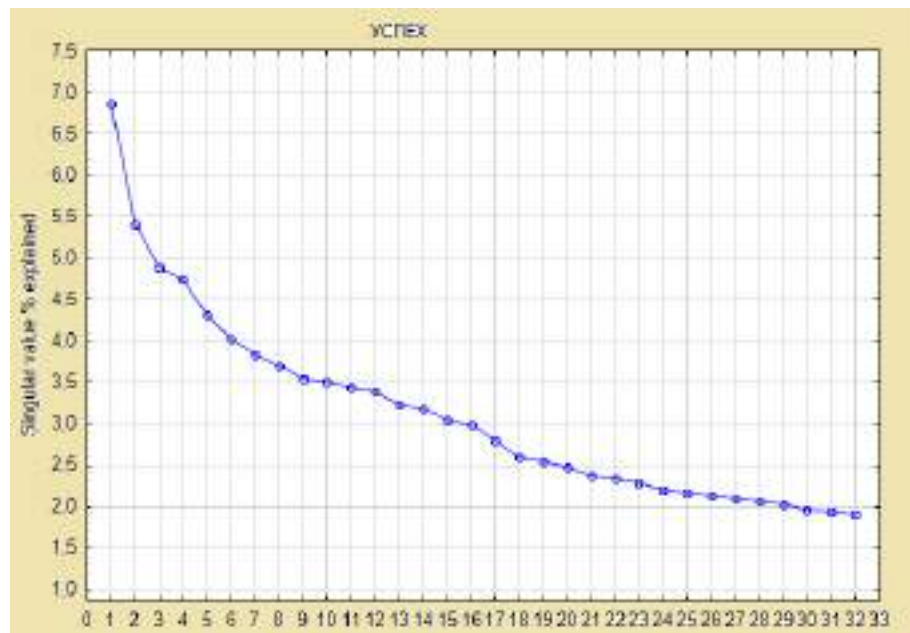

Рисунок 27 – Соотношение частоты ответов испытуемых с реакциями на стимул *успех*

Выявим ядерные элементы при помощи метода сингулярного разложения. Самые большие коэффициенты в строке и столбце покажут элементы, принадлежащие ядру (слова представлены в виде основ без грамматических формантов) (Таблица 53).

Таблица 53 – Связи реакций на стимул *успех* в АЭ

УСПЕХ	Коэффициенты слов при сингулярном разложении				
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3	Концепт 4	Концепт 5
дел	0,002003	-0,000068	-0,003182	-0,003337	-0,008330
деньг	0,019679	-0,065050	-0,018312	0,056916	0,024983
достижен	0,013421	-0,009264	0,032888	-0,058365	0,011822
...					
карьер	0,014032	-0,035746	-0,036393	-0,065960	0,017251
команд	0,006360	0,002048	0,005277	-0,004241	0,003291
...					
работ	0,030311	0,007232	-0,053275	-0,022616	-0,108231
радост	0,011651	-0,007372	0,021278	-0,010342	-0,009024
...					

УСПЕХ	Коэффициенты слов при сингулярном разложении				
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3	Концепт 4	Концепт 5
сделк	0,005132	0,001545	0,008082	-0,006684	0,009149
сем	0,010937	-0,045795	-0,061131	-0,008855	0,034520
сил	0,004513	0,000247	0,005119	-0,006972	0,008124
...					
счаст	0,011164	-0,030369	0,025360	0,016605	-0,036171
труд	0,071197	0,054934	-0,006721	0,025325	0,038196

Таким образом, ядерными элементами ассоциативного поля *успех* являются: *труд*, *деньги*, *семья*, *карьера* и *работа* (Таблица 54).

Некоторые составляющие отличаются от самых частотных реакций: например, ассоциат *работа* стоит на втором месте в ассоциативном поле, а на основании метода сингулярного разложения и присваиваемых коэффициентов реакция *работа* является пятым элементом ядра имени ценности *успех*. Также ассоциат *удача* (N=45) не является ядерным элементом, а ассоциат *семья*, стоящий на восьмом месте, входит в ядро анализируемого имени ценности.

Таблица 54 – Сила связи ключевых реакций со стимулом *успех*

УСПЕХ	Сила связи
труд	0,071197
деньги	-0,065050
семья	-0,061131
карьера	-0,065960
работа	-0,108231

Суммируя, можно заключить, что вербальная репрезентация ценности *успех* ассоциативно связана прежде всего с понятием *труд*, значимыми также остаются ассоциаты *деньги*, *семья*, *карьера* и *работа*.

Периферию ассоциативного поля ценности *успех* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между самыми частотными и единичными составляет 54 : 263. Таким образом, полученные данные позволяют сделать вывод о том, что 21% реакций являются общепринятыми, а 79% – индивидуально-личностными.

Сопоставим полученные данные в ходе нашего свободного АЭ с выделенными ядерными значениями ассоциативных словарей (Таблица 55).

Таблица 55 – Сопоставление реакций на стимул *успех* в ассоциативных словарях с данными свободного АЭ

№ п/п	Ядерные реакции по ассоциативным словарям	Данные свободного ассоциативного эксперимента
1.	<i>победа</i>	<i>труд</i>
2.	<i>удача</i>	<i>деньги</i>
3.	<i>в делах</i>	<i>семья</i>
4.	<i>радость</i>	<i>карьера</i>
5.	<i>счастье</i>	<i>работа</i>
6.	<i>в жизни</i>	<i>удача</i>
7.	<i>во всем</i>	<i>достижение</i>
8.	<i>деньги</i>	<i>победа</i>
9.	<i>карьера</i>	<i>счастье</i>
10.	<i>слава</i>	<i>радость</i>

В итоге совпали шесть реакций из десяти. Одинаковыми стали следующие ассоциаты: *победа*, *удача*, *радость*, *счастье*, *деньги* и *карьера*. Обращает на себя внимание положительное отношение респондентов практически во всех реакциях. Кроме того, ассоциат *удача* свидетельствует о том, что испытуемые зачастую связывают стимул *успех* с внешними, не зависящими от человека факторами. При этом, в отличие от самых частотных реакций в ассоциативных словарях, значение *успех* в ходе свободного АЭ респонденты ассоциируют прежде всего с понятием *труд*. Это объясняется, на наш взгляд, широким возрастным охватом испытуемых, ведь общеизвестно, что большинство участников АЭ составляют студенты, которые являются самой доступной массовой категорией для проведения опроса в работе исследователя. Нам удалось выявить реакции в том числе и у представителей страшого поколения, которых мы относим в группу 2 и группу 3, которые в случае с именем ценности *успех* составляют примерно 270 человек. К диаде «труд – работа» можно отнести и ассоциат *карьера*, и это говорит о том, что в русском ОМ *успех* воспринимается в основном как следствие труда. Коммерциализация общественных отношений в нашей стране в последние 30 лет естественным образом проявилась в реакции *деньги*, которая является неотъемлемым атрибутом имени ценности *успех*.

Также в ассоциативном поле присутствуют имена других анализируемых ценностей, а именно: *труд* **82**; *деньги* **46**; *семья* **36**; *свобода*, *уважение* **10**, *любовь* **6**, *доброта*, *справедливость* **2**, *дружба*, *толерантность* **1**.

В ассоциативном поле *успех* выделяются две субтемы: *материальные блага* (*деньги* **46**, *богатство* **21**, *зарплаток*, *награда* **7**, *капитал* **4**, *достаток*, *блага*, *клад*, *приз* **1**), а также *слава* (*слава* **30**, *успешный* **13**, *известность* **8**, *почет*, *статус* **6**, *хвала* **4**,

вершина, заслуга, перспектива, повышение 3, благодарность, восхищение, оواши, продвижение, триумф 2, аплодисменты, величие, венок, заслуженный, знаменитость, исключительный, кубок, лавры, лавровый, перфект, почитание, почтение, почтительное, престиж, приз, респект, ура, фурор 1).

Отметим, что словарные значения не отражают выделенных субтем в определениях, а это значит, что структура имени ценности *успех* не совпадает с лексикографическим строением значения одноименной лексемы.

В ранжировании имени ценности *успех* приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности 11,34. Ранг ценности в иерархии – 12. Стандартная девиация составила 4,9, что соответствует норме (Таблица 56).

Таблица 56 – Ранжирование ценности *успех*

Ранг	ЦЕННОСТЬ	Статистические данные				
		Количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
12	Успех	408	11,34559	1,000000	20,00000	4,922563

Анализ результатов ранжирования показал, что *успех* не является доминантной ценностью ОМ носителей русского языка и культуры, хотя и высоко оценивается респондентами.

Далее перейдем к анализу ответов, полученных при опросе респондентов с заданием указать автора и название литературного произведения, представляющих имя ценности *успех*. Было получено 344 ответа, 100 отказов. Самыми частотными стали следующие произведения: Ф. С. Фитцджеральд «Великий Гэтсби» **33**; Дж. Лондон «Мартин Иден» **21**; Т. Драйзер «Финансист» **15**; Дж. Р. Белфорт «Волк с Уолл-стрит»; Г. де Мопассан «Милый друг» **13**; Т. Драйзер «Сестра Керри»; А. Дюма «Граф Монте-Кристо» **10**; Н. В. Гоголь «Мертвые души» **8**; Т. Драйзер «Гений» **6**; А. Рэнд «Атлант расправил плечи»; Г. Форд «Моя жизнь, мои достижения» **5**.

Доля респондентов, выбравших каждое из указанных произведений, представлена на круговой диаграмме (Рисунок 28).

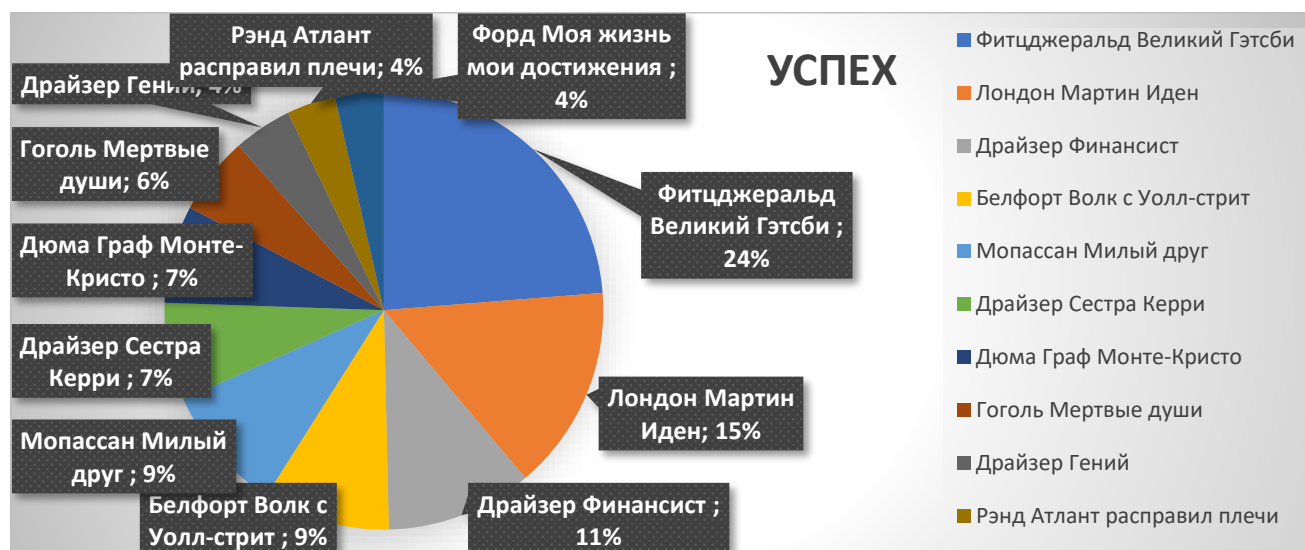

Рисунок 28 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности *успех*

Почти четверть опрошенных в качестве репрезентанта имени ценности *успех* указывают на произведение Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби», повествующее о времени невероятного экономического подъема начала XX века, сделавшего многих людей, занимавшихся незаконной продажей алкоголя во времена «сухого закона», весьма состоятельными.

Количество респондентов, выбравших произведение Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби», в сумме превышает количество тех, кто выбрал другие произведения. В каждой возрастной группе «Великий Гэтсби» олицетворяет *успех* для респондентов (группа 1 – 11 человек, группа 2 – 17 человек, группа 3 – 5 человек). При этом в группе 3 большинство опрошенных назвали произведение Дж. Лондона «Мартин Иден», которое не вошло в ядро у молодежных групп.

Одной из основных идей романа Дж. Лондона «Мартин Иден» является критика системы образования, показан образ мыслей главного героя-самоучки, противопоставленного людям, принадлежащим к классу буржуазии, которые ограничиваются только поверхностными знаниями. Несмотря на обучение в университетах, по мнению автора, они мыслят как «толпа», их рассуждения нелогичны, спутанны и разрозненны, в отличие от мыслей Мартина Идена, который действительно достигает структурированных познаний, причем самостоятельно.

В первую очередь Дж. Лондон подчеркивает, что герой обретает не только достойное материальное положение, но и – что самое главное – духовный рост. Действительно, Мартин Иден при помощи силы воли преодолевает и создает себя –

именно в этом заключается его успех, а не в обретенном богатстве и новом успешном положении в обществе. Герой романа понимает суть вещей как истинный творец.

Мартин «перерастает» поверхностных богатых людей класса буржуазии, он видит мир уже детально, приближенно, как когда-то он увидел картину в доме Морзов: «Это было красиво, а красота неодолимо влекла его <...> и подошел к картине вплотную. Красоты как не бывало» [Лондон URL]. Со стороны богатые и успешные люди казались Мартину образованными и умными, изучив же их поближе – как бы «подойдя к картине вплотную», – Мартин понял, что они ничего из себя не представляют. В конце романа Мартин разочаровывается даже в своей возлюбленной – Руфи, ради которой он и стремился выучиться и достичь успеха. Мартин Иден понял ограниченность сознания и кругозора как бывшей возлюбленной, так и ее окружения. Став человеком, постигшим смысл жизни, герой осознает, что добился всего, о чем мечтал, но стал выше этого. В погоне за своей мечтой, которая заключалась в том, чтобы изменить свою сущность, выбраться из рабочего класса, посвятить свою жизнь литературному труду и достичь успеха, он начинает настолько тонко чувствовать все окружающее его, что иного выхода для гения, как уйти из ограниченного мира, просто нет.

Ценность *успех* в романе «Мартин Иден» представлена объемно и многогранно. Мартин Иден добивается материального успеха, духовного прогресса и нравственного освобождения от предрассудков. Он становится успешным в изучении наук, овладевает писательским слогом, обретает иное видение мира.

Успех, по мнению людей, принадлежащих к классу буржуазии, олицетворяют деньги. *Успех* Мартина Идена – иное восприятие мира, восприятие через собственную нравственную призму, а инструментом для его достижения является сила воли человека.

Таким образом, ценность *успех* по-разному представлена в литературных произведениях.

Ближняя периферия образована следующими произведениями: П. Зюскинд «Парфюмер: история одного убийцы»; С. Кови «Семь навыков высокоэффективных людей»; М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»; С. Моэм «Театр»; Л. Н. Толстой «Война и мир»; А. Н. Толстой «Петр I» **4**; М. Габриэль «Женщины Девятой улицы»; Э. Золя «Дамское счастье»; М. Митчелл «Унесенные ветром»; Б. Н. Полевой «Повесть о настоящем человеке»; О. Уайлд «Портрет Дориана Грея» **3**; У. Айзексон «Стив Джобс»; «Беовульф»; И. А. Бунин «Господин из Сан-Франциско»; О. Генри «Вождь краснокожих»; И. В. Гете «Фауст»; Н. В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»; И. А. Гончаров «Обломов»; Ч. Диккенс «Большие надежды»; Ч. Диккенс «Домби и

сын»; К. Дойл «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»; Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»; А. Дюма «Три мушкетера»; И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев. Золотой теленок»; В. А. Каверин «Два капитана»; Р. Кийосаки «Богатый папа, бедный папа»; К. Шанель «Коко Шанель: Жизнь, рассказанная ею самой»; Г. Марш «Не навреди»; Г. де Мопассан «Ожерелье»; С. Моэм «Жиголо и Жиголетта»; В. Набоков «Защита Лужина»; А. С. Пушкин «Капитанская дочка»; В. Распутин «Уроки французского»; Дж. Родари «Приключения Чиполлино»; И. А. Гончаров «Обломов»; Дж. Уоллс «Замок из стекла»; Э. Хемингуэй «Старик и море»; А. П. Чехов «Чайка»; Р. С. Шарма «Кто заплачет, когда ты умрешь?» 2.

Дальняя периферия представлена в Приложении 1.

Обращает на себя внимание множество автобиографических и биографических книг, повествующих о нелегких путях достижения *успеха*, среди которых можно назвать следующие: У. Айзексон «Стив Джобс», Н. М. Амосов «Мысли и сердце», К. Шанель «Коко Шанель: Жизнь, рассказанная ею самой», Т. Бронзова «Матильда. Любовь и танец», Э. Вэнс «Илон Маск: TESLA, SPACEX и дорога в будущее», Екатерина II «Записки императрицы», О. Осборн «Я – Оззи. Все, что мне удалось вспомнить», Д. Рокфеллер «Банкир в XX веке. Мемуары», Д. Трамп «Искусство заключать сделки», Г. Марш «Не навреди», Э. Лимонов «Анатомия героя», Д. С. Лихачев «Письма о добром и прекрасном», В. Пикуль «Исторические миниатюры», Э. Синклер «Нефть!». Также респонденты выделили произведения, относящиеся к жанру биографии популярных людей (Б. Гейтс «История успеха» и И. Маск «История успеха», Плутарх «Об удаче Александра»).

Кроме того, с ценностью *успех*, судя по ответам респондентов, ассоциируется жанр литературы, называемый «книги личностного роста»: С. Кови «Семь навыков высокоэффективных людей», Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей»; Дж. Максвелл «Воспитай в себе лидера», Н. Хилл «Думай и богатей», Р. С. Шарма «Кто заплачет, когда ты умрешь?», А. К. Бакиров «НЛП-технологии: Разговорный гипноз», М. Гладуэлл «Гении и аутсайдеры: Почему одним все, а другим ничего?», Н. Правдина «Я привлекаю успех». Выбор всех этих произведений свидетельствует о том, что *успех* представляется социальной характеристикой, значимой только тогда, когда человек находится в обществе людей.

Перейдем теперь к анализу ситуаций, описанных Ф. С. Фитцджеральдом в романе «Великий Гэтсби». Интенциональный анализ полностью приведен в Приложении 2.

Имя ценности *успех* проявляется посредством описания поступков героя, пробивающего себе дорогу в мир богатства, роскоши, обладания. Основной идеей текста является реализация «американской мечты» – через деньги к успеху. Быть успешным – значит иметь много денег, обладать предметами и людьми, слыть знаменитостью и вести соответствующий образ жизни. Автор описывает главную героиню как воплощение денег, у нее даже голос был особенный: «Деньги звенели в этом голосе – вот что так пленяло в его бесконечных переливах, звон металла, победная песнь кимвал... Во дворце высоком, беломраморном, королева, дева золотая...» [Фитцджеральд URL]. Автор показывает, что любовь Гэтсби возникла потому, что Дэйзи была «девушкой из Общества», а потому недостижимой для сына простого фермера, каковым был Гэтсби. *Успех* в романе проявляется как определенный образ жизни, характеризующийся скукой («– А куда нам девать себя вечером? – воскликнула Дэйзи. – И завтра, и послезавтра, и в ближайшие тридцать лет?») [Там же]), приспособленчеством («Она [Дэйзи] хотела устроить свою жизнь сейчас, сегодня; и чтобы решение пришло, нужна была какая-то сила – любви, денег, неоспоримой выгоды, – которую не понадобилось бы искать далеко» [Там же]) и беспечностью («Они были беспечными существами, Том и Дэйзи, они ломали вещи и людей, а потом убегали и прятались за свои деньги, свою всепоглощающую беспечность или еще что-то, на чем держался их союз, предоставляя другим убирать за ними» [Там же]). Свой успех Гэтсби видит в обладании: дорогими вещами и знаменитыми людьми на своих вечеринках.

В итоге такая жизнь не доставляет ожидаемой радости и приводит к гибели главного героя, который так и остался одиноким и никому не нужным. Яркая обертка успеха душист человечность.

Графическая схема романа Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби» представлена ниже (Рисунок 29).

Рисунок 29 – Графическая схема романа Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби»

Подводя краткий итог комплексного анализа имени ценности *успех*, можно отметить следующее:

1. Лексема *успех* содержит две ядерные и четыре дополнительные семы. Периферийные элементы (*признание достоинств, ухаживание и победа*) частично проявились в АЭ.

2. По данным ассоциативных словарей и АЭ высокочастотными являются следующие ассоциаты: *труд, деньги, семья, карьера и работа*, при этом самая частотная реакция в свободном АЭ – *труд* – не нашла отражения в ассоциативных словарях.

3. Ценность *успех* занимает 12-е место в ценностной иерархии носителей русского языка и культуры.

4. Роман Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби» является репрезентантом ценности *успех* для обеих молодежных групп респондентов, в то время как олицетворением данного имени ценности для старшего поколения выступает роман Дж. Лондона «Мартин Иден».

3.3.4 Комплексный анализ имени ценности ДЕНЬГИ

Для проведения комплексного анализа имени ценности *деньги* было проанализировано 20 словарей. На основании толкований выделены следующие обобщенные компоненты значения:

1. **Налог:** В сочетании с опред. Вид побора, выплаты; статья дохода, расхода [СРЯ XI–XVII]; *Дел.* Налог, побор, повинность [СОРЯ]; Пособия, выплаты различного рода [СОРЯ].

2. **Бумажный знак / монета:** Отъ Татарск. слова Танга. Мелкая медная монета две полушки составляющая. Гривна денежекъ [САР]; Во множественномъ числе означаетъ: все вообще ходячїя монеты [САР]; Все вообще ходячие монеты; всякая ходячая монета или денежные бумажные знаки [ГРОТ]; Металлические и бумажные знаки [СРЯ XVIII]; Металлические монеты и бумажные знаки с точным указанием их ценности [БАС]; *только мн.* Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [УШАКОВ]; Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [ОЖЕГОВ]; Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [ЕВГЕНЬЕВА]; Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости [ЛОПАТИН]; Металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях – особые

товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления [ШВЕДОВА]; Металлические монеты и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товаров и средством платежа [ЕФРЕМОВА]; То или иное количество монет и бумажных знаков [ЕФРЕМОВА]; Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [КУЗНЕЦОВ]; Условные ценные знаки, металлические и бумажные [СТОЯН]; Знаки, металлические и бумажные, используемые в качестве особого универсального товара, всеобщего эквивалента, посредством которого выражается стоимость всех других товаров, являющиеся средством обмена, платежей, накопления богатства [БАБЕНКО]; Металлические монеты и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товаров и средством платежа [БАС БАЛАХОНОВА]; Бумажные и металлические знаки как товар, к-рый выражает стоимость других товаров и может обмениваться на любой из них, а также определённая совокупность всех товаров [МОРКОВКИН]; Металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях – особые товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежа и предметом накопления и применительно к золотым и серебряным монетам – сокровищем [РСС]; Металлические знаки оплаты с точным указанием ценности, выполняющие функцию мерила стоимости, средства платежа, обращения [СОРЯ]; Монеты или бумажные билеты как мера стоимости и средства платежа [ПУШКИН].

3. **Капитал:** Капитал, достаток, богатство [ГРОТ]; *только мн.* Капитал, состояние, средства (*разг.*) [УШАКОВ]; Капитал, средства [ОЖЕГОВ]; Капитал, средства [ЕВГЕНЬЕВА]; Капитал, средства [ШВЕДОВА]; Состояние, богатство; капитал [ЕФРЕМОВА]; Капитал, средства [КУЗНЕЦОВ]; То или иное их количество, сумма [КУЗНЕЦОВ]; Состояние, богатство, капитал [БАС БАЛАХОНОВА].

4. **Мера стоимости или мены:** Как мера стоимости вещи в купле и продаже и как общее орудие мены в торговле [ГРОТ]; Условные ценные знаки, ... служащие для удобного обмена товаров, продуктов и труда [СТОЯН]; Знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [СРЯ XVIII]; Знаки, выполняющие функции мерила стоимости, средства платежа, обращения [БАС]; *только мн.* Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [УШАКОВ]; Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [ОЖЕГОВ]; Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости при купле-продаже [ЕВГЕНЬЕВА]; Металлические и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости [ЛОПАТИН]; Металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях –

особые товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежей и предметом накопления [ШВЕДОВА]; Металлические монеты и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товаров и средством платежа [ЕФРЕМОВА]; Денежные средства как мера стоимости труда и товара [БАБЕНКО]; Металлические монеты и бумажные знаки, являющиеся мерой стоимости товаров и средством платежа [БАС БАЛАХОНОВА]; Бумажные и металлические знаки как товар, к-рый выражает стоимость других товаров и может обмениваться на любой из них, а также определённая совокупность всех товаров [МОРКОВКИН]; Металлические и бумажные знаки (в докапиталистических формациях – особые товары), являющиеся мерой стоимости при купле-продаже, средством платежа и предметом накопления и применительно к золотым и серебряным монетам – сокровищем [РСС]; Функция Д.: мера стоимости; средство платежа [СЭС]; Металлические знаки оплаты с точным указанием ценности, выполняющие функцию мерилла стоимости, средства платежа, обращения [СОРЯ]; Монеты или бумажные билеты как мера стоимости и средства платежа [ПУШКИН].

5. **Средства:** Средства, предназначенные, отпускаемые для чего-л. [ЕФРЕМОВА]; Предназначенные для целесообразного использования, финансирования чего-л. и т. п. материальные средства, ценность к-ых измеряется в таких знаках [МОРКОВКИН]; Денежные средства кого-, чего-л. [СОРЯ].

6. **Заработная плата:** *разг.* Плата за труд; зарплата [ЕФРЕМОВА].

При выделении общих значений лексемы *деньги* в дефинициях толковых словарей мы столкнулись с определенной трудностью, суть которой в том, что во многих объяснениях сливаются, по сути, два значения: деньги как знаки и деньги как средства мены. На наш взгляд, здесь необходимо различать предмет и выполняемую им функцию, поэтому некоторые определения были отнесены в обе группы.

Далее все выделенные обобщенные семы из словарных определений были разделены две группы, формирующие ядро и периферию. Структура значения лексемы *деньги* представлена в Таблице 57.

Таблица 57 – Структура значения лексемы *деньги*

Лексема <i>деньги</i>	Семы значения в словарях
Ядерные компоненты	Бумажный знак / монета (20 словарей) Мера стоимости или мены (17 словарей)
Периферийные компоненты	Капитал (9 словарей) Средства (3 словаря) Налог (3 словаря) Заработная плата (1 словарь)

Выделены два ядерных значения лексемы *деньги*. Они относятся к деньгам как средству обмена товаров и услуг. Очевидно, что остальные четыре элемента значения не являются общеупотребительными.

С целью анализа и выявления динамики имени ценности *деньги* в ОМ носителей русского языка и культуры были проанализированы также существующие ассоциативные словари (Таблица 58). Искомый стимул присутствовал в девяти источниках. Нами приводятся лишь неединичные реакции, для того чтобы сравнить ядро стимула каждого из словарей.

Таблица 58 – Сравнение ядерных реакций в ассоциативных словарях на стимул *деньги*

	РАС	САС	ЕВРАС	СИБАС
1.	<i>большие</i>	<i>много</i>	<i>зло</i>	<i>зло</i>
2.	<i>много</i>	<i>богатство</i>	<i>много</i>	<i>много</i>
3.	<i>бешенные</i>	<i>зло</i>	<i>власть</i>	<i>богатство</i>
4.	<i>кошелек</i>	<i>большие</i>	<i>богатство</i>	<i>власть</i>
5.	<i>рубль</i>	<i>власть</i>	<i>бумага</i>	<i>бумага</i>
6.	<i>золото</i>	<i>кошелек</i>	<i>большие</i>	<i>большие</i>
7.	<i>бумага</i>	<i>мало</i>	<i>не пахнут</i>	<i>работа</i>
8.	<i>крупные</i>	<i>доллары</i>	<i>рубли</i>	<i>время</i>
9.	<i>нужны</i>	<i>зеленые</i>	<i>валюта</i>	<i>рубли</i>
10.	<i>мало</i>	<i>золото</i>	<i>кошелек</i>	<i>возможность</i>

Таблица 59 – Сравнение ядерных реакций в ассоциативных словарях на стимул *деньги*
(продолжение)

	ГУЦ	ГОЛЬДИН	БУТАКОВА	РУДАКОВА
1.	<i>доллары</i>	<i>рубль</i>	<i>зло</i>	<i>рубль</i>
2.	<i>бумага</i>	<i>плата</i>	<i>власть</i>	<i>бабло</i>
3.	<i>власть</i>	<i>получать</i>	<i>богатство</i>	<i>валюта</i>
4.	<i>бабки</i>	<i>богатый</i>	<i>бумага</i>	<i>средства</i>
5.	<i>лавэ</i>	<i>штраф</i>	<i>зарплата</i>	<i>богатство</i>
6.	<i>много</i>	<i>получить</i>	<i>вода</i>	<i>зло</i>
7.	<i>кошелёк</i>	<i>считать</i>	<i>грязь</i>	<i>купюры</i>
8.	<i>бабло</i>	<i>занимать</i>	<i>счастье</i>	<i>доллары</i>
9.	<i>богатство</i>	<i>время</i>	<i>доллары</i>	<i>монеты</i>
10.	<i>филки</i>	<i>терять</i>	<i>сила</i>	<i>работа</i>

На основании полученных данных можно констатировать, что стимул *деньги* связывается с *богатством*, *злом* (5 словарей) и *властью* (4 словаря). В качестве платежного средства выступают *рубли* (4 словаря), *доллары* (3 словаря) и *валюта* (2 словаря). Характерно также субъективное отношение к *деньгам* в форме ассоциатов *много* (3 словаря) – *мало* (2 словаря). При этом общей тенденцией является реакция, выражающая направленность действия – *получить* (2 словаря) и атрибутивную

характеристику – *большие* (3 словаря). Отметим несколько ассоциаций, связанных с материалом, из которого изготавливаются денежные знаки, – *бумага* (3 словаря), обычным местом их хранения – *кошелек* (2 словаря), а также способом получения – *работа* (2 словаря). Широко известная фраза «Время – деньги» также нашла отражение в некотором количестве ответов, формирующих ядро реакций (2 словаря).

В процессе проведения свободного АЭ было опрошено 444 информанта, получен 401 ответ и 43 отказа.

После обработки полученных ответов ассоциативное поле имени ценности *деньги* имеет следующий вид:

ДЕНЬГИ: Работа **60**; власть **55**; богатство **48**; возможность **44**; достаток **37**; свобода **35**; успех **30**; рубль, труд **28**; заработок **27**; покупки **24**; доллар **22**; зарплата, средства **21**; зло **20**; бизнес **18**; золото **17**; доход **16**; банк, купюра **15**; валюта, монета, счастье **14**; время, здоровье, оплата, траты **13**; наличные **12**; благополучие, желание, кредит, состояние, счет, товар **11**; евро, копилка, прибыль **10**; зелень, роскошь **9**; алчность, бюджет, дом, капитал, карты, кошелек, машина, независимость, необходимо, путешествия, экономика **8**; благосостояние, бумага, взятка, капитализм, обеспечение, обмен, сила, спокойствие, цена **7**; отдых, помощь, сумма, финансы **6**; корысть, магазин, мелочь, ресурс, стабильность, страна, удовольствие **5**; грязь, дети, долг, дорога, зависть, займ, имущество, казна, касса, комфорт, ложь, **любовь**, мало, накопление, недвижимость, нужда, ответственность, проблема, развитие, слава, статус, средства существования, уверенность, ценность **4**; благотворительность, еда, искушение, кэш, легкость, люди, материальная, налоги, портмоне, порядок, престиж, радость, удача **3**; акции, благо, бумажки, вложения, **воля**, вседозволенность, границы, дела, делай, дорого, забота, зависимость, идеи, инвестиции, интерес, карточка, карьера, компания, наемники, напряжение, неумение, подарки, положение, рабство, разврат, реализация, рыбалка, серый, солидность, карты, деньги, два ствола, трудоустройство, увлечения, упорство, управление, не хватает, цель, ценник, эквивалент, элита **2**; авторитет, актив, активность, армия, бабло, бартер, бедность, безграничность, безнал, бережливость, бесконечность, бетономешалка, большие, борьба, важность, дать взаймы, вклад, вода, выплаты, грех, дарить, движение, девушка, **доброта**, довольствие, дождь, дозволенность, должник, достаток, достаточно, достоинство, доступ, досуг, дурные, единица, жадность, зажиточность, зарплата, зарабатывать, звенят, земля, знания, игрок, инструмент, интернет, казино, капуста, качество, к богатству, квартира, клад, копейка, коррупция, край, краб Крабс, крутость, купля, лекарства, ликвидность, мешок,

микросхема, миллионера, много не бывает, могущество, надежда, нажива, нал, наслаждение, наследство, недозволенно, неравенство, нефть, образование, обращение, обуза, обязанность, одно из важных средств существования, опасность, остров, откровение, отношение, отчаяние, отчет, не пахнут, плата, плохо, победа, побольше, поддержка, пожертвования, поиск, покупать, полумрак, получил, получка, портят людей, потребность, правительство, предательство, предки, прекрасно, премия, пренебрежение, преодоление, продажа, просторы, птица, развлечения, раздор, размен, растрата, результат, родители, рост, самолет, самостоятельность, **семья**, сигара, скверность, сложность, служба, смелость, соль, старания, старший, стоимость, страсть, структура, телец, терпение, тлен, тугрики, тщеславие, тяжело, **уважение**, удовлетворенность, украшение, услуга, устала, фунты, характер, хруст, целеустремленность, цепи, церковь, цинизм, цифры, чек, честь, шоппинг, экономия, экономист, яхта 1.

Выделим в ассоциативном поле ядро и периферию. На графике «каменистой осыпи», представленном ниже (Рисунок 30), видно, что ядром исследуемой ценности *деньги* являются три элемента.

Рисунок 30 – Соотношение частоты ответов испытуемых с реакциями на стимул *деньги*

При помощи метода сингулярного разложения выясним, какие элементы формируют ядро (слова представлены в виде основ без грамматических формантов) (Таблица 60).

Таблица 60 – Связи реакций на стимул *деньги* в АЭ

ДЕНЬГИ	Коэффициенты слов при сингулярном разложении		
	Концепт 1	Концепт 2	Концепт 3
богатств	0,035007	-0,056043	0,069973
бумаг	0,000915	-0,000833	0,000335
бюджет	0,002686	-0,001707	0,002092
валют	0,004041	-0,005861	0,001027
взятк	0,002007	-0,002187	-0,002884
власт	0,046188	-0,059636	-0,012674
...			
путешеств	0,003783	-0,003655	0,005802
работ	0,058462	0,001678	-0,008686
ресурс	0,001825	0,001191	0,001001
роскош	0,003830	-0,006655	-0,002864

Таким образом, ядерными составляющими ассоциативного поля имени ценности деньги являются работа, власть и богатство, что совпадает с самыми частотными реакциями респондентов (таблица 61).

Таблица 61 – Сила связи ключевых реакций со стимулом *деньги*

ДЕНЬГИ	Сила связи
работа	0,058462
власть	-0,059636
богатство	0,069973

Периферию имени ценности *деньги* составляют реакции, набравшие менее пяти голосов. Соотношение между самыми частотными и единичными составляет 70 : 250, что позволяет сделать вывод о том, что 28% реакций являются общепринятыми, а 72% – индивидуально-личностными.

Сравним данные, полученные в ходе свободного АЭ, с выделенными ядерными реакциями ассоциативных словарей.

При сопоставлении данных ассоциативных словарей и проведенного свободного АЭ видно, что совпадающими реакциями являются *работа, власть, богатство, рубль*, в то время как ассоциаты *возможность, достаток, свобода, успех, труд и заработок* не были отражены в числе самых частотных реакций. Важно отметить, что если в ассоциативных словарях реакции *рубль* и *доллар* встречались практически в одинаковых позициях, то в свободном АЭ иностранная валюта, хотя и является частотной реакцией, тем не менее не входит в первую десятку самых упоминаемых ассоциаций. Также

значимым, на наш взгляд, является отсутствие реакции *зло*, зафиксированной во множестве ассоциативных словарей. Более того, по ядру мы можем наблюдать скорее положительное, нежели отрицательное отношение к анализируемой ценности, что выражено прежде всего в таких ассоциациях, как *богатство*, *достаток*, *свобода* и *успех*.

Таким образом, можно заключить, что вербальная репрезентация имени ценности *деньги* ассоциативно связана прежде всего с именем ценности *работа*, важными также остаются ассоциаты *власть* и *богатство*.

Отметим наличие в ассоциативном поле имени ценности *деньги* других анализируемых ценностей, таких как *свобода 35*, *успех 30*, *труд 28*, *любовь 4*; *воля 2*, *доброта 2*; *уважение, семья 1*. Подчеркнем, что такие имена ценностей, как *честность*, *равенство*, *дружба* и *справедливость*, не появлялись в ассоциативном поле даже в единичных реакциях.

В ассоциативном поле *деньги* обращает на себя внимание обширное субполе *бумажные знаки или монеты*, представленное как основное значение в толковых словарях: *рубль 28*; *доллар 22*; *купюра 15*; *валюта, монета 14*; *наличные 12*; *евро 10*; *зелень 9*; *капитал 8*; *финансы 6*; *мелочь 5*; *кэш 3*; *бабло, капуста, тугрики, фунты 1*; субполе *положительное отношение*: *достаток 37*, *успех 30*, *доход 16*, *счастье 14*; *благополучие 11*, *роскошь 9*, *благополучие 7*, *спокойствие, стабильность 5*, *комфорт, слава, статус, уверенность 4*, *легкость, порядок, престиж, радость, удача 3*; субполе *отрицательное отношение*: *зло 20*; *алчность 8*; *корысть 5*; *грязь, зависть, проблема 4*; *искушение 3*; *рабство, разврат 2*; *бедность, грех, дурные, жадность, коррупция, нажива, портят людей, пренебрежение, скверность, тлен, тщеславие 1*.

В ранжировании ценности *деньги* приняли участие 408 человек. Среднее значение ценности 11,45, что выразилось примерно одинаковыми оценками респондентов в диапазонах 5-10 и 15-20 с преимуществом ответов в рамках от 10 до 15. Ранг ценности в иерархии – 13. Стандартная девиация составила 5,3, что соответствует норме (Таблица 62).

Таблица 62 – Ранжирование ценности *деньги*

Ранг ценности	Статистические данные					
	Имя ценности	Общее количество ответов	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение	Стандартная девиация
13	<i>деньги</i>	408	11,45588	1,000000	20,00000	5,316334

На основании полученных данных по ранжированию можно заключить, что оценки респондентов имели большой разброс, что говорит об относительной значимости ценности *успех* для представителей русского этноса.

Нами был проведен опрос респондентов с заданием указать автора и название литературного произведения, представляющего имя ценности *семья*. Было получено 376 ответов и 68 отказов. Самыми частотными произведениями стали следующие: Т. Драйзер «Финансист» **47**; Н. В. Гоголь «Мертвые души» **46**; Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание» **35**; Ф. С. Фицджеральд «Великий Гэтсби» **29**; К. Маркс «Капитал» **14**; Р. Кийосаки «Богатый папа, бедный папа» **13**; Дж. Р. Белфорт «Волк с Уолл-стрит» **13**; И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев» **13**; Д. И. Фонвизин «Недоросль» **11**; О. де Бальзак «Гобсек» **8**; Н. В. Гоголь «Ревизор» **8**; А. Н. Островский «Бесприданница» **8**; Ч. Диккенс «Домби и сын» **7**; А. Дюма «Граф Монте-Кристо» **6**; А. С. Пушкин «Пиковая дама» **6**; И. А. Бунин «Господин из Сан-Франциско» **5**; Ф. М. Достоевский «Идиот» **5**; А. Хейли «Менялы» **5**.

Доля респондентов, выбравших каждое из указанных произведений, отражена на круговой диаграмме (Рисунок 31).

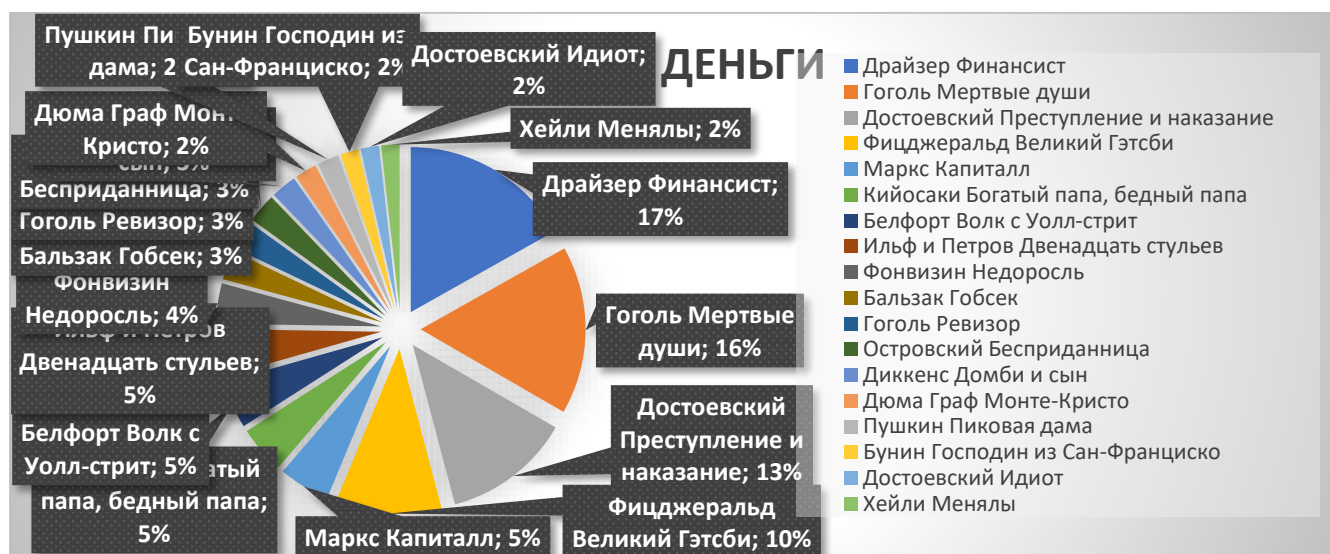

Рисунок 31 – Ядро литературных произведений, отражающих имя ценности *деньги*

Таким образом, более трети (33%) опрошенных выделяют произведения Т. Драйзера «Финансист» и Н. В. Гоголя «Мертвые души» в качестве репрезентантов ценности *деньги*.

Полученный список произведений был проанализирован еще раз с целью выяснить, влияют ли возрастные различия на выбор литературного произведения, отражающего имя ценности *деньги*. Все респонденты (444 человека) были условно разделены на три возрастные группы: группа 1 – 15-22 года (174 человек), группа 2 –

23-35 лет (165 человека), группа 3 – 36-80 лет (105 человек). Самые частотные произведения с учетом возраста представлены в Таблице 63.

Таблица 63 – Сравнительная таблица выбора литературных произведений с учетом возраста респондентов

№ п/п	Группа 1	Группа 2	Группа 3
1	<i>Гоголь «Мертвые души» (19)</i>	<i>Драйзер «Финансист» (21)</i>	<i>Драйзер «Финансист» (21)</i>
2	<i>Достоевский «Преступление и наказание» (15)</i>	<i>Гоголь «Мертвые души» (18)</i>	<i>Гоголь «Мертвые души» (9)</i>
3	<i>Фицджеральд «Великий Гэтсби» (10)</i>	<i>Фицджеральд «Великий Гэтсби» (15)</i>	<i>Достоевский «Преступление и наказание» (9)</i>
4	<i>Белфорт «Волк с Уолл-стрит» (6)</i>	<i>Достоевский «Преступление и наказание» (10)</i>	<i>Маркс «Капитал» (4)</i>
5	<i>Драйзер «Финансист» (5)</i>	<i>Белфорт «Волк с Уолл-стрит» (7) / Маркс «Капитал» (7)</i>	<i>Фицджеральд «Великий Гэтсби» (4)</i>

Данные анализа показывают, что роман Т. Драйзера «Финансист» является репрезентантом ценности *деньги* для старших возрастных групп, для младшей группы таким произведением выступает поэма «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Необходимо все же отметить, что оба произведения упоминаются респондентами во всех группах, точно так же, как и роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», хотя и не в лидирующих позициях.

Вопрос о роли денег в жизни человека очень часто поднимался в литературе. Данная тема ярко воплощена в произведении Н. В. Гоголя «Мертвые души», где на примере некоторых героев показано, как трансформирует людей погоня за богатством. Основной идеей текста является обличение пороков общества. Автор указывает на то, что на самом деле «мертвыми душами» следует считать живых людей, которые погрязли в собственной алчности и стремлении нажиться. Здесь стоит вспомнить наставление отца Чичикова: «Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи копейку: эта вещь надежнее всего на свете» [Гоголь URL]. Иными словами, все сводится к собственной выгоде. В обществе царят прислужничество, обман и эгоизм. Гоголь показывает, что деньги неотделимы от пороков общества: «Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой» [Там же]. Именно такое мнение царит в обществе. Гоголь показывает, что люди живут ради денег

и роскоши, опускаясь до невероятных низостей и даже не понимая, что их существование бесцельно, а сами они уже давно превратились в «мертвые души»: «...и вот те деньги, которые бы поправили сколько-нибудь дело, идут на разные средства для приведения себя в забвенье. Спит ум, может быть обретший бы внезапный родник великих средств; а там имение бух с аукциона, и пошел помещик забываться по миру с душою, от крайности готовою на низости, которых бы сам ужаснулся прежде» [Там же].

Власть денег над людьми показывает и Ф. М. Достоевский в романе «Преступление и наказание», где деньги не просто являются средством оплаты и регуляции экономической жизни человека, а представляют собой мерило человечности в обществе. У главного героя романа – Родиона Раскольникова – неоднозначное отношение к деньгам. Скрепя сердце принимает он от матери и сестры переводы на сумму 60 и 35 рублей, хотя понимает, что деньги очень тяжело тем достаются, однако с легкостью отдает их Мармеладовым. «Последние деньги на похороны вдове отдал! Ну, захотел помочь – дай пятнадцать, дай двадцать, ну да хоть три целковых себе оставь, а то все двадцать пять так и отвалил!» [Достоевский 1973: 195], – так комментирует поступок Р. Раскольникова Разумихин. Таким образом, рубль, с которым герой появляется в начале произведения так и остается «неразменным», потому что олицетворяет в духовном смысле сопричастность ко всему роду человеческому.

В молодежных группах встретились также указания на произведения зарубежных писателей: «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда и «Волк с Уолл-стрит» Дж. Белфорта.

В «Великом Гэтсби» автор показывает, что главный герой влюбился в Дэзи из-за ее недостижимости как представительницы высшего класса. Безусловно, Дэзи была юна и прекрасна, но «она была первой “девушкой из общества” на его пути» [Фитцджеральд URL], поэтому на ее месте, в принципе, мог оказаться кто угодно. Очевидно, что решающей причиной стало ее финансовое положение, которое являлось чем-то диковинным для героя: «С ошеломительной ясностью Гэтсби постигал тайну юности в плену и под охраной богатства, вдыхая свежий запах одежды, которой было так много, – а под ней была Дэзи, вся светлая как серебро, благополучная и гордая – бесконечно далекая от изнурительной борьбы бедняков» [Фитцджеральд URL]. Автор сравнивает Дэзи с серебром, использует метафору по отношению к ее голосу – «в нем звенят деньги» [Фитцджеральд URL], подчеркивая, что в восприятии Гэтсби любовь и богатство – неразделимые понятия. При этом конец произведения позволяет сделать

вывод о том, что никакие деньги, роскошь, безумные вечеринки с толпой едва знакомых людей не могут заменить простое человеческое счастье.

В почти автобиографическом романе Дж. Белфорта «Волк с Уолл-стрит» *деньги* являются не просто средством существования, они предстают даже не как цель, а выступают как сама жизнь. *Деньгами* пронизаны все действия и мысли героев, причем не важно, как они появляются, ведь каждый понимает, что большие *деньги* не зарабатываются, их получают часто бесчестным способом. Этот способ получения прибыли объединяет оба произведения американских писателей, хотя они и принадлежат к разным эпохам. Важно также акцентировать внимание на том, что анализируемые произведения экранизированы и являются весьма популярными, даже нашумевшими, поэтому выбор обоих произведений респондентами в опросе мог осуществляться и под влиянием экранных образов.

Ближнюю периферию составили следующие произведения: Э. М. Ремарк «Черный обелиск», Г. Флобер «Госпожа Бовари» **4**; Ф. М. Достоевский «Игрок»; Ф. М. Достоевский «Подросток»; Т. Драйзер «Американская трагедия»; Э. Золя «Деньги»; Г. де Мопассан «Милый друг»; Ю. Олеша «Три толстяка»; А. Рэнд «Атлант расправил плечи»; У. Теккерей «Ярмарка тщеславия»; Л. Н. Толстой «Золотой ключик» **3**; Н. В. Гоголь «Портрет»; Н. В. Гоголь «Шинель»; И. А. Гончаров «Обломов»; Т. Драйзер «Сестра Керри»; П. Коэльо «Алхимик»; Дж. Лондон «Время не ждет»; А. Н. Островский «Бешеные деньги»; «Повесть о купце, купившем мертвое тело и ставшем царем»; А. С. Пушкин «Скупой рыцарь»; Р. Стивенсон «Остров сокровищ»; Б. Франклин «Путь к богатству»; А. П. Чехов «Вишневый сад»; А. П. Чехов «Ионыч» **2**.

Список произведений *дальней периферии* приведен в Приложении 1.

Выделим и проанализируем ситуации, репрезентирующие имя ценности *деньги* в романе Т. Драйзера «Финансист». Важно отметить, что даже само название произведения непосредственно связано с финансами, а в самом романе упомянуто множество финансовых терминов, таких как «консигнация», «котировка», «сбыт товара», «посредничество», «клиенты», «торговый дом», «биржа» и другие.

Главной интенцией произведения является то, что зарабатывание денег становится целью существования человека: деньги не только определяют его судьбу, но и меняют мировоззрение. Сюжет всего произведения основывается на изменении финансового положения в течение жизни главного героя, Фрэнка, и его тяге к заработку. Автор показывает, что желание зарабатывать деньги может изменить мышление человека, заставить его преступить закон, забыть о нравственности: «Он [Фрэнк]

походил на молодую охотничью собаку, учувшую дичь. Отец не мог противиться его настояниям [Драйзер 1986: 22], «Так коршун настороженно выжидает случая вырвать добычу из когтей соперника» [Там же: 49], «Похоже, Нэнси, что у тебя растёт финансист. Он [Фрэнк] смотрит на вещи, как настоящий делец» [Там же: 17].

Имя ценности *деньги* наиболее ярко проявляется в самом начале романа – автор рассказывает о тяге главного героя к финансовому делу в эпизоде, когда Фрэнк впервые зарабатывает деньги: «Мозг юного Каупервуда напряженно работал. Денег у него с собой не было, но его отец служил помощником кассира в Третьем национальном банке, и Фрэнк мог сослаться на него. Все это мыло, без сомнения, удастся продать бакалейщику по соседству с домом, а если не ему, то еще какому-нибудь лавочнику. Нашлись ведь и другие, желавшие приобрести его по такой цене. Так почему бы мыло не купить Фрэнку?» [Там же: 20].

Основная идея романа поддерживается предикациями более низких уровней и включает следующие положения: деньги необходимо не только копить, они должны работать; кроме того, они дают безграничные возможности. Кульминацией выступает жизненная философия главного героя, который верит, что настоящий человек не должен быть исполнителем чужой воли и работать на других, люди этого сорта должны обслуживать его, Фрэнка [Там же: 51].

Интенциональный анализ романа Т. Драйзера «Финансист» с выделенными ситуациями и примерами, подтверждающими выбор респондентами в качестве репрезентанта имени ценности *деньги*, представлен в Приложении 2.

Ниже приведена графическая схема макроструктуры романа Т. Драйзера «Финансист» (Рисунок 32).

Рисунок 32 – Графическая схема макроструктуры романа Т. Драйзера «Финансист»

Подводя краткий итог проведенного комплексного анализа имени ценности *деньги*, можно отметить следующее:

1. Лексема *деньги* представлена двумя основными и четырьмя дополнительными семами в толковых словарях.

2. По данным ассоциативных словарей, респонденты ассоциируют *деньги* с *богатством, злом и властью*. Вербальная репрезентация анализируемой ценности в свободном АЭ оказалась немного иной и связана прежде всего со значением ценности

работа, хотя ассоциаты *власть* и *богатство* также присутствуют в ядре реакций. Последние ярко проявились в произведении Т. Драйзера, поскольку *деньги* в англоязычной культуре воспринимаются как одна из основных целей человеческой жизнедеятельности, они дают власть, богатство, приносят пользу. Под влиянием западных ценностей и в русском ОМ начали появляться не только утилитарная, но и ценностная природа денег, их значимость как личного императива.

3. Репрезентантом имени ценности *деньги* в группах 2 и 3 выступил роман Т. Драйзера «Финансист», молодежная группа выбрала произведение Н. В. Гоголя «Мертвые души».

3.4. Структура и содержание аксиологической сферы как подсистемы образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке

Согласно выдвинутой в исследовании гипотезе, аксиологическая сфера как подсистема ОМ представляет собой нежесткую структуру, элементы которой, находясь между собой в сложных связях пересечения и соподчинения, под воздействием внутренних и внешних факторов изменяют содержание и саму структуру ценностного пространства, что обуславливает динамику ОМ носителя русского языка и культуры в XXI веке.

Аналитический обзор работ, посвященных изучению ОМ, позволил доказать, что система ценностей в сознании каждого человека формируется под воздействием внутренней деятельности человека, отражается в образах сознания [Леонтьев 1983], а содержание этих образов «овнешняется» в речевой деятельности [Леонтьев 1988; Тарасов 2004, 2008], исследование которой дает возможность выявить то, что стоит за каждым словом, обозначающим ценность [Залевская 1997, 2005].

Система ценностей, составляющая аксиологическую сферу личности как представителя определенной культуры и социальной группы, включена в ее тезаурус [Караулов 2009; Сорокин 1985; Дридзе 1982], и в общей структуре ОМ, вместе с мотивами и моделями поведения, обусловленными культурой, относится к его ядру – прагматикону [Караулов 2002], определяющему мировоззрение человека, его активное отношение к окружающей действительности.

Содержание данной системы ценностей эксплицируется в ассоциативных реакциях, отражающих психологически реальное значение входящих в нее слов в индивидуальном сознании. Однако, несмотря на тот факт, что речь идет об

индивидуальном / психологически реальном / субъективном значении или, в определении психологов, смысле слова, представляющем собой, в отличие от конвенционального значения, представленного в словарях, некодифицированную форму опыта, как указывал еще А. А. Леонтьев, такой смысл может разделяться определенной группой людей в силу того, что ее представители проходят социализацию в одинаковых условиях. На нынешнем этапе развития общества, как отмечалось ранее (см. раздел 2.3.2.), процесс социализации, как и типы деятельности, где человек является прежде всего объектом воздействия, имеют, с одной стороны, виртуальный, а с другой – предельно упрощенный характер, определяемый современными цифровыми технологиями и СМК, практически заменившими собой процесс воспитания и образования. Этот фактор не может не влиять на смысловое содержание ценностей, входящих в аксиологическую сферу человека XXI века.

Проведенный эксперимент показал, что в настоящее время в аксиологическую сферу носителя русского языка и культуры включены следующие ценности: *семья, любовь, дружба, доброта, свобода, честность, уважение, мир, справедливость, воля, труд, успех, деньги, культура, равенство, родина, толерантность, патриотизм, коллективизм, религиозность*, при этом в ядре оказываются *семья, любовь, уважение, дружба, свобода*, периферия представлена следующими компонентами: *честность, доброта, мир, деньги, успех, труд, культура, справедливость, патриотизм, коллективизм, родина, толерантность, воля, равенство и религиозность*.

В целом полученные в результате анализа данные подтверждают выдвинутую в исследовании гипотезу, что аксиологическая сфера русского ОМ представляет собой сложную систему взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, которые пересекаются и подчиняются друг другу.

Каждое имя ценности ассоциируется с другими именами ценностей, которые определяют ее структуру и содержание, и именно их наличие и нелинейная связь позволяют через один элемент влиять на остальные.

На основании результатов ранжирования было выявлено, что основными ценностями современных носителей русского языка и культуры являются *семья и любовь*.

Результаты проведенного нами анализа по данным свободного АЭ позволяют утверждать, что имя ценности *семья* имеет связи с другими анализируемыми нами ценностями, такими как *любовь* **134**, *дружба* **11**, *родина*, *уважение* **10**, *доброта* **9**, *мир* **6**, *труд* **2**, *деньги*, *честность* **1**, в то время как имя ценности *любовь* включает в себя следующие элементы: *семья* **105**, *уважение* **29**, *родина* **16**, *дружба* **12**, *мир* **11**, *честность* **6**, *деньги*, *доброта* **5**, *труд* **4**, *свобода* **1** (Рисунок 33).

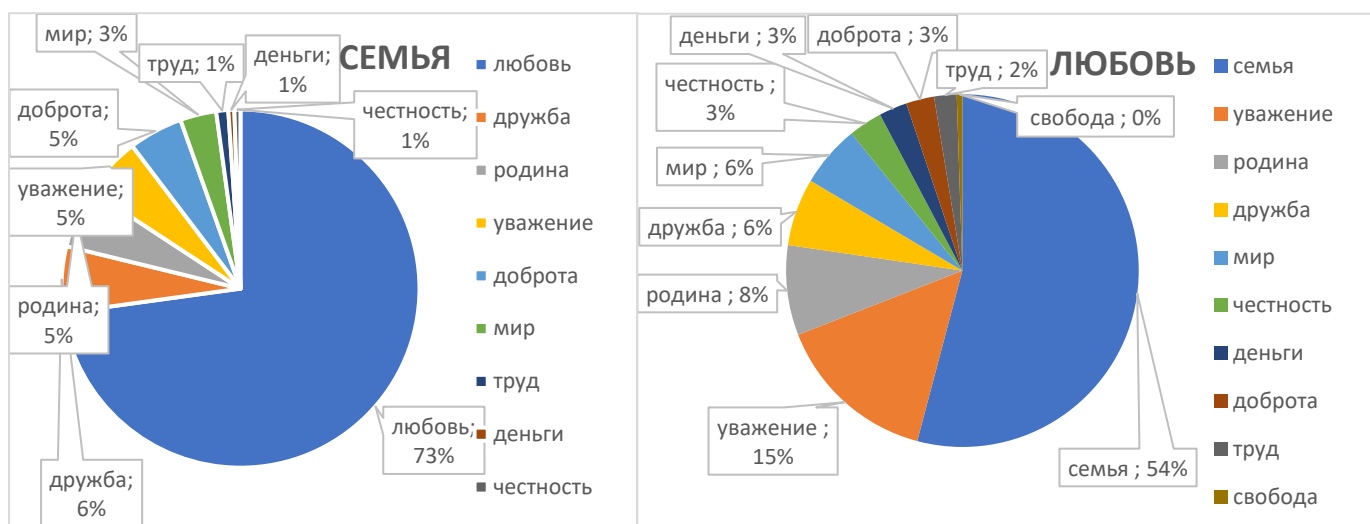

Рисунок 33 – Структура ассоциативных связей имен ценностей *семья* и *любовь*

В данном случае обращает на себя внимание то, что, несмотря на вполне закономерную связь *семьи* прежде всего с *любовью*, в смысловом содержании этой ценности на периферии находятся такие компоненты, как *родина* и *мир*, которые увеличивают свой вес в структуре значения слова *любовь* наряду с *уважением* (практически четырехкратно), *честностью*, *дружбой*, *трудом*, *деньгами*. Здесь же появляется новый компонент *свобода*.

В имени ценности *семья* выделяется еще и связь с именем ценности *родина*, поскольку *семья* в этом случае рассматривается как более широкое понятие, нежели только узкий круг значимых близких. Этот более широкий контекст означает принадлежность к народу, у каждого из членов которого существует своя малая и большая родина.

С именем ценности *семья* ассоциативно связаны также ассоциаты *доброта*, *уважение* и *честность*, то есть ценности, составляющие основу семейных отношений.

Существенными связями с именем ценности *любовь* обладают три элемента: *семья*, *уважение* и *родина*. Как уже упоминалось, *любовь* и *семья* взаимосвязаны. В имени ценности *родина* в составе анализируемого имени ценности *любовь* отражено чувство сопричастности, принадлежности к обществу. Важным ассоциатом здесь

оказывается *уважение* как основа всякой настоящей любви. Таким образом, содержание обеих ядерных ценностей, репрезентированных в аксиологической сфере ОМ, показывает, что они включают еще три основных компонента: *дружба*, *уважение* и *родина*. Совпавшие элементы свидетельствуют о стабильности ядра. На периферии связей находятся такие ассоциаты, как *мир*, *честность*, *деньги*, *доброта*, *труд* и *свобода*. Имя ценности *любовь* ассоциативно связано с десятью другими именами ценностей.

Отметим, что у имен ценностей *семья* и *дружба* совпадения наблюдаются в ядре, что говорит не просто о близости значений, но об их взаимообусловленности. У имени ценности *дружба* связь ближе с *любовью*, чем с *семьей*.

Считаем необходимым отметить и еще один немаловажный факт: как ядро, так и периферия двух анализируемых имен ценностей представлена одинаковыми элементами, что еще раз подтверждает их близость в русском ОМ.

Отмеченный в составе имени ценность *любовь* компонент *свобода* проявляется и в составе имени ценности *дружба*, но здесь его упоминание единично. Значительно более высокий вес имеют компоненты *доброта* **19** (второй по значимости после *любви* – **32**). Помимо этого ценность *дружба* имеет в своей структуре и другие ценности, такие как *честность* **15**; *мир*; *уважение* **11**; *семья* **7**; *равенство* **4**; *воля* **2**; *деньги*, *свобода* **1** (Рисунок 34).

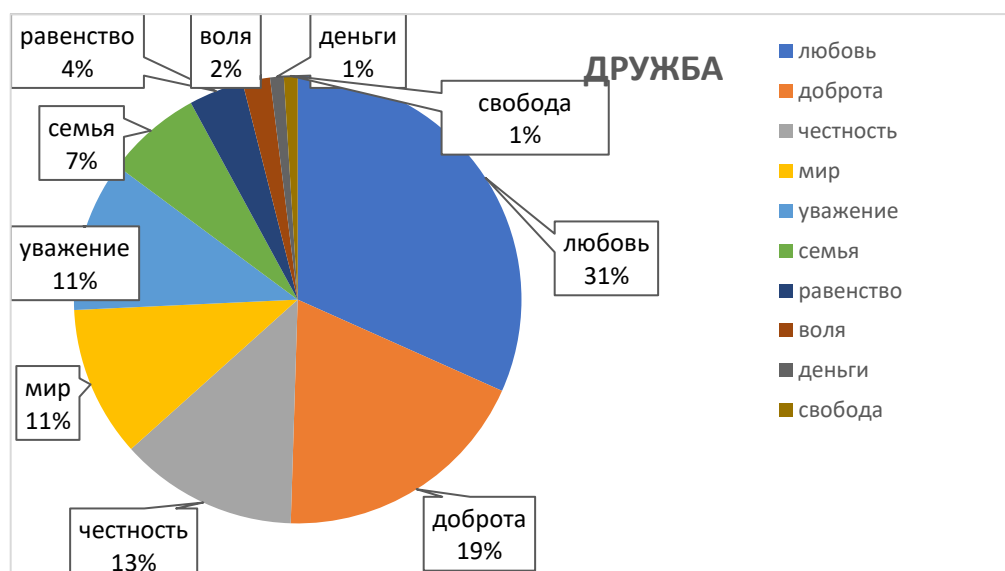

Рисунок 34 – Структура ассоциативных связей имени ценности *дружба*

Таким образом, для имени ценности *дружба* важными ассоциатами являются *любовь*, *доброта* и *честность*.

При сравнении имен ценностей *дружба* и *доброта* важно отметить, что их главными совпадающими компонентами выступают *любовь*, *честность* и *мир*. При этом в качестве второго ядерного элемента выступает имя ценности *доброта* у ценности *дружба* и *семья* – у ценности *доброта*. Периферию имени ценности *доброта* составили *дружба 15*, *уважение 9*, *справедливость 7*, *воля*, *деньги*, *свобода*, *толерантность*, *успех 1* (Рисунок 35).

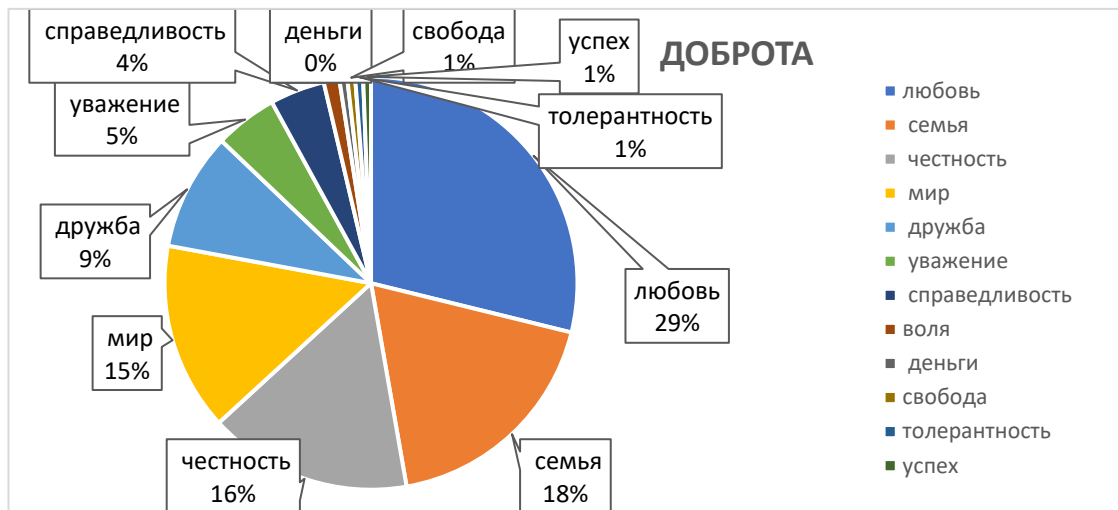

Рисунок 35 – Структура ассоциативных связей имени ценности *доброта*

Таким образом, ядро аксиологической сферы стабильно, включает пару *семья* – *любовь*. Имена ценностей *дружба* и *доброта* оказываются ассоциативно близки к выделенной паре, содержание входящих в них элементов пересекается. Направление стрелки показывает, с какими ценностями ассоциативно связана ценность (в рамке). Двухнаправленная стрелка, как между ценностями *семья* и *любовь*, демонстрирует взаимообусловленность их содержания (Рисунок 36).

Отметим также, что большинство компонентов имен ценностей *дружба* и *доброта* также совпали, что свидетельствует о стабильном ядре аксиологической сферы ОМ.

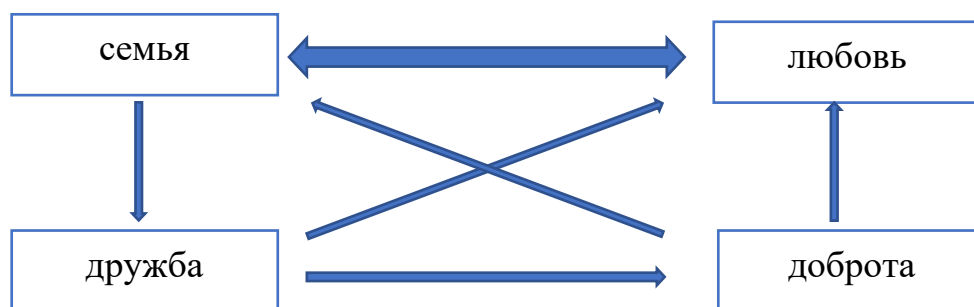

Рисунок 36 – Связи между элементами в ядре аксиологической сферы

По результатам свободного АЭ выяснилось, что имя ценности *свобода* у большинства респондентов близко к одной из сем словарного значения слова – *воля* (N=72). *Свобода* также имеет тесные связи с такими именами ценностей, как *мир* (N=33) и *равенство* (N=26).

Следует отметить еще один ключевой момент. Несмотря на то, что имена ценностей появляются в структуре друг друга в ассоциативных полях свободного АЭ, их ядерные компоненты не совпадают. Так, *мир* и *равенство*, представленные как ядерные составляющие имени ценности *свобода*, являются в имени ценности *воля* элементами дальней периферии.

Триада *свобода* – *равенство* – *братство* упоминалась многими респондентами в свободном АЭ. Также ассоциативно близким элементом для имени ценности *свобода* является имя ценности *деньги*, которое вместе с именем ценности *семья* отмечено 13 участниками эксперимента. Периферию анализируемой ценности образовали такие составляющие, как *родина* **11**; *свобода*; *любовь* **8**; *честность* **5**; *дружба*; *успех* **4**; *уважение* **3**; *толерантность* **2**; *доброта*; *равенство* **1** (Рисунок 37).

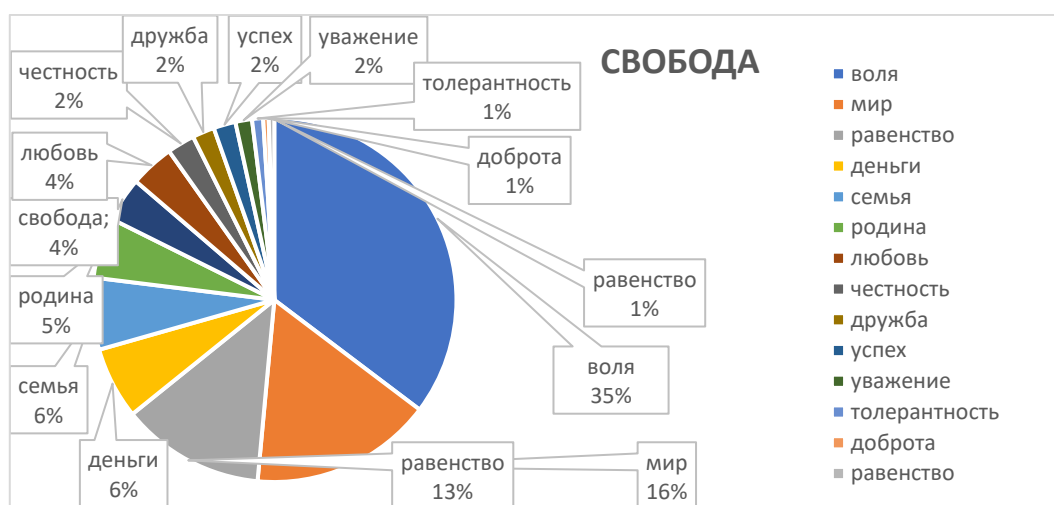

Рисунок 37 – Структура ассоциативных связей имени ценности *свобода*

Итак, описанная нами структура имен ценностей *семья*, *любовь*, *дружба* и *доброта* составили ядро аксиологической сферы современного ОМ носителей русского языка и культуры. Имя ценности *свобода*, будучи последним компонентом ядерной зоны, судя по связям между элементами, больше тяготеет к ближней периферии, поскольку оно связано с именем ценности *воля* и не содержит ассоциативно близких связей с именами ценностей ядра. Таким образом, *свобода* является пограничным элементом между ядром и ближней периферией в нежесткой структуре иерархии ценностей.

Перейдем к анализу околоядерной зоны. Как уже упоминалось, ближнюю периферию составили десять ценностей: *честность, уважение, мир, справедливость, воля, труд, успех, деньги, культура, равенство*. Остальные пять имен ценностей: *родина, толерантность, патриотизм, коллективизм и религиозность* – по результатам ранжирования составили зону дальней периферии.

Описание имен ценностей ближней периферии целесообразно начать с имени ценности *воля*, поскольку она ассоциативно определяется через имя ценности *свобода*, то есть оба имени ценности находятся в тесной связи и взаимообуславливают друг друга. Имя ценности *свобода* составляет почти 75% о суммы всех остальных ассоциатов компонентов-ценностей. Это значит, что ценность *воля* немыслима без ценности *свобода*. Все остальные 12 имен ценностей, входящие в состав имени ценности *воля*, такие как *успех, доброта 6, дружба 5, Родина, семья 4, деньги, мир, уважение 3, справедливость 2, любовь, равенство и честность 1*, существенного влияния на содержание анализируемой ценности не оказывают (Рисунок 38).

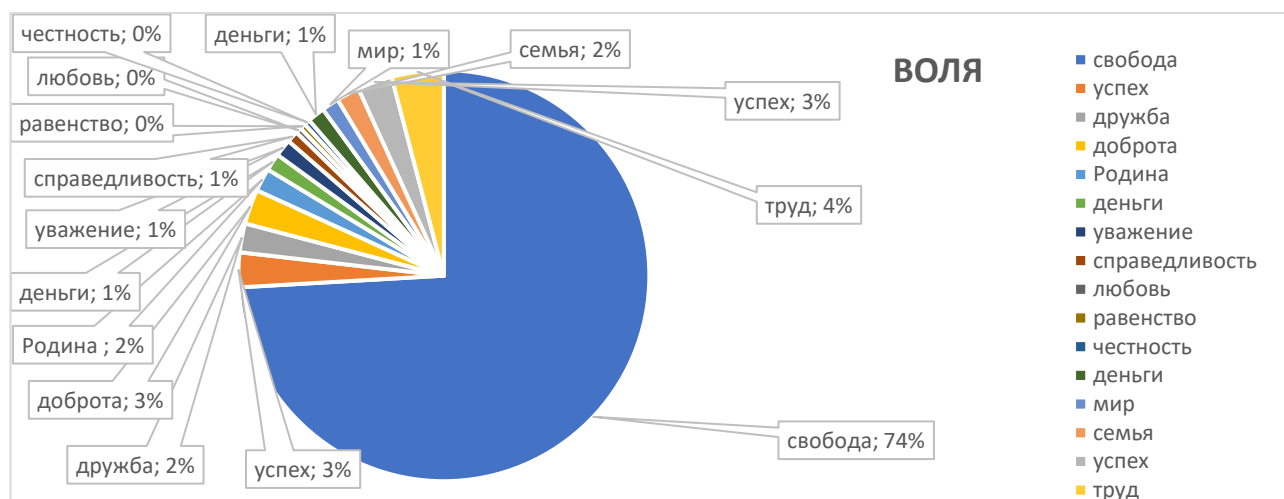

Рисунок 38 – Структура ассоциативных связей имени ценности *воля*

Изучение следующих нескольких имен ценностей считаем необходимым рассматривать в триаде *честность – справедливость – равенство*, так как они ассоциативно наиболее близки друг к другу.

Имя ценности *честность* ассоциативно определяется через *справедливость* (N=57), при этом значимыми элементами также выступают *доброта* (N=31) и *уважение* (N=24), которые в сумме набрали вдвое меньше голосов по сравнению со *справедливостью*. Остальные семь элементов, такие как *дружба 17, любовь 15, свобода 9, равенство, успех 5, труд 2, мир 1*, также имеют связи с именем ценности *честность*, однако находятся ближе к периферии, нежели к ядру (Рисунок 39).

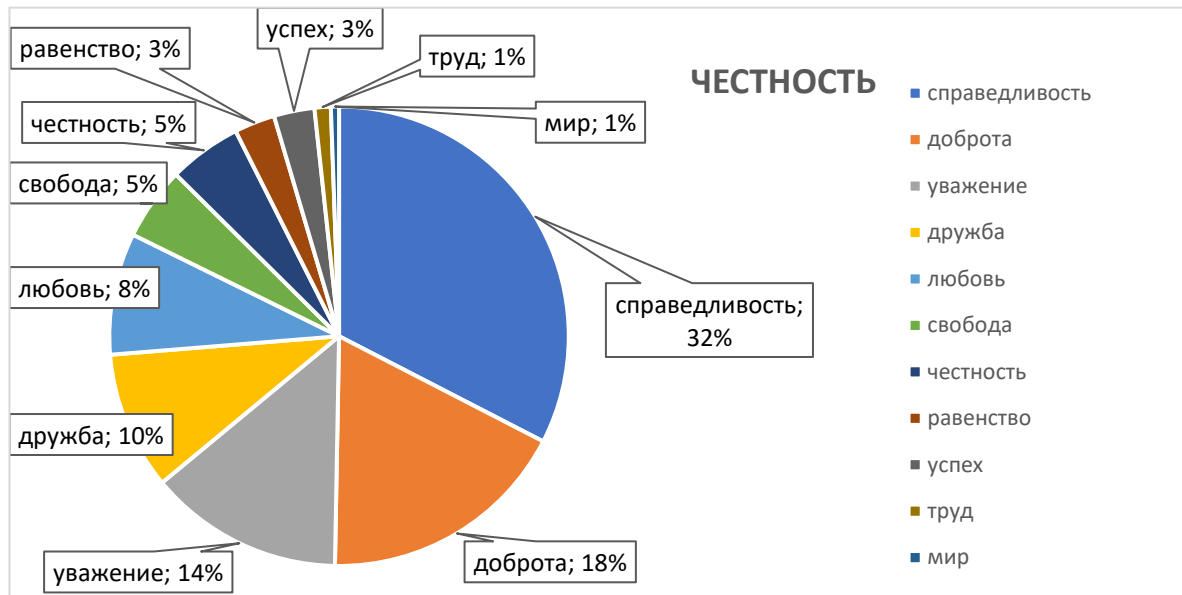

Рисунок 39 – Структура ассоциативных связей имени ценности *честность*

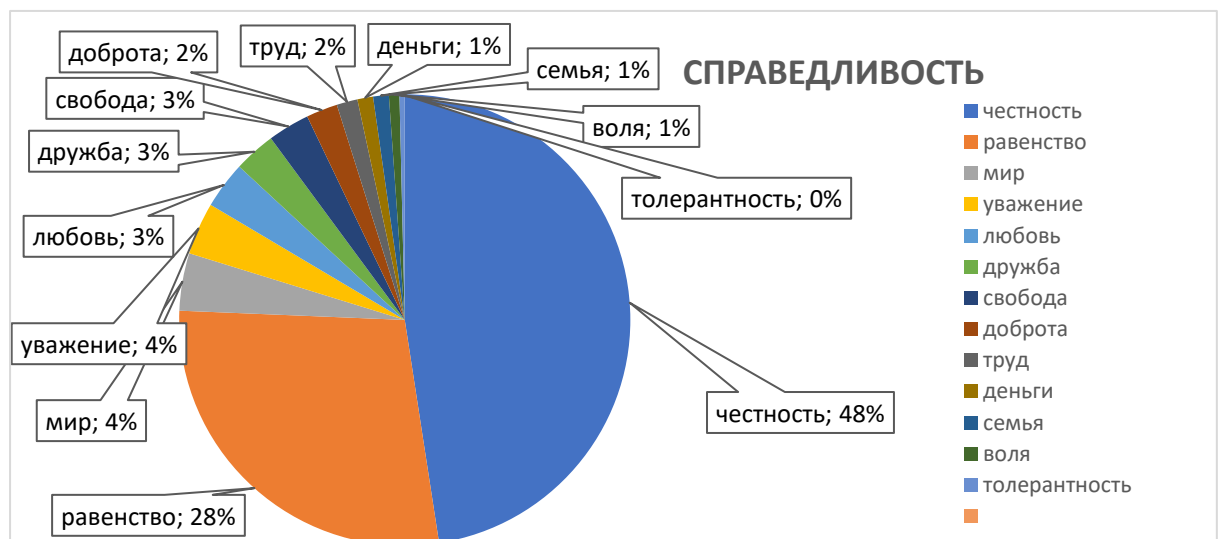
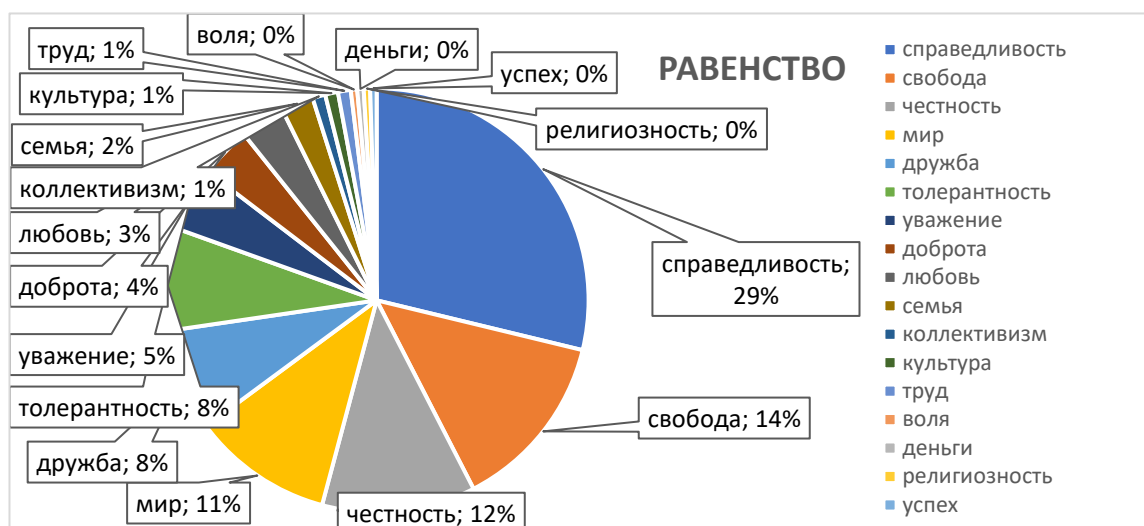

Рисунок 40 – Структура ассоциативных связей имени ценности *справедливость*

Имя ценности *справедливость* более чем на три четверти ассоциативно определяется посредством имен ценностей *честность* и *равенство*, как и в предыдущей диаде *свобода* – *воля*, при этом остальные 12 ценностей, такие как *мир* **11**, *уважение* **10**, *любовь* **9**, *дружба*, *свобода* **8**, *доброта* **6**, *труд* **4**, *деньги*, *семья* **3**, *воля* **2**, *успех*, *толерантность* **1**, набравшие в совокупности примерно 20% от общего содержания имени ценности *справедливость*, находятся на периферии ее структуры.

Значение имени ценности *равенство* также ассоциативно определяется через имя ценности *справедливость* (N=59), однако значимыми элементами в психологически реального значения ценности выступают *свобода* (N=28), *честность* (N=24) и *мир* (N=22). Перечислим остальные имена ценностей, с которыми имя ценности *равенство* находится в тесной связи. Это *дружба*, *толерантность* **16**, *уважение* **10**, *доброта* **8**,

любовь **7**, *семья*, *коллективизм*, *культура*, *труд* **2**, *воля*, *деньги*, *религиозность*, *успех* **1** (Рисунок 41).

В имени ценности *уважение* самыми тесными связями обладают элементы *семья* (N=32) и *доброта* (N=31). Нам это представляется вполне закономерным, поскольку основные морально-нравственные качества закладываются еще в детстве в семье. Кроме того, *уважение* вызывают *труд* (N=30) и *успех* (N=21). *Дружба* (N=26) также зиждется на взаимном *уважении*. Таким образом, мы наблюдаем самые прочные взаимосвязи именно с этими именами ценностей. Более слабыми связями обладают такие элементы, как *деньги* **15**, *любовь* **12**, *равенство* **4**, *родина*, *толерантность*, *воля*, *свобода*, *коллективизм*, *мир*, *патриотизм*, *справедливость* **1** (Рисунок 42).

Рисунок 41 – Структура ассоциативных связей имени ценности *равенство*

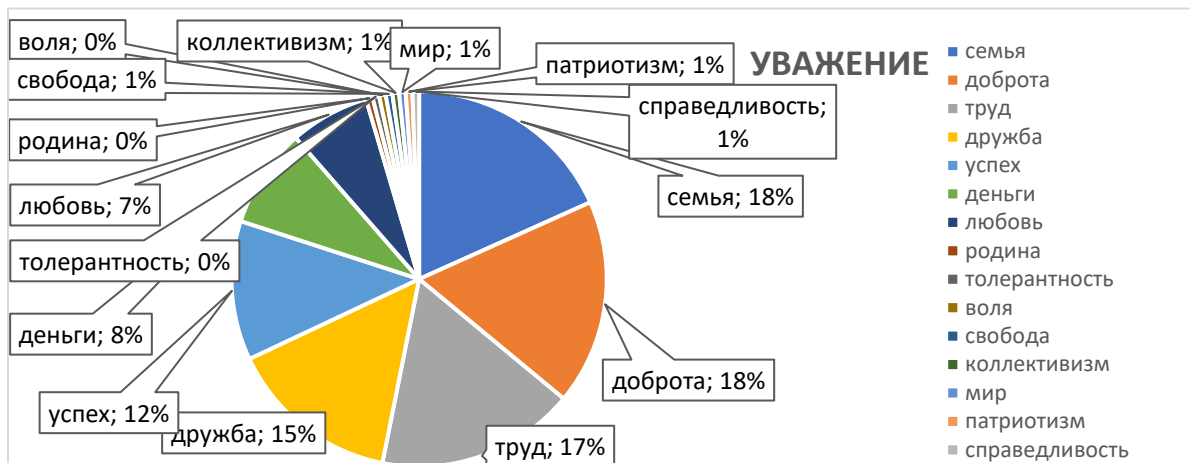

Рисунок 42 – Структура ассоциативных связей имени ценности *уважение*

Имя ценности *мир* отражает одну из обобщенных словарных сем лексемы *мир*, а именно отсутствие разногласий, ссоры, войны, а поскольку антоним вражды – это *дружба*, то именно этот ассоциативный компонент анализируемой ценности является особенно значимым. Количество упоминаний данного элемента велико (N=61) и сравнимо со вторым по счету элементом – именем ценности *труд* (N=48). С советских времен лозунг «Мир – труд – май» остается клишированной фразой, поэтому появление элемента *труд* говорит о стереотипной поверхностной ассоциации в мышлении респондентов. Перечислим остальные компоненты структуры имени ценности *мир*. Это *любовь* 21, *родина* 14, *семья* 9, *равенство* 6, *доброта* 4, *уважение*, *толерантность* 2 (Рисунок 43).

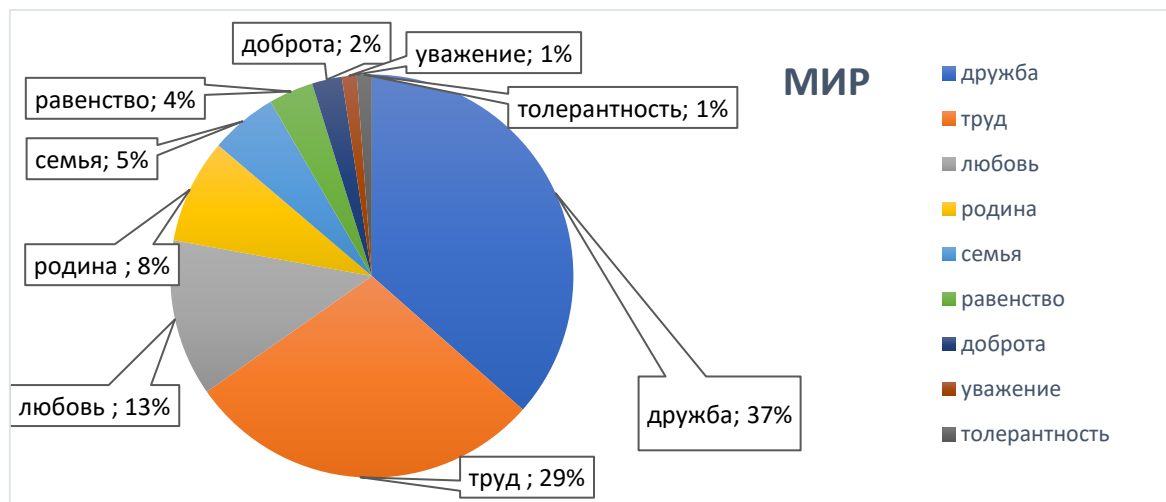

Рисунок 43 – Структура ассоциативных связей имени ценности *мир*

Следующей триадой, которую можно выделить в аксиологической сфере ОМ современного носителя русского языка и культуры, является *труд – успех – деньги*.

Считаем необходимым отметить, что если имена ценностей *труд* и *успех* ассоциативно определяются посредством друг друга и включают имя ценности *деньги*, то имя ценности *деньги* включает в свою структуру ассоциативных связей в качестве первого элемента имя ценности *свобода*, что показывает ее особую значимость. При этом показательно, что если в определении значения имени ценности *труд* ассоциаты *деньги*, а следом *успех* являются наиболее значимыми, то в случае с именем ценности *деньги* ассоциат *труд* (N=28) был не самым частотным, уступив место именам ценностей *свобода* (N=35) и *успех* (N=30). Таким образом, мы наблюдаем сдвиги в смысловом наполнении сопряженных значений, что не может не затронуть всю аксиологическую сферу ОМ. В структуре имени ценности *труд* также необходимо отметить связи с именами ценностей *мир* **27**, *уважение* **14**, *воля*, *семья*, *честность* **3**, *любовь* **2**, *коллективизм*, *равенство*, *справедливость* **1** (Рисунок 44).

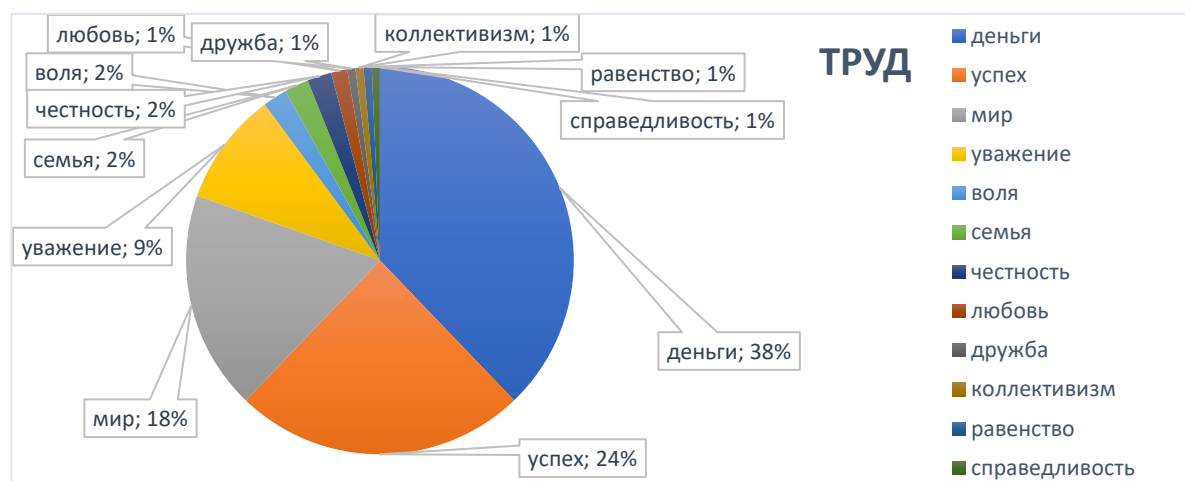

Рисунок 44 – Структура ассоциативных связей имени ценности *труд*

Выделим еще одну диаду, которая представляется близкой: *родина – патриотизм*. В свободном АЭ самой частотной реакцией на стимул *патриотизм* являлась *родина*, однако реакция *патриотизм* на стимул *родина* не является самой частотной, а занимает в ассоциативном поле только девятое место после реакций *дом* **126**, *страна* **93**, *Россия* **74**, *семья* **53**, *отечество* **45**, *мать* **44**, *любовь* **42**, *патриотизм* **39**, *отчизна* **34**. Имя ценности *родина* ассоциативно определяется через имена ядерных ценностей *семья* (N=53) и *любовь* (N=42). Это подтверждает понимание *родины* как близкого окружения, связанного с конкретным местом проживания. К слову, имя ценности *патриотизм* также тесно связано с именем ценности *любовь*, однако имя ценности *семья* находится ближе к периферии структуры.

Отметим еще несколько связей имен ценностей, формирующих дальнюю периферию системы ценностей, таких как *толерантность*, *коллективизм* и *религиозность*, которые заняли 17, 19 и 20-е места соответственно.

При анализе имени ценности *религиозность* обращает на себя внимание то, что самую частотную реакцию – *культура* – назвали только 20 респондентов, составляющие менее 5% от общего числа опрошенных, что говорит об отсутствии общего смысла, разделяемого большинством респондентов. Структура ценности *религиозность* представлена следующими компонентами: *культура* **20**, *свобода* **15**, *любовь* **14**, *мир* **7**, *дружба*, *труд*, *доброта* **5**, *семья*, *уважение*, *честность* **3**, *воля* **2**, *деньги*, *толерантность* **1** (Рисунок 45).

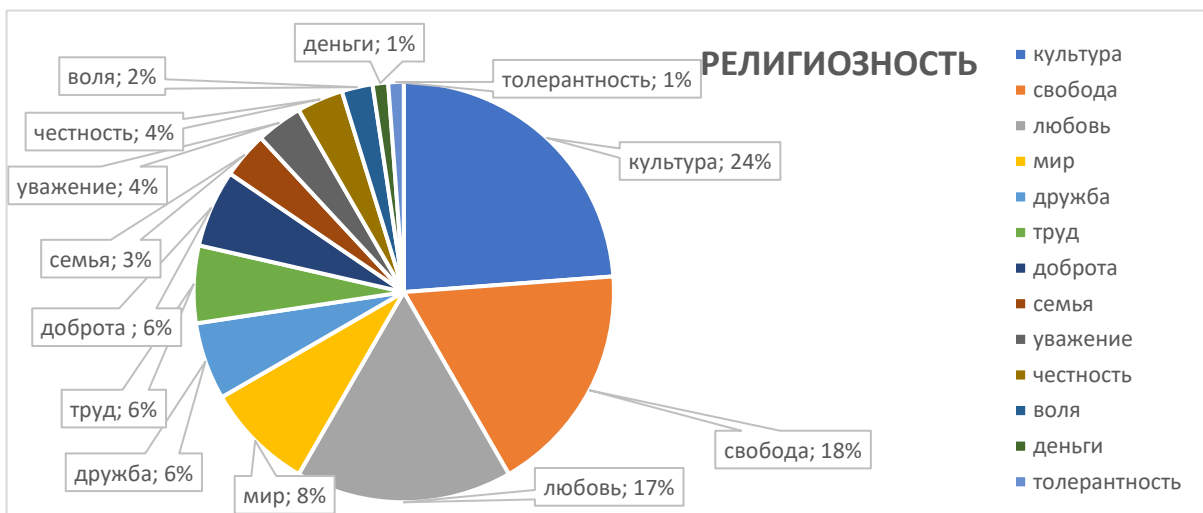

Рисунок 45 – Структура ассоциативных связей имени ценности *религиозность*

Примечательно, что само имя ценности *религиозность* упоминалось только один раз и только как единичная реакция на стимул *равенство*, что, по сути, говорит о незначительной роли данного феномена в ОМ респондентов.

Из этого немаловажного фактора следует, что имя ценности *религиозность*, репрезентирующее в сознании соответствующую часть аксиологической подсистемы ОМ, не только не является значимым в выявленной нами иерархии ценностей, но также не является доминирующим в мировоззрении респондентов.

Имя ценности *коллективизм* связано со следующими компонентами: *дружба* **35**, *труд* **16**, *равенство* **14**, *семья*, *уважение* **8**, *доброта*, *успех* **5**, *справедливость* **4**, *честность* **3**, *мир* **1** (Рисунок 46).

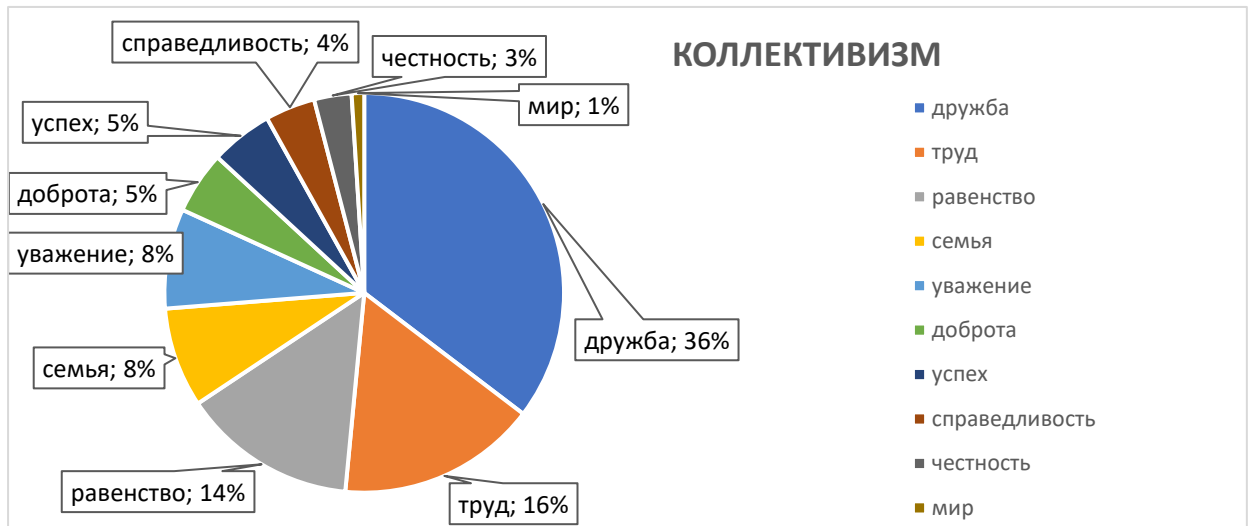

Рисунок 46 – Структура ассоциативных связей имени ценности *коллективизм*

Ядерные компоненты отражают, на наш взгляд, мифологему советского периода российской истории как особый принцип общности людей. Подчеркнем преобладание положительных реакций респондентов, представленных заданными именами ценностей, отметив, что самые частотные ответы также имеют преимущественно положительную коннотацию. Приведем список наиболее частотных значений из свободного АЭ: *сплоченность 40, работа 40, дружба 35, СССР 28, общество 27, поддержка 27, коллектив 26, группа, помощь 24, армия 23*. Обратные связи, то есть от имени ценности *коллективизм*, единичны и наблюдаются только в трех стимулах: *равенство, труд и уважение*. При этом как реакция *коллективизм* присутствует в стимулах *равенство* и *труд* и отсутствует в структуре имени *уважение*.

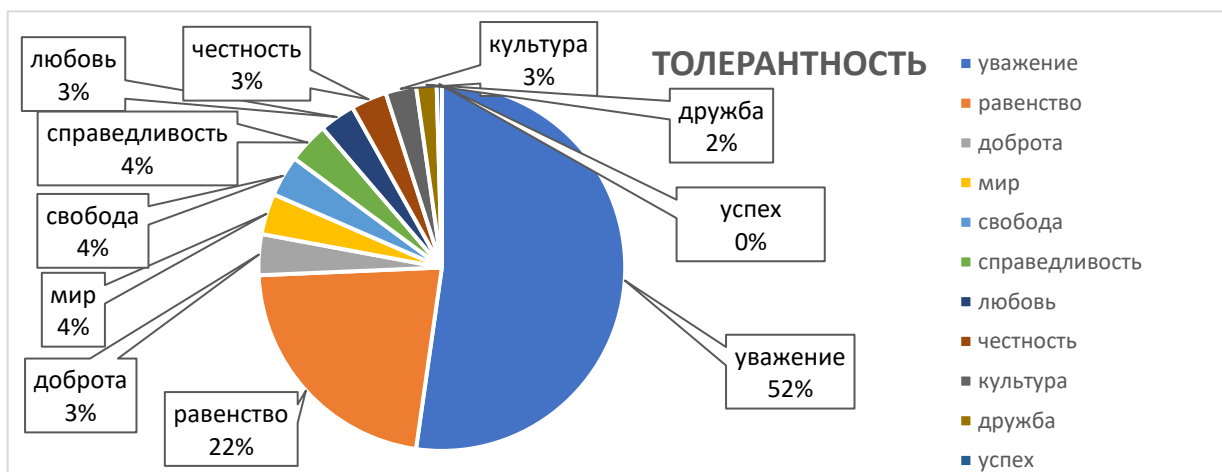

Рисунок 47 – Структура ассоциативных связей имени ценности *толерантность*

Имя ценности *уважение* (N=116) обладает наибольшей ассоциативной связью с именем ценности *толерантность*. Приведем самые частотные реакции свободного АЭ.

Это *терпимость* 123, *уважение* 116, *терпение* 67, *равенство* 49, *принятие* 33, *примирение*, *сдержанность* 27, *демократия* 25, *меньшинство* 21, *понимание*, *формирование* 20, *равноправие* 19. Как видно из приведенного списка, два компонента – *уважение* и *равенство* – зафиксированы в ядре имени ценности и составляют практически 3/4 всех ответов респондентов (Рисунок 47). Кроме них ассоциативно связанными также являются следующие элементы: *доброта*, *мир*, *свобода*, *справедливость* 8, *любовь*, *честность* 7, *культура* 6, *дружба* 4, *успех* 1.

Полный список ассоциативных компонентов значений ценностей с количеством ответов респондентов приведен в Приложении 3.

Подводя краткий итог проведенного анализа, отметим, что были выделены триады и диады имен ценностей, которые обладают тесными связями. Некоторые из имен ценностей взаимообусловлены друг другом. Практически идентичным набором компонентов и иерархией обладают две диады имен ценностей, которые, учитывая результаты ранжирования, являются жизненно важными для человека: *семья – любовь*, *дружба – доброта*. Структура этих ядерных имен ценностей формирует стабильное ядро аксиологической сферы ОМ. Имя ценности *свобода* является пограничным элементом в нежесткой иерархии ценностей и больше связано с именем ценности *воля*.

В ближней периферии выделяются следующие взаимосвязанные диады имен ценностей: *свобода – воля* и *честность – справедливость*. Проанализированная триада *труд – успех – деньги* обладает наибольшей динамикой.

В дальней периферии, представленной пятью элементами, выделяется взаимосвязанная пара *родина – патриотизм*. Остальные компоненты структуры, такие как *толерантность*, *коллективизм* и *религиозность*, структурированы неоднородными элементами и практически не представлены в ассоциативных структурах других имен ценностей.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

1. Проведенный анализ показал, что аксиологическая сфера как подсистема русского образа мира на современном этапе представлена системой имен ценностей, иерархически связанных друг с другом: *семья, любовь, уважение, дружба, свобода, честность, доброта, мир, деньги, успех, труд, культура, справедливость, патриотизм, коллективизм, родина, толерантность, воля, равенство, религиозность*. Сравнение результатов опроса респондентов с целью определения списка ценностей и его ранжирования показало совпадения только в ядре ценностей, в то время как зоны ближней и дальней периферии подвержены флуктуациям. Плотное ядро сформировано из следующих компонентов: *семья, любовь, дружба, доброта и свобода*. Зону ближней периферии составили десять ценностей: *честность, уважение, мир, справедливость, воля, труд, успех, деньги, культура и равенство*. К зоне дальней периферии относятся ценности: *родина, толерантность, патриотизм, коллективизм и религиозность*.

2. Каждая лексема обладает структурой, включающей словарные компоненты значений, среди которых выделяются общие семы, упоминаемые большинством словарей, и частные семы, иллюстрируемые небольшим количеством лексикографических источников. Выделение новых компонентов значений или опущение архаизмов обусловлено прежде всего динамикой развития слов, обозначающих ценности. Так, единично представленные компоненты значения в основном выделялись либо в словарях, которые мы отнесли к группе ранних толкований значений слов XI–XVII вв., либо к началу современного периода. В первую группу вошли два словаря – Словарь русского языка XI–XVII вв. и Словарь Академии Российской, где выделялись такие компоненты значения, как **челядь** (*семья*) [СРЯ XI–XVII], **супруги** (*семья*) [СРЯ XI–XVII], **мир** (*любовь*) [САР XI–XVII], **общие трапезы** (*любовь*) [САР XI–XVII], **товарищество** (*дружба*) [СРЯ XI–XVII], **вереница** (*дружба*) [СРЯ XI–XVII], **сочувствие** (*доброта*) [СРЯ XI–XVII], **украшение** (*доброта*) [СРЯ XI–XVII], **привилегия** (*свобода*) [СРЯ XI–XVII], **наследник** (*свобода*) [СРЯ XI–XVII], **позволение, согласие** (*воля*) [СРЯ XVIII], **взятки** (*воля*) [СРЯ XVIII]. Ко второй группе относятся лексикографические источники с новыми компонентами значений: **объединение объектов** (*семья*) [ЕФРЕМОВА], **отношение к чему-либо** (*уважение*) [КУЗНЕЦОВ], **предупредительность** (*уважение*) [МОРКОВКИН], **победа** (*успех*) [ЕФРЕМОВА], **заработная плата** (*деньги*) [ЕФРЕМОВА]. Важно отметить, что только

два компонента – **победа** (*успех*) [ЕФРЕМОВА], **заработная плата** (*деньги*) [ЕФРЕМОВА]) – упоминались в качестве реакций на заданные стимулы, остальные стимулы в проанализированных ассоциативных словарях и свободном ассоциативном эксперименте не вызвали подобных ассоциатов. Это показывает, что в современном образе мира респондентов данные обобщенные семы значений не отражены или не имеют для испытуемых большой значимости. Ассоциативные реакции отражают индивидуальные значения слова и во многих случаях намного шире словарных значений лексем, при этом даже ядерные компоненты значений слов не всегда присутствуют в ассоциативном поле того же стимула. Например, обобщенная сема значения лексемы *семья* «объединения в живой и неживой природе» представлена единичной реакцией *прайд*, а значения «склонность к чему-либо» и «преданность» не имеют ни одного ассоциата.

3. Сравнение результатов ядерных показателей в различных ассоциативных словарях и свободном ассоциативном эксперименте показало, что в поле каждого имени ценности существует несколько ассоциатов, которые являются общими для всех респондентов. В то же время наблюдается и вариативность элементов. При сопоставительном анализе у имени ценности *семья* было выделено 95% совпадающих реакций, а у имени ценности *любовь* – только 35%, причем некоторые выделенные нами реакции, такие как *дети*, *отношения*, *уважение*, вообще не входили в ядерную зону ассоциативного поля *любовь* в проанализированных ассоциативных словарях.

4. Количество ядерных компонентов анализируемых имен ценностей в ассоциативных полях варьируется от двух до четырех, что демонстрируют графики «каменистой осыпи», показывающие точки, где убывание собственных значений замедляется наиболее сильно. Периферия значений имен ценностей формируется из реакций, набравших менее пяти голосов респондентов, и составляет в среднем 60–70%, это говорит о том, что данные реакции несут индивидуально-личностные коннотации.

5. Литературные произведения, названные респондентами репрезентантами анализируемых имен ценностей, совпали во всех возрастных группах для ценностей *семья*, *дружба*, *свобода*, *честность* и *воля*. Отличался выбор у старшей группы в репрезентации ценностей *успех*, *доброта* и *любовь*.

6. Аксиологическая сфера как подсистема образа мира представляет собой нежесткую структуру, элементы которой, находясь между собой в сложных связях пересечения и соподчинения, под воздействием внутренних и внешних факторов

изменяют содержание и саму структуру ценностного пространства, что обуславливает динамику образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке.

7. Зачастую имена ценностей структурно взаимообуславливают друг друга, объединяясь в диады или триады. Ядро выделенных ценностей имеет стабильную структуру и представлено четырьмя элементами, в структуре которых тесными связями обладают выделенные имена ценностей. Ближняя периферия сильно подвержена изменениям, особенно в триаде *труд – успех – деньги*. Имена ценностей *труд* и *успех* ассоциативно определяются посредством друг друга и включают имя ценности *деньги*. Однако *деньги* включают в свою ассоциативную структуру в качестве первого элемента имя ценности *свобода*, что показывает ее особую значимость. Показательно, что если в определении значения имени ценности *труд* ассоциаты *деньги*, а следом *успех* являются значимыми, то в случае со значением имени ценности *деньги* реакция *труд* была не самой частотной, уступив место ассоциатам *свобода* и *успех*. Таким образом, наблюдаются сдвиги в смысловом наполнении сопряженных значений, затрагивающих всю аксиологическую сферу образа мира. Такие компоненты структуры, как *толерантность*, *коллективизм* и *религиозность*, структурированы неоднородными элементами и практически не представлены в структурах других имен ценностей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленное диссертационное исследование посвящено изучению аксиологической сферы как важной подсистемы образа мира носителей русского языка и культуры в XXI веке. Аксиологическая сфера являет собой нежесткую структуру, элементы которой, находясь между собой в сложных связях пересечения и соподчинения, под воздействием внутренних и внешних факторов изменяют содержание и саму структуру ценностного пространства, что в целом обуславливает динамику образа мира носителей русского языка и культуры на современном этапе.

Интерес к изучению ценностей как абстрактных имен обусловлен отсутствием их комплексного анализа в лингвистике и необходимостью зафиксировать их значения на современном этапе, который характеризуется критическими изменениями во всех сферах жизнедеятельности человека.

Работа выполнена в русле психолингвистической парадигмы и представляет собой интегративное исследование особенностей содержания и формирования аксиологической сферы как подсистемы русского образа мира на современном этапе развития общества.

Объектом исследования выступает структура аксиологической сферы как подсистема образа мира, которая характеризуется сложностью связей между элементами. В современной ситуации аксиологическая сфера под влиянием внутренних и внешних факторов претерпевает изменения в содержании ее конституирующих элементов, поэтому вся система находится в неравновесном положении, что обуславливает динамику образа мира носителя русского языка и культуры в XXI веке.

Образ мира является глубинным уровнем отображения объективной реальности в психике человека, обусловленным психологически реальными значениями и опосредующим всю деятельность и поведение человека. Он задает особый ракурс восприятия реального мира, поэтому состав и содержание психологически реальных значений, входящих в его аксиологическую сферу, определяет в итоге поведение человека. Образ мира строится на когнитивно-аксиологических основаниях, поскольку в процессе восприятия человек осуществляет постоянную оценку происходящего, а значит, выделяет и выбирает наиболее ценные аспекты познаваемого мира. Образ мира обусловлен спецификой социальных отношений и культурой этноса, который говорит на определенном языке, хранящем в системе своих значений специфический взгляд на мир и определяющем в итоге мировидение и миропонимание его носителей.

В данной работе образ мира рассматривался в обобщенной форме, как единый универсум в сознании человека, наполненный общими для всех представителей русского этноса значениями и категориальными смыслами, и в индивидуальной форме формируемый личностью в процессе социализации, обучения, накопления опыта, включающий коннотации и личностные смыслы. Основными характеристиками образа мира выступают его целостность, структурность, взаимосвязь со средой, иерархичность уровней, саморазвитие, амодальность, эмоционально-личностный смысл и вторичность по отношению к объективному миру.

Языковое сознание находится в соподчинительной связи с образом мира. В нем обобщена в систему вся лексика языка в своих идеальных значениях и смыслах, которые прошли долгий исторический путь развития и совершенствования, являясь результатом накопленного прошлого опыта. Прошлый опыт выступает как внутренний контекст, включающий такие компоненты, как «совокупность пресуппозиций и фоновых знаний, ценностные установки, культурная идентичность и индивидуальные особенности языковой личности» [Леонтович 2008: 18]. Система значений, а также этнические константы, ценности и регулятивы поведения формируют еще более глубокий слой, понимаемый в настоящей работе как образ мира. Поскольку оба феномена соотносятся друг с другом, то и выполняемые ими функции схожи и различаются уровнями обобщения. Это отражательная, ориентировочно-селективная, оценочная, интерпретационная, регулирующая и прогностическая функции.

Основной единицей образа мира является значение, которое выступает отражением действительности в сознании в многообразии связей и отношений между предметами и явлениями действительности, означенных языком, при помощи которого происходит познавательная деятельность человека. Посредством анализа семантических особенностей речи постигаются общие механизмы психики и поведения человека. Рассмотрение проблемы значения позволило выявить ряд взаимосвязанных, но не тождественных категорий, связанных с сущностью значения, включающих объективное, субъективное и идеальное содержание знака. Значение с психолингвистической точки зрения обязательно связано с личностью, является «достоянием индивида» (А. А. Залевская), что отразилось в новом направлении, названном его авторами (нео)психолингвистикой, которое рассматривает индивидуальное значение и индивидуальный образ мира как важнейшие составляющие ноосферы. Значения объективны, потому как несут в себе совокупность познанных связей реального мира, а также субъективны, поскольку имеют личностные компоненты в форме ассоциаций.

Таким образом, значение представляется как идеально существующая кристаллизация общественного опыта и как индивидуальная принадлежность сознания индивида, реализуемые им в практике речи.

Внимание к вопросам индивидуального образа мира и индивидуального значения связано с реальной практической, а также внутренней духовной жизнью индивида. Индивидуальное значение не просто номинирует предмет, а выделяет и обобщает его важнейшие признаки или функции в процессе жизнедеятельности человека. Индивидуальный образ мира строится поэтапно. В зависимости от возраста определяющими выступают разные факторы: игра и значимые взрослые – в детском и дошкольном возрасте, обучение, воспитание – в школьном и подростковом периоде. СМК, включая интернет, составляют важный источник формирования образа мира на сегодняшний день.

Аксиологическая сфера как подсистема образа мира обладает всеми характеристиками, которые присущи целому образу мира. Она всегда культурно обусловлена на уровне как личности, так и общества и представлена нежесткой иерархией, подверженной временным, культурным и территориальным изменениям. В психолингвистике элементы аксиологической сферы имеют понятийно-образное воплощение в их сложных взаимосвязях с другими сферами в структуре образа мира. Аксиологическая сфера играет большую роль в формировании целостного, системного образа мира индивида, наполняя смыслом его существование и задавая определенные жизненные цели и ориентиры. Существенным для личности оказывается не только набор ценностей, но и характер их взаимосвязей, со временем претерпевающих трансформацию. В языке эти процессы проявляются в изменении компонентов и их связей в значении имен ценностей, а также во взаимодействии элементов всей аксиологической сферы образ мира.

Формирование аксиологической сферы определяется такими факторами, как возрастной, социокультурный, воспитательно-образовательный, экономико-политический, информационно-идеологический, гендерный, историко-цивилизационный, которые способны трансформировать содержание и структуру ценностей на разных уровнях взаимодействия человека с миром и обществом.

Предпринятое в работе моделирование структуры и выявление содержания образа мира показало, что содержание ценностей как смысло-жизненных ориентиров, сознательно формируемых и принимаемых большинством людей принципов и правил жизни, под воздействием современных факторов развития общества динамично

изменяется. Это не согласуется с распространенным мнением, что ценности являются наиболее стабильными образованиями личности, имеющими небольшую динамику в пределах нескольких поколений. Проведенный нами анализ доказывает, что в настоящее время под воздействием многочисленных факторов преобразование содержания ценностей значительно ускорилось. А поскольку изменения затрагивают в основном околядерную зону значений слов, выражающих ценности, сегодня существует опасность изменения образ мира как отдельного человека, так и всего этноса, которое может нивелировать этническое разнообразие, подменив индивидуальные ценности общими идеями (Т. Адорно).

На нынешнем этапе развития общества процесс социализации, как и типы деятельности, где человек является прежде всего объектом воздействия, имеют, с одной стороны, виртуальный, с другой – предельно упрощенный характер, определяемый современными цифровыми технологиями и СМК, практически заменившими собой процесс воспитания и образования. Именно эти факторы обуславливают дальнейшие перспективы исследования, которые могут лежать в области более глубокого изучения воздействия на аксиологическую сферу образа мира носителей русской лингвокультуры глобализационных факторов, ускоряющейся цифровизации жизнедеятельности общества, а также погружения отдельного человека в виртуальную реальность. Кроме того, перспективным может быть изучение аксиологических подсистем отдельных слоев населения, этносов, жителей города и деревни, проживающих на территории России и за рубежом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адамьянц, Т. З. Социальная коммуникация / Т. З. Адамьянц. – Москва: ИС РАН, 2005. – 158 с. – Текст: непосредственный.
2. Азарян, С. Г. Философия телевидения: теоретико-методологически анализ: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: автореферат на соискание ученой степени доктора философских наук / Самир Генрихович Азарян. – Краснодар, 2011. – 55 с. – Текст: непосредственный.
3. Аквазба, Е. О. Денотативное и коннотативное значение слова в художественном тексте: На материале лексики растительного и животного мира в произведениях М. М. Пришвина: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Екатерина Омаровна Аквазба. – Тюмень, 2004. – 218 с. – Текст: непосредственный.
4. Алексеев, С. С. Общая теория права: Курс в 2-х т. / С. С. Алексеев. – Москва: Юрид. лит. – Т. 1. – Москва: Юрид. лит., 1981. – 359 с. – Текст: непосредственный.
5. Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова: Синергетика языка, сознания и культуры: [Монография] / Н. Ф. Алефиренко; Отд-ние лит. и яз. Рос. акад. наук [и др.]. – Москва: Academia, 2002. – 391 с. – Текст: непосредственный.
6. Ананьев, Б. Г. О проблемах современного человекознания / Б. Г. Ананьев. – 2-е изд. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2001. – 260 с. – Текст: непосредственный.
7. Андрущенко, О. К. Интенциональная модель текста: прагматический аспект // Сб. науч. тр. SWORLD. – Иваново: ООО «НАУЧНЫЙ МИР». 2013. – № 1. – Т. 22. – С. 70–74. – Текст: непосредственный.
8. Апухтин, В. Б. Психолингвистический метод анализа смысловой структуры текста: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Вадим Борисович Апухтин. – Москва, 1977. – 179 с. – Текст: непосредственный.
9. Арбатский, Д. И. Об основных функциональных типах семантических определений / Д. И. Арбатский // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии. – Пермь, 1972. – С. 23–26. – Текст: непосредственный.
10. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева / под ред. И. Б. Ханиной. – Москва: Наука; Смысл, 1999. – 350 с. – Текст: непосредственный.
11. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по

- специальности «Психология», «Клиническая психология» и направлению подготовки «Психология» / А. Г. Асмолов. – 4-е изд., испр. – Москва: Смысл: Academia, 2010. – 447 с. – Текст: непосредственный.
12. Асмолов, А. Г. Психология личности: Принципы общепсих. анализа: Учеб. для студентов вузов, обучающихся по специальности «Психология» / А. Г. Асмолов. – Москва: Смысл: Академия, 2002. – 414 с. – Текст: непосредственный.
13. Афанасьев, Ю. Н. Образовательная антиутопия / Ю. Н. Афанасьев // Отечественные записки. – 2002. – № 1 (2). – URL: <http://www.stranaoz.ru/2002/1/obrazovatel'naya-antiutopiya> (дата обращения 14.10.2017). – Текст: электронный.
14. Ахманова, О. С. Лингвистическое значение и его разновидности / О. С. Ахманова // Проблема значения в лингвистике и логике: [Тезисы докладов и выступлений Симпозиума] / Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философ. и Филол. фак. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 8–10. – Текст: непосредственный.
15. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 4-е, стер. – М: URSS, 2007. – 569 с. – Текст: непосредственный.
16. Бабенко, А. Н. Правовые ценности и освоение их личностью: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Андрей Николаевич Бабенко. – Москва, 2002. – 395 с. – Текст: непосредственный.
17. Балашова, Е. Ю. Концепты любовь и ненависть в русском и американском языковых сознаниях: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Юрьевна Балашова. – Саратов, 2004. – 262 с. – Текст: непосредственный.
18. Барышков, В. П. Аксиология личностного бытия / В. П. Барышков / Под ред. В. Б. Устьянцева. – Москва: Логос, 2005. – 192 с. – Текст: непосредственный.
19. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; Пер. с англ. – Москва: Академия, 1999. – 783 с. – Текст: непосредственный.
20. Белянин, В. П. Экспериментальное исследование психолингвистических закономерностей смыслового восприятия текста: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Валерий Павлович Белянин. – Москва, 1983. – 271 с. – Текст: непосредственный.

21. Бердяев, Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев; [Послесл. К. Ковалева]. – Москва: Сов. писатель, 1990. – 346 с. – Текст: непосредственный.
22. Бобнева, М. И. Социальные нормы и регуляция поведения / М. И. Бобнева. – Москва: Наука, 1978. – 311 с. – Текст: непосредственный.
23. Божович, Л. И. Проблемы формирования личности / Л. И. Божович / под ред. Д. И. Фельдштейна. – М.; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1995. – 352 с. – Текст: непосредственный.
24. Бранский, В. П. Искусство и философия: Роль философии в формировании и восприятии художеств. произведения на примере истории живописи / В. П. Бранский. – Калининград: Янтар. сказ, 1999. – 703 с. – Текст: непосредственный.
25. Брунер, Дж. С. Психология познания: За пределами непосредств. информации / Дж. Брунер; Пер. с англ. К. И. Бабицкого; Предисл. и общ. ред. д. чл. АПН СССР А. Р. Лурия. – Москва: Прогресс, 1977. – 412 с. – Текст: непосредственный.
26. Бубнова, И. А. Неопсихолингвистика, или психолингвистика личности: новое направление психолингвистических исследований / И. А. Бубнова // (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке, говорящем / под ред. В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2017. – С. 97–179. – Текст: непосредственный.
27. Бубнова, И. А. «Вставай, страна огромная...»: авторский замысел и специфика его отражения в сознании современного поколения / И. А. Бубнова // Вестник МГЛУ. – 2020. – № 4. – С. 55–66. – Текст: непосредственный.
28. Бубнова, И. А. Ситуации-события в массовом сознании / И. А. Бубнова // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / Отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. – М. – Саратов: Амирит, 2015. – С. 164–171. – Текст: непосредственный.
29. Бубнова, И. А. Структура субъективного значения слова: психолингвистический аспект: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Ирина Александровна Бубнова. – Москва, 2008. – 471 с. – Текст: непосредственный.
30. Бубнова, И. А. Цивилизационная матрица русского мира на переломных этапах истории страны / И. А. Бубнова // Вестник Бурятского государственного университета. – 2014. – № 10–2. – С.36–41. – Текст: непосредственный.
31. Бубнова, И. А. Неопсихолингвистика: аргументы в защиту национально-культурного своеобразия / И. А. Бубнова, В. В. Красных // Вопросы психолингвистики. – 2014. – №21. – С. 128–135. – Текст: непосредственный.

32. Бубнова, С. С. Ценностные ориентации личности как многомерная нелинейная система / С. С. Бубнова // Психологический журнал. – № 5 (20). – 1999. – С. 38–44. – Текст: непосредственный.
33. Булаховский, Л. А. Введение в языкознание / Л. А. Булаховский. – Москва: Учпедгиз, 1954. – 268 с. – Текст: непосредственный.
34. Булгаков, М. А. Мастер и Маргарита: Роман / М. А. Булгаков; Вступ. статья П. Николаева; Худож. Д. Бисти. – Москва: Художественная литература, 1988. – 384 с. – Текст: непосредственный.
35. Бутакова, Л. О. Динамика развития языковой способности и речевой компетенции носителей русского языка: Региональное экспериментальное исследование / Л. О. Бутакова. – Омск: Омск. гос. ун-т им. Ф. М. Достоевского, Вариант-Омск, 2010. – 160 с. – Текст: непосредственный.
36. Бутахина, Л. А. Манипулятивный аспект политической коммуникации / Л. А. Бутахина, А. В. Филиппова // Вестник ВУиТ. – 2016. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyativnyy-aspekt-politicheskoykommunikatsii> (дата обращения: 19.06.2020). – Текст: электронный.
37. Валицкая, А. П. Аксиосфера: содержание понятия и его инструментальный статус / А. П. Валицкая // Аксиосфера современности: философско-эстетический анализ и нравственное обоснование социокультурных практик / Коллективная монография. – Санкт-Петербург: Астерион, 2012. – С.5–14. – Текст: непосредственный.
38. Вандриес, Ж. Язык = Le langage: лингвист. введ. в историю: пер. с фр. / Ж. Вандриес; примеч. П. С. Кузнецова; ред. и предисл. Р. О. Шор. – Изд. 3-е, стер. – Москва: УРСС, 2004. – 407 с. – Текст: непосредственный.
39. Василюк Ф. Е. Психотехника выбора / Ф. Е. Василюк // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Щур. – Москва: Смысл, 1997. – С. 284–314. – Текст: непосредственный.
40. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – Москва: Изд-во Московского университета, 1984. – 200 с. – Текст: непосредственный.
41. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; [пер. с нем. М. И. Левиной]. – Москва: Бизнеском, 2013. – 321 с. – Текст: непосредственный.

42. Веккер, Л. М. Психические процессы: В 2 т. / Л. М. Веккер / Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Т. 1. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. – 334 с. – Текст: непосредственный.
43. Вильданов, Х. С. Национальные ценности в структуре этнокультурной и национальной самоидентификации индивида / Х. С. Вильданов // *Фундаментальные исследования*. – 2014. – № 9-1. – С. 214–218. – Текст: непосредственный.
44. Виндельбанд, В. Избранное. Дух и история / В. Виндельбанд; Пер. с нем. – Москва: Юрист, 1995. – 685 с. – Текст: непосредственный.
45. Виноградов, В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В. В. Виноградов // *Вопросы языкознания*. – 1995. – №1. – С. 3–36. – Текст: непосредственный.
46. Винокурова, А. В. Основные подходы к изучению ценностей и ценностных ориентаций в отечественной социологии / А. В. Винокурова // *Труды Дальневосточного государственного технического университета*. – 2005. – № 139. – С. 53–58. – Текст: непосредственный.
47. Волкова, С. В. Дидактические условия реализации учащимися личностных смыслов в процессе обучения: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Светлана Владимировна Волкова. – Петрозаводск, 2002. – 176 с. – Текст: непосредственный.
48. Волкова, С. В. Смысловой универсум образования в перспективе философской антропологии: специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Светлана Владимировна Волкова. – Санкт-Петербург, 2019. – 300 с. – Текст: непосредственный.
49. Волченко, В. Н. Миропонимание и экоэтика XXI века: наука – философия – религия / В. Н. Волченко. – Москва: Возрождение, 2007. – 423 с. – Текст: непосредственный.
50. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф; вступ. ст. Н. Д. Арутюновой, И. И. Чельшевой. – Изд. 4-е. – Москва: URSS: ЛИБРОКОМ, 2009. – 260 с. – Текст: непосредственный.
51. Выводы и идеи. – URL:<http://www.worldvaluessurvey.org/WVSContents.jsp> (дата обращения 23.06.2020). – Текст: электронный.

52. Выготский, Л. С. Избранные психологические исследования / Л. С. Выготский. – М: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – 519 с. – Текст: непосредственный.
53. Выготский, Л. С. Мышление и речь: Психика, сознание, бессознательное / Л. С. Выготский. – Москва: Лабиринт, 2001. – 366 с. – Текст: непосредственный.
54. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. – 1136 с. – Текст: непосредственный.
55. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Л.С. Выготский / Под ред. А. Р. Лурия, М. Г. Ярошевского; [Послесл. и коммент. М. Г. Ярошевского, Г. С. Гургенидзе]. – Москва: Педагогика, 1982. – 488 с. – Текст: непосредственный.
56. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. – Т. 3. Проблемы развития психики / Л.С. Выготский / Под ред. [и с послесл.] А. М. Матюшкина. – Москва: Педагогика, 1983. – 367 с. – Текст: непосредственный.
57. Высочина, Е. И. Проблемы изучения художественной картины мира / Е. И. Высочина // Вопросы философии. – 1983. – №10. – С. 146–148. – Текст: непосредственный.
58. Гак, В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики, 1971. – Москва: Наука, 1972. – С. 367–395. – Текст: непосредственный.
59. Гальперин, П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий / П. Я. Гальперин // Исследования мышления в советской психологии / Под ред. Е. В. Шороховой. – Москва: Наука, 1966. – С. 236–277. – Текст: непосредственный.
60. Гачев, Г. Д. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира / Г. Д. Гачев. – Москва: Академический Проект, 2007. – 510 с. – Текст: непосредственный.
61. Гачев, Г. Д. Ментальность народов мира / Г. Д. Гачев. – Москва: Эксмо: Алгоритм, 2003. – 541 с. – Текст: непосредственный.
62. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира. Евразия – комос кочевника, земледельца и горца / Г. Д. Гачев. – Москва: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с. – Текст: непосредственный.
63. Гачев, Г. Д. Национальные образы мира: Курс лекций / Г. Д. Гачев. – Москва: Изд. центр «Академия», 1998. – 429 с. – Текст: непосредственный.
64. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики: Сб. неизд. текстов, подгот. под рук. Р. Валена / Г. Гийом; Перевод с фр. П. А. Скрелина; Общ. ред., послесл. и коммент.

- Л. М. Скрелиной. – Москва: Прогресс: Культура, 1992. – 217 с. – Текст: непосредственный.
65. Гинзбург, Р. З. Проблема значения слова в свете сталинского учения о языке / Р. З. Гинзбург // ИЯШ. – 1952. – № 4. – С. 30–41. – Текст: непосредственный.
66. Гоголь, Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – URL: https://www.100bestbooks.ru/files/Gogol_Mertvye_dushy.pdf (дата обращения 19.02.2019). – Текст: электронный.
67. Горбатова, Л. С. Материя и мышление / Л. С. Горбатова // Проблемы мышления в современной науке / Акад. наук УССР. Ин-т философии; Под ред. П. В. Копнина и М. Б. Вильницкого. – Москва: Мысль, 1964. – 470 с. – Текст: непосредственный.
68. Горелов, И. Н. Проблема функционального базиса речи: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Илья Наумович Горелов. – Магнитогорск, 1976. – 429 с. – Текст: непосредственный.
69. Горохова, Т. С. Коннотативный аспект семантики глагольной лексики в современном русском языке: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татьяна Сергеевна Горохова. – Тамбов, 2008. – 249 с. – Текст: непосредственный.
70. Горчаков, Г. С. Миропонимание огненной эпохи / Г. С. Горчаков. – Томск: Твердыня, 2003. – 560 с. – Текст: непосредственный.
71. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика. Поиск метода / А.-Ж. Греймас; пер. Л. Зиминой. – Москва: Акад. Проект, 2004. – 367 с. – Текст: непосредственный.
72. Грекова, Т. Н. Субъективная семантика понятия «развитие»: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Татьяна Николаевна Грекова. – Москва, 2001. – 176 с. – Текст: непосредственный.
73. Гридина, Т. А. «Своя игра»: ребенок в мире языка: [Монография] / Т. А. Гридина. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2015а. – 177 с. – Текст: непосредственный.
74. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные / Т. А. Гридина // Вопросы психолингвистики. – 2015. – № 25. – С. 148–157. – Текст: непосредственный.
75. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи: явление языковой игры: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание

- ученой степени доктора филологических наук / Татьяна Александровна Гридина. – Москва, 1996. – 566 с. – Текст: непосредственный.
76. Гридина, Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. – 2011. – № 4 (38). – С. 47–51. – Текст: непосредственный.
77. Гридина, Т. А. Техники языковой игры в процессе обучения словообразованию в школе и в вузе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Педагогическое образование в России. – 2017. – № 8. – С. 79–84. – Текст: непосредственный.
78. Грищенко, М. А. Коллективистские и индивидуалистические ценности: объективные факторы формирования жизненных стратегий россиян / М. А. Грищенко // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – №3. – С. 241–246. – Текст: непосредственный.
79. Гудечек, Я. Ценностная ориентация личности / Я. Гудечек // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. – Москва: Наука, 1989. – С. 102–110. – Текст: непосредственный.
80. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / В. фон Гумбольдт / Общ. ред. Г. В. Раминишвили; Послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – Москва: ОАО ИГ «Прогресс», 2001. – 400 с. – Текст: непосредственный.
81. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры / А. Я. Гуревич. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва: Искусство, 1984. – 349 с. – Текст: непосредственный.
82. Гуц, Е. Н. Психолингвистическое исследование языкового сознания подростка / Е. Н. Гуц. – Омск: ОмГУ, Вариант-Омск, 2005. – 260 с. – Текст: непосредственный.
83. Даниленко, В. П. Картина мира в пословицах русского народа / В. П. Даниленко. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. – 373 с. – Текст: непосредственный.
84. Дашиева, Б. В. Концепт образа мира в языковом сознании русских, бурят и англичан: Национально-культурный аспект: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Дашиева Будаханда Владимировна. – Москва, 1999. – 243 с. – Текст: непосредственный.
85. Дашинамаева, П. П. Теория значения как значимости: «осветим чертог теней»? / П. П. Дашинамаева // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Филология. – 2011. – № 2. – С. 21–28. – Текст: непосредственный.
86. Девицкая, З. Б. Психолингвистическое исследование усвоения лексики при учебном двуязычии: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Зоя Борисовна Девицкая. – Тверь, 2003. – 15 с. – Текст: непосредственный.

87. Дейк, Т. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Т. ван Дейк; пер. с англ. под ред. В. И. Герасимова; составитель В. В. Петрова; вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. – Изд. 2-е. – Москва: ЛЕНАНД. 2015. – 320 с. – Текст: непосредственный.
88. Дементьева, И. Ф. Жизненные ценности семьи как института воспитания / И. Ф. Дементьева // Теория и практика общественного развития. – 2016. – № 3. – С. 9–13. – Текст: непосредственный.
89. Денисова, Г.В. В мире интертекста: язык, память, перевод / Г. В. Денисова. – Москва: Азбуковник, 2003. – 297 с. – Текст: непосредственный.
90. Дзялошинский, И. М. Манипулятивные технологии в СМИ / И. М. Дзялошинский. – URL:<https://dzyalosh.ru...metod/manipulyativnye-tehnologii.doc> (дата обращения 24.05.2017). – Текст: электронный.
91. Добраев, Л. П. Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Лев Петрович Добраев. – Саратов, 1971. – 486 с. – Текст: непосредственный.
92. Додонов, Б. И. О системе «Личность» / Б. И. Додонов // Вопросы психологии. – 1985. – № 7. – С. 36–45. – Текст: непосредственный.
93. Дорохов, Е. А. О возможности изучения ментальных моделей пользователей компьютера: от когнитивных карт к образу мира / Е. А. Дорохов, А. Н. Гусев // Вестник Московского университета. – Серия 14: Психология. – 2019. – №3. – С.47-65. – Текст: непосредственный.
94. Достоевский, Ф. М. Сочинения / Ф. М. Достоевский. – Т. 24. Дневник писателя. Ежемесячное издание. – 1876. Ноябрь. – 335 с. – Текст: непосредственный.
95. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. – Т. 6: Преступление и наказание: Роман в 6 ч. с эпилогом / Текст подгот. Л. Д. Опульская. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 423 с. – Текст: непосредственный.
96. Драйзер, Т. Собрание сочинений: в 12 т.: перевод с англ. / Т. Драйзер; ред. С. Иванько; ил. П. Пинкисевича. – Москва: Правда, 1986. – Т. 3. – 556 с. – Текст: непосредственный.
97. Дридзе, Т. М. Интерпретационные характеристики и классификация текстов (с учетом специфики интерпретационных сдвигов) / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации) / Отв. ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев; АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1976. – 262 с. – Текст: непосредственный.

98. Дридзе, Т. М. Организация и методы лингвопсихосоциологического исследования массовой коммуникации / Т. М. Дридзе // Учеб. пособие-практикум по спецкурсу «Введ. в лингвосоциопсихологию». – Москва: Изд-во МГУ, 1979. – 281 с. – Текст: непосредственный.
99. Дридзе, Т. М. Текст как иерархия коммуникативных программ (информативно-целевой подход) / Т. М. Дридзе // Смысловое восприятие речевого сообщения в условиях массовой коммуникации / Отв. ред. Т. М. Дридзе, А. А. Леонтьев. – Москва: Ин-т языкознания АН СССР, 1976. – С. 48–57. – Текст: непосредственный.
100. Дридзе, Т. М. Теоретико-методологические и прикладные проблемы социальной психологии знакового общения. (Основания семиосоциопсихологии): специальность 19.00.05 «Социальная психология»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Тамара Моисеевна Дридзе. – Москва, 1982. – 557 с. – Текст: непосредственный.
101. Дридзе, Т. М. Язык информации и язык реципиента как факторы информированности / Т. М. Дридзе // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. – Москва: Институт языкознания АН СССР, 1972. – С. 34–80. – Текст: непосредственный.
102. Дубин, Б. В. Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре / Б. В. Дубин / Сб. статей. – Москва: Новое литературное обозрение, 2010. – 345 с. – Текст: непосредственный.
103. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда; Метод социологии: [Пер. с фр.] / Дюркгейм Э.; Изд. подгот. А. Б. Гофман; [Примеч. В. В. Сапова]. – Москва: Наука, 1991а. – 572 с. – Текст: непосредственный.
104. Дюркгейм, Э. Ценностные и «реальные суждения» / Э. Дюркгейм // Социологические исследования. – 1991. – № 2. – С. 106–114. – Текст: непосредственный.
105. Ерофеева, И. В. Игровая модель аксиосферы медиатекста / И. В. Ерофеева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 250–254. – Текст: непосредственный.
106. Жинкин, Н. И. Механизмы речи / Н. И. Жинкин / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии. – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. – 370 с. – Текст: непосредственный.

107. Жинкин, Н. И. Речь как проводник информации / Н. И. Жинкин; [Предисл. Р. Г. Котова, А. И. Новикова]. – Москва: Наука, 1982. – 159 с. – Текст: непосредственный.
108. Жоль, К. К. Язык как практическое сознание: (Филос. анализ): [Монография] / К. К. Жоль. – Киев: Выща школа, 1990. – 236 с. – Текст: непосредственный.
109. Забавников, А. Е. Техническая картина мира: онтолого-гносеологический анализ: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Алексей Евгеньевич Забавников. – Иваново, 2000. – 16 с. – Текст: непосредственный.
110. Завьялова, В. П. Функционально-стилистическое значение тропов в гимнах Каллимаха: специальность 10.02.14 «Классическая филология, византийская и новогреческая филология»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Валентина Петровна Завьялова. – Москва, 1977. – 206 с. – Текст: непосредственный.
111. Зайцева, Е. А. Слово в индивидуальном сознании: Степени освоенности слов носителями языка: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Анатольевна Зайцева. – Тверь, 2005. – 141 с. – Текст: непосредственный.
112. Залевская, А. А. Значение слова и возможности его описания / А. А. Залевская. – URL:https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book1998/articles/2_1.htm (дата обращения 28.01.2020). – Текст: электронный.
113. Залевская, А. А. Значение слова через призму эксперимента: [Монография] / А. А. Залевская. – Москва: Директ-Медиа, 2013. – 240 с. – Текст: непосредственный.
114. Залевская, А. А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: [Монография]. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 278 с. – Текст: непосредственный.
115. Залевская, А. А. О комплексном подходе к исследованию закономерностей функционирования языкового механизма человека / А. А. Залевская // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики. – Калинин, 1981. – С. 28–44. – Текст: непосредственный.
116. Залевская, А. А. Время перемен в теориях лексической семантики / А. А. Залевская // Прямая и непрямая коммуникация: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2003. – С. 120–135. – Текст: непосредственный.

117. Залевская, А. А. Некоторые особенности знаний как достояния индивида / А. А. Залевская; Материалы Республ. науч.-метод. конф. «Вопросы совершенствования обучения (иностранному) языку как средству межнационального общения». – Ч. 2. – Харьков: ХИИГХ, 1991. – С. 135–137. – Текст: непосредственный.
118. Залевская, А. А. Психолингвистические исследования / А. А. Залевская // Слово. Текст: Избранные труды. – Москва: Гнозис, 2005. – 543 с. – Текст: непосредственный.
119. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1999. – 382 с. – Текст: непосредственный.
120. Залевская, А. А. Различные подходы к трактовке значения как достояния индивида // Психолингвистические исследования слова и текста: Сб. науч. тр.; М-во общ. и проф. образования РФ. Твер. гос. ун-т; Редкол.: А. А. Залевская (отв. ред.) и др. – Тверь, 1997. – С. 11–23. – Текст: непосредственный.
121. Запорожец, А. В. Развитие восприятия и деятельность / А. В. Запорожец // Восприятие и действие. – Москва: [б. и.], 1966. – С. 35–44. – Текст: непосредственный.
122. Зимняя, И. А. Педагогическая психология: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по педагогическим и психологическим направлениям и специальностям / И. А. Зимняя. – Изд. 2-е, доп., испр. и перераб. – Москва: Университетская книга; Логос, 2008. – 382 с. – Текст: непосредственный.
123. Зимняя, И. А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания / И. А. Зимняя // Язык и сознание: парадоксальная рациональность: сб. ст. / Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – Москва, 1993. – С. 51–58. – Текст: непосредственный.
124. Зинченко, В. П. Миры сознания и структура сознания / В. П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1991/912/912015.htm> (дата обращения 19.03.2019). – Текст: электронный.
125. Зинченко, В. П. Восприятие и действие: специальность 13.00.01 «Общая педагогика, история педагогики и образования»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук (по психологии) / Владимир Петрович Зинченко. – Москва, 1966. – 49 с. – Текст: непосредственный.
126. Зинченко, В. П. Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – Москва: Языки славянских культур, 2010. – 588 с. – Текст: непосредственный.

127. Зыкова, И. В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения / И. В. Зыкова. – Москва: ЛЕНАНД, 2015. – 380 с. – Текст: непосредственный.
128. Зыкова, И. В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ / И. В. Зыкова // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 53. – Москва: МАКС пресс, 2016. – С. 136–151. – Текст: непосредственный.
129. Иванов, Вяч. Вс. Славянские языковые моделирующие семиотические системы: (древний период) / Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров; Акад. наук СССР, Ин-т славяноведения. – Москва: Наука, 1965. – 245 с. – Текст: непосредственный.
130. Иванов, С. Ю. Картина мира: опыт логико-философского анализа: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Сергей Юрьевич Иванов. – Магнитогорск, 2004. – 23 с. – Текст: непосредственный.
131. Ивин, А. А. Аксиология: научное издание / А. А. Ивин. – Москва: Высш. шк., 2006. – 390 с. – Текст: непосредственный.
132. Инглехарт, Р. Ценности в кризисном обществе / Р. Инглехарт / Круглый стол «Психологического журнала» // Психологический журнал. – 1991. – Т.12. – № 6. – С. 159–161. – Текст: непосредственный.
133. Ионова, С. В. Информативная ценность лингвистических единиц в новых формах общественно-речевой практики / С. В. Ионова // Филология и межкультурная коммуникация: социокультурные, информационные и образовательные аспекты общественно-речевой практики: Коллективная монография: Электронное издание. – Москва, 2019. – С. 224–242. – Текст: электронный.
134. Ионова, С. В. О двух аспектах эколлингвистических исследований / С. В. Ионова // Экология языка и коммуникативная практика. – 2016а. – № 1 (6). – С. 10–25. – Текст: непосредственный.
135. Ионова, С. В. Лингвистика нового языкового сознания и информационных технологий / С. В. Ионова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2: Языкознание. – 2016. – Т. 15. – № 3. – С. 6–16. – Текст: непосредственный.
136. Кавинкина, И. Н. Проявление гендера в речевом проявлении носителей русского языка: [Монография] / И. Н. Кавинкина. – Гродно: ГрГУ, 2006. [URL:http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender/chast-2.htm](http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender/chast-2.htm) (дата обращения 19.05.2019). – Текст: электронный.

137. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган; Акад. гуманитар. наук и др. – Санкт-Петербург: ТОО ТК «Петрополис», 1996. – 414 с. – Текст: непосредственный.
138. Каган, М. С. Человеческая деятельность (Опыт системного анализа) / М. С. Каган. – Москва, Политиздат, 1974. – 328 с. – Текст: непосредственный.
139. Казаченко, О. В. Изучение слов, выражающих ценности, в различных лингвистических дисциплинах / О. В. Казаченко // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2020. – № 18. – С. 168–175. – Текст: непосредственный.
140. Казаченко, О. В. Мотивированность и внутренняя форма заимствований / О. В. Казаченко // Вестник Башкирского университета. – Том 21. – № 2. – 2016. – С. 448–452. – Текст: непосредственный.
141. Калугина, Ю. В. Лексика экономического кризиса как результат метафоризации (на примере когнитивной болезни, связанной с болезнью и способами ее лечения) / Ю. В. Калугина // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – С. 303. – Текст: непосредственный.
142. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. – Санкт-Петербург: Речь, 2004. – 70 с. – Текст: непосредственный.
143. Карасик, В. И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс / В. И. Карасик // Германистика в России. Традиции и перспективы: Тезисы научно-методического семинара; Новосиб. гос. ун-т. Новосиб. гос. пед. ун-т. Институт языкознания РАН. – Новосибирск, 2004. – С. 28–32. – Текст: непосредственный.
144. Карасик, В. И. Иная ментальность: [Монография] / В. И. Карасик [и др.]; Науч.-исслед. лаб. «Аксиол. Лингвистика». – Москва: Гнозис, 2005. – 349 с. – Текст: непосредственный.
145. Караулов, Ю. Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования: [Монография] / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович; Московский государственный лингвистический ун-т, Ведущая научная школа «Русская языковая личность». – Москва: Азбуковник, 2009. – 334 с. – Текст: непосредственный.
146. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 2. изд., стер. – Москва: УРСС, 2002. – 261 с. – Текст: непосредственный.
147. Картушина, Е. А. Гендерные аспекты фразеологии в массовой коммуникации: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени

- кандидата филологических наук / Елена Александровна Картушина. – Ижевск, 2003. – 175 с. – Текст: непосредственный.
148. Касевич, В. В. Язык и знание / В. В. Касевич // Язык и структура знания. – Москва: Институт языкознания АН СССР, 1990. – С. 8–25. – Текст: непосредственный.
149. Кирилина, А. В. Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – Москва: Ин-т социологии РАН, 1999. – 189 с. – Текст: непосредственный.
150. Кихтан, В. В. К вопросу о манипулировании в современных СМИ / В. В. Кихтан, Б. Ю. Мамиева // Вестник ВУиТ. – 2018. – №2. – С. 236–242. – Текст: непосредственный.
151. Клевцова, О. Б. Феномен человеческого тела как принцип лингвистической реконструкции мира: [Монография] / О. Б. Клевцова. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. – 189 с. – Текст: непосредственный.
152. Клименко, А. П. Психолингвистические методики исследования значений / А. П. Клименко // Методы изучения лексики / А. Е. Супрун, Б. И. Косовский, А. В. Посох и др.; Под ред. А. Е. Супруна. – Минск: Изд-во БГУ, 1975. – С. 52–56. – Текст: непосредственный.
153. Клименко, А. П. Проблема лексической системности в психолингвистическом освещении: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Анна Петровна Клименко. – Минск, 1980. – 406 с. – Текст: непосредственный.
154. Клименко, А. П. Типы семантических отношений между стимулом и реакцией в свободном ассоциативном эксперименте / А. П. Клименко // In Нопогет: сборник статей к 90-летию А. Е. Супруна / под ред. Е. Н. Руденко, А. А. Кожинной. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 104–110. – Текст: непосредственный.
155. Козловски, П. Культура постмодерна: [перевод с нем.] / П. Козловски. – Москва: Республика, 1997. – 238 с. – Текст: непосредственный.
156. Колпакова, Г. В. Экспрессивное значение немецких сложных существительных в системе языка и речи: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Галина Васильевна Колпакова. – Горький, 1985. – 249 с. – Текст: непосредственный.
157. Колшанский, Г. В. Некоторые вопросы семантики языка в гносеологическом аспекте / Г. В. Колшанский // Принципы и методы семантических исследований / Ред. коллегия: В. Н. Ярцева (отв. ред.); АН СССР. Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1976. – С. 5–31. – Текст: непосредственный.

158. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения: в 2-х т. / Я. А. Коменский; под ред. А. И. Пискунова (отв. ред.) [и др.]. – Т. 1. – Москва: Педагогика, 1982. – 656 с. – Текст: непосредственный.
159. Комлев, Н. Г. Слово в речи: денотативные аспекты / Н. Г. Комлев. – 3-е изд. – Москва: URSS, 2007. – 214 с. – Текст: непосредственный.
160. Кондаков, Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – Москва: Книга по Требованию, 2012. – 721 с. – Текст: непосредственный.
161. Коннова, М. Н. Когнитивные и прагматические сдвиги в значении темпоральных лексем (на материале корпусных данных) / М. Н. Коннова // Актуальные вопросы современной науки. – Пермь, 2015. – С. 152–158. – Текст: непосредственный.
162. Коновалова, Н. И. Ресурсы речевой психодиагностики в образовательном процессе / Н. И. Коновалова // Педагогическое образование в России. – 2015. – №11. – С. 195–202. – Текст: непосредственный.
163. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Учебное издание / А. Я. Данилюк, А. М. Кондаков, В. А. Тишков. – Москва: Просвещение, 2009. – 24 с. – Текст: непосредственный.
164. Корлыханова, Е. Л. Взаимодействие просодических и кинесических средств в выражении эмоциональных значений радости, гнева, удивления в сценической речи: На материале английского языка: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Елена Леонидовна Корлыханова. – Москва, 2000. – 172 с. – Текст: непосредственный.
165. Корнилов, О. А. Языковая картина мира и производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – Москва: ЧЕРО, 1999. – 346 с. – Текст: непосредственный.
166. Коровина, И. В. Соотношение понятий «знак», «референт», «денотат» и «концепт» как основных элементов референции / И. В. Коровина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 4. – С. 332–336.
167. Королева, Н. Н. Семиосфера личности: [Монография] / Н. Н. Королева. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. – 159 с. – Текст: непосредственный.
168. Котова, С. А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Светлана Александровна Котова. – Москва, 2014. – 123 с. – Текст: непосредственный.

169. Кофман, А. Ф. Латиноамериканский художественный образ мира / А. Ф. Кофман; Рос. акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – Москва: Специализир. изд.-торговое предприятие «Наследие», 1997. – 318 с. – Текст: непосредственный.
170. Кошелев, А. Д. Когнитивный анализ общечеловеческих концептов / А. Д. Кошелев. – Москва: ЯСК: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. – 267 с. – Текст: непосредственный.
171. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко. – Иркутск, 2001. – 260 с. – Текст: непосредственный.
172. Красиков, В. И. Библия как реальность (предел. значения библейских картин мира) / В. И. Красиков. – Москва: Директ-Медиа, 2014. – 191 с. – Текст: непосредственный.
173. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В. В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – №1 (1). – С. 122–130. – Текст: непосредственный.
174. Красных, В. В. Коды и эталоны культуры (приглашение к разговору) / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. – Москва, 2001. – С. 5–19. – Текст: непосредственный.
175. Кружилина, Т. В. Понимание текста как деятельности в свете зрелости когнитивных структур ребёнка-дошкольника / Т. В. Кружилина // Известия Юго-Западного государственного университета. – Серия: Лингвистика и педагогика. – 2016. – № 3 (20). – С. 72–78. – Текст: непосредственный.
176. Купер, М. Язык цвета: Как использовать преимущества своего цвета для успеха в личной жизни и бизнесе / М. Купер, А. Мэтьюз. – Москва: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 141 с. – Текст: непосредственный.
177. Левковская, К. А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала / К. А. Левковская. – Москва: Высшая школа, 1962. – 296 с. – Текст: непосредственный.
178. Лежнева, Е. Б. Количественная характеристика коннотативных значений слова в английском языке: специальность 10.02.04 «Германские языки»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лежнева Екатерина Борисовна. – Тула, 2002. – 151 с. – Текст: непосредственный.
179. Лейчик, В. М. Терминоведение. Предмет, методы, структура / В. М. Лейчик. – Москва: КомКнига, 2005. – 256 с. – Текст: непосредственный.

180. Лендваи, Э. Лексическая семантика русского языка / Э. Лендваи. – Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1998. – 258 с. – Текст: непосредственный.
181. Леонтович, О. А. «From Russia with Love»: культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса // Политическая лингвистика. – 2011. – № 1 (35). – С. 20–23. – Текст: непосредственный.
182. Леонтович, О. А. Компьютерный дискурс: языковая личность в виртуальном мире // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. – Волгоград: Перемена. – 2000. – С. 191–200. – Текст: непосредственный.
183. Леонтович, О. А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов // Вестник МГУ. – Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2008. – № 2. – С. 18–24. – Текст: непосредственный.
184. Леонтьев, А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации / А. А. Леонтьев // Синтаксис текста: [Сб. статей] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; [Отв. ред. Г. А. Золотова]. – Москва: Наука, 1979. – 368 с. – Текст: непосредственный.
185. Леонтьев, А. Н. Деятельность и сознание / А. Н. Леонтьев // Вопросы философии. – 1972. – № 12. – С. 129–140. – Текст: непосредственный.
186. Леонтьев, А. Н. Психологические вопросы сознательности учения / А. Н. Леонтьев. – URL: <https://www.marxists.org/russkij/leontiev/1975/dyatyelnost/psychology-voprosy.htm> (дата обращения 27.04.2020). – Текст: электронный.
187. Леонтьев, А. А. Деятельный ум (Деятельность, Знак, Личность) / А. А. Леонтьев. – Москва: Смысл, 2001. – 380 с. – Текст: непосредственный.
188. Леонтьев, А. А. Л. С. Выготский. Кн. для учащихся 9–11 кл. сред. шк. / А. А. Леонтьев. – Москва: Просвещение, 1990. – 158 с. – Текст: непосредственный.
189. Леонтьев, А. А. Психолингвистический аспект языкового значения / А. А. Леонтьев // Принципы и методы семантических исследований. – Москва: Наука, 1976. – С. 46–73. – Текст: непосредственный.
190. Леонтьев, А. А. Психологическая структура значения / А. А. Леонтьев // Семантическая структура слова. Психолингвистические исследования / Отв. ред. А. А. Леонтьев. – Москва: Изд-во «Наука», 1971. – С. 7–19. – Текст: непосредственный.

191. Леонтьев, А. А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев / Отв. ред. М. М. Гухман. – Изд. 5-е. – Москва: ЛЕНАНД, 2014. – 256 с. – Текст: непосредственный.
192. Леонтьев, А. А. Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: Изб. психол. тр. / А. А. Леонтьев. – Москва: Изд-во Московского психолого-педагогического института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2003. – 536 с. – Текст: непосредственный.
193. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Язык и сознание: парадоксальная рациональность: сб. ст. / Отв. ред. Е. Ф. Тарасов. – Москва, 1993. – С. 15–21. – Текст: непосредственный.
194. Леонтьев, А. А. Языковое сознание и образ мира / А. А. Леонтьев // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации «Языковое сознание». – Москва: Академия Наук ССР, Институт языкознания. 1988. – С. 105–106. – Текст: непосредственный.
195. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – Москва: Политиздат, 1977. – 304 с. – Текст: непосредственный.
196. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. / А. Н. Леонтьев. – Т. II. – Москва: Педагогика, 1983. – 320 с. – Текст: непосредственный.
197. Леонтьев, А. Н. Проблемы развития психики / А. Н. Леонтьев. – 4-е изд. – Москва: Изд-во МГУ, 1981. – 584 с. – Текст: непосредственный.
198. Леонтьев, Д. А. Психология смысла. Природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 3-е изд., доп. – Москва: Смысл, 2007. – 510 с. – Текст: непосредственный.
199. Леонтьев, Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – №4. – С. 15–26. – Текст: непосредственный.
200. Леонтьев, Д. А., Смирнов, С. Д. Неопубликованные материалы А. Н. Леонтьева по психологии образа / Д. А. Леонтьев, С. Д. Смирнов // Вестник Московского университета. – Серия 14: Психология. – 1986. – №3. – С. 71–76. – Текст: непосредственный.
201. Лесохин, М. М. Введение в математическую лингвистику: Лингв. прил. основ математики / М. М. Лесохин, К. Ф. Лукьяненко, Р. Г. Пиотровский. – Минск: Наука и техника, 1982. – 263 с. – Текст: непосредственный.

202. Лисина, Е. В. Субъективная семантика интрацепции в старшем дошкольном возрасте: специальность 19.00.11 «Психология управления»: диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Елена Васильевна Лисина. – Москва, 1997. – 234 с. – Текст: непосредственный.
203. Лисина, М. И. Развитие перцептивной деятельности у младенцев первого полугодия жизни / М. И. Лисина // Восприятие и действие. – Москва, 1966. – С. 74–77. – Текст: непосредственный.
204. Лихачев, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачев. – Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. – 480 с. – Текст: непосредственный.
205. Лондон, Дж. Мартин Иден / Дж. Лондон / Перевод Р. Е. Облонской. – URL: https://www.100bestbooks.ru/files/London_Martin_Iden.pdf (дата обращения 09.03.2020). – Текст: электронный.
206. Лосев, А. Ф. Миф-число-сущность / А. Ф. Лосев; [Послесловия Л. А. Гогтишвили, В. П. Троицкого]. – Москва: Мысль, 1994. – 919 с. – Текст: непосредственный.
207. Лурия, А. Р. Основные проблемы нейролингвистики / А. Р. Лурия. – Изд. 2-е. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2007. – 252 с. – Текст: непосредственный.
208. Лурия, А. Р. Предисловие редактора русского издания // Брунер Дж. / Психология познания / Пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1977. – 413 с. – Текст: непосредственный.
209. Лурия, А. Р. Современная психология в ее основных направлениях / А. Р. Лурия. – Москва: Работник просвещения, 1928. – 64 с. – Текст: непосредственный.
210. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 416 с. – Текст: непосредственный.
211. Ляшевская, О. Н. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). Электронная версия издания / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. – Москва: Азбуковник, 2009. – URL:http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_freq&title=%D7%E0F1F2EE%F2ED%FB%E9%20F1EF%E8F1EE%EA%20EB%E5EC%EC (дата обращения 06.07.2021). – Текст: электронный.
212. Магун, В. С. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами / В. С. Магун, М. Г. Руднев // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. – 2008. – Т.93. – № 1. – С. 33–58. – Текст: непосредственный.

213. Маланов, С. В. Психологическая теория речевой деятельности, разработанная А. А. Леонтьевым. – [URL:http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1652](http://www.bim-bad.ru/biblioteka/article_full.php?aid=1652) (дата обращения 16.08.2019). – Текст: электронный.
214. Мальцев, В. И. Значение и понятие // Проблема значения в лингвистике и логике / В. И. Мальцев: [Тезисы докладов и выступлений Симпозиума] / Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философ. и филол. фак. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 3–7. – Текст: непосредственный.
215. Манхейм, К. Избранное: диагноз нашего времени / К. Манхейм; пер. с нем. и англ. – Москва: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. – 744 с. – Текст: непосредственный.
216. Марцинковская, Т. Д. Образ Я и образ мира: варианты сочетания в современной субкультуре / Т. Д. Марцинковская, В. В. Солодников, В. А. Карпук // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. – 2019. – № 2. – С. 24–36. – Текст: непосредственный.
217. Маслоу, А. Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу; Под общ. ред. Г. А. Балла и др.; Пер. с англ. Г. А. Балл, А. П. Попогребский. – Москва: Смысл, 1999. – 423 с. – Текст: непосредственный.
218. Мелихова, Ю. Р. Стратегии именованя предметных изображений: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Юлия Рустамовна Мелихова. – Курск, 2005. – 157 с. – Текст: непосредственный.
219. Миллер, Дж. Планы и структура поведения / Дж. Миллер, Е. Галантер, К. Прибрам; Пер. с англ. О. Виноградовой и Е. Хомской; Общая ред. и предисл. действ. чл. Акад. пед. наук РСФСР А. Н. Леонтьева и действ. чл. Акад. пед. наук РСФСР А. Р. Лурия. – Москва: Прогресс, 1964. – 238 с. – Текст: непосредственный.
220. Миллс, Ч. Социологическое воображение / Ч. Миллс. – Москва: Издательский Дом «Nota Bene», 2001. – 264 с. – Текст: непосредственный.
221. Мирошников, Ю. И. Ценностное сознание и его структура / Ю. И. Мирошников // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2003. – № 4. – С. 66–83. – Текст: непосредственный.
222. Моран, Л. Г. А. Лексико-семантическое поле в системе его денотативных и оценочных значений: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Лойола Грасиэла Альба Моран. – Минск, 1988. – 173 с. – Текст: непосредственный.

223. Мороз, Е. Н. Правовая норма как ценность: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Елена Николаевна Мороз. – Челябинск, 2013. – 198 с. – Текст: непосредственный.
224. Московичи, С. Наука о массах / С. Московичи // Психология масс: хрестоматия. – Самара: Издательский дом «БАХРАХ», 1998. – 592 с. – Текст: непосредственный.
225. Мосунов, Е. Л. Язык и картина мира: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук / Евгений Леонидович Мосунов. – Магнитогорск, 2007. – 22 с. – Текст: непосредственный.
226. Мурзин, Л. Н. Полевая структура языка: фатическое поле (текст лекции) / Л. Н. Мурзин // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): Межвуз. сб. науч. тр. / М-во общ. и проф. образования РФ. Перм. гос. ун-т; Редкол.: Л. М. Алексеева и др. – Пермь, 1998. – С. 9–14. – Текст: непосредственный.
227. Мчедлов, М. П. Социально-политические позиции верующих в России / М. П. Мчедлов, Э. Г. Филимонов // Социология религии. – 1999. – С. 103–107. – Текст: непосредственный.
228. Мягкова, Е. Ю. Овладение навыками чтения как основа функциональной грамотности носителя языка / Е. Ю. Мягкова // Вестник Тверского государственного университете. – Серия: Филология. – 2016. – № 4. – С. 53–59. – Текст: непосредственный.
229. Мягкова, Е. Ю. Цифровое слабоумие: миф или реальность? / Е. Ю. Мягкова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под общ. ред. А. А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016а. – С. 63–73. – Текст: непосредственный.
230. Мягкова, Е. Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова: Вопросы теории: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Елена Юрьевна Мягкова. – Москва, 2000. – 247 с.
231. Мясищев, В. Н. Психология отношений / В. Н. Мясищев. – Москва: Изд-во ИПП, 1995. – 356 с. – Текст: непосредственный.
232. Найсер, У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найсер. – Москва, 1981. – 229 с. – Текст: непосредственный.
233. Нарский, И. С. Критика неопозитивистских концепций значения / И. С. Нарский // Проблема значения в лингвистике и логике: [Тезисы докладов и выступлений

- Симпозиума] / Моск. ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Философ. и филол. фак. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1963. – С. 15–20. – Текст: непосредственный.
234. Неганов, Ф. М. Аксиологическая детерминация / Ф. М. Неганов, Ф. С. Файзуллин, И. Н. Ханов. – Уфа: Гилем, 2004. – 132 с. – Текст: непосредственный.
235. (Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем // И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева; под ред. В. В. Красных. – Москва, Гнозис, 2017. – 392 с. – Текст: непосредственный.
236. Нечай, Ю. П. Семантико-синтаксические средства выражения эмоционально-экспрессивных значений частиц в немецком и русском языках: Сопоставительный анализ: специальность 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Юрий Петрович Нечай. – Краснодар, 1999. – 465 с. – Текст: непосредственный.
237. Никитин, М. В. Знак – значение – язык / М. В. Никитин; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2001. – 226 с. – Текст: непосредственный.
238. Никифорова, Е. Б. Семантическая эволюция лексической системы русского языка: тенденции, векторы, механизмы: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Елена Борисовна Никифорова. – Волгоград, 2008. – 442 с. – Текст: непосредственный.
239. Никифорова, О. И. Исследования по психологии художественного творчества / О. И. Никифорова. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 155 с. – Текст: непосредственный.
240. Новиков, А. И. Структура содержания текста и возможности ее формализации (на материале научно-технических текстов): специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Анатолий Иванович Новиков. – Москва, 1983. – 355 с. – Текст: непосредственный.
241. Новиков, А. И. Текст и его смысловые доминанты / А. И. Новиков / под ред. Н. В. Васильевой, Н. М. Нестеровой, Н. П. Пешковой. – Москва: Институт языкознания РАН, 2007. – 224 с. – Текст: непосредственный.
242. Новикова, Н. С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира / Н. С. Новикова // Филологические науки. – 2000. – № 1. – С. 40–49. – Текст: непосредственный.

243. Новичкова, В. В. Семантическая регулярность трансформации контекстуальных значений (на материале именований родства в русском и английском языках: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Валентина Витальевна Новичкова. – Москва, 1992. – 16 с. – Текст: непосредственный.
244. Овчинникова, И. Г. К проблеме определения феномена «языковое сознание» / И. Г. Овчинникова // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты: Материалы Международной школы-семинара (VI Березинские чтения). – Вып. 16. – Москва: ИНИОН РАН, АСОУ, 2010. – С. 116–125. – Текст: непосредственный.
245. Огородников, А. Ю. Диалектика взаимодействия интериоризации ценностей и трансформации социальных институтов / А. Ю. Огородников. – Москва: Кругъ, 2013. – 260 с.
246. Огородников, А. Ю. Интериоризация ценностей в условиях трансформации современного российского общества: социально-философский анализ: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Александр Юрьевич Огородников. – Москва, 2008. – 172 с. – Текст: непосредственный.
247. Орлова, Н. В. Речь школьника на уроках словесности: онтолингвистический и дискурсивный подходы / Н. В. Орлова. – Омск: Вариант-Омск, 2010. – 97 с. – Текст: непосредственный.
248. Островский, А. Н. Гроза. Лес. Бесприданница: [Пьесы] / А. Н. Островский; Вступ. ст. Е. Калмановского; худож. И. Харкевич. – Ленинград: Худож. лит. Ленингр. отд-ние, 1977. – 253 с. – Текст: непосредственный.
249. Парыгин, Б. Д. Общественное настроение / Б. Д. Парыгин. – Москва: Мысль, 1966. – 327 с. – Текст: непосредственный.
250. Пахомов, Ю. Н. Формирование эчеловека: методологические принципы и программные установки / Ю. Н. Пахомов. – Санкт-Петербург, 2002. – 120 с. – Текст: непосредственный.
251. Педагогическая аксиология: [Монография] / Отв. ред. Г. И. Чижакова, В. А. Сластенин. – Красноярск: Сибирский гос. технологический ун-т, 2008. – 293 с. – Текст: непосредственный.

252. Петренко, В. Ф. Методологические пересечения психосемантики сознания и квантовой физики: [Монография] / В. Ф. Петренко, А. П. Супрун. – Москва: URSS, cop. 2017. – 305 с. – Текст: непосредственный.
253. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. – Москва: Новый хронограф, 2010а. – 440 с. – Текст: непосредственный.
254. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – 3-е изд. – Москва: Эксмо, 2010. – 480 с. – Текст: непосредственный.
255. Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – Москва: Изд-во МГУ, 1988. – 207 с. – Текст: непосредственный.
256. Петренко, В. Ф. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: (На материале полит. менталитета) / В. Ф. Петренко, О. В. Митина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. – 212 с. – Текст: непосредственный.
257. Петухов, В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления / В. В. Петухов // Вестник МГУ. – Серия 14: Психология. – 1984. – № 4. – С. 13–21. – Текст: непосредственный.
258. Печерица, Т. Е. Отбор и адаптация художественных текстов в группах студентов-филологов, обучающихся на подготовительных курсах советских вузов: специальность 13.00.02 «Теория и методика обучения и воспитания»: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Печерица Татьяна Евгеньевна. – Москва, 1981. – 251 с. – Текст: непосредственный.
259. Пиаже, Ж. Моральное суждение у ребенка / Ж. Пиаже; [пер. с фр. В. Большакова]. – Москва: Акад. проект, 2006. – 479 с. – Текст: непосредственный.
260. Пищальникова, В. А. Актуальные проблемы этнопсихолингвистики / В. А. Пищальникова // Этнопсихолингвистика. – 2018. – № 1. – С. 9–25. – Текст: непосредственный.
261. Пищальникова, В. А. Функциональные эквиваленты понятия как ментальная основа динамики значения слова / В. А. Пищальникова // Вестник московского государственного лингвистического университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2017. – № 6. – С. 78–95. – Текст: непосредственный.
262. Пищальникова, В. А. Проблема смысла поэтического текста: Психолингвистический аспект: специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Вера Анатольевна Пищальникова. – Москва, 1992. – 30 с. – Текст: непосредственный.

263. Платонов, К. К. Структура и развитие личности / К. К. Платонов. – Москва: Наука, 1986. – 254 с. – Текст: непосредственный.
264. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва: АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с. – Текст: непосредственный.
265. Попова, З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Воронеж: ИСТОКИ, 2007а. – 250 с. – Текст: непосредственный.
266. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др. – Москва: Наука, 1988. – С. 3–7. – Текст: непосредственный.
267. Потебня, А. А. Эстетика и поэтика: сборник / А. А. Потебня / Сост., вступ. статья, примеч. И. В. Иваньо, А. И. Колодной. – Москва: Искусство, 1976. – 614 с. – Текст: непосредственный.
268. Прошин, А. В. Стилистическое значение и семантика языковой единицы: (на материале английского языка) / А. В. Прошин. – Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2010. – 543 с. – Текст: непосредственный.
269. Раджабов, О. Р. Физическая картина мира в аспекте классической, неклассической и постнеклассической рациональности: специальность 09.00.08 «Философия науки и техники»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Осман Раджабович Раджабов. – Махачкала, 2011. – 340 с. – Текст: непосредственный.
270. Рашева, Н. Ю. Ценность права сквозь призму ее отрицания: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Наталья Юрьевна Рашева. – Москва, 2006. – 234 с. – Текст: непосредственный.
271. Резников, А. О. Гносеологические вопросы семиотики / О. А. Резников / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. – 304 с. – Текст: непосредственный.
272. Ремарк, Э. Три товарища / Э. Ремарк. [Пер. с нем.]. – Москва: «АСТ», 1990. – 382 с. – Текст: непосредственный.
273. Ремизов, В. А. Культура личности (ценностно-мировоззренческий анализ): [Монография] / В. А. Ремизов. – Москва: АГЗ МЧС России, 2000. – 217 с. – Текст: непосредственный.

274. Ромашов, Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты / Р. А. Ромашов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. трудов / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. – Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2010. – [URL:http://rusexpert.ru/public/guild/8.pdf](http://rusexpert.ru/public/guild/8.pdf) (дата обращения 09.07.2020). – Текст: электронный.
275. Ромащенко, И. А. Социальная память и картина мира: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Илья Александрович Ромащенко. – Саратов, 2000. – 200 с. – Текст: непосредственный.
276. Российская педагогическая энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. В. Г. Панов. – Москва: Большая рос. энцикл, 1993. – [URL:https://didacts.ru/termin/druzhba.html](https://didacts.ru/termin/druzhba.html) (дата обращения 26.03.2021). – Текст: электронный.
277. Рубинштейн, С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2003. – 508 с. – Текст: непосредственный.
278. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва [и др.]: Питер, 2009. – 705 с. – Текст: непосредственный.
279. Рубинштейн, С. Л. Принципы и пути развития психологии / С. Л. Рубинштейн / Акад. наук СССР. Ин-т философии. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 354 с. – Текст: непосредственный.
280. Рубинштейн, С. Л. Проблемы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – Москва: Педагогика, 1973. – 424 с. – Текст: непосредственный.
281. Рудакова, А. В. Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова // Вестник Дагестанского научного центра. – 2015. – № 3 (58). – С. 152–156. – Текст: непосредственный.
282. Сазонова, Т. Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Татьяна Юрьевна Сазонова. – Тверь, 2000. – 260 с. – Текст: непосредственный.
283. Свиридкина, Т. Л. Антропософское видение проблемы человека: специальность 09.00.01 «Онтология и теория познания»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Татьяна Леонидовна Свиридкина. – Москва, 1997. – 222 с. – Текст: непосредственный.
284. Сент-Экзюпери, А. де Маленький принц: / А. де Сент-Экзюпери; [пер. с фр. Н. Галь]. – Калининград: Кн. изд-во, 1992. – 60 с. – Текст: непосредственный.

285. Сергеева, Л. А. Оценочное значение и категоризация оценочной семантики: опыт интерпретационного анализа: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Лариса Александровна Сергеева. – Уфа, 2004. – 316 с. – Текст: непосредственный.
286. Серебренников, Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников. – Москва: Наука, 1983. – 319 с. – Текст: непосредственный.
287. Серебренникова, Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа / Е. Ф. Серебренникова // Этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография. – Иркутск: ИГЛУ, 2008. – 529 с. – Текст: непосредственный.
288. Серкин, В. П. Структура и функции образа мира в практической деятельности: специальность 19.00.03 «Психология труда, инженерная психология, эргономика»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Владимир Павлович Серкин. – Москва, 2005. – 356 с. – Текст: непосредственный.
289. Ситорам, К., Когделл, Р. Основы межкультурной коммуникации / К. Ситорам, Р. Когделл // Человек. – 1992. – № 4. – С. 106–116. – Текст: непосредственный.
290. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Слышкин Геннадий Геннадьевич. – Волгоград, 2004. – 323 с. – Текст: непосредственный.
291. Смирнов, С. Д. Мир образов и образ мира / С. Д. Смирнов // Вест Моск. Ун-та. Серия 14: Психология. – 1981. – № 2. – С. 15–29. – Текст: непосредственный.
292. Смирнов, С. Д. Психология образа / С. Д. Смирнов // Актуальные проблемы современной психологии: Материалы междунар. конф. / Редкол.: А. А. Бодалев (отв. ред.) и др. – Москва: Изд-во МГУ, 1983. – С. 86–88. – Текст: непосредственный.
293. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – Москва: Изд-во МГУ, 1985. – 231 с. – Текст: непосредственный.
294. Современная западная философия: Словарь / Сост. В. С. Малахов, В. П. Филатов – Москва: Политиздат, 1991. – 414 с. – Текст: непосредственный.
295. Современные философские проблемы естественных, технических и социально-гуманитарных наук / Под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. В. Миронова. – Москва: Гардарики, 2006. – 639 с. – Текст: непосредственный.
296. Солнцев, В. М. О лингвистических мифах // Знание языка и языкознание / М. М. Солнцев / [Сб. ст.] / АН СССР, Отд-ние лит. и яз. и др.; [Отв. ред. В. П. Нерознак, И. И. Халеева]. – Москва: Наука, 1991. – 182 с. – Текст: непосредственный.

297. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин / Общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов / Пер. с англ. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с. – Текст: непосредственный.
298. Сорокин, Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Юрий Александрович Сорокин. – Москва: Наука, 1985. – 168 с. – Текст: непосредственный.
299. Сорокин, Ю. А. Этническая конфликтология (теоретические и экспериментальные фрагменты) / Ю. А. Сорокин. – Москва: Институт проблем риска, 1994. – 120 с. – Текст: непосредственный.
300. Спиркин, А. Г. Сознание и самосознание / А. Г. Спиркин. – Москва: Политиздат, 1972. – 303 с. – Текст: непосредственный.
301. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: Академический Проект, 2004. – 992 с. – Текст: непосредственный.
302. Степанова, Т. В. Множественность картин мира и мировоззрение: специальность 09.00.11 «Социальная философия»: диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Татьяна Владимировна Степанова. – Самара, 2005. – 152 с. – Текст: непосредственный.
303. Степанская, С. П. Систематизация и анализ взаимосвязи контекстуальных и узуальных значений существительных категории чувств в русском языке: специальность 10.02.01 «Русский язык»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Светлана Петровна Степанская. – Москва, 1989. – 240 с. – Текст: непосредственный.
304. Стернин, И. А. Значение в языковом сознании: специфика описания / И. А. Стернин // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 4. – С. 171–179. – Текст: непосредственный.
305. Стернин, И. А. Об образном и рефлексивном сознании / И. А. Стернин // Язык – Сознание – Культура – Социум: сб. докл. и сооб. междун. науч. конф. памяти проф. И. Н. Горелова. – Саратов: Издательский центр «Наука», 2008. – С. 99–103. – Текст: непосредственный.
306. Стернин, И. А. Психологически реальное значение слова и его изучение / И. А. Стернин // Психолингвистические исследования в области лексики и фонетики:

- межвузов. тематич. сб. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1981. – С. 140–148. – Текст: непосредственный.
307. Стернин, И. А. Алгоритм описания психолингвистического значения слова / И. А. Стернин, А. В. Рудакова // Мир лингвистики и коммуникации. – 2015. – №4. – С. 100–108. – Текст: непосредственный.
308. Стернин, И. А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И. А. Стернин, А. В. Рудакова // Теоретические проблемы. – LAP Lambert Academic Publishing: Saarbrücken, 2011. – 192 с. – Текст: непосредственный.
309. Стернин, И. А. Словарные дефиниции и семантический анализ / И. А. Стернин, А. В. Рудакова. – Воронеж: «Истоки», 2017. – 34 с. – Текст: непосредственный.
310. Стернин, И. А. Трафаретная модель описания психолингвистического значения слова / И. А. Стернин, А. В. Рудакова // Психолингвистика и лексикография. – Вып. 2. – Воронеж: Истоки, 2015а. – С. 97–110. – Текст: непосредственный.
311. Столин, В. В. Исследование порождения зрительного пространственного образа / В. В. Столин // Восприятие и деятельность. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – С. 101–208. – Текст: непосредственный.
312. Сухоруких, А. В. Аксиология инноваций в современной образовательной культуре: специальность 09.00.13 «Философская антропология, философия культуры»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Алексей Викторович Сухоруких. – Курск, 2020. – 309 с. – Текст: непосредственный.
313. Тарасов, Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва, 2000. – С. 24–32. – Текст: непосредственный.
314. Тарасов, Е. Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / Е. Ф. Тарасов. – Москва: Издательство «Просвещение», 1993. – С. 6–15. – Текст: непосредственный.
315. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания / Е. Ф. Тарасов // Этнокультурная специфика языкового сознания. – Москва: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 7–22. – Текст: непосредственный.
316. Тарасов, Е. Ф. Межкультурное общение новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания: сб. статей / отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва, 1996. – С. 7–22. – Текст: непосредственный.

317. Тарасов, Е. Ф. Образ мира / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2008. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-mira-1> (дата обращения: 01.05.2021). – Текст: электронный.
318. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание / Е. Ф. Тарасов // Вопросы психолингвистики. – 2004. – № 2. – С. 34–47. – Текст: непосредственный.
319. Тарасов, Е. Ф. Языковое сознание: проблемы и перспективы // В пространстве языка и культуры. Звук, знак, смысл / Е. Ф. Тарасов, Н. В. Уфимцева. – Москва: Языки славянских культур, 2010. – С.735–747. – Текст: непосредственный.
320. Телия, В. Н. О специфике отображения мира психики и знания в языке / В. Н. Телия // Сущность, развитие и функции языка: сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания; Отв. ред. Г. В. Степанов. – Москва: Наука, 1987. – С. 65–74. – Текст: непосредственный.
321. Толмачева, И. А. Термин в сознании полилингва (экспериментальное исследование на материале бирманского, английского и русского языков): специальность 10.02.19 «Теория языка»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ирина Анатольевна Толмачева. – Курск, 2012. – 18 с. – Текст: непосредственный.
322. Толстой Л. Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. – URL: <http://www.tolstoy.ru> (дата обращения 20.03.2021). – Текст: электронный.
323. Толстых, В. И. Настоящее будущее: Без утопии возврата в прошлое / В. И. Толстых. – Москва: Российская политическая энциклопедия РОССПЭН. – 2009. – 133 с. – Текст: непосредственный.
324. Топоров, В. Н. Об иранском элементе в русской духовной культуре / В. Н. Топоров // Славянский и балтийский фольклор. – Москва: Индрик, Наука, 1989. – С. 23–60. – Текст: непосредственный.
325. Трик, Х. Е. Основные направления экспериментального изучения творчества / Х. Е. Трик // Хрестоматия по общей психологии: Психология мышления. [По спец. «Психология»] / Под ред. [и с предисл.] Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Петухова. – Москва: Изд-во МГУ, 1981. – 400 с. – Текст: непосредственный.
326. Трунова, Е. Г. Воспитание как культурная универсалия: семантический аспект / Е. Г. Трунова // Педагогика и психология образования. – 2017. – №3. – С. 16–25. – Текст: непосредственный.
327. Тульчинский, Г. Л. Текст как интонированное бытие или инорациональность семиотики / Г. Л. Тульчинский // Философия языка и семиотика / Под ред.

- А. Н. Портнова. – Иваново: Ивановский гос. ун-т, 1995. – С. 44–52. – Текст: непосредственный.
328. Туманов, С. В. Современная Россия: массовое сознание и массовое поведение (опыт интегративного анализа) / С. В. Туманов. – Москва: Изд-во МГУ, 2000. – 192 с. – Текст: непосредственный.
329. Тургенев, И. С. Отцы и дети / И. С. Тургенев. – Москва: АСТ, 2015. – 286 с. – Текст: непосредственный.
330. Уфимцева, А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А. А. Уфимцева; под ред. Ю. С. Степанова. – Изд. 4-е. – Москва: URSS, 2010. – 239 с. – Текст: непосредственный.
331. Уфимцева, Н. В. Этнопсихоллингвистика как раздел теории речевой деятельности // (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И. А. Бубнова, И. В. Зыкова, В. В. Красных, Н. В. Уфимцева / под ред. В. В. Красных. – Москва: Гнозис, 2017. – С. 21–96. – Текст: непосредственный.
332. Уфимцева, А. А. Типы словесных знаков / А. А. Уфимцева. – Москва: Наука, 1974. – 206 с. – Текст: непосредственный.
333. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание как отображение этносоциокультурной реальности / Н. В. Уфимцева // Вопросы психоллингвистики. – 2003. – № 1. – С. – 102–110. – Текст: непосредственный.
334. Уфимцева, Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н. В. Уфимцева. – Москва: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с. – Текст: непосредственный.
335. Ухтомский, А. А. Об условно-отражательном действии. Собрание сочинений / Акад. А. А. Ухтомский / Отв. ред. проф. М. И. Виноградов; Ленингр. гос. ордена Ленина ун-т. – Т. 5: Обзорные и другие статьи. – Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ордена Ленина ун-та, 1954. – 231 с. – Текст: непосредственный.
336. Ушакова, Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / Т. Н. Ушакова / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. – Москва, 2000. – С. 13–23. – Текст: непосредственный.
337. Федосюткина, Н. С. Психоллингвистический подход к изучению ценностных представлений / Н. С. Федосюткина // Вопросы психоллингвистики. – 2006. – №. 3. – С. 114–126. – Текст: непосредственный.
338. Федосюткина, Н. С. Слова-ценности как средство доступа к ценностной картине мира: Экспериментальное исследование: специальность 10.02.19 «Теория языка»:

- диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Наталья Сергеевна Федосюткина. – Курск, 2005. – 160 с. – Текст: непосредственный.
339. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Политиздат, 1991. – 560 с. – Текст: непосредственный.
340. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев и др. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 836 с. – Текст: непосредственный.
341. Фитцджеральд, Ф. С. Великий Гэтсби / Ф. С. Фицджеральд; (пер. с англ. Е. Д. Калашниковой). – Москва: Художественная литература, 1990. URL:https://bagnenko.name/wp-content/uploads/2016/02/Frensis_Skott_Fitsdzherald_-_Velikiy_Getsbi.pdf (дата обращения 12.04.2020). – Текст: электронный.
342. Фитч, У. Т. Эволюция языка / У. Т. Фитч; пер. с англ. и [науч. ред.] Е. Н. Панова; [послесл. Е. Н. Панова; послесл. П. Д. Кошелева]. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – 767 с. – Текст: непосредственный.
343. Флоренский, П. А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях / П. А. Флоренский. – Москва: Прогресс, 1993. – 324 с. – Текст: непосредственный.
344. Фребель, Ф. Педагогические сочинения: С вступ. ст. о жизни и деятельности Фребеля / Ф. Фребель; Пер. с нем. И. Д. Городецкого; Под ред. Д. Н. Королькова. – 2-е изд. – Москва: К. И. Тихомиров, 1913. – 359 с. – Текст: непосредственный.
345. Фридман, Ж. И. Методика анализа значения слова в языковом сознании носителей русского языка / Ж. И. Фридман // Вопросы психолингвистики. – 2007. – № 5. – С. 78–82. – Текст: непосредственный.
346. Фридман, Ж. И. Психологически реальное значение слова как феномен языкового сознания: специальность 10.02.19 «Теория языка»: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Жанна Игоревна Фридман. – Воронеж, 2006. – 219 с. – Текст: непосредственный.
347. Фрумкина, Р. М. Психолингвистические проблемы семантики / Р. М. Фрумкина // Психолингвистические проблемы семантики / А. А. Леонтьев, Е. Ф. Тарасов, Р. М. Фрумкина и др. / Отв. ред. А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович. – Москва: Наука, 1983. – С. 46–85. – Текст: непосредственный.
348. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические особенности / Т. В. Цивьян. – 3-е изд., испр. – Москва: КомКнига, 2006. – 280 с. – Текст: непосредственный.

349. Цукерман, Г. А. Психология развития / Г. А. Цукерман, Б. М. Мастеров. – Москва: Интерпракс, 1995. – 288 с. – Текст: непосредственный.
350. Черемисина, Н. В. Семантика возможных миров и лексико-семантические законы / Н. В. Черемисина // Филологические науки. – 1992. – № 2. – С. 111–117. – Текст: непосредственный.
351. Чернейко, Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени / Л. О. Чернейко. – Москва, 1997. – 320 с. – Текст: непосредственный.
352. Чистякова, Г. Д. Формирование предметного кода как основы понимания текста / Г. Д. Чистякова // Вопросы психологии. – 1981. – № 4. – С. 50–59. – Текст: непосредственный.
353. Шарикова, Л. А. Концепт «женщина» в любовной лирике немецких миннезингеров / Л. А. Шарикова, Ю. П. Бауэр // Мир человека и мир языка: Коллективная монография / Отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2003. – Вып. 2. – С. 247–248. – Текст: непосредственный.
354. Шафаревич, И. Р. Русофобия. Две дороги – к одному обрыву / И. Р. Шафаревич. – Москва: Товарищество русских художников, 1991. – 142 с. – Текст: непосредственный.
355. Шахов, М. О. Старообрядческое мировоззрение: Религиозно-философские основы и отношение к обществу: специальность 09.00.06 «Философия религии»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Михаил Олегович Шахов. – Москва, 2000. – 377 с. – Текст: непосредственный.
356. Шаховский, В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка: Монография / В. И. Шаховский. – Изд. 3-е. – Москва: URSS, 2009. – 204 с. – Текст: непосредственный.
357. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер / пер. с нем. Н. А. Захарченко и Г. В. Колшанского; общ. ред и предисл. проф. В. А. Карпушина. – Москва: Прогресс 1973. – 342 с. – Текст: непосредственный.
358. Шемякин, Я. Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории / Я. Г. Шемякин; Рос. акад. наук. Ин-т Лат. Америки. – Москва: Наука, 2001. – 390 с. – Текст: непосредственный.
359. Шереги, Ф. Э. Российская молодежь: настроение, ожидания, ценностные ориентации / Ф. Э. Шереги. – Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2013. – 93 с. – Текст: непосредственный.
360. Шерковин, Ю. А. Проблема внушения и массовая коммуникация / Ю. А. Шерковин // Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и

- теории коммуникации. – Москва: Институт языкознания АН СССР, 1972. – С. 50–57. – Текст: непосредственный.
361. Шехтер, М. С. Об образных компонентах речевого мышления / М. С. Шехтер // Доклады Академии Педагогических наук РСФСР. – Москва: Издательство АПН, 1959. – № 2. – С. 67–70. – Текст: непосредственный.
362. Шишин, М. Ю. Ноосферная концепция культуры: специальность 24.00.01 «Теория и история культуры»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Михаил Юрьевич Шишин. – Барнаул, 2003. – 283 с. – Текст: непосредственный.
363. Школенко, Ю. А. Ценности XX века / Ю. А. Школенко. – Москва: Знание, 1990. – 64 с. – Текст: непосредственный.
364. Шлыкова, О. В. Социокультурная среда Интернета: новые ценности и коммуникативные смыслы / О. В. Шлыкова // Обсерватория культуры. – 2015. – № 4. – С. 86–98. – Текст: непосредственный.
365. Шмелев, А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к слов. / А. Д. Шмелев. – Москва: Яз. славян. культуры, 2002. – 224 с. – Текст: непосредственный.
366. Шмелев, А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А. Д. Шмелев. – Москва: Яз. славян. культуры, 2002а. – 496 с. – Текст: непосредственный.
367. Шмелев, А. Д. Языковая картина мира и картина мира текста: точки взаимодействия / А. Д. Шмелев // Образ России и россиянина в словаре и дискурсе: когнитивный анализ: тез. докл. и сообщ. Между нар. науч. конф., посвящ. юбилею засл. деят. науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л. Г. Бабенко. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – С. 62–64. – Текст: непосредственный.
368. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики: (На материале рус. яз.) / Д. Н. Шмелев. – Москва: Наука, 1973. – 280 с. – Текст: непосредственный.
369. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории: В 2 т. – Т.1. Образ и действительность / О. Шпенглер; пер. [с нем.] И. И. Маханькова. – Москва: Айрис-пресс, 2006. – 528 с. – Текст: непосредственный.
370. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии / Общ. ред. и послесл. А. М. Румянцева; Пер. с польск. М. М. Гуренко. – Москва: Изд-во «Прогресс». 1969. – 237 с. – Текст: непосредственный.
371. Щерба, Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – 2-е изд., стереотип. – Москва: Едиториал УРСС, 2004. – 432 с. – Текст: непосредственный.

372. Эльконин, Б. Д. Введение в психологию развития (в традиции культурно-исторической теории Л. С. Выготского) / Б. Д. Эльконин. – М: Тривола, 1994. –168 с. – Текст: непосредственный.
373. Эльконин, Д. Б. Экспериментальный анализ начального этапа обучению чтению / Д. Б. Эльконин // Вопросы психологии учебной деятельности младших школьников: сб. ст. / Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т психологии; Под ред. Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова. – Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1962. – С. 7–49. – Текст: непосредственный.
374. Являются ли мушкетеры образцом дружбы, как многие считают? – URL: https://vk.com/topic-129520_27309866 (дата обращения 27.03.2021). – Текст: электронный.
375. Яницкий, М. С. Психологические факторы и механизмы развития системы ценностных ориентаций личности: специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии»: диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Михаил Сергеевич Яницкий. – Новосибирск, 2000. – 302 с. – Текст: непосредственный.
376. Яницкий, М. С. Ценностные ориентации личности как динамическая система / М. С. Яницкий. – Кемерово: Кузбассвуиздат, 2000а. – 204 с. – Текст: непосредственный.
377. Янушкевич, А. С. От картины мира к образу мира: история становления имагологического текста в русской словесной культуре / А. С. Янушкевич // Имагология и компаративистика. – 2014. – №2. – С. 5–16. – Текст: непосредственный.
378. Ячная, Т. А. Подходы к определению понятия «Значение» в современной лингвистике / Т. А. Ячная // Труды БГТУ. – Серия 6: История, философия. – 2016. – №5 (187). – С. 235–238. – Текст: непосредственный.
379. Borg, I. Does the value circle exist within persons or only across persons? / I. Borg, A. Bardi, S. H. Schwartz // Journal of Personality. – 2015. – P. 151–162. – Text: unmediated.
380. Bronfenbrenner, U. The Ecology of Human Development: Experiments by Nature and Design / U. Bronfenbrenner. – Cambridge: Harvard University Press. – 1979. – 330 p. – Text: unmediated.
381. Chałas, K. Wychowanie ku wartościom. Elementy teorii i praktyki / K. Chałas. – T.1: Godność, odpowiedzialność, tolerancja. – Kielce: Wydawnictwo „Jedność”. – 2006. – P. 185–199. – Text: unmediated.

382. Coupland, N. Introduction: Towards discourse stylistics / N. Coupland // *Styles of discourse*. – London, 1988. – P. 6–74. – Text: unmediated.
383. Craik, K. J. W. The nature of explanation / K. J. W. Craik. – Cambridge: Cambridge University Press. – 1943. – 123 p. – Text: unmediated.
384. Croft, W. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D. A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2004. – 356 p. – Text: unmediated.
385. Damasio, A. The feeling of what happens: Body and emotion in the making of consciousness / A. Damasio. – N. Y., San Diego, London: Harcourt Brace & Co. – 1999. – 386 p. – Text: unmediated.
386. Deese, J. *The Structure of Associations in Language and Thought* / J. Deese. – Baltimore: The Johns Hopkins Press. – 1965. – 216 p. – Text: unmediated.
387. Fischer, R. Motivational basis of personality traits: A meta-analysis of value-personality correlations / R. Fischer, D. Boer // *Journal of Personality*. – № 83 (5). – 2015. – P.491–510. – Text: unmediated.
388. Frankel, B. *The post-industrial utopias* / B. Frankel. – Madison: University of Wisconsin Press. – 1987. – 328 p. – Text: unmediated.
389. Geeraerts, D., Grondelaers, S. Structurings of word meaning I. An overview / D. Geeraerts, S. Grondelaers // *Cognitive Linguistics Bibliography (CogBib)*. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton. – 2010. – Retrieved 16 May, 2019: <https://www.degruyter.com/database/COGBIB/entry/cogbib.4347/html>. (date of retrieval: 19.05.2019). – Text: electronic.
390. Gibson, E. J. *Perceptual development and the reduction of uncertainty* / E. J. Gibson // *Восприятие и действие*. – Москва: [б. и.]. – 1966. – С. 7–17. – Text: unmediated.
391. Gollan, T. From the interindividual to the intraindividual level: Is the circumplex model of values applicable to intraindividual value profiles? / T. Gollan, E. H. Witte // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. – Vol. 45 (3). – 2013. – P. 452–467. doi.org/10.1177/0022022113509885. – Text: unmediated.
392. Gorz, A. *Farewell to the working class* / A. Gorz / Transl. by M. Sonenscher. – London: Pluto press, Cop. – 1982. – 152 p. – Text: unmediated.
393. Gorz, A. *Paths to Paradise: On the liberation from work* / A. Gorz / Transl. by M. Imrie. – London; Sydney: Pluto press. – 1985. – 120 p. – Text: unmediated.
394. Grulich, V. *Socialistická pedagogika a hodnoty* / V. Grulich. – Praha: Nakladatelství svoboda. – 1972. – 115 p. – Text: unmediated.

395. Guilford, J. P. Intellectual resources and their values as seen by scientists / J. P. Guilford / Ed. by C. W. Taylor, F. Barron // *Scientific creativity: Its recognition and development*. – New York: John Wiley & Sons. – 1963. – P. 101–118. – Text: unmediated.
396. Hardy, Ch. Semantic fields and meaning: A bridge between mind and matter / Ch. Hardy // *World Futures*. – Vol 48. – 1997. – P.161–170. – Text: unmediated.
397. Hardy, Ch. Networks of meaning: A bridge between mind and matter / Ch. Hardy. – Westport, CT: Praeger / Greenwood. – 1998. – 244 p. – Text: unmediated.
398. Hechter, M. Should values be written out of the social scientist's lexicon? / M. Hechter // *Sociol. Theory*. – Vol. 10. – №. 2. – 1992. – P. 214–230. – Text: unmediated.
399. Hitlin, S. Values: Reviving a Dormant Concept. *Annual Review of Sociology* / S. Hitlin, J. A. Piliavin. – Vol. 30 (1). – 2004. – P. 359–393. doi.org/10.1146/annurev.soc.30.012703.110640. – Text: unmediated.
400. Inglehart, R. Modernization, cultural change, and the persistence of traditional values / R. Inglehart, W. E. Baker // *American Sociological Review*. – Vol. 65. – 2000. – P. 19–51. – Text: unmediated.
401. Inkeles A. Making men modern: On the causes and consequences of individual change in the developing countries / A. Inkeles // *American Journal of Sociology*. – Vol. 75. – 1969.-- P. 208–225. – Text: unmediated.
402. Inkeles A. Becoming modern: Individual change in six developing countries / A. Inkeles, D. H. Smith. – Cambridge: Harvard University Press. – 1974. – 448 p. – Text: unmediated.
403. Jackendoff, R. *Semantics and Cognition* / R. Jackendoff. (Current Studies in Linguistics Series). – Cambridge: The MIT Press. – 1983. – 283 p. – Text: unmediated.
404. Johnson, M. *The body in the mind: The bodily basis of meaning, imagination, and reason* / M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press. – 1987. – 233 p. – Text: unmediated.
405. Johnson-Laird, P. N. *The history of mental models* / P. N. Johnson-Laird / Ed. by K. Mantelshelf, M. Chung // *Psychology of Reasoning: Theoretical and Historical Perspective*. – N.Y.: Psychology Press. – 2004. – P. 179–212. – Text: unmediated.
406. Jones, N. A. *Mental models: an interdisciplinary synthesis of theory and methods* / N. Jones, H. Ross, T. Lynam, P. Perez, A. Leitch // *Ecology and Society*. – Vol. 16. – №1. – 2011. – URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol16/iss1/art46/> (date of retrieval: 12.10.2018). doi: org/10.5751/ES-03802-160146. – Text: electronic.

407. Kirkham, S. Constructing social meaning in political discourse: Phonetic variation and verb processes in Ed Miliband's speeches / S. Kirkham, E. Moore // *Language in Society*. – Vol. 45(1). – 2016. – P. 87–111. doi:10.1017/S0047404515000755. – Text: unmediated.
408. Kluckhohn, C. Values and value orientations in the theory of action: An exploration in definition and classification / C. Kluckhohn / Ed. by T. Parsons, E. A. Shils // *Toward a general theory of action*. – Cambridge: Harvard University Press. – 1951. – P. 388–433. – Text: unmediated.
409. Kohlberg, L. Moral stages and moralization / L. Kohlberg / Ed. by Th. Lickona // *Moral Development and Behavior-Theory, Research, and Social Issues*. – New York: Holt, Rinehart and Winston. – 1976. – P. 31-53. – Text: unmediated.
410. Lakoff, G. *Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind* / G. Lakoff. – Chicago: University of Chicago Press. – 1987. – 632 p. – Text: unmediated.
411. Lifton, R. J. *The Nazi Doctors: Medical killing and the psychology of genocide* / R. J. Lifton. – N.Y.: Perseus Book Group (Basic books). – 2000. – 561 p. – Text: unmediated.
412. Magun, V. Within-and between-country value diversity in Europe: A typological approach / V. Magun, M. Rudnev, P. Schmidt // *European Sociological Review*. – Vol. 32. – 2016. – P. 189–202. doi.org/10.1093/esr/jcv080. – Text: unmediated.
413. Marini, M. M. Social Values and Norms // *Encyclopedia of Sociology* / M. M. Marini / Ed. by E. F. Borgatte, R. J. V. Montgomery. – N.Y.: Macmillan. – Vol. 4. – 2000. – P. 2828–2840. – Text: unmediated.
414. Ogden, Ch. K. *The Meaning of Meaning* / Ch. K. Ogden, I. A. Richards. – N.Y. Harcourt, Brace & World, Inc. – 1927. – 600 p. – Text: unmediated.
415. Özesmi, U. Ecological models based on people's knowledge: a multi-step fuzzy cognitive mapping approach / U. Özesmi, S. L. Özesmi // *Ecol. Modell.* – Vol. 176. – № 1–2. – 2004. – P. 43–64. doi.org/10.1016/j.ecolmodel.2003.10.027. – Text: unmediated.
416. Paivio, A. *Imagery and Verbal Processes* / A. Paivio. – New York: Holt, Rinehart & Winston. – 1971. – 608 p. – Text: unmediated.
417. Parks-Leduc, Personality, values, and motivation / L. Parks-Leduc, R. P. Guay // *Personality and Individual Differences*. – Vol. 47. – 2009. – P. 675–684. doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.002. – Text: unmediated.
418. Parsons T. *Essays in sociological theory: pure and applied* / T. Parsons. – Glencoe, Ill: Free Press. – 1954. – 476 p. – Text: unmediated.

419. Parsons, T. *Social system* / T. Parsons. – Glencoe, Ill: Free Press. – 1951.– 575 p. – Text: unmediated.
420. Parsons, T. *Values, motives, and systems of action // Towards a general theory of action* / T. Parsons, E. A. Shils. – Cambridge, MA: Harvard University Press. – 1951. – P. 47–275. – Text: unmediated.
421. Plantinga, E. *Mental models and metaphor* / E. Plantinga // *Proceedings of the 1987 workshop on Theoretical issues in natural language processing (TINLAP'87)*. – Vol. 5. – №10. – 1987. – P. 185–193. [org/10.3115/980304.980347](https://doi.org/10.3115/980304.980347). – Text: unmediated.
422. Podesva, R. J. *Salience and the social meaning of declarative contours: Three case studies of gay professionals* / R. J. Podesva // *Journal of English Linguistics*. – Vol. 39 (3). – 2011. – P. 233–264. – Text: unmediated.
423. Pottier, B. *La Definition Semantique dans les dictionnaires* / B. Pottier // *Travoux de Linguistique et de litterature*. – Strastourg. – Vol.3. – 1965. – P. 33–39. – Text: unmediated.
424. Ravlin, E. C. *Issues in work values measurement* / E. C. Ravlin, B. M. Meglino / Ed. by W.C. Frederick // *Research in corporate social performance and policy*. – Vol. 9. – 1987. – P. 153–183. – Text: unmediated.
425. Reber, M. *Axioms of Value* // *Proceedings of the Design Society: International Conference on Engineering Design* / M. Reber, A. Duffy, L. Hay. – Vol. 1(1). – 2019. – P. 2159–2168. [doi:10.1017/dsi.2019.222](https://doi.org/10.1017/dsi.2019.222). – Text: unmediated.
426. Roccas, S. *The big five personality factors and personal values* / S. Roccas, L. Sagiv, S. H. Schwartz, A. Knafo // *Personality and Social Psychology Bulletin*. – Vol. 28. – 2002. – P. 789–801. doi.org/10.1177/0146167202289008. – Text: unmediated.
427. Rokeach, M. *The nature of human values* / M. Rokeach. – New York: The Free Press. – 1973. – 438 p. – Text: unmediated.
428. Rosch, E. *Basic objects in natural categories* / E. Rosch, C. Mervis, W. Gray, D. Johnson, P. Boyes-Braem // *Cognitive Psychology*. – № 8. – 1976. – P. 382–439. – Text: unmediated.
429. Ryckman, R. M. *Value priorities in American and British female and male university students* / R. M. Ryckman, D. M. Houston // *Journal of Social Psychology*. – Vol. 143. – 2003. – P.127–138. doi.org/10.1080/00224540309598435. – Text: unmediated.
430. Schwartz, S. H. *Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries* / S. H. Shwartz / Ed. by M. Zanna // *Advances in experimental social psychology*. – New York: Academic Press. – Vol. 25. – 1992. – P. 1–65. – Text: unmediated.

431. Schwartz, S. H. Are there universal aspects in the structure and contents of human values? / S. H. Shwartz // *The Journal of Social Issues*. – Vol. 50(4). – 1994. – P. 19–45. doi.org/10.1111/j.1540-4560.1994.tb01196. – Text: unmediated.
432. Spranger, E. Types of men: The psychology and ethics of personality / E. Spranger / Trans. P. J. W. Pigors. – Halle: Max Niemeyer. – 1928. – 418 p. <https://archive.org/details/in.ernet.dli.2015.122134/page/n9/mode/2up> (date of retrieval 20.06.2020). – Text: electronic.
433. Taylor, J. R. Linguistic categorization: prototypes in linguistic theory / J. R. Taylor. – 2nd edition. – Oxford: Oxford University Press. – 1995. – 312 p. – Text: unmediated.
434. Trippel, Th. Terminology for spoken language systems / Th. Trippel. – Bielefeld. – 1999. – URL: <http://coral2.spectrum.unibielefeld.de/~ttrippel//terminology/terminology.html> (date of retrieval 12.07.2019). – Text: electronic.
435. Coupland, N. Theorizing social meaning / N. Coupland // *Sociolinguistics: Theoretical Debates*. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2016. – P. 35–36. – Text: unmediated.
436. Toffler, A. Previews and Premises / A. Toffler. – New York: Morrow, Cop. – 1983. – 230 p. – Text: unmediated.
437. Toffler, A. The third wave / A. Toffler. – New York: William Morrow. – 1980. – 544 p. – Text: unmediated.
438. Tolman, E. C. Cognitive maps in rats and men / E. C. Tolman // *The Psychological Review*. – Vol. 55. – № 4. – 1948. – P. 189–208. doi.org/10.1037/h0061626. – Text: unmediated.
439. Tönnies, F. Community and civil society (Gemeinschaft und Gesellschaft) / F. Tönnies / Ed. by J. Harris. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2001. – 298 p. – Text: unmediated.
440. Tsien, J. Z. Neutral coding of episodic memory / J. Z. Tsien / Ed. by E. Dere et al. // *Handbook of episodic memory*. – Vol.18. – Amsterdam: Elsevier. – 2008. P. 399–416. – Text: unmediated.
441. Williams, R. M. Values // *International encyclopedia of the social sciences* / R. M. Williams / Ed. by E. Sills, R. K. Merton. – Vol. 16. – New York: Macmillan. – 1968. – P. 283–287. – Text: unmediated.
442. Williams, R. M. Change and stability in values and value system: A sociological perspective / R. M. Williams / Ed. by M. Rokeach // *Understanding human values: Individual and societal*. – New York: Free Press. – 1979. – P. 15– 46. – Text: unmediated.

443. Yergin, D. Russia 2010 and what it means for the world / D. Yergin, Th. Gustafson. – New York; Vintage Books. – 1995. – 327 p. – Text: unmediated.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

Толковые словари

1. Словарь русского языка XI–XVII вв. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: С. Г. Бархударов (отв. ред.) [и др.]. – Москва: Наука, 1975. – Текст: непосредственный.
2. Словарь Академии Российской. При Имп. Акад. наук, 1789–1794. Первый толковый и норматив. словарь, открывший собой начало рус. науч. Лексикографии. В составлении словаря приняли участие Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, И.Н. Болтин, И. И. Лепехин, С. Я. Румовский, Н. Я. Озерецковский и др. – Санкт-Петербург: При имп. Акад. наук, 1789–1794. – Текст: непосредственный.
3. Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук / [ред. акад. Я. К. Грот]; Императорская Академия наук. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1891–1929. – Текст: непосредственный.
4. Малый толковый словарь русского языка: с 1300 рисунками / составитель П. Е. Стоян. – 2-е изд. – Петроград: Печатня К. П. Шрадера, 1915. – 736 с. – Текст: непосредственный.
5. Словарь русского языка XVIII века / АН СССР, Ин-т рус. яз.: [редкол.: Ю. С. Сорокин и др.]. – Ленинград: Наука, Ленинградское отд-ние, 1984-. – Текст: непосредственный.
6. Словарь современного русского литературного языка / [Глав. ред.: чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев (глав. ред.) и др.]; Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. – М.; Ленинград: Изд. и 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1950-1965. – Текст: непосредственный.
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля [Электронный ресурс]. – Москва: Си ЭТС: Бука, 2008. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Текст: электронный.
8. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. – Т. 1. Москва, 1935; – Т. 2. Москва, 1938; – Т. 3. Москва, 1939; – Т. 4, Москва, 1940. – Текст: непосредственный.
9. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – Москва: Оникс: Мир и образование, 2012. – 735 с. – Текст: непосредственный.

10. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер.: Москва, 1999. – Текст: непосредственный.
11. Лопатин, В. В., Лопатина, Л. Е. Малый толковый словарь русского языка. – 4-е изд., испр. и доп. – М.; Русский язык. 1997. – 832 с. – Текст: непосредственный.
12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: (82 000 слов и фразеологических выражений) / [Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин]; отв. ред. Н. Ю. Шведовой; Российская акад. наук, Отделение ист.-филологических наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова. – Москва: Азбуковник, 2008. – 1164 с. – Текст: непосредственный.
13. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словар. ст., ок. 250000 семант. единиц: [В 2 т.] / Т. Ф. Ефремова. – Москва: Рус. яз., 2000. – Т. 1: А - О. – 1210 с. – Т. 2: П - Я. – Текст: непосредственный.
14. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. – Санкт-Петербург, 1998. – 1534 с. – Текст: непосредственный.
15. Большой толковый словарь русских существительных: свыше 15 000 имен существ., идеограф. описание, синонимы, антонимы / [автор-составитель: Л. Г. Бабенко и др.]; под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-Пресс Книга, 2005. – 862 с. – Текст: непосредственный.
16. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингв. исслед.; [ред. Л. И. Балахонова]. – Москва: Наука; Санкт-Петербург: Наука, 2004-2019. – Текст: непосредственный.
17. Активный словарь русского языка / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. им. В. В. Виноградова; отв. ред. Ю. Д. Апресян. – Москва: Языки славянской культуры (ЯСК), 2014-. – Текст: непосредственный.
18. Морковкин В. В. Большой универсальный словарь русского языка: около 30 000 наиболее употребительных слов / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачёва, Н. М. Луцкая; под редакцией проф. В. В. Морковкина; Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина. – Москва: АСТ-ПРЕСС школа, 2018. – 1451 с. – Текст: непосредственный.
19. Русский семантический словарь: Толковый словарь систематизированный по классам слов и значений / [Н. Ю. Шведова и др.]; – Москва: Азбуковник: ИРЯ РАН, 2014-. – Текст: непосредственный.

20. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва: Советская энциклопедия, 1989. – 1633 с. – Текст: непосредственный.

21. Словарь языка Пушкина: В 4 т. / АН СССР, Ин-т языкознания; Гл. ред.: Акад. В. В. Виноградов (отв. ред.) и др.; [Предисл. В. В. Виноградова]. – М: ГИС, 1956-. – Текст: непосредственный.

22. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков / Санкт-Петербургский гос. ун-т, Межкаф. словарный каб. им. проф. Б. А. Ларина, Российская акад. наук, Ин-т лингвистических исслед.; [С. Н. Варина и др.]; под ред. О. С. Мжельской. – Санкт-Петербург: Наука, 2004-. – Текст: непосредственный.

Ассоциативные словари

1. Ассоциативный словарь подростка / Е. Н. Гуц; М-во образования и науки Рос. Федерации, Ом. гос. ун-т, Филол. фак., Лаб. когнитив. исслед. – Омск: Ом. гос. ун-т, 2004. – 153 с. – Текст: непосредственный.

2. Ассоциативный словарь употребительной русской лексики: 1080 стимулов / Науч. ред. А. В. Рудакова, И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2011. – 187 с. – Текст: непосредственный.

3. Бутакова Л. О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. – Омск: «Вариант-Омск», 2012. – 125 с. – Текст: непосредственный.

4. Дебрэнн, М. Французский ассоциативный словарь = Dictionnaire des associations verbales du français: в 2 т. / М. Дебрэнн; М-во образования и науки, Новосибирский гос. ун-т. – Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2010. – Т. 1: От стимула к реакции = Du stimulus à la réaction. – 2010. – 228 с. – Текст: непосредственный.

5. Дмитриук, Н. В. Казахско-русский ассоциативный словарь / Н. В. Дмитриук; РАН. Ин-т языкознания, Ун-т «Мирас». – Шымкент, Москва, 1998. – 245 с. – Текст: непосредственный.

6. Русский ассоциативный словарь: [В 2 т.] / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева [и др.]; Рос. акад. наук. – Т. 1: От стимула к реакции: Около 7000 стимулов. – Москва: АСТ: Астрель, 2002. – 781 с. – Текст: непосредственный.

7. Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников 1-11 классов: в 2 т. / В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартыанов; Саратовский гос. ун-т

им. Н. Г. Чернышевского. – Т. 1: От стимула к реакции. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2011. – 499 с. – Текст: непосредственный.

8. Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России): [в 2 т.] / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова. – Т. 1: От стимула к реакции. – Москва: Московская междунар. акад., 2018. – 542 с. – Текст: непосредственный.

9. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток) / И. В. Шапошникова, А. А. Романенко. – Т. 1: От стимула к реакции. – Москва: Московский ин-т лингвистики, 2014. – 536 с. – Текст: непосредственный.

10. Славянский ассоциативный словарь: рус., белорус., болг., укр. / Н. В. Уфимцева [и др.]; М-во образования и науки Рос. Федерации, Моск. гос. лингвист. ун-т, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. – Москва: Моск. гос. лингвист. ун-т [и др.], 2004. – 790 с. – Текст: непосредственный.

11. Словарь ассоциативных норм русского языка / [А. А. Леонтьев, А. П. Клименко, А. Е. Супрун и др.]; Под ред. А. А. Леонтьева; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1977. – 192 с. – Текст: непосредственный.

12. Титова, Л. Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь / Л. Н. Титова. – Фрунзе: Мектеп, 1975. – 95 с. – Текст: непосредственный.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ СЛОВАРЕЙ

Список сокращений толковых словарей

1. [СРЯ XI-XVII] Словарь русского языка XI-XVII вв.
2. [САР] Словарь Академии Российской
3. [СОРЯ] Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI-XVII веков
4. [ГРОТ] Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук под ред. Я. К. Грот
5. [СТОЯН] Малый толковый словарь русского языка под ред. П. Е. Стояна
6. [СРЯ XVIII] Словарь русского языка XVIII века
7. [БАС] Словарь современного русского литературного языка под ред. В. И. Чернышева
8. [ДАЛЬ] Толковый словарь живого великорусского языка под ред. В. И. Даля
9. [УШАКОВ] Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова
10. [ОЖЕГОВ] Толковый словарь русского языка под ред. С. И. Ожегова
11. [ЕВГЕНЬЕВА] Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой

12. **[ЛОПАТИН]** Малый толковый словарь русского языка под ред. В. В. Лопатина, Л. Е. Лопатина
13. **[ШВЕДОВА]** Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов под ред. Н. Ю. Шведовой
14. **[ЕФРЕМОВА]** Новый словарь русского языка под ред. Т. Ф. Ефремовой
15. **[КУЗНЕЦОВ]** Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова.
16. **[БАБЕНКО]** Большой толковый словарь русских существительных под ред. Л. Г. Бабенко
17. **[БАС БАЛАХОНОВА]** Большой академический словарь русского языка под ред. Л. И. Балахонова
18. **[АПРЕСЯН]** Активный словарь русского языка под ред. В. Ю. Апресяна
19. **[МОРКОВКИН]** Большой универсальный словарь русского языка под ред. В. В. Морковкина
20. **[РСС]** Русский семантический словарь
21. **[СЭС]** Советский энциклопедический словарь
22. **[ПУШКИН]** Словарь языка Пушкина

Список сокращений ассоциативных словарей

1. **[САНРЯ]** Словарь ассоциативных норм русского языка
2. **[РАС]** Русский ассоциативный словарь под ред. Ю. Н. Караулова
3. **[РАС]** Русский ассоциативный словарь под ред. В. Е. Гольдина
4. **[ГУЦ]** Ассоциативный словарь подростка под ред. Е. Н. Гуц
5. **[САС]** Славянский ассоциативный словарь
6. **[БУТАКОВА]** Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска под ред. Л. О. Бутаковой
7. **[ЕВРАС]** Русский региональный ассоциативный словарь (Европейская часть России)
8. **[СИБАС]** Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток)
9. **[РУДАКОВА]** Ассоциативный словарь употребительной русской лексики под ред. А. В. Рудаковой, И.А. Стернина

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Дальняя периферия имени ценности *семья*

D. Goggins «Can't hurt me»; С. Т. Аксаков «Аленький цветочек»; Э. Амичис «Сердце»; В. Астафьев «Конь с розовой гривой»; Д. Барри «Питер Пен»; А. Барто «Младший брат»; Д. Браун «Точка обмана»; Ш. Бронте «Джейн Эйр»; М. А. Булгаков «Дни Турбиных»; О. Бундур «Семья»; И. А. Бунин «Господин из Сан-Франциско»; И. А. Бунин «Митина любовь»; К. Витакер «Танцы с семьей»; Н. Гейман «История с кладбищем»; И. А. Гончаров «Обрыв»; Д. Даррелл «Моя семья и другие звери»; «Двухсотлетний человек»; Ч. Диккенс «Оливер Твист»; Т. Драйзер «Американская трагедия»; Д. Дюморье «Ребекка»; Ермолай-Еразм «Повесть о Петре и Февронии Муромских»; В. А. Закруткин «Матерь человеческая»; Г. Ибсен «Кукольный дом»; А. С. Иванов «Вечный зов»; Ю. П. Казаков «Во сне ты горько плакал»; Н. М. Карамзин «Бедная Лиза»; Э. Кестнер «Проделки близнецов»; С. Кинг «Буря столетия»; С. Кинг «Долгая прогулка»; С. Кинг «Долорес Клейборн»; Р. Д. Киплинг «Книга джунглей»; С. Коллинз «Голодные игры»; Й. Колфер «Артемис Фаул»; В. А. Кочетов «Журбины»; Кристи Убийство в восточном экспрессе; Кронин Замок Броуди; Куприн Куст сирени; В. Т. Лацис «Семья Зитаров»; М. Ю. Лермонтов «Песня про купца Калашникова»; «Август: Графство Осейдж»; А. Линдгрэн «Малыш и Карлсон»; А. Линдгрэн «Мы все из Бюллерблю»; А. Линдгрэн «Эмиль из Леннеберги»; Э. Лу «Допплер»; К. Маккарти «Дорога»; Г. Г. Маркес «Любовь во время чумы»; В. В. Маяковский «Что такое хорошо и что такое плохо?»; П. Мериме «Матео Фальконе»; М. Митчелл «Унесенные ветром»; Т. Моррисон «Боже, храни мое дитя»; Г. Мюссо «Я люблю тебя»; А. Нанетти «Мой дедушка был вишней»; К. Патерсон «Великолепная Гилли Хопкинс»; К. Г. Паустовский «Телеграмма»; «Песнь о Нибелунгах»; А. Л. Платонов «Река Потудань»; Б. Н. Полевой «Повесть о настоящем Человеке»; Е. Е. Поповкин «Семья Рубанюк»; Э. Портер «Поллианна»; Н. Правдина «Мне всегда везет»; М. Пруст «В сторону Свана»; А. С. Пушкин «Дубровский»; А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»; А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»; Е. В. Пчелов «Романовы. История династии»; Р. Риггз «Дом странных детей»; Дж. Роулинг «Гарри Поттер»; Д. Рубина «На солнечной стороне улицы»; А. Н. Рыбаков «Тяжелый песок»; М. В. Семенов «Валькирия»; «Слово о полку Игореве»; Б. Смит «Дерево растет в Бруклине»; А. И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»; Э. Э. Стейбек «К востоку от рая»; А. и Б. Стругацкие «Пикник на обочине»; П. Трэверс «Мэри Поппинс»; Э. Н. Успенский «Простоквашино»; Д. Фитч «Белый олеандр»; Х. Хоссейни «Бегущий за ветром»; Х. Хоссейни «И эхо летит по горам»; Л. А. Чарская «Ради семьи»; В.К. Черных «Москва слезам не верит»; А. П. Чехов «Толстый и тонкий»; У. Шекспир «Гамлет»; У. Шекспир «Король Лир»; У. Шекспир «Укрощение строптивой»; Б. Шоу «Дом где разбиваются сердца»; Х. Эллисон «У меня нет рта, но я должен кричать» 1.

Дальняя периферия имени ценности *любовь*

Э. А. Асадов «Баллада о ненависти и любви»; А. Асиман «Зови меня своим именем»; В. П. Астафьев «Пастух и пастушка»; А. С. Байетт «Обладать»; О. де Бальзак «Шагреновая кожа»; А. Беляев «Человек-амфибия»; «Библия»; Е. Богат «Что движет солнца и светила?»; Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»; Ж. М. Брюллер «Молчание моря»; И. А. Бунин «Холодная осень»; А. К. Вестли «Папа, мама, бабушка,

восемь детей и грузовик»; Я. П. Вишневский «Одиночество в сети»; Е. Водолазкин «Лавр»; В. С. Высоцкий «Баллада о любви»; А. Гавальда «Я ее любил. Я его любила»; М. Г. Гарсия «Любовь во время чумы»; О. Генри «Персики»; О. Генри «Последний лист»; Ю. Герман «Дорогой мой человек»; А. Голден «Мемуары гейши»; А. и С. Голон «Анжелика»; Л. Горалик «Агата возвращается домой»; М. Горький «На дне»; А. Грин «Виноваты звезды»; В. Гюго «Отверженные»; Р. Джойс «Невероятное паломничество Гарольда Фрая»; В. Д. Дмитриева «Это же любовь»; Ф. М. Достоевский «Бедные люди»; Ф. М. Достоевский «Униженные и оскорбленные»; Т. Драйзер «Американская трагедия»; А. Дюма «Виконт де Бражелон»; А. Дюма «Граф Монте-Кристо»; А. Дюма «Дама с камелиями»; Еврипид «Ипполит»; Э. Золя «Жерминаль»; В. А. Каверин «Два капитана»; П. Каланити «Когда дыхание растворяется в воздухе»; С. Кинг «11/22/63»; С. Кинг «Песнь Сюзанны»; П. Коэльо «Брида»; М. Кундера «Невыносимая легкость бытия»; М. Леви «Семь дней творения»; М. Ю. Лермонтов «Бородино»; Г. Леру «Призрак оперы»; Э. Лимонов «Это я – Эдичка»; Лонг «Дафнис и Хлоя»; Дж. Лондон «Лунная долина»; Дж. Лондон «Мартин Иден»; Ф. Г. Лорка «Кровавая свадьба»; С. Майер «Сумерки»; Дж. Мойес «До встречи с тобой»; Г. де Мопассан «Милый друг»; Г. Мюссо «Я тебя люблю»; Д. Николс «Один день»; Д. Оак «Любовь растет как дерево»; Л. Оливер «Прежде, чем я упаду»; Дж. Остин «Чувство и чувствительность»; А. Н. Островский «Снегурочка»; О. Памук «Музей невинности»; Ш. Перро «Спящая красавица»; А. С. Пушкин «Медный всадник»; А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»; Э. Радзинский «104 страницы про любовь»; Э. М. Ремарк «Время жить, время умирать»; Э. М. Ремарк «Скажи мне, что ты меня любишь»; П. Санаев «Похороните меня за плинтусом»; Э. Сигал «История любви»; К. М. Симонов «Жди меня»; В. Скотт «Айвенго»; А. Б. Стендаль «Красное и черное»; А. Тодд «После»; И. С. Тургенев «Муму»; И. С. Тургенев «Отцы и дети»; И. С. Тургенев «Первая любовь»; Ф. И. Тютчев «О, как убийственно мы любим»; Ф. С. Фицджеральд «Ночь нежна»; Г. Р. Хаггард «Прекрасная Маргарет»; Э. Хэмингуэй «Прощай, оружие!»; С. Цвейг «Фантастическая ночь»; У. Шекспир «Ромео и Джульетта»; М. Чепмен «Пять языков любви»; У. Шекспир «Макбет»; В. Шефнер «Девушка у обрыва, или записки Ковригина»; М. Э. Шаффер, Э. Бэрроуз «Клуб любителей книг и пирогов из картофельных очистков»; Б. Шлинк «Чтец»; А. Шопенгауэр «Афоризмы житейской мудрости»; Г. Щербакова «Вам и не снилось»; Г. Яхина «Дети мои» 1.

Дальняя периферия имени ценности дружба

Б. Алмазов «Боберман-стюдебекер»; Р. Асприн «Еще один великолепный миф»; Э. Блайтон «Великолепная пятерка»; «Бригада»; М. А. Булгаков «Белая гвардия»; К. Булычев «Сто лет тому вперед»; Б. Л. Васильев «Офицеры»; О. Генри «Через двадцать лет»; Э. Гилберт «Ешь, молись, люби»; К. Гир «Замок в облаках»; братья Гримм «Дружба кошки и мышки»; братья Гримм «Кот в сапогах»; С. Джо «Фиалки в марте»; Ч. Диккенс «Дэвид Копперфильд»; Дж. Лондон «Сердца трех»; Ф. М. Достоевский «Преступление и наказание»; Д. Дэшнер «Бегущий в лабиринте»; А. Дюма «Граф Монте-Кристо»; А. Дюма «Королева Марго»; Т. Капоте «Завтрак у Тиффани»; В. П. Катаев «Цветик-семицветик»; С. Кинг «Зеленая миля»; С. Кинг «Извлечение троих»; С. Коллинз «Сойка-пересмешница»; М. Кондо «Магическая уборка»; В. Короленко «Дети подземелья»; А. Линдгрэн «Карлсон»; А. Линдгрэн «Мио, мой Мио»; Дж. Лондон «Смок Беллью и малыш»; Т. Манн «Смерть в Венеции»; Х. Мураками «Бесцветный Цкуру Тадзаки и годы его странствий»; Г. Олди «Приют

героев»; В. Осеева «Динка»; Дж. Остин «Эмма»; Н.А. Островский «Как закалялась сталь»; О. Панкеева «Хроники странного королевства»; С. Пеннипакер «Пакс»; А. С. Пушкин И.И. Пущину; А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»; В. Распутин «Уроки французского»; Э. М. Ремарк «Жизнь взаимы»; А. Рыбаков «Бронзовая птица»; А. Селлу «Ты изменил мою жизнь»; Л. Н. Толстой «Лев и собачка»; С. Уинман «Когда бог был кроликом»; Ф. С. Фицджеральд «Великий Гэтсби»; Э. Хемингуэй «Праздник, который всегда с тобой»; Х. Хоссейни «Тысяча сияющих солнц»; А. П. Чехов «Каштанка»; У. Шекспир «Ричард III» 1.

Дальняя периферия имени ценности доброта

Т. Александрова «Домовенок Кузя»; Г.Х. Андерсен «История одной матери»; П. Бажов «Огневушка-Поскакушка»; «Безногий и безрукий богатырь»; А. Беляев «Голова профессора Доуэля»; Ф. Бернетт «Маленький лорд Фаунтлерой»; Ф. Бернетт «Таинственный сад»; Ш. Бронте «Джейн Эйр»; Р. Брэдбери «451 градус по Фаренгейту»; И. А. Бунин «Господин из Сан-Франциско»; Б. Л. Васильев «Не стреляйте в белых лебедей»; А. Милли «Винни-Пух»; А. П. Гайдар «Чук и Гек»; О. Генри «Чародейские хлебцы»; И. А. Гончаров «Обыкновенная история»; братья Гримм «Белоснежка»; Далай-Лама «Искусство быть счастливым»; Д. Дефо «Робинзон Крузо»; Э. Золя «Мадлен Фера»; К. Дойл «Приключение Шерлока Холмса и доктора Ватсона»; Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»; В. Драгунский «Он живой и светится»; А. Дюма «Три мушкетера»; «Евангелие»; С. Лагерлеф «Заколдованный мальчик»; В. Кондратьев «Сашка»; С. Лем «Солярис»; Я. Корчак «Как любить ребенка»; М. Ю. Лермонтов «Демон»; А. Линдгрэн «На острове Сальткрока»; А. Линдгрэн «Малыш и Карлсон»; С. Я. Маршак «Что такое хорошо и что такое плохо?»; С. Минаев «Духless»; Дж. Мойес «До встречи с тобой»; В. Мономах «Поучение»; Л. М. Монтгомери «Аня из зеленых мезонинов»; Ф. Ницше «Человеческое, слишком человеческое»; Н. Носов «Незнайка»; А. Ноэль «Автостопом по галактике»; Д. Патрик «Дорогая Памела, или как пришить старушку»; Е. Пермяк «Мыльные пузыри»; Ш. Перро «Красавица и чудовище»; А. Платонов «В прекрасном и яростном мире»; А. Платонов «Песчаная учительница»; Т. Пратчетт «Стража»; З. Прилепин «Семь жизней»; М. Пришвин «Кладовая солнца»; А. С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»; А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане»; А. С. Пушкин «Станционный смотритель»; А. Резников «Приключения Кота Леопольда»; Э. М. Ремарк «Искра жизни»; А. Рой «Бог мелочей»; М. Семенова «Волкодав»; Г. Сенкевич «Камо грядеши»; А. Сервантес «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский»; А. И. Солженицын «Архипелаг Гулаг»; Ф. Сологуб «Мелкий бес» М. Твен «Приключение Тома Сойера»; Л. Н. Толстой «Лев и собачка»; П. Трэверс «Мэри Поппинс»; И. А. Тургенев «Ася»; И. С. Тургенев «Записки охотника»; И. С. Тургенев «Отцы и дети»; Э. Успенский «Дядя Федор, пес и кот»; Э. Уайт «Паутина Шарлотты»; О. Уайльд «Соловей и роза»; Дж. Уорф «Вызовите акушерку»; М. Фрай «Лабиринты эхо»; В. Хмельницкий «Верный Руслан»; Э. Хемингуэй «Прощай, оружие!»; С. Цвейг «Нетерпение сердца»; Е. Чарушин «Рассказы о животных»; К. Чуковский «Доктор Айболит»; Б. Шлинк «Чтец»; К. Эрбен «Златовласка»; Г. Яхина «Мои дети» 1.

Дальняя периферия имени ценности свобода

Д. Адамс «Автостопом по галактике»; С. А. Алексеевич «У войны не женское лицо»; Р. Бах «Чайка по имени Джонатан Ливингстон»; М. А. Булгаков «Дни

Турбиных»; В. Быков «Обелиск»; Б. Л. Васильев «В списках не значился», Ж. Верн «Вокруг света за 80 дней», Ж. Верн «Таинственный остров», Г. Владимов «Верный Руслан»; К. Воннегут «Бойня №5»; В. Вульф «Миссис Дэллоуэй»; В. Высоцкий стихи; Г. Гессе «Степной волк»; Э. Гилберт «Есть, молиться, любить»; Н. В. Гоголь «Майская ночь или утопленница»; Дж. Голсуорси «Сага о Форсайтах»; И. А. Гончаров «Обломов»; М. Горький «Макар Чудра»; М. Горький «На дне»; М. Горький «Песня о буревестнике»; А. С. Грибоедов «Горе от ума»; А. С. Грин «Алые паруса»; Т. Драйзер «Гений»; А. Дюма «Кавалер красного замка»; А. Дюма «Три мушкетера»; М. Зусак «Книжный вор»; И. Ильф и Е. Петров «Одноэтажная Америка»; В. А. Каверин «Два капитана»; А. Камю «Чума»; Ф. Кафка «Превращение»; С. Кинг «Долгая прогулка»; С. Кинг «Зеленая миля»; С. Кинг «Рита Хейуорт и спасение из Шоушенка»; М. L. King «A Testament of Hope: The Essential Writings and Speeches»; В. Кипелов «Я свободен»; Э. Клайн «Первому игроку приготовиться»; Е. Клюев «От мыльного пузыря до фантика»; «Колобок»; Й. Колфер «Авиатор»; В. Короленко «Дети подземелья»; «Конституция РФ»; В. Лацис «К новому берегу»; В. Леви «Искусство быть собой»; М. Ю. Лермонтов «Кавказский пленник»; М. Ю. Лермонтов «Парус»; М. Ю. Лермонтов «Мцыри»; Х. Ли «Убить пересмешника»; Дж. Лондон «Белый клык»; Дж. Лондон «Мартен Иден»; К. Маккалоу «Поющие в терновнике»; И. Макьюэн «Искушение»; «Дедал и Икар»; А. Михаэлидис «Безмолвный пациент»; Х. Моррис «Татуировщик из Освенцима»; С. Моэм «Театр»; В. Набоков «Защита Лужина»; Ф. О'Брайен «Третий полицейский»; В. Пелевин «Желтая стрела»; Э. По «Рассказы»; М. Пруст «Беглянка»; А. С. Пушкин «Евгений Онегин»; М.Ю. Лермонтов «Мцыри»; В. Распутин «Прощание с Матерой»; Э. М. Ремарк «Время жить и время умирать»; Э. М. Ремарк «Жизнь взаимы или небо не знает фаворитов»; Э. М. Ремарк «Искра жизни»; Э. М. Ремарк «Триумфальная арка»; Д. Родари «Приключения Чиполлино»; Дж. Роулинг «Гарри Поттер»; А. Рэнд «Источник»; Ф. Саган «Здравствуй, грусть»; М. Семенова «Волкодав»; Э. Сетон-Томпсон «Мустанг-иноходец»; А. И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»; А. и Б. Стругацкие «Трудно быть богом»; Ф. Тилье «Головокружение»; Л. Н. Толстой «Анна Каренина»; Л. Н. Толстой «Хаджи Мурат»; И. С. Тургенев «Отцы и дети»; Д. Тэрбер «Тайная жизнь Уолтера Митти»; О. Уальд «Портрет Дориана Грея»; Дж. Фаулз «Коллекционер»; К. Фландерс «Год без покупок»; Г. Флобер «Госпожа Бовари»; Д. Фонвизин «Недоросль»; О. Хаксли «О дивный новый мир»; А. П. Чехов «Три сестры»; В. Шаламов «Колымские рассказы»; А. Шарьер «Мотылек»; Б. Шлинк «Чтец»; Х. Эллисон У меня нет рта, но я должен кричать» 1.

Дальняя периферия имени ценности *уважение*

О. де Бальзак «Евгения Гранде»; И. П. Белкин «Станционный смотритель»; «Беовульф»; «Библия»; Э. Бронте «Грозовой перевал»; Ш. Бронте «Джейн Эйр»; Э. Бронте «Незнакомка из Уайлфелл-Холла»; Д. Вальдшмидт «Будь лучшей версией себя»; Б. Л. Васильев «В списках не значился»; Я. Л. Вишневский «Одиночество в сети»; Э. Л. Войнич «Сними обувь твою»; С. Хокинг «Вселенная Стивена Хокинга»; Ю. А. Гагарин «Дорога в космос. Записки летчика-космонавта СССР»; Э. Гаскелл «Север и юг»; Г. Гессе «Демиан»; «Гимн России и СССР»; Е. П. Глинка «Я всегда на стороне слабого»; Н. В. Гоголь «Толстый и тонкий»; Н. В. Гоголь «Шинель»; М. Горький «Старуха Изергиль»; А. С. Грин «Алые паруса»; Дж. К. Джером «Трое в лодке, не считая собаки»; Ч. Диккенс «Большие надежды»; К. Дойл «Белый отряд»; Ф. М. Достоевский «Бедная Лиза»; Ф. М. Достоевский «Братья Карамазовы»;

Ф. М. Достоевский «Записки из подполья»; Ф. М. Достоевский «Идиот»; Т. Драйзер «Финансист»; В. Дудинцев «Белые одежды»; А. Дюма «Граф Монте-Кристо»; И.А. Ефремов «Туманность Андромеды»; М. М. Зощенко «История болезни»; Г. Ю. Ибсен «Кукольный дом»; О. Р. Ионайтис «Дедушка Мышь»; Б. Келлерман «Туннель»; С. Кинг «Девочка, которая любила Тома Гордона»; С. Кинг «Зеленая миля»; Р. Киплинг «Книга джунглей»; С. Кови «Семь навыков высокоэффективных людей»; П. А. Кулиш «Черный совет»; А. И. Куприн «Гусеница»; С. Лагерлеф «Удивительное путешествие Нильса Хольгерссона с дикими гусями по Швеции»; М. Ю. Лермонтов «Кавказский пленник»; Х. Ли «Убить пересмешника»; Дж. Лондон «Время не ждет»; Г. Г. Маркес «Любовь во время чумы»; Дж. Р. Р. Мартин «Песнь Льда и Огня»; Г. Марш «Не навреди. Истории о жизни, смерти и нейрохирургии»; Г. де Мопассан «Милый друг»; Н. Н. Носов «Фантазеры»; Л. М. Олкотт «Маленькие женщины»; В.А. Осеева «Бабка»; В. А. Осеева «Волшебное слово»; В. А. Осеева «Динка»; А. П. Платонов «Котлован»; С. Л. Прокофьева «Не буду просить прощения»; Э. М. Ремарк «Жизнь взаимы»; А. Сапковский «Ведьмак»; А. Сардаров «Мужчина всегда прав»; В. Скотт «Айвенго»; А. И. Солженицын «В круге первом»; А. И. Солженицын «Один день Ивана Денисовича»; Д. Сэлинджер «Над пропастью во ржи»; Э. Р. Берроуз «Тарзан»; У. Теккерей «Ярмарка тщеславия»; Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец»; Э. Толле «Сила настоящего»; А. Н. Толстой «Петр I»; О. Уальд «Звездный мальчик»; Дж. Фаулз «Коллекционер»; Г. Филдинг «История Тома Джонса, найденыша»; Д. И. Фонвизин «Недоросль»; Фэн Цзицай «Высокая женщина и ее муж-коротышка»; А. Хейли «На грани катастрофы»; Э. Хемингуэй «Старик и море»; Д. Холдеман «Бесконечная война»; А. П. Чехов «В овраге»; А. П. Чехов «Каштанка»; «Чудо-богатырь Жонг. Вьетнамская легенда»; М. А. Шолохов «Тихий Дон»; Э. Эггерих «Любовь и уважение»; А. де Сент-Экзюпери «Планета людей»; У. Эко «Имя Розы»; Ю. Я. Яковлев «Баваклава» 1.

Дальняя периферия имени ценности *воля*

Д. Аберкромби «Лучше подавать холодным»; С.А. Алексиевич «У войны не женское лицо»; Г. Х. Андерсен «Снежная королева»; Л. Н. Андреев «Иуда Искариот»; Дж. Апдайк «Кролик, беги»; Э. Берджесс «Заводной апельсин»; Ф. Бернетт «Таинственный сад»; А. Бестер «Моя цель – звезды»; М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»; М. А. Булгаков «Собачье сердце»; Н. Бэббит «Вечный Тук»; Э. Вейер «Марсианин»; Б. Вербер «Дыхание Богов»; Ж. Верн «Таинственный остров»; Т. Вестовер «Ученица»; К. Воннегут «Мать Тьма»; Р. Д. Г. Гальего «Белое на черном»; К. Гамсун «Голод»; К. Гарднер «В погоне за счастьем»; И. В. Гете «Фауст»; Д. А. Глуховский «Метро 2033»; Н. В. Гоголь «Ночь накануне Ивана Купалы»; Гомер «Одиссея»; М. Горький «На дне»; М. Горький «Песнь о буреизвестнике»; В. Гюго «Собор Парижской богородицы»; С. Д. Довлатов «Зона»; Э. Донохью «Комната»; Ф. М. Достоевский «Записки из подполья»; Е. И. Замятин «Мы»; С. П. Злобин «Степан Разин»; Э. Золя «Дамское счастье»; И. Ильф и Е. Петров «Двенадцать стульев»; В. А. Каверин «Два капитана»; А. Камю «Миф о Сизифе»; А. Камю «Посторонний»; В. П. Катаев «Сын полка»; Ф. Кафка «Замок»; Д. Киз Цветы для Элджернона; Р. Киплинг «Маугли»; П. Леметр «До свидания там, наверху!»; М. Ю. Лермонтов «Парус»; М. Ю. Лермонтов «Узник»; Н. С. Лесков «Очарованный странник»; Дж. Лондон «Зов предков»; Дж. Лондон «Морской волк»; Дж. Лондон «Северные рассказы»; К. Макгонигал «Сила воли»; К. Маккалоу «Поющие в терновнике»; Г. Мелвилл «Моби Дик, или Белый Кит»; Дж. Мойес «До встречи с тобой»; С. Моэм

«Непокоренная»; А. С. Неверов «Ташкент – город хлебный!»; И. Отисье «И вдруг никого не стало»; М. Рид «Живые»; А. С. Пушкин «Золотая рыбка»; А. С. Пушкин «Узник»; Э. С. Радзинский «Случайные жизни»; В. Г. Распутин «Уроки французского»; Э. М. Ремарк «Искра жизни»; А. Сапковский «Ведьмак»; Ж.-П. Сартр «Тошнота»; М. В. Семенова «Волкодав»; А. С. Серафимович «Железный поток»; В. Скотт «Айвенго»; А. И. Солженицын «Раковый корпус»; Н. В. Степанов «Алтарный маг»; М. Стюарт «И девять ждут тебя карет»; Дж. Сэдинджер «Над пропастью во ржи»; Дж. Р. Р. Толкиен «Властелин колец»; И. С. Тургенев «Муму»; А. Франк «Дневник Анны Франк»; Д. А. Фурманов «Чапаев»; Х. Хэлворсон «Психология достижений»; А. П. Чехов «Дуэль»; А. П. Чехов «Чайка»; У. Шекспир «Гамлет»; А. Шеуджен «Не забудьте!»; В. Я. Шишков «Емельян Пугачев»; М. А. Шолохов «Судьба человека»; А. Шопенгауэр «О свободе воли»; В. М. Шукшин «Я пришел дать вам волю» 1.

Дальняя периферия имени ценности *успех*

В. П. Аксенов «Победа»; Н. М. Амосов «Мысли и сердце»; Г. Х. Андерсон «Дюймовочка»; А. Бакиров «НЛП-технологии: Разговорный гипноз»; Ф. Бегбедер «99 франков»; П. П. Бажов «Каменный цветок»; Б. Е. Бондаренко «Пирамида»; Д. Браун «Ангелы и демоны»; Т. Бронзова «Матильда. Любовь и танец»; М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»; Л. Вайсбергер «Дьявол носит Прада»; Ж. Верн «Двадцать тысяч лье под водой»; Е. Г. Водолазкин «Авиатор»; Э. Л. Войнич «Овод»; Е. З. Воробьев «Высота»; Н. Вуйчич «Стой твердо»; Э. Вэнс «Илон Маск: Tesla, SpaceX и дорога в будущее»; Б. Гейтс «История успеха»; Г. Гессе «Демиан»; М. Гладуэлл «Гении и аутсайдеры: Почему одним все, а другим ничего?»; А. Глинн «Области тьмы»; D. Goggins «Can't hurt me»; Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»; И. А. Гончаров «Обыкновенная история»; Ю. Гордер «Время паука»; М. Горький «На дне»; А. С. Грин «Алые паруса»; Р. Гэлбрейт «Зов кукушки»; Д. Дефо «Робинзон Крузо»; Ч. Диккенс «Дэвид Копперфилд»; Ф. М. Достоевский «Игрок»; А. Дюма «Асканио»; «Евангелие от Луки: Притча о блудном сыне»; Екатерина II «Записки императрицы»; Д. Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей»; Д. Киз «Цветы для Элджернона»; С. Кинг «Доктор Сон»; С. Кинг «Парень из Колорадо»; Э. Клайн «Первому игроку приготовиться»; М. Корелли «Скорбь Сатаны»; П. Коэльо «Алхимик»; А. Кристи «Убийство в восточном экспрессе»; А. И. Куприн «Лолли»; С. Ларсен «Девушка с татуировкой дракона»; М. Ю. Лермонтов «Демон»; Г. Леру «Призрак оперы»; Э. Лимонов «Анатомия героя»; Д. С. Лихачев «Письма о добром и прекрасном»; Е. Ю. Лукин «С нами бот»; М. Льюис «Игра на понижение»; Дж. Максвелл «Воспитай в себе лидера»; Г. Г. Маркес «Сто лет одиночества»; Дж. Мартин «Игра престолов»; И. Маск «История успеха»; П. Мериме «Маттео Фальконе»; С. С. Минаев «Раб»; «Мифы о Геракле»; Э. Найдерман «Адвокат дьявола»; Ф. Найт «Продавец обуви»; «Области тьмы»; О. Осборн «Я – Оззи. Все, что мне удалось вспомнить»; В. Пелевин «Тайные виды на гору Фудзи»; В. Пиккуль «Исторические миниатюры»; Плутарх «Об удаче Александра Великого»; Н. Правдина «Я привлекаю успех»; Д. А. Пригов «Ренат и Дракон»; К. Прист «Престиж»; А. С. Пушкин «Евгений Онегин»; А. С. Пушкин «Пиковая дама»; А. С. Пушкин «Сказка о царе Салтане, сыне его Гвидоне и Царевне-Лебедь»; Э. Распе «Приключения барона Мюнхгаузена»; «Репка»; Э. Роббинс «Беспредельная власть»; Д. Рокфеллер «Банкир в XX веке. Мемуары»; Дж. Роулинг «Гарри Поттер»; М. Роуч «Алмазный огранщик»; С. Шань «Императрица»; Р. Сабатини «Одиссея капитана Блада»; В. Сваруп «Миллионер из трущоб»; Э. Синклер «Нефть»;

«Сказка о царевне-лягушке»; Дж. Стейнбек «Зима тревоги нашей»; Ф. Стендаль «Красное и черное»; М. Стюарт «Грозные чары»; Дж. Сэлинджер «Над пропастью во ржи»; Н. Талей «Черный лебедь»; Е. В. Тарле «Наполеон»; М. Твен «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура»; У. Теккерей «Ярмарка тщеславия»; Л. Н. Толстой «Анна Каренина»; Д. Трамп «Искусство заключать сделки»; Б. Трейси «Мастер времени»; Б. Трейси «Оставьте брезгливость»; И. С. Тургенев «Отцы и дети»; И. А. Гончаров «Обломов»; Дж. Уоллс «Бесконечная шутка»; Ф. С. Фицджеральд «Ночь нежна»; М. Фрай «Лабиринты Ехо»; Н. Хилл «Думай и богатей»; «Человек, который изменил все»; А. П. Чехов «Дядя Ваня»; А. П. Чехов «Каштанка»; А. П. Чехов «Толстый и тонкий»; Р. Шекли «Особый старательский»; У. Шекспир «Ричард III»; Б. Шоу «Пигмалион»; Дж. Элдридж «Необузданное сердце» 1.

Дальняя периферия имени ценности *деньги*

Э. Амичес «Маленький патриот из Падуи»; О. де Бальзак «Шагреновая кожа»; Р. Бахман «Долгая прогулка»; Ф. Бегбедер «99 франков»; Р. Берн «Секрет»; Дж. Брейн «Путь наверх»; Р. Брэнсон «К черту все, берись и делай»; А. М. Волков «Волшебник Изумрудного города»; О. Генри «Благородный жулик»; Н. В. Гоголь «Ночь накануне Ивана Купала»; А. С. Грибоедов «Горе от ума»; В. Гюго «Отверженные»; Ч. Диккенс «Рождественская песнь»; А. К. Дойл «Приключения Шерлока Холмса и доктора Ватсона»; Законы РФ о штрафах; «Золотая антилопа»; Э. Золя «Ругон-Маккары»; А. Камю «Чума»; Н. М. Карамзин «Бедная Лиза»; Дж. Клейсон «Самый богатый человек в Вавилоне»; В. Т. Коржиков «Приключения Солнышкина»; А. Лебедев «Охота на банкира»; М. Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»; Д. С. Лихачев «Письма о добром и прекрасном»; J. London «Burning Daylight»; Дж. Лондон «Мартин Иден»; Д. Н. Мамин-Сибиряк «Приваловские миллионы»; В. В. Маяковский стихи; С. Минаев «Dухless»; Н. А. Некрасов «Ростовщик»; Н. Н. Носов «Незнайка на Луне»; Ю. Олеша «Три толстяка»; Л. М. Олкотт «Маленькие женщины»; А. Н. Островский «Бешеные деньги»; А. Н. Островский «Гроза»; Ч. Паланик «Бойцовский клуб»; В. Пелевин «Empire V / Ампиp «В». Повесть о настоящем сверхчеловеке»; В. Пелевин «Generation П»; В. Пелевин «Тайные виды на гору Фудзи»; Ш. Перро «Золушка»; «По шучьему велению»; Н. Правдина «Я привлекаю деньги»; Т. Прачетт «Делай деньги»; А. С. Пушкин «Евгений Онегин»; А. С. Пушкин «О попе и работнике его балде»; М. Пьюзо «Крестный отец»; В. Г. Распутин «Деньги для Марии»; В. Г. Распутин «Уроки французского»; «Большой куш»; Г. Д. Робертс «Шантарам»; «Сокровища Нибелунгов: Предания германских народов средневековой Европы: сборник» А. Сагалова, Е. Балобанова, О. Петерсон; М. Сервантес «Дон Кихот»; А. Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов»; Дж. Стрелеки «Кафе на краю земли»; Р. Тамплар «Правила жизни. Как добиться успеха и стать счастливым»; О. Уальд «Портрет Дориана Грея»; У. Уоттлз «Наука быть богатым и великим»; Ф. С. Фицджеральд «Ночь нежна»; Д. И. Фонвизин «Бригадир»; Г. Форд, Дж. Рокфеллер «Время-деньги»; А. П. Чехов «Бумажник»; А. П. Чехов «Дядя Ваня»; У. Шекспир «Макбет»; А. Шамиссо «Петр Шлемиль»; Б. Шефер «Путь к финансовой свободе» 1.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Интенциональный анализ романа Л. Н. Толстого «Война и мир» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности семья)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Семья как идеал супружеских отношений («Цель обеда есть питание и цель супружества – семья»).
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	Идеальная семья – это слияние и растворение людей в высшей идее брака. <i>«После семи лет супружества Пьер чувствовал радостное, твердое сознание того, что он не дурной человек, и чувствовал он это потому, что он видел себя отраженным в своей жене. В себе он чувствовал все хорошее и дурное смешанным и затемнявшим одно другое. Но на жене его отражалось только то, что было истинно хорошо: все не совсем хорошее было откинуто».</i> <i>«– Она только до крайности доводит свою любовь к мужу и детям, – говорила графиня, – так что это даже глупо».</i>
А-1.2 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	Семья – предназначение и главная цель жизни каждого человека. <i>«Вопросы эти и тогда, как и теперь, существовали только для тех людей, которые в браке видят одно удовольствие, получаемое супругами друг от друга, т. е. одно начало брака, а не всё его значение, состоящее в семье».</i> <i>«Если цель брака есть семья, то тот, кто захочет иметь много жен и мужей, может быть, получит много удовольствия, но ни в каком случае не будет иметь семьи».</i>
А-1.3 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	Семья как межпоколенная связь <i>«Как в каждой настоящей семье, в Лысо-Горском доме жило вместе несколько совершенно различных миров, которые, каждый удерживая свою особенность и делая уступки один другому, сливались в одно гармоническое целое».</i> Семья как привязанность <i>«Известно, что человек имеет способность погружаться весь в один предмет, как бы он ни казался ничтожным. И известно, что нет такого ничтожного предмета, который при сосредоточенном внимании, обращенном на него, не разросся бы до бесконечности. Предмет, в который погрузилась вполне Наташа – была семья».</i>
Б-1.1 эл. Иллюстрация к основным идеям.	<i>«Весьма часто, в минуты раздражения, случалось, что муж с женой спорили, но долго потом после спора Пьер к радости и удивлению своему находил, не только в словах, но и в действиях жены ту самую свою мысль, против которой она спорила. И не только он находил ту же мысль, но он находил ее очищенную от всего того, что было лишнего, вызванного увлечением и спором, в ее выражении».</i> <i>«Она чувствовала, что связь ее с мужем держалась не теми</i>

	<p><i>поэтическими чувствами, которые привлекли его к ней, а держалась чем-то другим, неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души с телом.</i></p> <p><i>«Наташе нужен был муж. Муж был дан ей. И муж дал ей семью. И в другом лучшем муже она не только не видела надобности, но, так как все силы душевные ее были устремлены на то, чтобы служить этому мужу и семье, она и не могла себе представить, и не видела никакого интереса в представлении о том, что бы было, если б было другое».</i></p> <p><i>«...одна мать удивлялась удивлению людей, не понимавших Наташи и повторяла, что она всегда знала, что Наташа будет примерною женой и матерью».</i></p>
<p>Б-1.2</p> <p>Иллюстрации разъяснению основных идей.</p>	<p>эл. к</p> <p><i>«Стоило Пьеру показать какое-нибудь пристрастие, и то, что он любил, постоянно исполнялось. Стоило ему выразить желание, и Наташа вскакивала и бежала исполнять его».</i></p> <p><i>«И чем больше она вникала, не умом, а всею душой, всем существом своим в занимавший ее предмет, тем более предмет этот разрастался под ее вниманием и тем слабее и ничтожнее казались ей ее силы, так что она их все сосредоточивала на одно и то же, и всё-таки не успевала делать всего того, что ей казалось нужно».</i></p> <p><i>«Наташа не то чтобы любила уединение (она не знала, любила ли она или нет, ей даже казалось, что нет), но она, няся, рождая и кормя детей и принимая участие в каждой минуте жизни мужа, не могла удовлетворить этим потребностям иначе, как отказавшись от света».</i></p> <p><i>«Она чувствовала, что те очарования, которые инстинкт научал ее употреблять прежде, теперь только были бы смешны в глазах ее мужа, которому она с первой минуты отдалась вся – т. е. всею душой, не оставив ни одного уголка не открытым для него».</i></p>
<p>Б-1.3</p> <p>Иллюстрации разъяснению основных идей</p>	<p>эл. к</p> <p><i>«Наташа вышла замуж раннею весною 1813 года и у ней в 1820 году было уже три дочери и один сын, которого она желала и теперь сама кормила. Она пополнела и поширела, так что трудно было узнать в этой сильной матери прежнюю тонкую, подвижную Наташу».</i></p> <p><i>«Наташа не заботилась ни о своих манерах, ни о деликатности речей, ни о том, чтобы показаться своему мужу в самых выгодных позах, ни о своем туалете, ни о том, чтобы не стеснять мужа своего требовательностью. Она делала всё противное этим правилам. Она чувствовала, что те очарования, которые инстинкт научал ее употреблять прежде, теперь только были бы смешны в глазах ее мужа, которому она с первой минуты отдалась вся – т. е. всею душой, не оставив ни одного уголка не открытым для него.</i></p> <p><i>Она чувствовала, что связь ее с мужем держалась не теми поэтическими чувствами, которые привлекли его к ней, а</i></p>

	<p>держалась чем-то другим, неопределенным, но твердым, как связь ее собственной души с телом».</p> <p>«Взбивать локоны, надевать роброны и петь романсы, для того чтобы привлечь к себе своего мужа, показалось бы ей так же странным, как украшать себя, для того чтобы быть самой собою довольною. Украшать же себя, для того чтобы нравиться другим, может быть, это и было бы приятно ей – она не знала – но было совершенно некогда. Главная причина, по которой она не занималась ни пением, ни туалетом, ни обдумыванием своих слов, состояла в том, что ей было совершенно некогда заниматься этим».</p> <p>«Весь дом руководился только мнимыми повелениями мужа, то есть желаниями Пьера, которые Наташа старалась угадывать».</p> <p>«Он! он! Правда! Вот он!» проговорила она сама с собой, и, налетев на него, обвила, прижала к себе, головой к груди, и потом, отстранив, взглянула на заиндевшее, румяное и счастливое лицо Пьера. – «Да, это он; счастливый, довольный...».</p> <p>«Я ужасно люблю тебя! – сказала вдруг Наташа. – Ужасно. Ужасно!».</p> <p>«Они [Пьер и Наташа] замолчали на несколько секунд. Потом вдруг в одно и то же время повернулись друг к другу и начали что-то говорить. Пьер начал с самодовольствием и увлечением; Наташа, – с тихою, счастливою улыбкой. Столкнувшись, они оба остановились, давая друг другу дорогу».</p> <p>«С самых первых дней их супружества, Наташа заявила свои требования. Пьер удивился очень этому совершенно новому для него воззрению жены, состоящему в том, что каждая минута его жизни принадлежит ей и семье; Пьер удивился требованиям своей жены, но был польщен ими и подчинился им».</p>
<p>Б-2 эл. Иллюстрации к разъяснению основных идей.</p>	<p>Дети как скрепы семьи</p> <p>«Когда Николай с женою пришли отыскивать Пьера, он был в детской и держал на своей огромной, правой ладони проснувшегося, грудного сына и тетёшкал его. На широком лице его с раскрытым беззубым ртом, остановилась веселая улыбка. Буря уже давно вылилась, и яркое, радостное солнце сияло на лице Наташи, умиленно смотревшей на мужа и сына».</p> <p>«Никто ничего не мог ей сказать столько успокаивающего, разумного, сколько это трехмесячное маленькое существо, когда оно лежало у ее груди, и она чувствовала его движение рта и сопенье носиком. Существо это говорило: «Ты сердисься, ты ревнуйся, ты хотела бы ему отомстить, ты боишься, а я вот он, а я вот он...» И отвечать нечего было».</p>

	<i>Это было больше, чем правда».</i>
Б-2.2 эл. Общий фон к описанию ситуации.	<p><i>«Она [Наташа] дорожила обществом тех людей, к которым она, растрепанная, в халате, могла выйти большими шагами из детской с радостным лицом и показать пеленку с желтым вместо зеленого пятна, и выслушать утешения о том, что теперь ребенку гораздо лучше».</i></p> <p><i>«Наташа до такой степени опустилась, что ее костюмы, ее прически, ее невпопад сказанные слова, ее ревность – она ревновала к Соне, к гувернантке, ко всякой красивой и некрасивой женщине – были обычным предметом шуток всех ее близких».</i></p> <p><i>«Общее мнение было то, что Пьер был под башмаком своей жены, и действительно это было так».</i></p> <p><i>«Но Наташа, зная все приемы и мысли своего мужа, видела, что Пьер давно хотел и не мог вывести разговор на другую дорогу и высказать свою задушевную мысль, ту самую, для которой он и ездил в Петербург».</i></p>
Б-2.3 эл. Общий фон к описанию ситуации и отношению к ней	<p><i>«Так в тяжелое время, навсегда памятное Пьеру, Наташе, после родов первого слабого ребенка, когда им пришлось переменить трех кормилиц и Наташа заболела от отчаяния, Пьер однажды сообщил ей мысли Руссо, с которыми он был совершенно согласен, о неестественности и вреде кормилиц. Со следующим ребенком, несмотря на противодействие матери, докторов и самого мужа, восстававших против ее кормления, как против вещи тогда неслыханной и вредной, она настояла на своем, и с тех пор всех детей кормила сама».</i></p> <p><i>«С того времени, как вышел срок отпуска Пьера, две недели тому назад, Наташа находилась в не перестававшем состоянии страха, грусти и раздражения».</i></p> <p><i>«Каждое событие, случавшееся в доме, было одинаково важно, одинаково радостно или печально для всех этих миров; но каждый мир имел совершенно свои, независимые от других, причины радоваться или печалиться какому-либо событию».</i></p> <p><i>«С того самого времени, как Пьер стал жить большим домом, семьей, требующею больших расходов, он, к удивлению своему, заметил, что он проживал вдвое меньше, чем прежде, и что его расстроенные последнее время (в особенности долгами первой жены) дела стали поправляться».</i></p>

Интенциональный анализ романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности *любовь*)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Истинная любовь жертвенна и сострадательна. Она вселяет веру, излечивает, дает надежду на спасение и становится залогом вечности.
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная	Любовь проявляет себя на разных уровнях взаимоотношений:

идея (тезис)	как чувство, возникающее между мужчиной и женщиной. Чувство любви эволюционирует и через жертвенность, сострадание к ближнему, приводит души героев к вечности и покою.
А-1.1 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	<p>Любовь как чувство, возникающее между мужчиной и женщиной <i>«Мы разговаривали так, как будто расстались вчера, как будто знали друг друга много лет. На другой день мы сговорились встретиться там же, на Москве-реке, и встретились. И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женой».</i></p> <p><i>«Она приходила ко мне каждый день, а ждать ее я начинал с утра».</i></p> <p><i>«– Нет, нет, нет, не бойся ничего! Я с тобою! Я с тобою!».</i></p> <p><i>«Она любила его, она говорила правду. Она сделала все, чтобы разузнать что-нибудь о нем, и, конечно, не разузнала ровно ничего. Тогда она вернулась в особняк и зажила на прежнем месте».</i></p> <p><i>«Да, любовь поразила нас мгновенно. Я это знал в тот же день уже, через час, когда мы оказались, не замечая города, у кремлевской стены на набережной».</i> <i>«Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих! Так поражает молния, так поражает финский нож!».</i></p> <p><i>«Она входила в калитку один раз, а биений сердца до этого я испытывал не менее десяти. Я не лгу».</i></p> <p><i>«-Молю: скажите только одно, он жив? Не мучьте».</i></p> <p><i>«Маргарита сразу узнала его, простионала, всплеснула руками и подбежала к нему. Она целовала его в лоб, в губы, прижималась к колючей щечке, и долго сдерживаемые слезы теперь бежали ручьями по ее лицу. Она произносила только одно слово, бессмысленно повторяя его: – Ты... ты, ты...».</i></p> <p><i>«Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец ее нашел, и что если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста».</i></p> <p><i>«– Я тебя вылечу, вылечу, – бормотала она, впиваясь мне в плечи, – ты восстановишь его. Зачем, зачем я не оставила у себя один экземпляр!».</i></p>
Б. Второстепенные элементы	
Предикация 3 уровня	
Б-1.1 эл. Иллюстрации к основным идеям.	Любовь как поддержка <i>«Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что это не так, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя, и что она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее...».</i> <i>«...если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь ее пуста».</i>

		<p><i>«За мной, читатель! Кто сказал тебе, что нет на свете настоящей, верной, вечной любви? Да отрежут лгуну его гнусный язык! За мной, мой читатель, и только за мной, и я покажу тебе такую любовь!».</i></p> <p><i>«Тот, кто называл себя мастером, работал, а она, запустив в волосы тонкие с остро отточенными ногтями пальцы, перечитывала написанное, а перечитав, шила вот эту самую шапочку. Иногда она сидела на корточках у нижних полок или стояла на стуле у верхних и тряпкой вытирала сотни пыльных корешков. Она сулила славу, она подгоняла его и вот тут-то стала называть мастером».</i></p>
Б-1.2 Иллюстрации разъяснению основных идей.	эл. к	<p>Боль возлюбленного сильнее собственной боли</p> <p><i>«Моя возлюбленная очень изменилась (про спрута я ей, конечно, не говорил. Но она видела, что со мной творится что-то неладное), похудела и побледнела, перестала смеяться и все просила меня простить ее за то, что она советовала мне, чтобы я напечатал отрывок».</i></p>
Б-1.3 Иллюстрации разъяснению основных идей.	эл. к	<p>Готовность на все во имя любви</p> <p><i>«Она стала целовать меня и говорить, что ей легче было бы умереть, чем покинуть меня в таком состоянии одного, но что ее ждут, что она покоряется необходимости, что придет завтра. Она умоляла меня не бояться ничего. – Бедная моя, бедная, – сказал я ей, – я не допущу, чтобы ты это сделала. Со мною будет нехорошо, и я не хочу, чтобы ты погибала вместе со мной». «– Не бойся. Потерпи несколько часов. Завтра утром я буду у тебя. – Это и были ее последние слова в моей жизни». «Я хочу, чтобы мне сейчас же, сию секунду, вернули моего любовника, мастера, – сказала Маргарита, и лицо ее исказилось судорогой».</i></p>
Б-2 Иллюстрации разъяснению основных идей.	эл. к	<p><i>«Я так увлекся чтением статей о себе, что не заметил, как она (дверь я забыл закрыть) предстала предо мною с мокрым зонтиком в руках и мокрыми же газетами. Сперва она бросилась меня целовать, затем, хриплым голосом и стуча рукою по столу, сказала, что она отравит Латунского».</i></p>
Предикация 4 уровня (иллюстрации и фоны)		
Б-2.1. фон к общему сообщению.	эл. к цели	<p><i>«История моя, действительно, не совсем обыкновенная».</i></p> <p><i>«...мастеру казалось, что слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей, и память мастера, беспокойная, исколотая иглами память стала потухать. Кто-то отпустил на свободу мастера, как сам он только что отпустил им созданного героя».</i></p> <p><i>«Ивану стало известным, что мастер и незнакомка полюбили друг друга так крепко, что стали совершенно неразлучны».</i></p>
Б-2.2 фон к описанию ситуации.	эл. к	<p><i>«Наял у застройщика две комнаты в подвале маленького домика в садике. Службу в музее бросил и начал сочинять роман о Понтии Пилате».</i></p> <p><i>«Мастер и незнакомка полюбили друг друга так крепко, что</i></p>

	<p><i>стали совершенно неразлучны...».</i></p> <p><i>«... она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее...»</i></p> <p><i>«И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто».</i></p> <p><i>«В руках Маргариты оказался старый альбом коричневой кожи, в котором была фотографическая карточка мастера, книжка сберегательной кассы со вкладом в десять тысяч на его имя, распластанные между листками папиросной бумаги лепестки засохшей розы и часть тетради в целый лист, исписанной на машинке и с обгоревшим нижним краем».</i></p> <p><i>«Ни скал, ни площадки, ни лунной дороги, ни Еришалаима не стало вокруг. Пропали и черные кони. Мастер и Маргарита увидели обещанный рассвет».</i></p> <p><i>«– Ты знаешь, – говорила Маргарита, – как раз когда ты заснул вчера ночью, я читала про тьму, которая пришла со средиземного моря... И эти идолы, ах, золотые идолы. Они почему-то мне все время не дают покоя. Мне кажется, что сейчас будет дождь. Ты чувствуешь, как свежееет? – Все это хорошо и мило, – отвечал мастер, куря и разбивая рукой дым, – и эти идолы, бог с ними, но что дальше получится, уж решительно непонятно!».</i></p> <p><i>«...так... вот диван, а напротив другой диван, а между ними столик, и на нем прекрасная ночная лампа, а к окошку ближе книги, тут маленький письменный столик, а в первой комнате – громадная комната, четырнадцать метров, – книги, книги и печка».</i></p> <p><i>«Прослав до субботнего заката, и мастер, и его подруга чувствовали себя совершенно окрепшими, и только одно давало знать о вчерашних приключениях. У обоих немного ныл левый висок».</i></p> <p><i>«Никто не знал о нашей связи, за это я вам ручаюсь, хотя так никогда и не бывает. Не знал ее муж, не знали знакомые».</i></p> <p><i>«Она была счастлива? Ни одной минуты! С тех пор, как девятнадцатилетней она вышла замуж и попала в особняк, она не знала счастья».</i></p>
<p>Б-2.3 эл. Общий фон к описанию ситуации и отношению к ней</p>	<p><i>«Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под ее босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной. Смотри, вон впереди твой вечный дом, который тебе дали в награду. Вот твой дом, вот твой вечный дом».</i></p> <p><i>«Ночь начала закрывать черным платком леса и дуга, ночь зажигала печальные огонечки где-то далеко внизу, теперь уже неинтересные и ненужные ни Маргарите, ни мастеру, чужие огонечки».</i></p> <p><i>Ах, какая у меня была обстановка! Необыкновенно пахнет сирень! И голова моя становилась легкой от утомления, и</i></p>

	<p><i>Пилат летел к концу.</i></p> <p><i>«В печке ревел огонь, в окна хлестал дождь. Я вынул из ящика стола тяжелые списки романа и черновые тетради и начал их жечь. Кирпичные ступеньки вели из подвала к двери на двор». / «Я видел ее вспухшие от дыму и плача глаза, чувствовал, как холодные руки гладят мне лоб».</i></p> <p><i>«она жила с другим человеком, и я там тогда... с этой, как ее...».</i></p> <p><i>«Я мучился, потому что мне показалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда ее более не увижу...».</i></p>
--	--

Интенциональный анализ романа Э. М. Ремарка «Три товарища» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности *дружба*)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Дружба великая сила, сопровождающая человека на его жизненном пути, и великая ценность, способная затмить все сокровища мира. Дружба – это опора человека, его утешение и помощь в беде, порой единственное, на что он может положиться и чему может довериться в окружающей его суровой реальности.
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	Цена дружбы познаётся через трудности, беды и лишения.
А-1.2 эл. Основная идея (тезис)	Дружба важнее личных стремлений, желаний, и даже жизни, ради друзей ты встретишься лицом к лицу хоть с самой смертью. <i>«Покрышки скрипели, шипели, завывали, свистели, – мотор отдавал теперь всю свою мощь. Кестер пригнулся к рулю, его тело превратилось в огромное ухо, в фильтр, просеивающий гром и свист мотора и шасси, чутко улавливающий малейший звук, любой подозрительный скрип и скрежет, в которых могли таиться авария и смерть».</i>
А-1.3 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	<i>«Какой ужас! Значит, Кестер продал «Карла». Вот откуда вдруг такие деньги! Отто продал «Карла», о котором как-то сказал, что лучше бы ему лишиться руки, чем этой машины. Значит, «Карла» больше нет, значит, теперь он в пухлых руках фабриканта костюмов, а Отто, чье ухо узнавало этот автомобиль за километры, теперь будет прислушиваться к его завыванию на какой-нибудь дальней улице, словно к жалобному вою брошенной собаки».</i>
Б. Второстепенные элементы	
Предикация 3 уровня	
Б-1.1 эл. Иллюстрация к основным идеям.	Друг готов прийти на помощь в любую минуту. <i>«Потом, в девять часов, я позвонил, сперва в качестве тайного советника Буркхарда лично подполковнику Эгберту фон Гаке, а затем Ленцу, которого попросил выехать вместо меня в</i>

	<p><i>утренний рейс. Он сразу же перебил меня:</i> <i>– Вот видишь, дитяtko, твой Готтфрид недаром считается знатоком прихотей человеческого сердца. Я рассчитывал на твою просьбу. Желаю счастья, мой золотой мальчик»</i> <i>«Альфонс покраснел. Он крепко сжал ее ладонь в своих лапах.</i> <i>– В общем, если что понадобится... просто дайте знать.</i> <i>– Он смотрел на нее в крайнем замешательстве.</i> <i>– Ведь вы теперь наша».</i> <i>«– Он разыщет его, – сказал я. – Если профессор не умер, он его разыщет. Врач посмотрел на меня, как на сумасшедшего, и пожал плечами».</i> <i>«Я уже не был один. Теперь где-то там на юге, за горизонтом, ревел мотор. «За туманом по бледно-серым дорогам летела помощь, фары разбрызгивали яркий свет, свистели покрывки, и две руки сжимали рулевое колесо, два глаза холодным, уверенным взглядом сверлили темноту: глаза моего друга...».</i> <i>«– Будь я проклят, если когда-нибудь еще поеду с вами, – сказал он Кестеру.</i> <i>– Простите меня, – сказал Кестер, – это жена моего друга».</i> <i>«Рядом был Кестер, мой товарищ; был я – верный товарищ Пат. Сначала должны умереть мы. А пока мы живы, мы ее вытянем. Так было всегда. Пока жив Кестер, я не умру. А пока живы мы оба, не умрет Пат».</i> <i>«Отто продал "Карла", о котором как-то сказал, что лучше бы ему лишиться руки, чем этой машины. Значит, "Карла" больше нет, значит, теперь он в пухлых руках фабриканта костюмов, а Отто, чье ухо узнавало этот автомобиль за километры, теперь будет прислушиваться к его завыванию на какой-нибудь дальней улице, словно к жалобному вою брошенной собаки».</i></p>
<p>Б-1.2 Иллюстрации разъяснению основных идей.</p>	<p>эл. к</p> <p>Ради друзей человек готов рисковать своим здоровьем и жизнью, идти на риск</p> <p><i>«Но я не решился отойти от телефона, он был для меня как спасательный круг. И вдруг я сообразил, как поступить. Я снял трубку и назвал номер Кестера. Его-то я уже застаю на месте. Иначе быть не может. И вот из хаоса ночи выплыл спокойный голос Кестера. Я сразу же успокоился и рассказал ему все. Я чувствовал, что он слушает и записывает.</i> <i>– Хорошо, – сказал он, – сейчас же еду искать его. Позвоню. Не беспокойся. Найду. Вот все и кончилось. Весь мир успокоился. Кошмар прошел. Я побежал обратно».</i> <i>«Кестер отправился на поиски. Он ехал на красный свет, не обращая внимания на полицейских. Он посылал "Карла" вперед, как норовистого коня, протискиваясь сквозь поток машин».</i> <i>«Глинистое полотно дороги стало влажным. Машина начала юлить и шататься в стороны. Кестеру пришлось сбавить скорость. Зато он с еще большим напором брал повороты. Он</i></p>

	<p><i>уже не подчинялся разуму, им управлял только инстинкт. Фары высвечивали повороты наполовину. Когда машина брала поворот, он не просматривался. Проектор-искатель почти не помогал, – он давал слишком узкий сноп света. Врач молчал. Внезапно воздух перед фарами взвихрился и окрасился в бледно-серебристый цвет. Замелькали прозрачные ключья, похожие на облака. Это был единственный раз, когда, по словам Жаффе, Кестер выругался. Через минуту они неслись в густом тумане. Кестер переключил фары на ближний свет. Машина плыла в вате, пронеслись тени, деревья, смутные призраки в молочном море, не было больше шоссе, остались случайность и приблизительность, тени, разраставшиеся и исчезающие в реве мотора».</i></p> <p><i>«– Почему ты не сообщил следователям приметы? Это помогло бы розыску. Ведь мы его разглядели достаточно подробно. Кестер посмотрел на меня.</i></p> <p><i>– Потому что мы это обделаем сами, без полиции. Ты что же думаешь?.. – Его голос стал совсем тихим, сдавленным и страшным. – Думаешь, я перепоручу его полиции? Чтобы он отделался несколькими годами тюрьмы? Сам знаешь, как кончаются такие процессы! Эти парни знают, что они найдут милосердных судей! Не выйдет! Если бы полиция даже и нашла его, я заявил бы, что это не он! Сам его раздобуду! Готтфрид мертвый, а он живой! Не будет этого!».</i></p> <p><i>«Он смотрел на меня, сидя на стуле и обратив ко мне широкое мокрое лицо. Его волосы слиплись, крупный рот искривился, а взгляд стал почти невыносимым – столько обнаженной и безнадежной муки, боли и любви было в его глазах.</i></p> <p><i>– Теперь Готтфрид успокоится, – сказал он тихо и хрипло. – До сих пор мне все казалось, что ему беспокойно».</i></p> <p><i>«Где же Отто мог раздобыть деньги? Ведь я хорошо знал все источники наших доходов. И вдруг меня осенило: мысленно я увидел перед собой гонщика-любителя Больвиса, фабриканта готовой одежды, вспомнил, как плотоядно он поглаживал нашего "Карла", стоявшего перед баром в вечер, когда он проиграл пари, вспомнил, как он сказал: "Эту машину я готов купить в любое время...!"</i></p> <p><i>«Я знал: ничто не сможет его удержать. Я знал также, почему он меня не взял с собой. Из-за Пат. Готтфрида он бы не прогнал».</i></p>
<p>Б-2 эл. Иллюстрации к разъяснению основных идей.</p>	<p>В окружающей человека суровой реальности только друг – надежная опора и поддержка.</p> <p><i>«Все распадалось, пропитывалось фальшью и забывалось. А если ты не умел забывать, то тебе оставались только бессилие, отчаяние, равнодушие и водка. Ушло в прошлое время великих человеческих и даже чисто мужских мечтаний. Торжествовали дельцы. Продажность. Нищета».</i></p>

	<p><i>«– Тебе нужны товарищи, – сказала она. Ее губы почти касались моего лица.</i></p> <p><i>– Ты мне тоже нужна. – Но не так...».</i></p> <p><i>«Остро пахла вскопанная земля. В одном из комьев копошилась белая личинка. Я подумал: «Могилу завалят, а личинка будет жить там внизу; она превратится в куколку и в будущем году, пробившись сквозь слой земли, выйдет на поверхность. А Готтфрид мертв. Он погас» Мы стояли у могилы, зная, что его тело, глаза и волосы еще существуют, правда, уже изменившись, но все-таки еще существуют, и что, несмотря на это, он ушел и не вернется больше. Это было непостижимо. Наша кожа была тепла, мозг работал, сердце знало кровь по жилам, мы были такие же, как прежде, как вчера, у нас было по две руки, мы не ослепли и не онемели, все было, как всегда... Но мы должны были уйти отсюда, а Готтфрид оставался здесь и никогда уже не мог пойти за нами. Это было непостижимо».</i></p> <p><i>«Робби, – медленно заговорил он, – не помню, скольких я убил. Но помню, как я сбил молодого английского летчика. У него заело патрон, задержка в подаче, и он ничего не мог сделать. Я был со своим пулеметом в нескольких метрах от него и ясно видел испуганное детское лицо с глазами, полными страха; потом выяснилось, что это был его первый боевой вылет и ему едва исполнилось восемнадцать лет. И в это испуганное, беспомощное и красивое лицо ребенка я всадил почти в упор пулеметную очередь. Его череп лопнул, как куриное яйцо. Я не знал этого паренька, и он мне ничего плохого не сделал. Я долго не мог успокоиться, гораздо дольше, чем в других случаях. С трудом заглушил совесть, сказав себе: «Война есть война!» Но, говорю тебе, если я не прикончу подлеца, убившего Готтфрида, пристрелившего его без всякой причины, как собаку, значит эта история с англичанином была страшным преступлением. Понимаешь ты это?».</i></p> <p><i>«Яростно и беспомощно я стучал ботинками о ступеньки, сбивая с них снег. Ленца убили. «Карл» ушел. А Пат? Невидящими глазами я уставился в небо, в это серое и бескрайнее небо какого-то безумного Бога, который ради собственной забавы выдумал жизнь и умирание».</i></p>
Предикация 4 уровня (иллюстрации и фоны)	
<p>Б-2.1. эл. Общий фон к цели сообщения.</p>	<p><i>«– Мы все на своих местах. Все следим за тобой. Ничего с тобой не случится. Ничто не должно с тобой случиться. Профессор уже дает указания по телефону. Он скажет нам все. Завтра он наверняка приедет. Он поможет тебе. Ты выздоровеешь. Почему ты никогда не говорила мне, что еще больна? Потеря крови невелика, это не страшно, Пат, мы восстановим твою кровь. Кестер нашел профессора. Теперь все хорошо, Пат».</i></p>

	<p><i>«Какой ужас! Значит, Кестер продал «Карла» Вот откуда вдруг такие деньги!».</i></p> <p><i>«Он был нам настоящим товарищем – этот «призрак шоссейных дорог» Нам надо было быть вместе. «Карлу» и Кестеру, «Карлу» и Ленцу, «Карлу» и Пат...».</i></p> <p><i>«У Кестера был утомленный вид. Его усталость не бросалась в глаза посторонним людям, но те, кто знал его хорошо, замечали ее сразу по несколько более напряженному и жесткому выражению лица. Вечер за вечером он рыскал в одном и том же районе. Он уже давно знал фамилию парня, застрелившего Готтфрида, но не мог его найти, потому что, боясь преследований полиции, убийца переехал на другую квартиру и прятался. Все эти подробности установил Альфонс. Он тоже был начеку. Правда, могло статься, что преступник выехал из города. Он не знал, что Кестер и Альфонс выслеживают его. Они же рассчитывали, что он вернется, когда почувствует себя в безопасности».</i></p>
<p>Б-2.2 эл. Общий фон к описанию ситуации.</p>	<p><i>«Я позвал горничную, и мы побежали по дороге. Она показала мне дом, где был телефон. Я позвонил у парадного. В доме сидело небольшое общество за кофе и пивом. Я обвел всех невидящим взглядом, не понимая, как могут люди пить пиво, когда Пат истекает кровью. Заказав срочный разговор, я ждал у аппарата. Вслушиваясь в гудящий мрак, я видел сквозь портьеры часть смежной комнаты, где сидели люди. Все казалось мне туманным и вместе с тем предельно четким. Я видел покачивающуюся лысину, в которой отражался желтый свет лампы, видел брошь на черной тафте платья со шнуровкой, и двойной подбородок, и пенсне, и высокую вздыбленную прическу; костлявую старую руку с вздувшимися венами, барабанившую по столу... Я не хотел ничего видеть, но был словно обезоружен – все само проникало в глаза, как слепящий свет. Наконец мне ответили. Я попросил профессора. – К сожалению, профессор Жаффе уже ушел, – сообщила мне сестра. Мое сердце замерло и тут же бешено заколотилось».</i></p>

Интенциональный анализ повести-сказки А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности *доброта*)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Доброта как главное качество человека в отношении к другим людям
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	Отзывчивость, душевное расположение к людям
А-1.1 эл. Разъяснение основной идеи	Стремление делать добро другим <i>«Что это ты делаешь? - Спросил маленький принц. - Пью, - мрачно ответил пьяница.</i>

<p>(тезиса).</p>	<p>- Зачем? - Чтобы забыть. - О чем забыть? - Спросил маленький принц, ему стало жаль пьяницу. - Хочу забыть, что мне совестно, - признался пьяница и повесил голову. - Отчего же тебе совестно? - Спросил маленький принц, ему очень хотелось помочь бедняге» «Вот человек [о фонаришке], - сказал себе маленький принц, продолжая путь, - вот человек, которого все стали бы презирать - и король, и честолюбец, и пьяница, и делец. А между тем из них всех он один, по-моему, не смешон. Может быть, потому что он думает не только о себе». «- На твоей планете, - сказал маленький принц, - люди выращивают в одном саду пять тысяч роз... И не находят того, что ищут... - Не находят, - согласился я. - А ведь то, чего они ищут, можно найти в одной единственной розе, в глотке воды... - Да, конечно, - согласился я. И маленький принц сказал: - Но глаза слепы. Искать надо сердцем».</p>
<p>А-1.2 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Чуткость к окружающим «- Люди забыли эту истину, - сказал лис, - но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу «- Вы красивые, но пустые, - продолжал маленький принц. - Ради вас не захочется умереть. Конечно, случайный прохожий, поглядев на мою розу, скажет, что она точно такая же, как вы. Но мне она одна дороже всех вас. Ведь это ее, а не вас я поливал каждый день. Ее, а не вас накрывал стеклянным колпаком. Ее загоразживал иаирмой, оберегая от ветра. Для нее убивал гусениц, только двух или трех оставил, чтобы вывелись бабочки. Я слушал, как она жаловалась и как хвастала, я прислушивался к ней, даже когда она умолкала. Она - моя» «- Хорошо, если у тебя когда-то был друг, пусть даже надо умереть. Вот я очень рад, что дружил с лисом».</p>
<p>А-2 эл. Основная идея (тезис)</p>	<p>Дружба и доброта всегда рядом «Я ищу друзей. А как это приручить? - Это давно забытое понятие, - объяснил лис. - Оно означает: создать узы». «- Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. И я тебе тоже не нужен. Я для тебя только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом</p>

	<p>свете...</p> <p><i>«Но если ты меня приручишь, моя жизнь словно солнцем озарится. Твои шаги я стану различать среди тысяч других. Заслышав людские шаги, я всегда убегаю и прячусь. Но твоя походка позовет меня, точно музыка, и я выйду из своего убежища. И потом - смотри! Видишь, вон там, в полях, зреет пшеница? Я не ем хлеба. Колосья мне не нужны. Пшеничные поля ни о чем мне не говорят. И это грустно! Но у тебя золотые волосы. И как чудесно будет, когда ты меня приручишь! Золотая пшеница станет напоминать мне тебя. И я полюблю шелест колосьев на ветру...»</i></p> <p><i>«- Узнать можно только те вещи, которые приручишь, - сказал лис. У людей уже не хватает времени что-либо узнавать. Они покупают вещи готовыми в магазинах. Но ведь нет таких магазинов, где торговали бы друзьями, и потому люди больше не имеют друзей. Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!»</i></p> <p><i>«Вот мой секрет, он очень прост: зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь.»</i></p> <p><i>- Твоя роза так дорога тебе потому, что ты отдавал ей все свои дни.</i></p> <p><i>- Люди забыли эту истину, - сказал лис, - но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил. Ты в ответе за твою розу».</i></p>
Б. Второстепенные элементы	
Предикация 3 уровня	
<p>Б-1.1 зл.</p> <p>Иллюстрация к</p> <p>основным идеям.</p>	<p>Уход за розой у себя на планете</p> <p><i>«Как вы прекрасны!»</i></p> <p><i>- Да, правда? - Был тихий ответ. - И заметьте, я родилась вместе с солнцем.</i></p> <p><i>А она вскоре заметила:</i></p> <p><i>- Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...</i></p> <p><i>Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.</i></p> <p><i>Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и маленький принц совсем с нею измучился.</i></p> <p><i>...я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы:</i></p> <p><i>Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я прибыла...</i></p> <p><i>Она не договорила...</i></p> <p><i>Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:</i></p> <p><i>- Где же ширма?</i></p> <p><i>- Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не послушать!</i></p> <p><i>Тогда она закашляла сильнее: пускай его все-таки помучит</i></p>

		<p><i>совесть!</i></p> <p><i>Хотя маленький принц и полюбил прекрасный цветок и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным».</i></p>
Б-1.2	эл. к	<p>Забота о розе на других планетах</p> <p><i>«Моя краса и радость недолговечна, - сказал себе маленький принц, - и ей нечем защищаться от мира: у нее только и есть что четыре шипа. А я бросил ее, а она осталась на моей планете совсем одна!»</i></p> <p><i>«Это впервые он пожалел о покинутом цветке».</i></p>
Б-2	эл. к	<p><i>«Жил да был маленький принц. Он жил на планете, которая была чуть побольше его самого, и ему очень не хватало друга...»</i></p> <p><i>«Вот уже шесть лет, как мой друг вместе с барашком меня покинул. И я пытаюсь рассказать о нем для того, чтобы его не забыть. Это очень печально, когда забывают друзей. Не у всякого был друг».</i></p>
Предикация 4 уровня (иллюстрации и фоны)		
Б-2.1.	эл. Общ. фон к цели сообщения.	<p>Путешествия к другим планетам</p> <p><i>«Он не знал, что короли смотрят на мир очень упрощенно: для них все люди -подданные.</i></p> <p><i>- Подойди, я хочу тебя рассмотреть, - сказал король, ужасно гордый тем, что он может быть для кого-то королем.</i></p> <p><i>Маленький принц оглянулся - нельзя ли где-нибудь сесть, но великолепная горностаевая мантия покрывала всю планету. Пришлось стоять, а он так устал...»</i></p> <p><i>«На следующей планете жил пьяница. Маленький принц пробыл у него совсем недолго, но стало ему после этого очень невесело. Когда он явился на эту планету, пьяница молча сидел и смотрел на выстроившиеся перед ним полчища бутылок - пустых и полных».</i></p>
Б-2.2	эл. Общ. фон к описанию ситуации.	<p>Разговор со змеей</p> <p><i>«- Ну конечно. Ты найдешь мои следы на песке. И тогда жди. Сегодня ночью я туда приду.</i></p> <p><i>До стены оставалось двадцать метров, а я все еще ничего не видел. После недолгого молчания маленький принц спросил:</i></p> <p><i>- А у тебя хороший яд? Ты не заставишь меня долго мучиться?».</i></p>
Б-2.3	эл. Общ. фон к описанию ситуации и отношению к ней	<p>Уход маленького принца</p> <p><i>«- Знаешь... Сегодня ночью... Лучше не приходи.</i></p> <p><i>- Я тебя не оставляю.</i></p> <p><i>- Тебе покажется, что мне больно... Покажется даже, что я умираю. Так уж оно бывает. Не приходи, не надо.</i></p> <p><i>- Я тебя не оставляю».</i></p>

Интенциональный анализ пьесы Н. А. Островского «Гроза» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности *свобода*)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Жизнь невозможна без свободы, в неволе человек умирает
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	Свобода для человека иногда непопустительная роскошь, но за нее стоит бороться.
А-1.1 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	<p>«- А не стертится, что ж ты сделаешь? - Что я сделаю? - Да, что ты сделаешь? - Что мне только захочется, то и сделаю. - Сделай, попробуй, так тебя здесь заедят. - Что мне! Я уйду, да и была такова. - Куда ты уйдешь? Ты мужняя жена. - Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру! Конечно, не дай бог этому случиться! А уж коли очень мне здесь опостынет, так не удержат меня никакой силой. В окно выброшусь, в Волгу кинусь. Не хочу здесь жить, так не стану, хоть ты меня режь!».</p> <p>«Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горе, так тебя и тянет лететь. Вот так бы разбежалась, подняла руки и полетела. Попробовать нешто теперь?».</p> <p>«Такая ли я была! Я жила, ни об чем не тужила, точно птичка на воле. Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и делаю».</p> <p>«Да здесь все как будто из-под неволи».</p> <p>«Нет, я знаю, что умру. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мне такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... уж и не знаю».</p> <p>«Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что».</p> <p>«Сделается мне так душно, так душно дома, что бежала бы. И такая мысль придет на меня, что, кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волге, на лодке, с песнями, либо на тройке на хорошей, обнявшись...».</p>
А-1.2 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	<p>Путь к свободе тернист и на нем встречаются обстоятельства и люди, препятствующие обретению внутренней свободе</p> <p>«- Если ты хочешь мать послушать, так ты, как приедешь туда, сделай так, как я тебе приказывала».</p> <p>«Поверила бы я тебе, мой друг, кабы своими глазами не видала да своими ушами не слыхала, каково теперь стало почтение родителям от детей-то! Хоть бы то-то помнили, сколько матери болезней от детей переносят».</p>

	<p><i>«Если родительница что когда и обидное, по вашей гордости, скажет, так, я думаю, можно бы перенести! А, как ты думаешь?».</i></p> <p><i>«Мать стара, глупа; ну, а вы, молодые люди, умные, не должны с нас, дураков, и взыскивать».</i></p> <p><i>«Ведь от любви родители и строги-то к вам бывают, от любви вас и бранят-то, все думают добру научить. Ну, а это нынче не нравится. И пойдут детки-то по людям славить, что мать ворчунья, что мать проходу не дает, со свету сживает. А, сохрани господи, каким-нибудь словом снохе не угодить, ну и пошел разговор, что свекровь заела совсем».</i></p> <p><i>«Не слыхала, мой друг, не слыхала, лгать не хочу. Уж кабы я слышала, я бы с тобой, мой милый, тогда не так заговорила. Полно, полно, не божись! Грех! Я уж давно вижу, что тебе жена милее матери. С тех пор как женился, я уж от тебя прежней любви не вижу».</i></p> <p><i>«Ты бы, кажется, могла и помолчать, коли тебя не спрашивают. Не заступайся, матушка, не обижу небось! Ведь он мне тоже сын; ты этого не забывай! Что ты выскочила в глазах-то поюлить! Чтобы видели, что ли, как ты мужа любишь? Так знаем, знаем, в глазах-то ты это всем доказываешь».</i></p> <p><i>«Знаю я, знаю, что вам не по нутру мои слова, да что ж делать-то, я вам не чужая, у меня об вас сердце болит. Я давно вижу, что вам воли хочется. Ну что ж, дождетесь, поживете и на воле, когда меня не будет. Вот уж тогда делайте что хотите, не будет над вами старших. А может, и меня вспомняете».</i></p> <p><i>«—Что ты сиротой-то прикидываешься! Что ты нони-то распустил? Ну, какой ты муж? Посмотри ты на себя! Станет ли тебя жена бояться после этого?»</i></p> <p><i>«—Прощайте, маменька!</i></p> <p><i>Кабанова (жестом показывает на землю). В ноги, в ноги!».</i></p> <p><i>«Что на шею-то виснешь, бесстыдница! Не с любовником прощаешься! Он тебе муж – глава! Аль порядку не знаешь? В ноги кланяйся!»</i></p>
<p>А-2 зл. Описание ситуации</p>	<p>Угнетатели сами несвободны, потому, что злы и алчны</p> <p><i>«- Несчастный я теперь, братец, человек! Так ни за что я погибаю, ни за грош!».</i></p> <p><i>«- Маменька-то у вас больно крута.</i></p> <p><i>- Ну да. Она-то всему и причина».</i></p> <p><i>«- Понимаю я это; да что ж ты мне прикажешь с собой делать, когда у меня сердце такое! Ведь уж знаю, что надо отдать, а все добром не могу. Друг ты мне, и я тебе должен отдать, а приди ты у меня просить – обругаю. Я отдам, отдам, а обругаю. Потому, только заикнись мне о деньгах, у меня всю внутреннюю разжигать станет; всю внутреннюю вот</i></p>

	<p>разжигает, да и только; ну, и в те поры ни за что обругаю человека».</p> <p>«Спроси-ка, что об ней порасскажут! Вот умирать-то и боится. Чего сама-то боится, тем и других пугает. Даже все мальчишки в городе от нее прячутся, – грозит на них палкой да кричит (передразнивая): «Все гореть в огне будете!»</p>
<p>А-3 эл. Аналитическая оценка ситуации:</p>	<p>Благими намерениями выслана дорога в ад Сама посуди! У нее сердце все изнает, что он на своей воле гуляет. Вот она ему теперь и надает приказов, один другого грозней, да потом к образу поведет, побожиться заставит, что все так точно он и сделает, как приказано.</p> <p>Проститься-то путем не умеют. Хорошо еще, у кого в доме старише есть, ими дом-то и держится, пока живы. А ведь тоже, глупые, на свою волю хотят, а выдут на волю-то, так и путаются на покор да смех добрым людям. Конечно, кто и пожалеет, а большие все смеются. Да не смеяться-то нельзя; гостей позовут, посадить не умеют, да еще, гляди, позабудут кого из родных. Смех, да и только! Так-то вот старина-то и выводится. В другой дом и взойти-то не хочется. А и взойдешь-то, так плюнешь да вон скорее. Что будет, как старики перемрут, как будет свет стоять, уж и не знаю. Ну, да уж хоть то хорошо, что не увижу ничего.</p>
<p>Б-1 эл. Иллюстрации к разъяснению основных идей.</p>	<p>Свобода или неволя: каждый волен выбирать сам</p> <p>«-Охота вам жить у него да брань переносить. -Уж какая охота, Кулигин! Неволя».</p> <p>«Да как же я могу, маменька, вас послушаться!...».</p> <p>«Я, кажется, маменька, из вашей воли ни на шаг...».</p> <p>«Я, маменька...».</p> <p>«Да когда же я, маменька, не переносил от вас?».</p> <p>«Да смеем ли мы, маменька, подумать!».</p> <p>«Да отсохни язык...».</p> <p>«Да нет, маменька! что вы, помилуйте!».</p> <p>«Для меня, маменька, все одно, что родная мать, что ты, да и Тихон тоже тебя любит».</p> <p>«Да мы об вас, маменька, денно и ночью бога молим, чтобы вам, маменька, бог дал здоровья и всякого благополучия и в делах успеху».</p> <p>«Одно другому не мешает-с: жена само по себе, а к родительнице я само по себе почтение имею...Да для чего же мне менять-с? Я обеих люблю».</p> <p>«Думайте как хотите, на все есть ваша воля; только я не знаю, что я за несчастный такой человек на свет рожден, что не могу вам угодить ничем».</p> <p>«Да я, маменька, и не хочу своей волей жить. Где уж мне своей волей жить!»</p> <p>«Да я, маменька...».</p> <p>«Да, ей-богу, маменька...».</p>

	<p><i>«Вот видишь ты, вот всегда мне за тебя достается от маменьки! Вот жизнь-то моя какая!».</i></p> <p><i>«Знай свое дело – молчи, коли уж лучше ничего не умеешь. Что стоишь – переминаешься? По глазам вижу, что у тебя и на уме-то».</i></p> <p><i>«Ты, Тиша, скорей приходи, а то маменька опять браниться станет».</i></p> <p><i>«И на воле-то он словно связанный».</i></p> <p><i>«Да, как же, связанный! Он как выедет, так запьет. Он теперь слушает, а сам думает, как бы ему вырваться-то поскорей. Помню, маменька».</i></p> <p><i>«Нельзя, Катя. Коли маменька посылает, как же я не поеду!».</i></p> <p><i>«Да не разлюбил; а с такой-то неволи от какой хочешь красавицы жены убежишь! Ты подумай то: какой ни на есть, а я все-таки мужчина, всю жизнь вот так жить, как ты видишь, так убежишь и от жены. Да как знаю я теперича, что недели две никакой грозы надо мной не будет, кандалов эких на ногах нет, так до жены ли мне?»</i></p> <p><i>«Куда теперь? Домой идти? Нет, мне что домой, что в могилу – все равно. Да, что домой, что в могилу!.. что в могилу! В могиле лучше... Под деревцом могилушка... как хорошо!.. Солнышко ее греет, дождичком ее мочит... весной на ней травка вырастет, мягкая такая... птицы прилетят на дерево, будут петь, детей выведут, цветочки расцветут: желтенькие, красненькие, голубенькие... всякие (задумывается), всякие... Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А о жизни и думать не хочется. Опять жить? Нет, нет, не надо... нехорошо! И люди мне противны, и дом мне противен, и стены противны! Не пойду туда! Нет, нет, не пойду... Придешь к ним, они ходят, говорят, а на что мне это? Ах, темно стало! И опять поют где-то! Что поют? Не разберешь... Умереть бы теперь... Что поют? Все равно, что смерть придет, что сама... а жить нельзя! Грех! Молиться не будут? Кто любит, тот будет молиться... Руки крест-накрест складывают... в гробу? Да, так... я вспомнила. А поймут меня да воротят домой насильно... Ах, скорей, скорей!»</i></p> <p><i>«- Обидели меня чем-то дома, а дело было к вечеру, уж темно; я выбежала на Волгу, села в лодку, да и оттикнула ее от берега. На другое утро уж нашли, верст за десять!»</i></p>
<p>Б-2. эл. Общий фон к описанию ситуации.</p>	<p>Нравы мещанского общества: своих бранят, чужих задабривают</p> <p><i>«У него уж такое заведение. У нас никто и пикнуть не смей о жалованье, изругает на чем свет стоит».</i></p> <p><i>«-Что ж делать-то, сударь! Надо стараться угождать как-нибудь».</i></p> <p><i>«-В том-то и дело, Кулигин, что никак невозможно. На него и свои-то никак угодить не могут; а уж где ж мне!».</i></p>

	<p>«-А вот беда-то, когда его обидит такой человек, которого он обругать не смеет; тут уж домашние держись!..».</p> <p>«А каково домашним-то было! После этого две недели все прятались по чердакам да по чуланам».</p> <p>«Жестокие нравы, сударь, в нашем городе, жестокие! В мещанстве, сударь, вы ничего, кроме грубости да бедности нагойной, не увидите. И никогда нам, сударь, не выбиться из этой коры! Потому что честным трудом никогда не заработать нам больше насущного хлеба. А у кого деньги, сударь, тот старается бедного закабалить, чтобы на его труды даровые еще большие денег наживать».</p> <p>«А между собой-то, сударь, как живут! Торговлю друг у друга подрывают, и не столько из корысти, сколько из зависти. Враждуют друг на друга... Судятся-судятся здесь, да в губернию поедут, а там уж их и ждут да от радости руками плещут... водят их, водят, волочат их, волочат; а они еще и рады этому волоченью, того только им и надобно».</p> <p>«И купечество все народ благочестивый, добродетелями многими украшенный! Щедростью и подаяниями многими! Я так довольна, так, матушка, довольна, по горлушко! За наше неоставление им еще больше щедрот приумножится, а особенно дому Кабановых».</p> <p>«Как зачем бояться! Как зачем бояться! Да ты рехнулся, что ли? Тебя не станет бояться, меня и подавно. Какой же это порядок-то в доме будет? Ведь ты, чай, с ней в законе живешь».</p> <p>«Али, по-вашему, закон ничего не значит? Да уж коли ты такие дурацкие мысли в голове держишь, ты бы при ней-то, по крайней мере, не болтал да при сестре, при девке; ей тоже замуж идти: так она твоей болтовни наслушается, так после муж-то нам спасибо скажет за науку. Видишь ты, какой еще ум-то у тебя, а ты еще хочешь своей волей жить».</p> <p>«Что смеетесь! Не радуйтесь!.. Все в огне гореть будете неугасимом. Все в смоле будете кипеть неуголимой!..Вон, вон куда красота-то ведет!».</p>
<p>Б-3.1. зл. Общий фон к описанию ситуации и отношению к ней</p>	<p>Угнетение и подавление свободы власть предержавшими</p> <p>«-Да нет, этого мало, Кулигин! Он прежде наломается над нами, наругается всячески, как его душе угодно, а кончит все-таки тем, что не даст ничего или так, какую-нибудь малость. Да еще станет рассказывать, что из милости дал, что и этого бы не следовало».</p> <p>«У меня свои дети, за что я чужим деньги отдам? Через это я своих обидеть должен!»</p> <p>«Кабы я один, так бы ничего! Я бы бросил все да уехал. А то сестру жаль. Он было и ее выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна. Какова бы ей здесь жизнь была, и представить страшно».</p>

	<p><i>«Живи, говорит, у меня, делай, что прикажут, а жалованья, что положу». То есть через год разочтет, как ему будет угодно».</i></p> <p><i>«Нищих оделяет [Кабаниха], а домашних заела совсем. Загнаи, забит...».</i></p>
Б-3.2. эл. Общий фон к цели сообщения	<p>Гроза как предвестник беды</p> <p><i>«-Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то. Я и не знала, что ты так грозы боишься. Я вот не боюсь.</i></p> <p><i>- Как, девушка, не бояться! Всякий должен бояться. Не то страшно, что убьет тебя, а то, что смерть тебя вдруг застанет, как ты есть, со всеми твоими грехами, со всеми помыслами лукавыми. Мне умереть не страшно, а как я подумаю, что вот вдруг я явлюсь перед богом такая, какая я здесь с тобой, после этого разговору-то, вот что страшно. Что у меня на уме-то! Какой грех-то! страшно вымолвить!</i></p> <p><i>- Да что ты уж очень боишься: еще далеко гроза-то. (Варвара Катерине)»</i></p> <p><i>«-Уж ты помани мое слово, что эта гроза даром не пройдет! Верно тебе говорю; потому знаю. Либо уж убьет кого-нибудь, либо дом сгорит, вот увидишь: потому, смотри, какой цвет необнаковенный. (Сельчане)»</i></p> <p><i>«- И все-то десять ночей я гуляла... (Рыдает.)</i></p> <p>...</p> <p><i>Удар грома».</i></p>

Интенциональный анализ романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности уважение)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Уважение – основа общения между поколениями. Отсутствие уважения стоит у истоков проблемы «отцов и детей». Человек, признающий чужие суждения, делает шаг на пути к примирению, принятию, уважению.
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	<p>Поколение молодых людей резко и своенравно выступает против сложившегося устройства общества и тех опор, на которых оно держится.</p> <p><i>«Я уже говорил вам, дядюшка, что мы не признаем авторитетов, – вмешался Аркадий».</i></p> <p><i>«...Я очень хорошо знаю, например, что вы изволите находить смешными мои привычки, мой туалет, мою опрятность наконец, но это все происходит из чувства самоуважения, из чувства долга, да-с, да-с, долга. Я живу в деревне, в глуши, но я не роняю себя, я уважаю в себе человека».</i></p> <p><i>«...Прежде молодым людям приходилось учиться; не хотелось им прослыть за невежд, так они поневоле трудились. А теперь им стоит сказать: все на свете вздор! – и дело в шляпе. Молодые люди обрадовались. И в самом деле, прежде они</i></p>

	<p><i>просто были болваны, а теперь они вдруг стали нигилисты». «Вы порицаете мое направление, а кто вам сказал, что оно во мне случайно, что оно не вызвано тем самым народным духом, во имя которого вы так ратуете?»</i></p> <p><i>«– Вот и изменило вам хваленое чувство собственного достоинства, – флегматически заметил Базаров»</i></p> <p><i>«Но Аркадий уже не слушал его и убежал с террасы. Николай Петрович посмотрел ему вслед и в смущенье опустил на стул. Сердце его забилось... Представилась ли ему в это мгновение неизбежная странность будущих отношений между им и сыном, сознавал ли он, что едва ли не большее бы уважение оказал ему Аркадий, если б он вовсе не касался этого дела, упрекал ли он самого себя в слабости – сказать трудно; все эти чувства были в нем, но в виде ощущений – и то неясных; а с лица не сходила краска, и сердце билось».</i></p> <p><i>«Дрянь, аристократишко», – равнодушно заметил Базаров, который встречался с ним в Петербурге.</i></p> <p><i>– Позвольте вас спросить, – начал Павел Петрович, и губы его задрожали, – по вашим понятиям слова: «дрянь» и «аристократ» одно и то же означают?</i></p> <p><i>– Я сказал: «аристократишко», – проговорил Базаров, лениво отхлебывая глоток чаю».</i></p> <p><i>«– В теперешнее время полезнее всего отрицание – мы отрицаем».</i></p>
<p>А-1.1 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Старшее поколение рьяно отстаивает собственные идеалы, считая их залогом процветания для всего общества.</p> <p><i>«Я этим хочу доказать, что без чувства собственного достоинства, без уважения к самому себе, – а в аристократе эти чувства развиты, – нет никакого прочного основания общественному... bien public, общественному зданию. Личность, милостивый государь, – вот главное: человеческая личность должна быть крепка, как скала, ибо на ней все строится».</i></p> <p><i>«Знаешь, что я вспомнил, брат? Однажды я с покойницей матушкой поссорился: она кричала, не хотела меня слушать... Я наконец сказал ей, что вы, мол, меня понять не можете; мы, мол, принадлежим к двум различным поколениям. Она ужасно обиделась, а я подумал: что делать? Пилюля горька – а проглотить ее нужно. Вот теперь настала наша очередь, и наши наследники могут сказать нам: вы мол, не нашего поколения, глотайте пилюлю».</i></p> <p><i>«– Ты уже чересчур благодушен и скромн, – возразил Павел Петрович, – я, напротив, уверен, что мы с тобой гораздо правее этих господчиков, хотя выражаемся, может быть, несколько устарелым языком, vieilli, и не имеем той дерзкой самонадеянности... И такая надутая эта нынешняя молодежь!»</i></p>

	<p><i>«Кажется, я все делаю, чтобы не отстать от века: крестьян устроил, ферму завел, так что даже меня во всей губернии красным величают; читаю, учусь, вообще стараюсь стать в уровень с современными требованиями, – а они говорят, что песенка моя спета. Да что, брат, я сам начинаю думать, что она точно спета».</i></p> <p><i>«– Вот, – начал наконец Павел Петрович, – вот вам нынешняя молодежь! Вот они – наши наследники!»</i></p>
А-1.2 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	<p>Представители поколений должны с мудростью относиться к извечному конфликту между ними.</p> <p><i>«– Вот как мы с тобой, – говорил в тот же день после обеда Николай Петрович своему брату, сидя у него в кабинете, – в отставные люди попали, песенка наша спета. Что ж? Может быть, Базаров и прав; но мне, признаюсь, одно больно: я надеялся именно теперь тесно и дружески сойтись с Аркадием, а выходит, что я остался назади, он ушел вперед, и понять мы друг друга не можем».</i></p>
А-2 эл. Основная идея (тезис)	<p>Молодое поколение не настроено созидать, его цель – крушение идеалов.</p> <p><i>«Однако позвольте, – заговорил Николай Петрович. – Вы все отрицаете, или, выражаясь точнее, вы все разрушаете... Да ведь надобно же и строить.</i></p> <p><i>– Это уже не наше дело... Сперва нужно место расчистить.</i></p> <p><i>– Современное состояние народа этого требует, – с важностью прибавил Аркадий, – мы должны исполнять эти требования, мы не имеем права предаваться удовлетворению личного эгоизма».</i></p> <p><i>«– Как ничего не доказывает? – пробормотал изумленный Павел Петрович. – Стало быть, вы идете против своего народа?»</i></p>
Б. Второстепенные элементы	
Предикация 3 уровня	
Б-1.1 эл. Иллюстрация к основным идеям.	<p>Старый мир должен быть уничтожен, чтобы дать место новому миру</p> <p><i>«– А потом мы догадались, что болтать, все только болтать о наших язвах не стоит труда, что это ведет только к пошлости и доктринерству; мы увидали, что и умники наши, так называемые передовые люди и обличители, никуда не годятся, что мы занимаемся вздором, толкуем о каком-то искусстве, бессознательном творчестве, о парламентаризме, об адвокатуре и черт знает о чем, когда дело идет о насущном хлебе, когда грубейшее суеверие нас душит, когда все наши акционерные общества лопаются единственно оттого, что оказывается недостаток в честных людях, когда самая свобода, о которой хлопочет правительство, едва ли пойдет нам впрок, потому что мужик наш рад самого себя обокрасть, чтобы только напиться дурману в кабаке».</i></p>

	<p><i>«Нам дорога цивилизация, да-с, да-с, милостивый государь, нам дороги ее плоды. И не говорите мне, что эти плоды ничтожны: последний пачкуи, un barbouilleur, тапер, которому дают пять копеек за вечер, и те полезнее вас, потому что они представители цивилизации, а не грубой монгольской силы!»</i></p> <p><i>«– Нет, брат, ты этого не говори: Базаров умен и знающ.</i></p> <p><i>– И самолюбие какое противное, – перебил опять Павел Петрович.</i></p> <p><i>– Да, – заметил Николай Петрович, – он самолюбив. Но без этого, видно, нельзя».</i></p>
<p>Б-1.2 эл. Иллюстрации к разъяснению основных идей.</p>	<p>Развенчивание былых идеалов старшего поколения</p> <p><i>«– Аристократизм, либерализм, прогресс, принципы, – говорил между тем Базаров, – подумаешь, сколько иностранных... и бесполезных слов! Русскому человеку они даром не нужны.»</i></p> <p><i>«Мне сказывали, что в Риме наши художники в Ватикан ни ногой. Рафаэля считают чуть не дураком, потому что это, мол, авторитет; а сами бессильны и бесплодны до гадости, а у самих фантазия дальше «Девушки у фонтана» не хватает, хоть ты что! И написана-то девушка прескверно.»</i></p> <p><i>«Сегодня я сижу да читаю Пушкина... помнится, «Цыгане» мне попались... Вдруг Аркадий подходит ко мне и молча, с таким ласковым сожалением на лице, тихонько, как у ребенка, отнял у меня книгу и положил передо мной другую, немецкую... улыбнулся, и ушел, и Пушкина унес».</i></p>
<p>Б-1.3 эл. Иллюстрации к ситуации (ее описанию, оценке и пр.).</p>	<p>Молодое поколение не настроено созидать, его цель – крушение идеалов.</p> <p><i>«– Гм!.. Действовать, ломать... – продолжал он. – Но как же это ломать, не зная даже почему?»</i></p> <p><i>– Мы ломаем, потому что мы сила, – заметил Аркадий.</i></p> <p><i>Павел Петрович посмотрел на своего племянника и усмехнулся.</i></p> <p><i>– Да, сила – так и не дает отчета, – проговорил Аркадий и выпрямился».</i></p> <p><i>«– Да почему он ушел вперед? И чем он от нас так уж очень отличается? – с нетерпением воскликнул Павел Петрович. – Это все ему в голову синьор этот вбил, нигилист этот. Ненавижу я этого лекаришку; по-моему, он просто шарлатан; я уверен, что со всеми своими лягушками он и в физике недалеко ушел.»</i></p> <p><i>«– Как же! Очень нужны нигилисты!</i></p> <p><i>– Нужны ли они или нет – не нам решать. Ведь и вы считаете себя не бесполезным».</i></p> <p><i>«– Коли раздавят, туда и дорога, – промолвил Базаров. – Только бабушка еще надвое сказала. Нас не так мало, как вы полагаете.</i></p> <p><i>– Как? Вы не шутя думаете сладить, сладить с целым народом?»</i></p> <p><i>– От копеечной свечи, вы знаете, Москва сгорела, – ответил</i></p>

	<p>Базаров».</p> <p><i>«И Николай Петрович вынул из заднего кармана стюртука пресловутую брошюру Бюхнера, девятого издания. Павел Петрович повертел ее в руках.</i></p> <p><i>– Гм! – промычал он. – Аркадий Николаевич заботится о твоём воспитании. Что ж, ты пробовал читать?»</i></p> <p><i>– Пробовал.</i></p> <p><i>– Ну и что же?»</i></p> <p><i>– Либо я глуп, либо это все – вздор. Должно быть, я глуп».</i></p>
Предикация 4 уровня (иллюстрации и фоны)	
Б-2.1. эл. Общий фон к цели сообщения.	отсутствует
Б-2.2 эл. Общий фон к основному тезису.	<p>Стремление быть современным: Новояз</p> <p><i>«– Третьего дня, я смотрю, он Пушкина читает, – продолжал между тем Базаров. – Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он не мальчик: пора бросить эту ерунду. И охота же быть романтиком в нынешнее время! Дай ему что-нибудь дельное почитать».</i></p> <p><i>«Павел Петрович, когда сердился, с намерением говорил: «эфтим» и «эфто», хотя очень хорошо знал, что подобных слов грамматика не допускает. В этой причуде сказывался остаток преданий Александровского времени. Тогдашние тузы, в редких случаях, когда говорили на родном языке, употребляли одни – эфто, другие – эхто: мы, мол, коренные русаки, и в то же время мы вельможи, которым позволяет пренебрегать школьными правилами»</i></p>
Б-2.3 эл. Общий фон	<p>Смена общественной идеологии</p> <p>Конфликт либералов и разночинцев</p> <p>Проблема отцовства</p> <p>Нигилизм как образ жизни</p>

Интенциональный анализ повести Б. Н. Полевого «Повесть о настоящем человеке» по методике Т. М. Дридзе (inya ценности *воля*)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения (Зачем? Почему? Для чего?)	Воля, сила воли, воля к жизни
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	<p>Жажда жизни</p> <p><i>«Жив, жив, жив»</i></p>
А-1.1 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).	<p>Жажда жизни: нежелание попасть в плен</p> <p><i>«Плен? Никогда! Не выйдет этот номер!».</i></p> <p><i>«И все-таки не плен».</i></p> <p><i>«Вот и лежал бы я тут! - подумал он, и снова все его существо наполнилось бурным ощущением жизни».</i></p>

	<p>«...и весь он, все тело его ликовало, впитывая в себя чудесное, могучее, пьянящее ощущение жизни, которое приходит к человеку и захватывает его всякий раз после того, как он перенес смертельную опасность».</p> <p>«...но он был один в лесной чаще, в тылу врага, где встреча с человеком сулила не облегчение, а смерть. И он решил идти, идти на восток, идти через лес, не пытаясь искать удобных дорог и жилых мест, идти, чего бы это не стоило».</p>
<p>А-1.2 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Жажда жизни: борьба с внешними обстоятельствами (борьба с медведем) «Зверь вздохнул, поднялся, лапой перевернул человека в сугробе и рванул когтями "чертову кожу" комбинезона».</p> <p>(борьба с природой) «Идти по дороге невыносимо»</p> <p>«Застигнутый кромешной тьмой, ощущая невыносимую боль в разбитых, натруженных ногах, он не нашел в себе сил идти за топливом, забрался в густую поросль молодого сосняка, присел под деревом, весь сжался в комок, спрятав лицо в колени, хваченные своими руками, и, обогреваясь своим дыханием, замер, жадно наслаждаясь покоем и неподвижностью».</p> <p>«Среди ночи разыгралась метель».</p>
<p>А-1.3 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Жажда жизни: борьба с собой</p> <p>«Боль с ступней прожгла все его тело. В голове стоял глухой, тяжёлый шум... глаза ломило...все окружающее то виднелось четко и ярко, облитое холодными желтыми солнечными лучами, то исчезало, покрываясь серой, мерцающей искрами пеленой».</p> <p>«Та же острая боль, возникшая в ступнях, пронзило его тело сверху вниз».</p> <p>«Алексей чувствовал, что слабеет от напряжения и боли».</p> <p>"приходилось стоять, закрыв глаза, прислонившись к стволу дерева, или присаживаться на сугроб и отдыхать, чувствуя острое биение пульса в венах" Ч I: 3</p> <p>«...ко всем тяготам, обрушившимся на Алексея, прибавился голод».</p> <p>«ноги вязли в пухлом, еще не улежавшемся снегу. Вырывать их приходилось с трудом».</p> <p>«...его качало. Земля выскользнула из-под ног».</p> <p>«он останавливался, цепеня и пошатываясь из стороны в сторону, затем, больно закусив губу, приводил себя в сознание и снова делал несколько шагов, с трудом выволакивая ноги».</p> <p>«За эту ночь Алексей как-то особенно ослаб».</p>
<p>А-2 эл. Основная идея (тезис)</p>	<p>Любовь к Родине</p> <p>«Алексей помнил, как весь город, от мала до велика, ликовал по веснам».</p> <p>«Не пускать, не пускать их дальше! Драться, драться с ними, пока есть силы, как тот русский солдат, что лежит на лесной поляне на грудах вражеских тел».</p>

<p>А-3 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Оптимизм и надежда <i>«Ничего, ничего, все будет хорошо».</i> <i>«...пить горячий чай! Это было приятным открытием и немного подбодрило Алексея, когда он вновь двинулся в путь».</i> <i>«И тут у Алексея снова мелькнула мысль. Ну да, ну да! Ведь можно же срезать вот это маленькое деревце, сделать из него длинную палку...».</i> <i>«Отрадой ему был “чай” из собранных на проталинах лакированных листочков брусники. Горячая вода, наполняя тело теплом, создавала иллюзию сытости».</i> <i>«Радостные слезы текли по щекам Алексея».</i> <i>«Ничего, ничего, товарищи, все будет хорошо».</i> <i>«Ничего, уважаемый, теперь-то все будет в порядке!».</i> <i>«Чепуха, какая чепуха! Все будет хорошо... - подбодрил он себя и полз, полз, стараясь поскорее уйти от этого места».</i> <i>«Порой не то дрема, не то забытье овладевали им. Он засыпал на ходу, но сила, тянувшая его, была так велика, что и в состоянии забытья он продолжал медленно ползти...».</i> <i>«Но не лежать же на боку и ждать смерти!».</i> Отчаяние <i>«Будь что будет».</i> <i>«...с тоской огляделся он кругом».</i> <i>«...последним усилием шагнул к ней [сосне] и повалился на нее»</i> <i>«наконец он почувствовал, что больше не может, что никакая сила не сдвинет его с места и, что если теперь он сядет, ему уже больше не подняться».</i> <i>«В сердце его накопала тоска».</i> <i>«В сердце его накопала тягучая и жуткая тоска».</i> <i>«Все! Теперь все равно!».</i></p>
<p>А-3.1 эл. Описание ситуации</p>	<p>Напряжение воли <i>«каждое новое движение давалось ему напряжением воли».</i> <i>«ступни уже окаменели и ничего не чувствовали... голод перестал мучить... судороги и резь в животе прекратились и перешли в постоянную тупую боль».</i> <i>«Вся его воля, все неясные его мысли, как в фокусе, были сосредоточены в маленькой точке: ползти, двигаться, двигаться вперед во что бы то не стало».</i></p>
<p>Б. Второстепенные элементы</p>	
<p>Предикация 3 уровня</p>	
<p>Б-1.2-1 эл. Иллюстрации к разъяснению основных идей.</p>	<p>Воздушный бой истребителей <i>«звено истребителей под командованием лейтенанта Мересьева вылетело сопровождать ИЛы, отправлявшиеся на штурмовку вражеского аэродрома».</i> Самолет летчика падает в лесу <i>«Летчик Алексей Мересьев попал в двойные “клещи”».</i></p>
<p>Б-1.2-2 эл. Иллюстрации к</p>	<p>Встреча с убитыми немецкими солдатами <i>«Там, где дорога была особенно узка, зажата с двух сторон</i></p>

разъяснению основных идей.	<i>частым молодым леском, он увидел немецкие машины, которые обогнали его».</i>
Предикация 4 уровня (иллюстрации и фоны)	
Б-2.1.1 эл. Общий фон к цели сообщения.	Война
Б-2.1.2 эл. Общий фон к основному тезису.	Описание поля боя в лесу <i>«все говорило Алексею об упорстве и ярости бушевавшего здесь боя, о том, что его боевые товарищи дрались, забыв обо всем, кроме того, что нужно остановить, не пропустить врага».</i> <i>«и по всему полю - у брустверов неглубоких окопчиков, возле танков и на лесной опушке - лежали вперемежку трупы красноармейцев и немецких солдат».</i>
Б-2.3-1 эл. Общий фон к описанию ситуации и отношению к ней	Обгоревшая деревня <i>«Несомненно, еще недавно это было небольшой лесной деревенькой... И ни души, ни звука, ни дыма... Пустыня».</i>
Б-2.3-2 эл. Общий фон к описанию ситуации и отношению к ней	Описание рассвета зимнего леса <i>«Звезды еще сверкали остро и холодно, но небо на востоке уже стало светлеть».</i> <i>«Волки ушли в лесные чащобы переваривать ночную добычу, убралась с поляны лисица».</i>

Интенциональный анализ романа Ф. С. Фитцджеральда «Великий Гэтсби» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности успех)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Успех и деньги как главные составляющие «американской мечты»
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	<p>Деньги – мерило успеха</p> <p><i>«У Дэзи нескромный голос, ... в нем звенит...</i></p> <p><i>– В нем звенят деньги... Деньги звенели в этом голосе – вот что так пленяло в его бесконечных переливах, звон металла, победная песнь кимвал... Во дворце высоком, беломраморном, королева, дева золотая...».</i></p> <p><i>«Народ вокруг них [Бьюкененов] толкся самый беспутный – все богатая молодежь, шалопаи и кутилы».</i></p> <p><i>«Мне [Гэтсби] понадобилось целых три года, чтобы заработать деньги, которые ушли на этот дом.</i></p> <p><i>– Я считал, что ваше состояние досталось вам по наследству.</i></p> <p><i>– Да, конечно, старина, – рассеянно ответил он, – но я почти все потерял во время паники, связанной с войной».</i></p> <p><i>«– Как, неужели это – ваш дом? – вскричала она [Дэзи], указывая пальцем на виллу.</i></p> <p><i>– Вам он нравится?</i></p> <p><i>– Очень нравится, но только как вы там живете совсем один?</i></p>

– А у меня день и ночь полно гостей. Ко мне приезжают очень интересные люди. Известные люди, знаменитости».

*«Наживают богачи денег полные мешки.
Ну, а бедный наживает только кучу детворы,
Между прочим,
Между прочим...».*

«Вероятно, это имя [Джей Гэтсби] не вдруг пришло ему в голову, а было придумано задолго до того. Его родители были простые фермеры, которых вечно преследовала неудача, – в мечтах он никогда не признавал их своими родителями. В сущности, Джей Гэтсби из Уэст-Эгга, Лонг-Айленд, вырос из его раннего идеального представления о себе. Он был сыном божьим – если эти слова вообще что-нибудь означают, то они означают именно это, – и должен был исполнить предназначения Отца своего, служба вездесущей, вульгарной и мишурной красоте».

«Но в душе его [Гэтсби] постоянно царил смятение. Самые дерзкие и нелепые фантазии одолевали его, когда он ложился в постель... Каждую ночь его воображение ткало все новые и новые узоры, пока сон не брал его в свои опустошающие объятия, посреди какой-нибудь особо увлекательной мечты...».

«Коди оставил ему [Гэтсби] наследство – двадцать пять тысяч долларов. Из этих денег он не получил ни цента. Ему так и осталось непонятным существо юридических уловок, пущенных в ход против него, но все, что уцелело от миллионов Коди, пошло Элле Кэй. А он остался при том, что дал ему своеобразный опыт этих пяти лет; отвлеченная схема Джея Гэтсби облеклась в плоть и кровь и стала человеком».

«...ему хотелось говорить о Дэзи, и только о Дэзи... Она была первой «девушкой из общества» на его пути... С первого раза она показалась ему головокружительно желанной. Он стал бывать у нее в доме... Он был поражен – никогда еще он не видел такого прекрасного дома. Но самым удивительным, дух захватывающим было то, что Дэзи жила в этом доме – жила запросто.... Все здесь манило готовой раскрыться тайной, заставляло думать о спальнях наверху, красивых и прохладных, непохожих на другие знакомые ему спальни, о беззаботном веселье, выплескиваемом в длинные коридоры, о любовных интригах – не лиялых от времени и пропахших сухою лавандой, но живых, трепетных, неотделимых от блеска автомобилей последнего выпуска и шума балов, после которых еще не увяли цветы. Его волновало и то, что немало мужчин любили Дэзи до него – это еще повышало ей цену в его глазах. ...Но он хорошо сознавал, что попал в этот дом только невероятной игрою случая. Какое бы блистательное будущее ни ожидало Джея Гэтсби, пока что он был молодым человеком без прошлого, без гроша в кармане, и военный мундир,

	<p>служивший ему плащом-невидимкой, в любую минуту мог свалиться с его плеч. И потому он старался не упустить время. Он брал все, что мог взять, хищнически, не раздумывая, – так взял он и Дззи однажды тихим осенним вечером, взял, хорошо зная, что не имеет права коснуться даже ее руки... Не то чтобы он пускал в ход рассказы о своих мнимых миллионах; но он сознательно внушил Дззи иллюзию твердой почвы под ногами, поддерживая в ней уверенность, что перед ней человек ее круга, вполне способный принять на себя ответственность за ее судьбу. А на самом деле об этом нечего было и думать – он был никто без роду и племени, и в любую минуту прихоть безликого правительства могла зашвырнуть его на другой конец света... Дззи и раньше казалась ему особенной, необыкновенной, но он не представлял себе, до чего все может быть необыкновенно с «девушкой из Общества».</p>
<p>А-1.1 зл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Образ жизни богачей «...даже их богатство теперь как будто меньше отдаляло их от меня, – но все же по дороге домой я не мог отделаться от какого-то неприятного осадка. Мне казалось, что Дззи остается одно: схватить ребенка на руки и без оглядки бежать из этого дома, – но у нее, видно, и в мыслях ничего подобного не было. Что же касается Тома, ... его душевное равновесие могло быть нарушено книгой. Что-то побуждало его вгрызаться в корку черствых идей, как будто несокрушимое плотское самодовольство больше не насыщало эту властную душу».</p> <p>«– А куда нам девать себя вечером? – воскликнула Дззи. – И завтра, и послезавтра, и в ближайшие тридцать лет?».</p> <p>«Ведь Дззи была молода, а в ее искусственном мире цвели орхидеи и господствовал легкий, приятный снобизм, и оркестры каждый год вводили в моду новые ритмы, отражая в мелодиях всю печаль и двусмысленность жизни».</p> <p>«Она [Дззи] хотела устроить свою жизнь сейчас, сегодня; и чтобы решение пришло, нужна была какая-то сила – любви, денег, неоспоримой выгоды, – которую не понадобилось бы искать далеко... У него [Тома Бьюкенена] была внушительная фигура и не менее внушительное положение в обществе, и Дззи это льстило. Вероятно, все совершилось не без внутренней борьбы, но и не без облегчения».</p> <p>«Они были беспечными существами, Том и Дззи, они ломали вещи и людей, а потом убегали и прятались за свои деньги, свою всепоглощающую беспечность или еще что-то, на чем держался их союз, предоставляя другим убирать за ними».</p>
<p>А-1.2 зл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Успех связан со славой «Я просто сама не своя, до чего мне [Дззи] все это нравится, – нашептывала она...»</p> <p>– Смотрите по сторонам, – посоветовал Гэтсби.</p>

	<p>– Я смотрю. Я просто в восторге от...</p> <p>– Вероятно, вы многих узнаете – это люди, пользующиеся известностью...</p> <p>– Не может быть, чтобы вам была незнакома эта дама. – Та, на кого указывал Гэтсби, красавица, больше похожая на орхидею, чем на женщину, восседала величественно под старой сливой. Том и Дэйзи остановились, поддавшись странному чувству неправдоподобности, которое всегда испытываешь, когда в живом человеке узнаешь бесплотную кинозвезду».</p> <p>«– Ни разу в жизни не видела столько знаменитостей сразу, – воскликнула Дэйзи. – Мне очень понравился этот, – как его? – у которого еще такой сизый нос».</p> <p>«Гэтсби назвал фамилию, добавив, что это директор небольшого киноконцерта. – Все равно, он мне понравился».</p>
<p>А-1.3 эл. Разъяснение основной идеи (тезиса).</p>	<p>Цинизм и снобизм богачей</p> <p>«– Цивилизация идет насмарку, – со злостью выкрикнул Том. ... Читал ты книгу Годдарда “Цветные империи на подъеме” ?.. Там проводится такая идея, если мы не будем настороже, белая раса... ну, словом, ее поглотят цветные... От нас, от главенствующей расы, зависит не допустить, чтобы другие расы взяли верх. Суть в том, что мы – представители нордической расы. Я, и ты, и ты, и... – После мгновенного колебания он кивком головы включил и Дэйзи, и она тотчас же снова подмигнула мне. – И все то, что составляет цивилизацию, создано нами – наука там, и искусство, и все прочее. Понятно? Было что-то патетическое в его настойчивости, как будто ему уже мало было упоения собственной личностью, с годами еще возросшего».</p> <p>«Джордан Бейкер инстинктивно избегала умных, проницательных людей, и теперь мне стало ясно почему – она чувствовала себя уверенней среди тех, кому попросту в голову не могло прийти, что бывают поступки, не вполне согласующиеся с общепринятыми нормами поведения. Она была неисправимо бесчестна. Ей всегда казалась невыносимой мысль, что обстоятельства могут сложиться не в ее пользу, и должно быть, она с ранних лет приучилась к неблагоприятным проделкам, помогавшим ей взирать на мир с этой холодной, дерзкой усмешкой... Для меня это ничего не изменило. Бесчестность в женщине – недостаток, который никогда не осуждаешь особенно сурово».</p> <p>«Я [Ник Каррауэй] рассказал, что по дороге в Нью-Йорк останавливался на день в Чикаго, и передал ей [Дэйзи] привет от десятка друзей.</p> <p>– Так обо мне там скучают? – ликуя воскликнула она.</p> <p>– Весь город безутешен. У всех машин левое заднее колесо выкрашено черной краской в знак траура, а берега озера всю</p>

	<p>ночь оглашаются плачем и стенаниями. – <i>Какая прелесть! Давай вернемся. Том. Завтра же!».</i> <i>«Иногда она и мисс Бейкер вдруг принимались говорить разом, но в их насмешливой, бессодержательной болтовне не было легкости, она была холодной, как их белые платья, как их равнодушные глаза, не озаренные и проблеском желаний. Они сидели за столом и терпели наше общество, мое и Тома, лишь из светской любезности, стараясь нас занимать или помогая нам занимать их. Они знали: скоро обед кончится, а там кончится и вечер, и можно будет небрежно смахнуть его в прошлое. Все это было совсем не так, как у нас на Западе, где всегда с волнением торопишь вечер, час за часом подгоняя его к концу, которого и ждешь и боишься».</i></p>
<p>А-2 эл. Основная идея (тезис)</p>	<p>Успех как обладание <i>«Он [Гэтсби] распахнул перед нами два огромных шкафа, в которых висели его бесчисленные костюмы, халаты, галстуки, а на полках высились штабеля уложенных дюжинами сорочек.</i> – <i>У меня в Англии есть человек, который мне закупает одежду и белье. Весной и осенью я получаю оттуда все, что нужно к сезону.</i> <i>Он вытащил стопку сорочек и стал метать их перед нами одну за другой; сорочки плотного шелка, льняного полотна, тончайшей фланели, развертываясь на лету, заваливали стол многоцветным хаосом. Видя наше восхищение, он схватил новую стопку, и пышный ворох на столе стал еще разрастаться – сорочки в клетку, в полоску, в крапинку, цвета лаванды, коралловые, салатные, нежно-оранжевые, с монограммами, вышитыми темно-синим шелком. У Дэзи вдруг вырвался сдавленный стон, и, уронив голову на сорочки, она разрыдалась.</i> – <i>Такие красивые сорочки, – плакала она, и мягкие складки ткани глушили ее голос – Мне так грустно, ведь я никогда... никогда не видала таких красивых сорочек».</i> <i>«С первого раза она [Дэзи] показалась ему головокружительно желанной... Он [Гэтсби] был поражен – никогда еще он не видел такого прекрасного дома. Но самым удивительным, дух захватывающим было то, что Дэзи жила в этом доме – жила запросто, все равно как он в своей лагерьной палатке. Все здесь манило готовой раскрыться тайной, заставляло думать о спальнях наверху, красивых и прохладных, непохожих на другие знакомые ему спальни, о беззаботном веселье, выплескиваемом в длинные коридоры, о любовных интригах – не ливялых от времени и пропахших сухой лавандой, но живых, трепетных, неотделимых от блеска автомобилей последнего выпуска и шума балов, после которых еще не увяли цветы. Его волновало и то, что немало мужчин любили Дэзи до него – это еще повышало ей цену в его глазах».</i></p>

<p>Б-1.1 Иллюстрация основным идеям.</p>	<p>эл. к</p>	<p>История успеха Гэтсби</p> <p><i>«Нет, Гэтсби себя оправдал под конец; не он, а то, что над ним тяготело, та ядовитая пыль, что вздымалась вокруг его мечты, – вот что заставило меня на время утратить всякий интерес к людским скоротечным печальям и радостям впопыхах».</i></p> <p><i>«Говорят, он [Гэтсби] не то племянник, не то двоюродный брат кайзера Вильгельма. Вот откуда у него столько денег. Мне говорили, будто он [Гэтсби] когда-то убил человека... во время войны он был немецким шпионом...».</i></p> <p><i>«– Я сам слышал об этом от человека, который знает его как родного брата. Вместе с ним вырос в Германии...».</i></p> <p><i>«– Ну как же это может быть... Ведь во время войны он служил в американской армии...– Вы обратите внимание, какое у него бывает лицо, когда он думает, что его никто не видит. Можете не сомневаться, он убийца».</i></p> <p><i>«– А вообще, кто он такой, этот Гэтсби? – неожиданно спросил Том. – Наверное, крупный бутлегер?.. Ты же знаешь, почти все эти новоявленные богачи – крупные бутлегеры. ... Должно быть, ему немало пришлось потрудиться, чтобы собрать у себя такой зверинец».</i></p> <p><i>«– Владеть собой? – вскинулся Том. – Это что, новая мода – молча любоваться, как мистер Невесть Кто, Невесть Откуда амурничает с твоей женой? Если так, то я для этой моды устарел... Хороши пошли порядки! Сегодня наплевать на семью и домашний очаг, а завтра пусть все вообще летит кувырком, и да здравствуют браки между белыми и неграми. Распалаясь собственной рацеей, он уже чувствовал себя одиноким бойцом на последней баррикаде цивилизации».</i></p> <p><i>«Он [Гэтсби] бутлегер... Он племянник фон Гинденбурга и троюродный брат дьявола, и он убил человека, который об этом проведаль».</i></p> <p><i>«Он [Гэтсби] улыбнулся мне ласково, – нет, гораздо больше, чем ласково. Такую улыбку, полную неиссякаемой ободряющей силы, удается встретить четыре, ну – пять раз в жизни. Какое-то мгновение она, кажется, вбирает в себя всю полноту внешнего мира, потом, словно повинуюсь неотвратимому выбору, сосредоточивается на вас. И вы чувствуете, что вас понимают ровно настолько, насколько вам угодно быть понятым, верят в вас в той мере, в какой вы в себя верите сами, и безусловно видят вас именно таким, каким вы больше всего хотели бы казаться. Но тут улыбка исчезла – и передо мною был просто расфранченный хлыщ, лет тридцати с небольшим, отличающийся почти смехотворным пристрастием к изысканным оборотам речи. Это пристрастие, это старание тщательно подбирать слова в разговоре я заметил в нем еще до того, как узнал, кто он</i></p>
---	------------------	--

такой».

«чем шумней становилось общее веселье, тем он, казалось, больше замыкался в своей корректной сдержанности».

«Легенды о Гэтсби множились все лето благодаря усердию сотен людей, которые у него ели и пили и на этом основании считали себя осведомленными в его делах... С его именем связывались фантастические проекты в духе времени, вроде «подземного нефтепровода США – Канада»; ходил также упорный слух, что он живет вовсе не в доме, а на огромной, похожей на дом яхте, которая тайно курсирует вдоль лонг-айлендского побережья».

«Все, что вы от меня [Гэтсби] услышите, – святая правда. –... Я родился на Среднем Западе в богатой семье, из которой теперь уже никого нет в живых. Вырос я в Америке, но потом уехал учиться в Оксфорд – по семейной традиции. Несколько поколений моих предков учились в Оксфорде... Слова «учились в Оксфорде» он проговорил как-то наспех, не то глотая, не то давясь, словно знал по опыту, что они даются ему с трудом... – Из какого же вы города? – спросил я как бы между прочим. – Из Сан-Франциско.»

– А-а!

– Все мои родные умерли, и мне досталось большое состояние...

– И тогда я стал разъезжать по столицам Европы – из Парижа в Венецию, из Венеции в Рим, – ведя жизнь молодого раджи: коллекционировал драгоценные камни, главным образом рубины, охотился на крупную дичь, немножко занимался живописью, просто так, для себя, – все старался забыть об одной печальной истории, которая произошла со мной много лет тому назад.

– А потом началась война. Я даже обрадовался ей, старина, я всячески подставлял себя под пули, но меня, словно заколдованного, смерть не брала....

– А вот еще одна вещь, которую я всегда ношу при себе. На память об оксфордских днях. Снято во дворе Тринити-колледжа. Тот, что слева от меня, теперь граф Донкастер». «Краешком глаза Гэтсби увидел, что плиты тротуара вовсе не плиты, а перекладины лестницы, ведущей в тайник над верхушками деревьев, – он может взобраться туда по этой лестнице, если будет взбираться один, и там, прищипнув к сосцам самой жизни, глотнуть ее чудотворного молока».

«Как вам это нравится? – порывисто спросил он.»

– Что именно?

Он указал рукой на книжные полки.

– Вот это. Проверять не трудитесь. Уже проверено. Все – настоящие.

– Книжки?

		<p>Он кивнул головой.</p> <p>– Никакого обмана. Переплет, страницы, все как полагается. Я был уверен, что тут одни корешки, а оказывается – они настоящие. Переплет, страницы... Да вот, посмотрите сами! Убежденный в нашем недоверии, он подбежал к полке, выхватил одну книгу и протянул нам. Это был первый том «Лекций» Стоддарда».</p>
Б-1.2	эл. к	<p>Восхождение Гэтсби к мечте</p> <p>«Я [Ник Каррауэй] был потрясен скромностью этой просьбы. Он ждал пять лет, купил виллу, на сказочный блеск которой слетались тучи случайной мошкары, – и все только ради того, чтобы иметь возможность как-нибудь «зайти на часок» в чужой дом».</p> <p>«Когда я подошел, чтобы проститься, я увидел у Гэтсби на лице прежнее выражение растерянности – как будто в нем зашевелилось сомнение в полноте обретенного счастья. Почти пять лет! Были, вероятно, сегодня минуты, когда живая Дэйзи в чем-то не дотянула до Дэйзи его мечтаний, – и дело тут было не в ней, а в огромной жизненной силе созданного им образа. Этот образ был лучше ее, лучше всего на свете. Он творил его с подлинной страстью художника, все время что-то к нему прибавляя, украшая его каждым ярким перышком, попадавшимся под руку. Никакая осязаемая, реальная прелесть не может сравниться с тем, что способен накопить человек в глубинах своей фантазии».</p>
Б-2	эл. к	<p>Вечеринки у Гэтсби</p> <p>«Летними вечерами на вилле у моего соседа звучала музыка. Мужские и женские силуэты вились, точно мотыльки, в синеве его сада, среди приглушенных голосов, шампанского и звезд... К семи часам оркестр уже на местах – не какие-нибудь жалкие полдюжины музыкантов, а полный состав: и гобои, и тромбоны, и саксофоны, и альты, и корнет-а-пистоны, и флейты-пикколо, и большие и малые барабаны... Бар работает вовсю, а по саду там и сям проплывают подносы с коктейлями, наполняя ароматами воздух, уже звонкий от смеха и болтовни, сплетен, прерванных на полуслове, завязывающихся знакомств, которые через минуту будут забыты, и пылких взаимных приветствий дам, никогда и по имени друг другу не знавших».</p> <p>«В ту субботу, когда я впервые перешагнул порог виллы Гэтсби, я, кажется, был одним из немногих приглашенных гостей. Туда не ждали приглашения – туда просто приезжали, и все. Садитесь в машину, ехали на Лонг-Айленд и в конце концов оказывались у Гэтсби. Обычно находился кто-нибудь, кто представлял вновь прибывшего хозяину, и потом каждый вел себя так, как принято себя вести в загородном увеселительном парке. А бывало, что гости приезжали и</p>

	<p><i>уезжали, так и не познакомившись с хозяином, – простодушная непосредственность, с которой они пользовались его гостеприимством, сама по себе служила входным билетом». «Люблю Нью-Йорк летом, во второй половине дня, когда он совсем пустой. В нем тогда есть что-то чувственное, перезревшее, как будто стоит подставить руки – и в них начнут валиться диковиные плоды».</i></p>
<p>Б-2.2 эл. Общий фон к описанию ситуации.</p>	<p>Символы, образы и симулякры успеха <i>«Особенно величественна была вилла справа – точная копия какого-нибудь Hotel de Ville в Нормандии, с угловой башней, где новенькая кладка просвечивала сквозь редкую еще завесу плюща, с мраморным бассейном для плавания и садом в сорок с лишним акров земли. Я знал, что это усадьба Гэтсби». «Том, наделенный множеством физических совершенств – нью-хейвенские любители футбола не запомнят другого такого левого крайнего, – был фигурой, в своем роде характерной для Америки, одним из тех молодых людей, которые к двадцати одному году достигают в чем-то самых вершин, и потом, что бы они ни делали, все кажется спадом. Родители его были баснословно богаты, – уже в университете его манера сорить деньгами вызывала нарекания, – и теперь, вздумав перебраться из Чикаго на Восток, он сделал это с размахом поистине ошеломительным: привез, например, из Лейк-Форест целую конюшню пони для игры в поло. Трудно было представить себе, что у человека моего поколения может быть достаточно денег для подобных прихотей». «Их [Бьюкененов] резиденция оказалась еще изысканней, чем я рисовал себе. Веселый красный с белым дом в георгианско-колониальном стиле смотрел фасадом в сторону пролива. Зеленый газон начинался почти у самой воды, добрую четверть мили бежал к дому между клумб и дорожек, усыпанных кирпичной крошкой, и, наконец, перепрыгнув через солнечные часы, словно бы с разбегу взлетал по стене выющимися виноградными лозами. Ряд высоких двустворчатых окон прорезал фасад по всей длине; сейчас они были распахнуты навстречу теплому вечернему ветру, и стекла пламенели отблесками золота, а в дверях, широко расставив ноги, стоял Том Бьюкенен в костюме для верховой езды». «Я [Ник Каррауэй] принадлежу к почтенному зажиточному семейству, вот уже в третьем поколении играющему видную роль в жизни нашего среднезападного городка. Каррауэй – это целый клан, и, по семейному преданию, он ведет свою родословную от герцогов Бэклу». «Средний Запад казался мне [Ник Каррауэю] теперь не кипучим центром мироздания, а скорее обтрепанным подолом вселенной; и в конце концов я решил уехать на Восток и заняться изучением кредитного дела... Был созван весь</i></p>

	<p>семейный синклит, словно речь шла о выборе для меня подходящего учебного заведения; тетушки и дядюшки долго совещались, озабоченно хмурия лбы, и наконец нерешительно выговорили: «Ну что-о ж...» Отец согласился в течение одного года оказывать мне финансовую поддержку».</p> <p>«Он [Том Бьюкенен] говорил резким, хриловатым тенором, очень подходившим к тому впечатлению, которое он производил, – человека с нором. И даже в разговоре с приятными ему людьми в голосе у него всегда слышалась нотка презрительной отеческой снисходительности, – в Нью-Хейвене многие его за это терпеть не могли. Казалось, он говорил: «Я, конечно, сильнее вас, и вообще я не вам чета, но все же можете не считать мое мнение непререкаемым».</p> <p>«Самый большой флаг и самый широкий газон были у дома, где жила Дэзи Фэй. Ей тогда было восемнадцать, ...и ни одна девушка во всем Луисвилле не пользовалась таким успехом. Она носила белые платья, у нее был свой маленький белый двухместный автомобиль, и целый день в ее доме звонил телефон, и молодые офицеры из Кэмп-Тэйлор взволнованно домогались чести провести с нею вечер».</p>
<p>Б-2.3 эл. Общий фон к описанию ситуации и отношению к ней</p>	<p>Нью-Йорк в 1920-х гг.</p> <p>«Меня сразу поразило большое число молодых англичан, вкрапленных в толпу; все они были безукоризненно одеты, у всех был немножко голодный вид, и все сосредоточенно и негромко убеждали в чем-то солидных, излучающих благополучие американцев. Я тут же решил, что они что-то продают – ценные бумаги, или страховые полисы, или автомобили. Как видно, близость больших и легких денег болезненно дразнила их аппетит, создавая уверенность, что стоит сказать нужное слово нужным тоном, и эти деньги уже у них в кармане» с. 57</p> <p>«Но все остальное ее шокировало – и тут нельзя было спорить, потому что это была не поза, а искреннее чувство. Ее пугал Уэст-Эгг, это ни на что не похожее детище оплодотворенной Бродвеем лонг-айлендской рыбачьей деревушки, – пугала его первобытная сила, бурлившая под покровом обветшалых эвфемизмов, и тот чересчур навязчивый рок, что гнал его обитателей кратчайшим путем из небытия в небытие. Ей чудилось что-то грозное в самой его простоте, которую она не в силах была понять».</p> <p>«Это настоящая Долина Шлака – призрачная нива, на которой ишак всходит как пшеница, громоздится холмами, сопками, раскидывается причудливыми садами; перед вами возникают шлаковые дома, трубы, дым, поднимающиеся к небу, и, наконец, если очень напряженно взглядеться, можно увидеть шлаково-серых человечков, которые словно расплываются в пыльном тумане. А то вдруг по невидимым рельсам выползет</p>

	<i>вереница серых вагонеток и с чудовищным лязгом остановится, и сейчас же шлаковые человечки закопошатся вокруг с лопатами и поднимут такую густую тучу пыли, что за ней уже не разглядеть, каким они там заняты таинственным делом».</i>
--	--

Интенциональный анализ романа Т. Драйзера «Финансист» по методике Т. М. Дридзе (имя ценности *деньги*)

Предикация 1 уровня	
Интенция, цель сообщения	Деньги определяют судьбу человека и меняют его мировоззрение, зарабатывание денег – есть цель существования
Предикация 2 уровня (тезисы) Элементы общего содержания	
А-1 эл. Основная идея (тезис)	<p>Финансово-экономическая среда имеет формирует в человеке психологию биржевого дилера, для которого все средства хороши, если они помогают достигнуть власти и богатства.</p> <p><i>«Юный Каупервуд все больше вникал в детали отцовских занятий. По субботам ему частенько разрешалось приходить в банк, и он с огромным интересом наблюдал, как производятся маклерские операции и как ловко обмениваются всевозможные бумаги. Ему хотелось знать, откуда берутся все эти ценности, для чего клиенты обращаются в банк за учетом векселей, почему банк такой учет производит и что люди делают с полученными деньгами».</i></p> <p><i>«Мозг юного Каупервуда напряженно работал. Денег у него с собой не было, но его отец служил помощником кассира в Третьем национальном банке, и Фрэнк мог сослаться на него».</i></p> <p><i>«Все это мыло, без сомнения, удастся продать бакалейщику по соседству с домом, а если не ему, то еще какому-нибудь лавочнику. Нашлись ведь и другие, желавшие приобрести его по такой цене. Так почему бы мыло не купить Фрэнку?»</i></p> <p><i>«- Дай же мне деньги, папа, - с мольбой в голосе проговорил Фрэнк. - А я тебе докажу, на что я способен. Только дай деньги. Можешь мне поверить».</i></p> <p><i>«Он [Фрэнк] смотрит на вещи, как настоящий делец».</i></p> <p><i>«- Я люблю счетоводство и математику, – заявил Фрэнк».</i></p> <p><i>«Во время войны и после того, как стало очевидным, что это война затяжная, Каупервуду представилась возможность проявить свои способности финансиста в действительно крупном деле».</i></p>
А-1.2 эл. Развертывание основного тезиса	<p>Деньги – одна из самых крепких основ капиталистического общества, они имеют способность менять сознание людей, заставлять их совершать поступки под их влиянием.</p> <p><i>«Стремясь выдвинуться в обществе и в финансовом мире, мистер Каупервуд всегда тщательно взвешивал, с кем и о ком он говорит».</i></p> <p><i>«Генри Уортингтон Каупервуд верил лишь в то, что видел собственными глазами, и был вполне удовлетворен своим</i></p>

	<p>положением, – это открывало ему возможность стать банкиром в будущем».</p> <p>«Он был крайне обеспокоен потоком “дутых денег”, находившихся в обращении и то и дело попадавших в его банк, который, конечно, все же таковые учитывал и с выгодой для себя вновь пускал в оборот, выдавая их жаждущим ссуды клиентам».</p> <p>«Фрэнк никому никогда не был должен. Только однажды он просрочил мелкий вексель, выданный банку, и отец дал ему такой нагоняй, что он запомнил это на всю жизнь».</p>
<p>А-1.3 эл. Аналитическая оценка ситуации</p>	<p>Заработок играет ключевую роль в жизни человека</p> <p>«Молодого Каупервуда не допустили бы на биржу ни как маклера, ни как маклерского агента или помощника, если бы Тай, нуждавшийся в нем и уверенный, что такой человек будет ему полезен, не купил для него место».</p> <p>«Две тысячи долларов, которые оно стоило, он записал как долг Фрэнка, после чего во всеуслышанье объявил его своим компаньоном».</p> <p>«Настоящий человек никогда не станет ни агентом, ни покорным исполнителем чужой воли, ни игроком, ведущим игру, все равно в своих или в чужих интересах; нет, люди этого сорта должны обслуживать его, Фрэнка».</p> <p>«Жалованья он получал пятьдесят долларов в неделю, и у него имелись все основания вскоре ожидать прибавки.</p> <p>Фрэнку не терпелось побывать в финансовых центрах Нью-Йорка и Бостона. Оба эти города привлекали его своей коммерческой солидностью».</p> <p>«Каупервуд понял. Все чиновники города и штата занимались спекуляцией».</p> <p>«Он [Фрэнк] походил на молодую охотничью собаку, учувшую дичь. Отец не мог противиться его настояниям».</p> <p>«В рассказах отца часто упоминался некий Фрэнсис Гранд, знаменитый вашингтонский журналист, игравший немалую роль за кулисами конгресса США, великий мастер выведывать всевозможные секреты, особенно касающиеся финансового законодательства».</p> <p>«Неудивительно, что этот подвижный, уверенный в своих силах и еще не тронутый жизнью юнец расположил мистера Дэвиса ко всей семье Каупервудов».</p> <p>«Так коршун настороженно выжидает случая вырвать добычу из когтей соперника».</p> <p>«Он [Фрэнк] уже давно предусмотрел малейшее движение своей жертвы и вот сегодня, наконец, ее прикончил».</p>
<p>Б. Второстепенные элементы</p>	
<p>Предикация 3 уровня</p>	
<p>Б-1.1 Иллюстрация</p>	<p>эл. к Деньги должны работать</p> <p>«Его вложения в конные линии умножились благодаря</p>

<p>основным идеям.</p>	<p><i>приобретенным им пакетам в пятьдесят, сто и сто пятьдесят акций вновь организовавшихся компаний».</i></p> <p><i>«Как раз в пору, когда Фрэнк так зачастил к миссис Сэмпл, на Кубе умер его дядя Сенека, оставив ему пятнадцать тысяч долларов. Вместе с этими деньгами в распоряжении Фрэнка теперь оказался капитал в двадцать пять тысяч долларов, и он уже точно знал, как им распорядиться».</i></p> <p><i>«Под свои акции конных железных дорог, непрерывно поднимавшиеся в цене, он мог получить семьдесят процентов их курсовой стоимости. В случае надобности мог еще заложить земельные участки и таким образом раздобыть солидную сумму».</i></p> <p><i>«Фрэнк был еще очень молод, когда прокладывались первые линии, и не имел достаточно солидных связей в финансовых кругах, которые дали бы ему возможность проникнуть в самую суть».</i></p>
<p>Б-1.2 Иллюстрации разъяснению основных идей.</p>	<p>эл. к</p> <p>Деньги дают право купить это мир</p> <p><i>«Он [Фрэнк] обращался к какой-нибудь фирме, по его предположению нуждавшейся в наличных деньгах, и предлагал либо учесть ее векселя, либо взять на себя, на комиссионных началах, распространение любых обязательств, которые она пожелает выпустить из шести процентов годовых».</i></p> <p><i>«Отец или кто-нибудь из знакомых время от времени давали ему советы, когда и как действовать».</i></p> <p><i>«В моду входили цветники вдоль фасадов. В домах мистера Тая, мистера Ли, Артура Райверса и других знакомых внимание Фрэнка привлекали изысканные, дорогие вещи - бронза, мрамор, портьеры, картины, часы, ковры».</i></p> <p><i>«Когда Генри Каупервуд стал помощником кассира, он выписал из Европы фортепиано - большая роскошь по тогдашним понятиям».</i></p> <p><i>«Юный Каупервуд быстро прикинул в уме».</i></p> <p><i>«Он [Фрэнк] скупал товарные остатки для своих хозяев, приобретал случайно попадавшиеся партии нужного товара, вербовал новых клиентов, ликвидировал излишки, сбывая их мелкими партиями совсем неожиданным покупателям. Уотермены только дивились, с какой легкостью он все это проделывал».</i></p>
<p>Б-1.3. Иллюстрации разъяснению основных идей.</p>	<p>эл. к</p> <p>Обращение с деньгами требует не столько знаний, сколько расчётливости.</p> <p><i>«Юный Каупервуд все больше вникал в детали отцовских занятий. По субботам ему частенько разрешалось приходить в банк, и он с огромным интересом наблюдал, как производятся маклерские операции и как ловко обмениваются всевозможные бумаги».</i></p> <p><i>«Ему хотелось знать, откуда берутся все эти ценности, для чего клиенты обращаются в банк за учетом векселей, почему</i></p>

	<p>маклерские операции и как ловко обмениваются всевозможные бумаги».</p> <p>«Ему хотелось знать, откуда берутся все эти ценности, для чего клиенты обращаются в банк за учетом векселей, почему банк такой учет производит и что люди делают с полученными деньгами».</p> <p>«Крупным финансистом он не мог бы сделаться, но ему все же предстояла неплохая карьера».</p> <p>«Генри Каупербуд, благоразумный и осторожный, никогда не вкладывал свои сбережения даже в мало-мальски рискованные дела и благодаря своей аккуратности, осмотрительности и пунктуальности имел, как полагали его сослуживцы, все основания в будущем рассчитывать на пост вице-директора или даже директора банка, в котором работал».</p>
<p>Предикация 4 уровня (иллюстрации и фоны)</p>	
<p>Б-2.1. эл. Общий фон к цели сообщения.</p>	<p>Настоящий человек никогда не станет ни агентом, ни покорным исполнителем чужой воли, ни игроком, ведущим игру, все равно в своих или в чужих интересах; нет, люди этого сорта должны обслуживать его, Фрэнка.</p> <p>«Наблюдая за отцом, считавшим деньги, он решил, что привлекательнее всего банковское дело».</p> <p>«Фрэнк в очень раннем возрасте - между десятью и пятнадцатью годами - уже составил себе довольно полное представление о финансовой системе Америки, знал, что такое банк штата и в чем его отличие от Национального, чем занимаются маклеры, что такое акции и почему их курс постоянно колеблется».</p> <p>«Он был финансистом по самой своей природе и все связанное с этим трудным искусством схватывал так же, как поэт схватывает тончайшие переживания, все оттенки чувств».</p> <p>«Не меньший интерес возбуждали в нем акции и облигации; он узнал, что бывают акции, не стоящие бумаги, на которой они отпечатаны, и другие, расценивающиеся гораздо выше своего номинала».</p> <p>«Фрэнк обладал исключительной способностью заставлять благожелательно выслушивать себя, завязывать дружеские отношения, проникать в новые торговые круги. Все знали, что он уже научился делать деньги. Он был влюблен, и у него были деньги, чтобы начать собственное дело».</p> <p>«Его заинтересовал рассказ про весьма любопытную личность, некоего Стимберджера, крупного спекулянта из штата Виргиния».</p> <p>«На таких двойных сделках он обычно выгадывал четыре-пять процентов. В первый же год, за вычетом всех накладных расходов, у него очистилось шесть тысяч долларов. Не очень много, конечно, но Фрэнк старался приумножить этот доход»</p>

	<p><i>другим путем, сулившим, по его мнению, большие барыши в будущем».</i></p> <p><i>«Фрэнк родился в семье мелкого банковского служащего, но десять лет спустя, когда мальчик начал любознательно и зорко вглядываться в окружающий мир, умер председатель правления банка».</i></p> <p><i>«Дома Фрэнк тоже слышал разговоры о капиталовложениях и о рискованных финансовых операциях».</i></p> <p><i>«С тринадцати лет все его помыслы были обращены на финансовое дело, в той его форме, какую он наблюдал на Третьей улице».</i></p> <p><i>«Время от времени он выполнял поручения, дававшие ему возможность кое-что подработать».</i></p> <p><i>«Фрэнк даже сговорился было с мистером Дэлримплом насчет работы у него в субботные дни, но вскоре после того, как ему стукнуло пятнадцать, его отец стал главным кассиром с годовым окладом в четыре тысячи долларов, и о работе за прилавком, конечно, больше не могло быть и речи».</i></p> <p><i>«Фрэнк оказался самым дельным служащим, какого когда-либо знал торговый дом "Уотермен и Ко"».</i></p> <p><i>«В скором времени Фрэнка уже знали и во многих маклерских конторах, и на бирже».</i></p> <p><i>«Несмотря на свои выдающиеся способности, Фрэнк на первых порах тоже считался «восьмушечником» и был отдан под начало мистеру Артуру Райверсу, полномочному представителю компании «Тай» на бирже».</i></p> <p><i>«В первое время Фрэнка забавлял таинственный вид и выражение всезнайства, свойственное молодым маклерам».</i></p> <p><i>«Ясно, исчерпывающе ясно Каупервуд понял все это в девятнадцать или в двадцать лет, но в ту пору он еще не созрел для того, чтобы сделать из своего знания практические выводы».</i></p> <p><i>«Каупервуд начал свое учетно-вексельное дело с того, что основал маленькую контору в доме номер шестьдесят четыре по Третьей улице, и скоро, к своей радости, убедился, что его прежние хорошо налаженные деловые связи остались в силе».</i></p>
<p>Б-2.2 эл. Общий фон к описанию ситуации.</p>	<p>Война между Севером и Югом 1861-1865 гг.</p> <p><i>«Вся страна, штат, город испытывали в этот период острую нужду в деньгах».</i></p> <p><i>«Несмотря на трудное время, эти бумаги медленно, но верно повышались и, при первоначальной стоимости в пять долларов, расценивались теперь в десять, пятнадцать и двадцать пять, а со временем должны были дойти до паритета».</i></p> <p><i>«Он не знал ни тяжелых ударов судьбы, ни горечи разочарований. Ему не доводилось страдать ни от болезней, ни от лишений».</i></p> <p><i>«В общих чертах он давал ответ на загадку,</i></p>

долго мучившую его: как устроена жизнь? Вот так все живое и существует – одно за счет другого. Омары пожирают каракатиц и других тварей. Кто пожирает омаров?». «Разумеется, человек. Да, конечно, вот она загадка. Ну, а кто пожирает человека? – тотчас же спросил он себя. – Неужели другие люди? Нет, дикие звери. Да еще индейцы и людоеды. Множество людей гибнет в море и от несчастных случаев. Он не был уверен в том, что и люди живут один за счет других, но они убивают друг друга, это он знал».

«По тем временам – незадолго до Гражданской войны – его четырехтысячный оклад был довольно внушительным. «Если дело дойдет до войны», – говорил мистер Тай, – то целые легионы пенсильванцев начнут предлагать векселя в уплату за обед. Проживи я целых два века, я разбогател бы на покупке пенсильванских векселей и обязательств. Когда-нибудь они, верно, расплатятся с долгами, но бог ты мой, до чего же это медленно делается! Я буду лежать в могиле раньше, чем они покроют мне хотя бы проценты по своей задолженности».

«В промышленном мире наступила полнейшая депрессия. Свободные деньги стали редки, можно сказать вовсе исчезли. Капитал, испуганный пошатнувшейся торговлей и общим денежным положением в стране, глубоко ушел в свои тайники – в банки, подвалы, чулки и кубышки. Страна, казалось, летела в пропасть. Впереди уже маячила война с Югом или его отпадение. Нервная лихорадка охватила всю нацию. Люди выбрасывали на рынок все свои ценности, лишь бы раздобыть наличные деньги. Тай уволил из своей конторы троих служащих. Он старался экономить на чем только можно и пустил в оборот все личные сбережения, лишь бы спасти вложенный в бумаги капитал».

«В эту пору медленно надвигалась и, наконец, была объявлена война между Севером и Югом, вызвавшая такое возбуждение умов, что все, казалось, были поглощены только ею одной. Если он пойдет на войну, его могут убить, а тогда – что пользы от его возвышенных чувств? Нет, лучше он будет наживать деньги и заниматься делами политическими, общественными, финансовыми».

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Ранг ценности 1-самое важное и в жизни и 20- самое незначительное	Имя ценности	Связь с другими именами ценностей	Количество ответов / Сила связи
1	семья	любовь	134
		дружба	11
		родина	10
		уважение	10
		доброта	9
		мир	6
		труд	2
		деньги	1
		честность	1
2	любовь	семья	105
		уважение	29
		родина	16
		дружба	12
		мир	11
		честность	6
		деньги	5
		доброта	5
		труд	4
		свобода	1
3	дружба	любовь	32
		доброта	19
		честность	13
		мир	11
		уважение	11
		семья	7
		равенство	4
		воля	2
		деньги	1
		свобода	1
4	доброта	любовь	47
		семья	30
		честность	26
		мир	24
		дружба	15
		уважение	9
		справедливость	7

		воля	2
		доброта	2
		деньги	1
		свобода	1
		толерантность	1
		успех	1
5	свобода	воля	72
		мир	33
		равенство	26
		деньги	13
		семья	13
		родина	11
		свобода	8
		любовь	8
		честность	5
		дружба	4
		успех	4
		уважение	3
		толерантность	2
		доброта	1
		равенство	1
6	честность	справедливость	57
		доброта	31
		уважение	24
		дружба	17
		любовь	15
		свобода	9
		честность	9
		равенство	5
		успех	5
		труд	2
		мир	1
7	уважение	семья	32
		доброта	31
		труд	30
		дружба	26
		успех	21
		деньги	15
		любовь	12
		равенство	4
		родина	1
		толерантность	1

		воля	1
		свобода	1
		коллективизм	1
		мир	1
		патриотизм	1
		справедливость	1
8	мир	дружба	61
		труд	48
		любовь	21
		родина	14
		семья	9
		равенство	6
		доброта	4
		уважение	2
		толерантность	2
9	справедливость	честность	127
		равенство	75
		мир	11
		уважение	10
		любовь	9
		дружба	8
		свобода	8
		доброта	6
		труд	4
		деньги	3
		семья	3
		воля	2
		успех	1
		толерантность	1
10	воля	свобода	163
		труд	9
		успех	6
		доброта	6
		дружба	5
		родина	4
		семья	4
		деньги	3
		мир	3
		уважение	3
		справедливость	2
		любовь	1
		равенство	1
		честность	1

11	труд	деньги	56
		успех	36
		мир	27
		уважение	14
		воля	3
		семья	3
		честность	3
		любовь	2
		дружба	1
		коллективизм	1
		равенство	1
		справедливость	1
12	успех	труд	82
		деньги	46
		семья	36
		свобода	10
		уважение	10
		любовь	6
		доброта	2
		справедливость	2
		дружба	1
		толерантность	1
13	деньги	свобода	35
		успех	30
		труд	28
		любовь	4
		воля	2
		доброта	1
		уважение	1
		семья	1
14	культура	уважение	10
		доброта	7
		родина	3
		семья	3
		воля	3
		дружба	1
		любовь	1
		патриотизм	1
		толерантность	1
15	равенство	справедливость	59
		свобода	28
		честность	24
		мир	22

		дружба	16
		толерантность	16
		уважение	10
		доброта	8
		любовь	7
		равенство	7
		семья	5
		коллективизм	2
		культура	2
		труд	2
		воля	1
		деньги	1
		религиозность	1
		успех	1
16	родина	семья	53
		любовь	42
		патриотизм	39
		мир	21
		культура	4
		свобода	3
		воля	2
		уважение	2
		доброта	1
17	толерантность	уважение	116
		равенство	49
		доброта	8
		мир	8
		свобода	8
		справедливость	8
		любовь	7
		честность	7
		культура	6
		дружба	4
		успех	1
18	патриотизм	родина	147
		любовь	63
		уважение	17
		семья	7
		культура	5
		мир	5
		воля	4
		равенство	3

		справедливость	2
		честность	2
		дружба	1
		свобода	1
		труд	1
19	коллективизм	дружба	35
		труд	16
		равенство	14
		семья	8
		уважение	8
		доброта	5
		успех	5
		справедливость	4
		честность	3
		мир	1
20	религиозность	культура	20
		свобода	15
		любовь	14
		мир	7
		дружба	5
		труд	5
		доброта	5
		семья	3
		уважение	3
		честность	3
		воля	2
		деньги	1
		толерантность	1